

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

ПЕТЕРБУРГ

1994

№ 2

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ

Русский военно-исторический журнал

Russian Military History Journal «NEW SENTRY»

№ 2

Санкт-Петербург
Издательство
«Logos»
1994

Издатель: Языковой Центр филологического факультета СПбГУ

Редакционный совет: К.М.Александров
В.Г.Бортневский
А.Б.Егоров
В.Б.Конасов
А.В.Терещук
С.Л.Фирсов
М.Н.Яковлев

Адрес редакции: Российская Федерация, 197198,
С.–Петербург, Мытнинская наб., 5/2
Телефон: (812) 238–47–09
Факс: 233–06–72
E–mail: iha@iha.spb.su

Представитель журнала в Германии

J.Friesen (Иван Иванович Фризен)
Flurscheideweg 15, D—65936
Frankfurt a.M. BRD

Представитель журнала в США

Victor G.Bortnevski
(Виктор Георгиевич Бортневский)
3066 Emerson str., Palo Alto, CA,
94306, USA
Phone: (415)856–8203

Представитель журнала в Вологде

Конасов Виктор Борисович
160024. Вологда, ул.Северная, д.28–А, кв.31
тел.: (81722)46431

Банковский счет журнала

В Германии: J.Friesen («НОВЫЙ ЧАСОВОЙ»—С.–Петербург)
Frankfurter Volksbank e G. Frankfurt am Main
BLZ: 50190000 Konfo—NR.: 0301188471

В России: Р/с 46700937
кор/счет 800161719
ТКАБ «Отечество»
ЦРКЦ ГУ ЦБ России по СПб.
МФО 161002

Издательства и редакции средств массовой информации, желающие полностью или частично перепечатать какие-либо материалы «Нового Часового», должны предварительно сообщить о своих намерениях редакционному совету журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

- Ислюль С.Н. Москва 1812 г. в записках современника (Московский “погром” глазами очевидца) 5
- Фруменкова Т.Г. Православное духовенство в годы Крымской войны 13
- Фирсов С.Л. Военное духовенство России (к вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX — начала XX столетия) 19
- Архипов И.Л. «Корниловский мятеж» как феномен политической психологии . 25
- Кашеваров А.Н. Кампания советской власти по вскрытию святых мощей в 1918—1920 гг. 31
- Цветков И.Ф. Тайные торги диктаторов (Из истории советско-германского военно-морского сотрудничества в 1939—1941 гг.) 41
- Конасов В.Б., Терещук А.В. Долгий путь на родину (Репатриация немецких военнопленных из СССР) 53
- Коровушкин В.П. Русский военный жаргон XVIII—XX вв. 76
- К 80-летию начала Первой мировой войны*
- Баженов С.В. Солдаты забытой войны 82
- Павлов А.Ю. Русские войска во Франции в период Первой мировой войны . . . 92

Эссе

- Егоров А.Б. Россия и Рим (Некоторые аспекты сопоставления цивилизаций) . . 98
- Фирсов С.Л. Николай II: штрихи к социально-психологическому портрету . . . 119

Из истории русской военно-конструкторской мысли

- Мавродин Вал.В. Система чешского оружейника Сильвестра Крнка на вооружении в русской армии 122
- Яковлев М.Н. Карабин Мосина образца 1907 г. 128

Наши публикации

- Росс Н.Г. Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.) 130
- Трушнович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941—1945 гг. (комментарии К.М.Александрова) 140

Неизвестные документы

Протокол допроса генерал–лейтенанта М.Ф.Лукина
(публикация д–ра Й.Хоффманна) 173

Пражский манифест 14 ноября 1944 г. (послесловие К.М.Александрова) 176

Персоналии

Семенов А.С. Атаман Семенов: малоизвестные факты биографии 185

Лурье В.М. Адмиралы Военно–Морского Флота СССР 192

Русский скаутъ 200

С. Н. Искюль

Москва 1812 г. в записках современника (Московский “погром” глазами очевидца)

События войны 1812 г., разом затронувшие судьбы многих и многих людей, резко изменившие привычный, устоявшийся строй жизни, не могли не найти своего отражения в записках и воспоминаниях современников. События поразили воображение и тех, кто близко наблюдал решающее столкновение противоборствующих сторон, и тех, кто, будучи по счастью не застигнут войной, узнавал о новостях из официальных бюллетеней, газет и избыточных в ту пору слухов. События равно поразили воображение людей весьма противоположных сословных представлений, людей, отличных друг от друга душевным складом и тем, что называется убеждениями. Но то, что наблюдали они своими глазами или то, что слышали они от других людей, своей разительной неординарностью, своей порою напрашивающейся апокалиптичностью, сложным сочетанием до конца не понятых коллизий, обнаруживающихся устремлений и чувств среди себе подобных, естественно, побуждало современников братья за перо. Простое человеческое побуждение укреплялось движением высокой мысли о нравственном долге перед потомками — донести до них свидетельство о трагических событиях, о которых довелось услышать или очевидцем которых случилось быть тому или иному мемуаристу.

Воспоминания, письма современников, носящие зачастую характер мемуаров, а порой и дневников, ибо описывали события день за днем, и, наконец, самидневники, сохранившиеся в весьма малом числе, в той или иной степени отразили и внешнюю сторону военных событий эпохи и многообразие так сказать “внутренней”, народной жизни в годину нашествия.

Одно из первых мест среди этих важных мемуарных свидетельств занимают по праву те, в которых речь идет о том, что происходило в “священной древней столице России”, не долго оказавшейся оставленной русской армией и занятой неприятелем.

Таких воспоминаний — и, так сказать, не оставших под пеплом московских пожаров, и написанных позднее, когда пережитое неизбежно воспринималось иначе, часто под воздействием других, переживаемых автором, событий, — немало. Опубликованные в разное время после описанного в воспоминаниях, они до сих пор являются богатейшим и одним из основных источников, рисующих многообразную и волнующую воображение панораму истории почти двухсотлетней давности. И несмотря на то, что увидевшие свет воспоминания московских жителей и оказавшихся волею случая в Москве немосквичей дают казалось бы весьма колоритную и близкую к действительности картину жизни российской столицы “под французами”, каждая новая находка, извлеченная из архивных недр, проливает новый свет и добавляет новые штрихи к уже знакомым из других источников фактам.

Одной из таких неизвестных читателю мемуарных записок и является ниже публикуемая «Записка московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествии в августе до ноября 1812 г.» И если в записках других мемуаристов читатель узнает о том, что происходило на Крестовской улице, в Леонтьевском переулке, на Моховой, в Охотном ряду, близ церкви Николая в Гнездниках, Архидьякона Евпила или близ Сухаревой башни, если раньше читатель мог узнать как протекала жизнь в таких

покинутых московских учреждениях, как Вотчинный департамент или Новодевичий монастырь, то из этой записки он узнает о событиях, происходивших в другой части Москвы, а именно — в Запасном дворце и его окрестностях. Построенный в 1753 г. Запасной (Запасный) дворец находился в Басманной части Москвы, на углу Красноворотной площади и Новой Басманской улицы. Дворец принадлежал дворцовому ведомству и служил резиденцией членам Императорской фамилии и свите на время их пребывания в Москве, чаще всего во время коронационных торжеств, когда двор приезжал в Москву и нужно было разместить Императорскую семью и придворных.

Императорский Запасной дворец в Москве был строением каменным и поэтому служил пристанищем для москвичей в беспокойное время в сентябре — начале октября 1812 г. Профессор российской словесности при Московском университете Петр Васильевич Победоносцев 16 декабря 1812 г. записал в своем дневнике: "...Сокольский [Андрей Анисимович, преподаватель Екатерининского института. — С.И.] с женой, во время несчастья, был не далее, как за 3 версты, и когда французы туда пришли, то жена его и сестра ее чудесным образом спаслись наверху под крышею и провели там несколько суток; потом он просил французского коменданта, и ему дали караул для провождения в Москву семейства его, и они жили уже в Запасном дворце, что у Красных ворот, и там выдавали им муку" (Русский архив. 1895. №2. С.219).

«Записки московского жителя...» были обнаружены А.Г.Тартаковским в Архиве С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Коллекция рукописных книг (115). №475. Лл.12—17). «Записки» не подписаны, и, хотя в конце их карандашом представлена фамилия «Вишневский», авторство последнего сомнительно: автографы надворного советника Г.Ф.Вишневского под его заявлениями в следственную сенатскую «Особую комиссию для точного исследования о преступивших долг и присягу» (Российский государственный исторический архив. Ф.1345. Оп.98. Д.942. Ч.II. Лл.250, 277 об.) существенно отличаются по всем почерковым характеристикам от упомянутой карандашной пометы «Вишневский». О Г.Ф.Вишневском в «Записке» всегда говорится в третьем лице. Кроме того, при сличении фактического содержания

«Записок» со следственными показаниями Вишневского обнаруживается, что автор «Записки» более обстоятелен и точен в описании событий, не ограничивается тем, что происходило во дворце и за его пределами и отнюдь не касается того, в чем сам Вишневский считал долгом оправдаться перед комиссией сенаторов. Текстуальный анализ «Записок» и показаний Вишневского позволяет сделать вывод о том, что синтаксически и орфографически, а также по внутреннему психологическому настрою между обеими рукописями определенной связи не обнаруживается. Одно можно с уверенностью сказать: автором «Записок» мог быть чиновник, живший во время пребывания в Москве французов в Запасном дворце, а сами «Записки» ни что иное, как род свидетельских показаний, отобранных вышеупомянутой следственной комиссией в ходе выяснения всех обстоятельств дела.

Рукопись «Записок» входит в сборник на 180 листах, в картонном переплете с кожаным корешком, на котором имеется наклейка с надписью первой четверти XIX в. «Разные сведения». На первой доске переплета снаружи имеется наклейка с «№ 4». В сборник, между первой доской и рукописями сборника, вложен листок с надписью «№1059, 2148(1) из собр. Бауэра»; это дает указание на возможное первоначальное местонахождение рукописи перед тем, как она поступила в Архив СПбФИРИ. Хронологически материалы, помещенные в сборнике, охватывают период 1812—1815 гг., большинство их относится к войне 1812 г. (копии указов, своеручных писем Александра I, таблица с перечнем «понесенных потерь от нашествия... обывателями Московской столицы...» и пр.). Формат бумаги рукописи — F. Рукопись писана одним почерком разными чернилами и представляет собой черновик с немногими редакционными исправлениями. Возможно, что рукопись — один из вариантов текста, т.к. на л.14 автор, как бы пропустив при переписке строку, начинает новую, не закончив предшествующий абзац; заметив ошибку, он вычеркнул начатую строку («Мы почти одни только жители Запасного дворца») и продолжил незаконченный абзац, а затем л.14 об. начинает с ранее вычеркнутой фразы. Возможно, что рукопись создавалась на основе различных ранее осуществленных записей, а автор обратился к одной из таких записей, не закон-

чив списывание предыдущего текста, и вернулся к нему.

Рукопись, представляющая собой поденную запись событий с 31 августа по 27 октября 1812 г., могла быть составлена не ранее 1813 г., т.к. анализ рисунка филигрانی позволяет за-

ключить, что бумага рукописи относится к 1813, 1816, 1819 и 1821 гг. (Клепиков С.А. Филигрانی и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959. №382).

Записки московского жителя, живущего в Запасном дворце, о происшествиях в августе, до ноября 1812го года

Что было в сие время в Москве, того не было и не будет нигде и никогда! Еще ранее сентября уже начиналось преддверие сей губельной бури, а продолжалось до 12 октября. В оные сорок дней, не токмо каждый час, — каждая секунда дня и ночи ознаменована была новыми ужасами!!!

Во весь август выезжали уже московские жители в разные губернии; а с половины оногo и до конца почти и день и ночь ехали во все заставы, забирая самое нужное из своего имения, а многия и без оногo. Лошади наемные от сего вздорожали до крайности так, что в конце месяца не было совсем оных, и ни за что не можно было достать их. Необыкновенная пустота на улицах наводила какой-то страх и уныние. Главной лазарет, назначенный в Москве, так же раздирал сердца наши, видя множество наших раненых защитников отечества и их раны, коих, не уместя в казенные больницы, ставили в обывательские дома. Все, все тогда было в движении! В оные же смутные дни вывозили казенное имущество и присудственные места.

С 31-го августа на 1 сентября проходила наша армия чрез Москву, к Коломне. В сие же время сняли все габвахты и притоны; причем и полиция так же со всем штатом и снарядами выехала по утру, и город был оставлен без всякого начальства и защиты два дни¹. Вот новый ужас! От его начались бунты по всем улицам и домам, к усугублению которых вырвались колodники из острога и ямы, смирительного дома и прочих частных тюрем, сумасшедшие, проходящие ратники, отставные армейские солдаты, выздоровевшие раненые, фурманьщики, проч.; все-они начали разбитием питейной конторы и винного двора; потом кабаков и виноградных погребов, от чего водка, вино и полпиво² текли реками по улицам. Ибо не столько

пили, сколько лили. Пьяные же врывались в дома и лавки силою и грабили все попадающее; тогда никто добрый человек не смел показаться на улицу. Лавки же все были заперты до 30-го числа; а следовательно, кто из жителей не успел запасти припасов, то был без пищи. Тут чины, какие бы не были, не смели о себе объявлять на улице; крик, брань, угрозы и всякого рода буйства превышали все границы; в это время, кто бы не перевозил свое имение в безопасное убежище от огня, был разбит и ограблен на дороге наглým самым образом.

С 1-го жесентября, на 2-е в ночи начались пожары в окрестностях Москвы, и слышна была пушечная пальба, огонь был день и ночь.

С 2-го числа загорелось все Замоскворечье и Смоленский рынок.

А 3-го и 4-го — Китай город со всеми лавками.

5-го числа был пожар у Красных ворот и пошел к Лафертову³; в это время загорался Запасной дворец, в котором некоторые в окошках рамы уже выгорели и загоралась крышка, ибо около его вокруг был жестокий огонь, а к тому же перед вечером случилась столь сильная буря, что человеку не можно было устоять на ногах; столбы, прикованные железом и зонты⁴ во дворце на галерее сорвало, песок и щебень несло по воздуху, а искры, уголья и головни сыпали наподобие сильного огненного дождя, покрыли весь дворец! Густой черной дым наполнил все улицы и затмил солнце! Глухой стон от падающих обгорелых потолков, крыш и стен; вопли сгоравших больных, раненых и здоровых, не успевших из пламя выйтить; вой собак, ржание лошадей, крики птиц; неумолимая в убийстве и грабеже ярость неприятеля; посрамление храмов божьих! Необозримое пламя, объяввшее все части Москвы и окрестности

оной, представлявшее океан огненный! Дым! Все сие представляло страшную картину, которой никаким пером изобразить не можно!!!

Горе! Горе! и воспоминавшему оно!

В сие время жители из домов, объятых уже пламенем, выбегали в беспамятстве; искали спасения только жизни своей. Будучи ограблены, изувечены, а многие убиты, без пищи искали спасения в домах, по крайней мере, уцелевших от огня. Наш дворец к спасению таковых и послужил, ибо он сохранился был чрез необыкновенное благоразумие и деятельность г-на надворного советника и кавалера Гаврилу Федоровича Вишневого⁵, не только от пожара, но и от грабежа и голодной смерти! Он принял и спас таковых несчастных от пяти сот человек разного звания, в коих до 50-ти чиновников; распоряжение его к заливанью пожара вместе с нами, мгновенные его способы в такое критическое время, словом сказать: водимый Богом, умел спасти не только от огня, меча, но и от грабежа. Да будет хвала Богу! и благодарение Вишневному! Имя его не будет забвенно во веки!!!

Таковые ужасные пожары продолжались 8 суток, то есть до 9-го числа, в которое время некоторые жители, выбегавшие из пламя, спасая себя от огня, почитаемы от неприятеля были за зажигальщиков и фискалов⁶ и вместе с действительно таковыми были тот же час без суда при глазах наших расстреливаны; а другие повешены, многие изрублены саблями и исколаты штыками, а прочие, изнемогая от голода, так же умирали, не исключая и младенцев. Тела сих несчастных и самых злодеев, заслуживающих подобную участь, также и остовы оклевших лошадей покрывали все улицы, дома и дворы! А убийства, грабежи и голод, все поедающий огонь, пушечные и оружейные выстрелы уверяли несомненно нас в преставлении света! Во все сии дни, в коих властвовала анархия, мы проводили и день и ночь без сна на дворе, опасаясь огня, грабежа и ожидая ежеминутно смерти от проезжающих в беспорядке беспрепятственно отрядов неприятеля и врывавшихся в дом наш, которые в одной руке пистолетом и в другой саблею вынуждали делать из нас все, что им хотелось! От тайного советника до последнего мужика, разного звания люди видели все роды сих ужасов и насилий, быв ограблены, принуждаемы еще были вместо лошадей носить для неприятельских солдат тягостнейшие ноши ограбленного ими имущества, рыть на

огородах картофель и за то, что не сможет нести долго тягость сию, были биты и увечены саблями. Абыватель, коего с домом сгорело все его имущество, оставшееся еще, принужден был сам отрыть и сам же нести за неприятелем тягость соразмерною лошади, оставя между тем жену и семейство свое на произвол судьбы! Многие и поднесь не отыщут своих жен и родственников!! Таковую участь, я говорю, имели все, от генерала до мужика.

Первый отряд неприятельский был конница, которая показала 2 сентября в 6-м часу по полудни у Красных ворот. 4-го числа г-н Гаврилу Федорович Вишневоу уму умолить некоторых неприятельских офицеров стать к нам постоем, чтоб охранять от грабителей и убийц.

5-го числа, когда был в опасности от огня, ужасной бури и наш дом, мы толпою до несколько сот людей разного звания с женами и детьми принуждены были искать спасения в незагоревшихся домах; для чего и пошли по улицам искать таковых, сквозь пламя, опаляющее нас с обеих сторон. На дороге, по коей шли, хотя и с провожатым одним французским офицером, но все были останавливаемы поляками и граблены. Необыкновенная картина! Огненное море, жар, а дым на каждом шагу останавливало; частые встречи неприятелей, обирающих нас с обнаженным оружием привидело в неизъясненное отчаяние и страх! Нашедши уцелевший дом г-н Нелединского⁷, что у Златоустенского монастыря⁸, в нем ночевали с дозволения находящегося в нем французского полковника; кто мог в комнате, но большая часть и за множеством несчастных сотоварищей на дворе. По утру, когда и сей был угрожаем огнем, мы пошли искать другого и, обрев таковой на Покровке г-на Булыгина, но в коем не более 3-х часов побывши, быв угрожаемы следующим за нами пламенем, перешли опять в Запасной дворец, который уже прочистился от дыма, а по взгорению около его всех окружностей, от огня. В нем-то мы, уже находясь все время бытности французской, себя спасали, хотя видели всех родов ужасы! Видели многочисленных врагов своих, составленных из десяти или более наций и языков!

Можно ли не сказать, что сие происшествие есть Эпоха в истории! Что приключение сие было не ожиданно! Что огненное море пожара и бури было не обыкновенно! Что многоязычность врагов также! Что поступки их ужасны!!

И что оставшиеся жители Москвы, коих очень много, примерно несчастны!!! Мы почти одни, только жители Запасного дворца, которых сохранена не только милая для всех жизнь, но и все имущество, как казенное, церковное, так и частное, имели даже во все сие время и пропитание, но все сие чрез мудрое распоряжение г-на Вишневского (!), который, подвергая себя тысячи опасностям лишиться своей жизни, исходатайствовал не только охранительный караул к нашему дому, доставил нам пропитание, но уделял и многим посторонним, даже наших раненых, кои обгорели, а други валялись на улицах, умирая с голода, испросил прибрать в больницы, где, совокупя с прочими там уже бывшими, доставлял пропитание, кроме того, что он испросил освобождение знатным семейством нашим чиновникам, взятым под залог под крепкую стражу, и возвратил их отчаявшимся семействам. Бог! и милосерднейший наш монарх! за того его и самого не оставит!!!

До вступления в дом наш караула, во время страшного грабежа и насильствия и когда лютая смерть быстро носилась над обширным градом, Москва ежеминутно насыщалась несчастными жертвами своими; тогда и наш дом был посещен сими разбойниками; и самая первая жертва сего грабежа был спаситель наш г-н Вишневский, коего одного, почти обобрав, ушли. Ни один дом, лавка, ни одна церковь и ни один человек в городе не был пощажен от грабежа и насильствия!

От 2-го сентября и до 6-го октября, во время, которое не можно было никому отважиться ходить по улицам для доставления себе пищи, ибо грабеж и всякого рода насильствия не переставали, хотя, впрочем, и были противу сего взяты меры от французского начальства, но не имел по многим причинам к тому способов, не могло оно сего прекратить совершенно. Во все же сие время, зарево продолжалось вокруг нас и день и ночь.

6-го же числа октября неприятельская армия с императором своим весьма поспешно в ночь вышла из Москвы на Калужскую дорогу, сняв кордоны и пикеты от всех застав, расставив оные по Белому городу; в Кремле же остался главный командующий маршалдук Тревизский и Лесепс⁹ с малым числом войска.

7-го числа зажгли пороховой двор, что в Сокольниках у Красного пруда; вот опять новое явление! Новый ужас! это был Везувий в Москве! Мы же бедные по несчастью были близ-

ки от сей смертельной картины, находясь в Запасном дворце. В 3-м часу по полудни, совсем неожиданно вдруг раздался страшный гром с треском! от коего старинные стены нашего дома затряслись, стекла попадали! Мы без памяти, с бледными лицами выбежали во двор и на улицу узнать причину оного; мы в страхе вообразили, что вся Москва взлетела на воздух! Увидели черный дым, покрывающий все поле в Сокольниках, дознали, что это взрывают пороховые амбары! тем еще более ожидали неминуемой себе смерти; все женщины, бывшие с нами, были полумертвы! Вскоре последовал другой удар несравненно жесточе первого, и надобно думать, что там были оставлены или нарочно приготовлены начиненные бомбы, которые за ужасным выстрелом взлетали вверх, разрываясь с сильным треском, причиняли такой гром в воздухе, что кроме опасного потрясения стен в домах, но и отшибало духом людей, стоявших на улице. После оного следовали многие удары до самой темной ночи, а огонь продолжался сутки! Гром сей был так силен, чтобы слышан за 64 версты от Москвы, то есть у Троицы-Сергия! а в Москве тряслись все здания!!!

При таковых необыкновенных и ежеминутных ужасах! мы почти лишены были всех чувств, почитая все оное за сон, не воображали это наяву и не ожидали уже лучшей себе участи! Забвенны от всего света, лишены всех удовольствий, способов и всего, не зная, что еще с нами будет? Не зная об участи любезного своего отечества, родных и друзей! Как вдруг 8-го числа, к неизъяснимой нашей радости, в полдня увидели скачущих из всей силы из Сокольников к Красным воротам российских казаков, человек с десять, которые искали по улицам и дворам французов, спрашивали у нас, нет ли оных в доме¹⁰? Но как сказано выше, что цепь пикетов французских расставлена по Белому городу, а войско в Кремле; следовательно, за Белым и Земляным валом французов уже не было на квартирах, кроме запоздавших, которые забирали последнее свое имущество на прежних квартирах. Оных наши казаки всех кололи, стреляли и в плен брали. Около дома нашего с десяток убили. Ночью же сего числа казаки уже не показывались и французские патрули разъезжали в большом числе.

9-го были сшибки казаков с французскими пикетами, а особенно у острога и Петровского дворца; причем казаки гнались за непри-

ятелем до Кремля. В сей же день французы били всех, кто с бородой, считая за казаков.

10-го оставшиеся в Кремле французы вышли из Кремля и из всей Москвы в 7-м часу по полудни. И казаки опять показались в Сокольниках. С сего дня мы начали было думать о свободе своей и пренении горькой участи, но оно же ужасное число доказало нам, что мы должны были еще зреть новые ужасы!

С 10-го на 11-е в 3-м часу по полудни раздался сильный гром! с начала ночи сей было зарево над Кремлем, которое усиливалось к полночи более, и к 3-му часу, распространяясь вверх, образовало огненный столб, из которого произошел тот ужасный выстрел, от которого потряслась вся Москва! и взорвало часть арсенала в Кремле. Чрез полчаса последовал другой удар, продолжительнее первого, и пошел сильный дождик. Мы, для которых вся сия ночь протекала в ожидании разрушения всего города и Запасного дворца, приготовились на все! Но слава в вышних Богу!!! Только пятью ударами во всю ночь кончилось варварское намерение подорвать весь Кремль¹¹. По утру узнали, что желание врага* не исполнилось и Кремль потерял очень мало — святые соборы остались не вредимы, только во всем городе вышибло стекла вон.

С 10-го до 12-го числа было опять безначалие и страх от окрестных крестьян, которые съехались из всех деревень и верст за 30-ть отстоящих для грабления оставшего после французов имения. Мы в сие время опять не выходили со двора, ибо оные, нашедши после неприятеля в остроге и прочих домах водку и вино, а на винном дворе простое вино, напились пьяны; буянили и грабили все остальное, входили в дома, били зеркала, а другие с собой увозили, как то: мебель, посуду, медь, железо и что только могли найти. Соль, медные деньги, которых много еще оставили французы в казначействе и которые прежде сего они продавали русским двадцати пяти рублевой мешок за 20-ть и за 30-ть копеек серебра.

12-е число было уверением, что французы оставили Москву совершенно¹² чрез вступление в город российской регулярной конницы, как то: части драгунов, уланов, гусаров и казаков с генералами: Иловайским 4-м¹³ и Бекендорфом¹⁴, с которыми также прибыл и исправляющий должность полицмейстера господин

* Исправления той же рукой из "варвара".

Гельман¹⁵. После чего натурально мы стали ожидать оживления себе от своих соотечественников! И надеемся, что, видевши ужасы всех родов, перенеся все бедствия неслыханные и примерные изувеченные, лишенные всего и потерявшие еще многих кровных — надеемся, что все-таки Бог возрит на наши мучения! Что премудрый Александр, милосерднейший Монарх наш, вникнет в положение своих подданных и единым соблезнованием своим воскресит уже и нас почти умерших!

Умалчивая о тех ежеминутных убийствах, которые окружали нас и подобных сему, что тайный советник П. и действительный статский советник А. наги в стужу лежали в поле без пищи 6-ть суток, что известный богач Устинов¹⁶, ограбленный, пришел с Арбата в Басманную босиком, претерпев и на дороге множество насилий! Что священнику церкви Михайлы Архангела дали семнадцать ран разными оружиями, у которого сгорело и ограблено уже было все его имущество! Что многие иереи в облачении изрубленные валялись на огородах и улицах! Что на дворах и улицах лежали сторевшие и полуобгорелые люди, а другие, умершие от оружия и голода! Что в храмах стояли лошади! и проч. и проч. Что как сами сии особы, так и мы все, под присягой уверим в истине каждого слова тут написанного, ибо мы к нещастию были сами же жертвы и очевидцы всего сего!!!

Для продовольствия жителей открылся в Москве торг на Старой площади и в Охотном ряду, на возах, где продают мясо, муку, сапоги и проч.

К 15-му числу прибыл московский обер-полицмейстер Ивашин¹⁷ и назначенный в Москве комендантом г-н Спиридов¹⁸.

За ними вскоре приехали главнокомандующий Москвы граф Федор Васильевич Ростопчин¹⁹ и гражданский губернатор Обрезков²⁰.

Октября 27-го числа было для нас совершенным разрешением двухмесячных страдальческих оков наших! Не так ясно солнце светом разогревает злаки, оживотворяя оные после бурной зимы! Не так услаждает светлый месяц заблудшего в лесу странника в самую темную ночь! Не так спокойная пристань воскрешает пловцов после ужасного кораблекрушения! Как в 9-м часу утра приезд великодушнейшего начальника нашего, его превосходительства Петра Степановича Валуева²¹, который, как светлый луч во тьме,

озарил унылые души наши, и мы теперь имеем твердую надежду существовать и быть под покровительством его, по прежнему счастли-

вы!! Мы на коленях, с сокрушенным сердцем, чистою душою просили Бога! и он послал нам его!

Примечания

¹ Автор «Записок» допускает неточность, ибо известно, что русская армия начала проходить через Москву в ночь с 1 на 2 сентября. Во второй половине 2 сентября 1812 г. в город уже вступили французы.

² Напиток, который варился из оставшихся после приготовления пива хлебных продуктов. Подавался в специальных питейных заведениях, так называемых полпивных.

³ То есть к Лефортову.

⁴ Зонт (нем.) — навес (навесец), обвершка (крыша) над галереей.

⁵ *Вишневецкий Гавриил Федорович*, надворный советник, чиновник Кремлевской экспедиции. Его имя значится в списке лиц, привлеченных к следствию по подозрению в соучастии с французской администрацией. Однако сенатская комиссия выяснила, что Вишневецкому, напротив, были обязаны сохранением Запасного дворца, спасением жизни пяти приходских священников, а также около 500 разного звания и ограждением от разграбления их имущества (Киселев Н. Дело о должностных лицах московского правления, учрежденного французами в 1812 г. // Русский Архив. 1868. С.894—895, 900—901).

⁸ Фискал (лат.) — шпион, соглядатай, лазутчик.

⁷ *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович* (1752—1829), тайный советник, сенатор, почетный опекун Воспитательного дома, заведовавший учебной частью в Московских училищах ордена св. Екатерины и в училище мещанских девиц, поэт и переводчик.

⁸ Златоустовский, мужской, 3-го класса (с 1764 г.) монастырь находился на Маросейке, между Мясницкой и Покровской улицами.

⁹ 6 октября 1812 г. фактически началась эвакуация французами Москвы. Ранее, 5 октября, была предпринята эвакуация раненых в Смоленск; тогда же французским войскам раздали дорожный провиант. Вечером 6 октября Главная квартира наполеоновской армии была переведена из Кремля к Коломенской заставе. 7 октября Наполеон еще находился в Москве. В 5 часов утра он покинул Москву, где еще оставался гарнизон под командованием маршала Мортье численностью около 10 тысяч солдат.

Мортье Эдуар Адольф (1768—1835), маршал Франции (1804), герцог Тревизский (1808). В 1812—1813 командовал Молодой гвардией. Военный губернатор Москвы.

Лессепс Жан Батист Бартелеми (1766—1834), французский дипломат, генеральный консул по торговым делам в Петербурге, глава московского «муниципалитета».

¹⁰ Приведенные свидетельства дополняют уже известные данные о неоднократном проникновении казаков в занятую французами Москву. Ср.: Москва в октябре 1812 года (из бумаг С.И.Селивановского) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 2. Разд. III. С.23.

¹¹ То, что некоторые из современников и очевидцев московского «погрома» тотчас же приписали следствию бессильной злобы «корсиканского чудовища», на деле определенно объясняется тем, что первоначально император оставлял Москву, собираясь провести неблагоприятное для армии время года на зимних квартирах; в намерении весной 1813 г. открыть новую кампанию с целью принудить Александра I к заключению мира, Наполеон, естественно, не мог допустить, чтобы Кремль в дальнейшем мог использоваться русской армией в оборонительных целях или же как форпост для организации наступления. Именно эти соображения и повлекли за собой меры по подрыву кремлевских стен и башен.

¹² Французский гарнизон выступил из Кремля через Каменный мост и двинулся по Калужской дороге 10(22) октября в 11 часов вечера. Ночь с 10(22) на 11(23) октября 1812 г. — дата, когда французы окончательно оставили Москву, что подтверждается многочисленными источниками.

¹³ *Иловайский 4-й, Иван Дмитриевич* (1767 — после 1827), генерал-майор. В 1812 г. командовал казачьими полками в арьергарде 2 Западной армии, участвовал в сражениях под Романовым, Велижем и Смоленском. Первый проник в Москву со своим казачьим отрядом. В 1813—1814 гг. участвовал в заграничных походах русской армии.

¹⁴ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), известный впоследствии государственный деятель: начальник штаба Гвардейского корпуса, шеф жандармов и главный начальник III отделения. Участник войн 1805—1814 гг., в том числе и 1812 г. Иван Акинфьевич Тутолькин, директор московского Воспитательного дома, писал Императрице Марии Феодоровне о том, что гусарский полк генерал-майора Бенкендорфа вошел в Москву 11 октября, а сам Бенкендорф “оказывал мне всевозможное свое пособие по принятой им на себя в городе должности коменданта” (ЧОИДР. 1860. Кн. II. Отд. V. С.178).

¹⁵ *Гельман* — майор московской драгунской команды, вступил временно в должность полицмейстера по приказанию генерал-майора Иловайского. См. рапорт Гельмана обер-полицмейстеру П.А.Ивашкину от 15 октября 1812 г. (Щукин П.И. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. Ч. I. М., 1897. С.101—102).

¹⁶ Вероятно, речь идет об Устинове Александре Михайловиче (1789—1818), титулярном советнике и кавалере.

¹⁷ *Ивашкин Петр Алексеевич*, генерал-майор (1811), московский обер-полицмейстер.

¹⁸ *Спиридов Григорий Григорьевич* (1758—1822), обер-полицмейстер Москвы (1798—1800). В 1812 г. вступил в Переяславское ополчение и участвовал в боях с отдельными частями французской армии. После оставления французами Москвы был назначен комендантом, а затем гражданским губернатором столицы; находясь на этих постах много способствовал восстановлению города и приведению в надлежащий порядок сохранившихся зданий.

¹⁹ *Ростопчин Федор Васильевич* (1763—1826), обер-камергер, главнокомандующий Москвы (1812—1814), член Государственного Совета. Покинув столицу перед вступлением в нее французов, Ростопчин находился сначала в Красной Пахре, затем в своем имении Вороново, откуда приехал в Тарутино и далее — в Ярославль, по дороге куда узнал об оставлении неприятелями Москвы. Направив в Москву полицейских чиновников для предотвращения беспорядков, Ростопчин и сам вскоре появился в Москве, где поселился в собственном доме на Лубянке. К концу 1812 г. в Москве уже действовали все присутственные места и жизнь постепенно входила в прежнее русло, однако энергичные действия и распорядительность Р. вызвали двойственное к себе отношение со стороны жителей, которые не забыли о своих потерях во время московского пожара и недобрым словом поминали Р. В этих условиях не замедлила последовать отставка (1814).

²⁰ *Обрезков Николай Васильевич* (1764—1821), московский губернский предводитель дворянства, гражданский губернатор Москвы (с июня 1810), сенатор, тайны советник.

²¹ *Валуев Петр Степанович* (1743—1814), действительный тайный советник, главноначальствующий над Кремлевской экспедицией Оружейной палаты, сенатор.

Православное духовенство в годы Крымской войны

В годы Крымской войны на плечи православного духовенства были возложены задачи разъяснения народу дипломатических усилий России, хода военных действий. Представители Церкви отвечали за “дух” армии и населения. С июня 1853 по март 1856 г. в церквях было прочитано 7 царских манифестов, а также воззвание Синода по поводу ополчения, проводились богослужения. Духовные ораторы именовали войну “священным делом”, призывали россиян встать на защиту “правды, Веры и Отечества”¹. Архиереи благословляли полки иконами, произносили напутственные слова, ободряли солдат. Чем тяжелее становилась военная ситуация, чем больше людей забирала война, тем чаще священники проводили богослужения “о даровании победы христороливному воинству”.

Священники и иеромонахи Военного ведомства участвовали во всех кампаниях русской армии. Места проживания ряда духовных лиц стали ареной боевых действий. 150 священнослужителей были награждены за отличия в сражениях, в том числе, 80 человек получили награды за оборону Севастополя. Перенесение военных действий на территорию России вызвало патриотический подъем народа. Нередко служители Церкви брали на себя обязанности, выходящие за рамки их пастырской деятельности. Некоторые из них стали героями. Так, например, 22 сентября 1854 г. на Николаевскую артиллерийскую батарею под огнем врага прибыл священник Очаковской церкви Судковский. Он “под выстрелами благословлял каждого” и сам заряжал орудия калеными ядрами². Другой случай — священник Могилевского полка Пятибиков во время штурма в марте 1854 г. задунайских тутьчинских укреплений находился среди солдат, принял на себя командование частью, офицеры которой

были выведены из строя³. Иеромонах Иоанникий (Савинов) был посмертно удостоен ордена св. Георгия 4-й степени “за совершение отличного подвига при вылазке с 10 на 11 марта 1855 г. войск с 3-го отделения нашей оборонительной у Севастополя линии”. Иеромонах вернул вокопы полк, вырвавшийся вперед вопреки команде, и тем спас солдат от неизбежной гибели или плена. Сам Иоанникий умер от ран⁴.

В крепостях и на кораблях во время военных действий, разумеется, не хватало времени на богослужения, а у флотских иеромонахов, особенно черноморских, и места для их проведения. На кораблях не было походных церквей. Духовенство совершало богослужения прямо на поле боя. За это П.С.Нахимов отметил 5 иеромонахов — участников Синопского сражения⁵. Мужественно вели себя в критические минуты многие священники, служившие на Аландских островах и на кораблях Балтийского флота, а также участвовавшие в боях на Кавказе и на Камчатке. Часто служители Церкви помогали раненым. Так было в сражении под Башкадыкларом в декабре 1853 г., когда два священника “содействовали при недостатке на перевязочных пунктах прислуги медикам в пособии раненым”⁶. Много духовных лиц работало в военных госпиталях. Иеромонах Анастасий, например, взял на себя обязанности ординатора двух симферопольских госпиталей, трудился на перевязочном пункте после сражения на реке Черной⁷. Медицинское обслуживание действующей армии в целом оставляло желать лучшего. С помощью священников, своим вниманием укреплявших “ослабленный дух раненых” и способствовавших “безропотному перенесению ими страданий”, командование стремилось компенсировать недостатки в снабжении госпиталей самым необходимым.

Монахи и послушники участвовали в отражении неприятельского вторжения в Беломорье. “Фактическим верховным военачальником вооруженных сил” Соловецких островов стал летом 1854 г. настоятель монастыря Александр⁸. В июне 1855 г. вражеский корабль три часа обстреливал из орудий село Лямцы, безуспешно пытаясь высадить десант. При этом крестьянский отряд самообороны, в котором находились местный священник Лысков и дьячок Изюмов, оказал неприятелю упорное сопротивление⁹.

Особую миссию власти возлагали на служителей Церкви тех районов, которым угрожал враг. Им предписывалось охранять церковное имущество и эвакуировать его в случае опасности. Поощрялось желание духовенства оставаться на оккупированной территории.

Служители посольских церквей в Лондоне и Париже остались в военное время единственными представителями России в воевавших с ней странах. Они навещали пленных. Живший во Франции священник Васильев был обвинен даже в ведении политической пропаганды среди пленников, и ему на время запретили посещать их¹⁰.

По давней традиции торжественными службами духовенство отмечало немногочисленные победы на фронтах. В память о них писались иконы, проводились единовременные и учреждались ежегодные молебствия; в соборах хранились знамена дружин ополчения и флаги, снятые с неприятельских кораблей.

Повышенное внимание доблестным подвигам духовенства уделял Св. Синод. В его отчетах неустрашимость и самоотверженность православных священников должна была, видимо, затмить те серьезные просчеты, которые, с точки зрения властей, допустили тыловые священнослужители в военное время. Действительно, многим из них в своих собственных приходах пришлось не легче, чем на полях сражений.

Среди задач, возложенных государством на сельское духовенство, центральное место, как и в мирное время, занимала необходимость поддерживать спокойствие в крепостной деревне. Служители Церкви должны были помогать местной администрации удерживать крестьян в повиновении в чрезвычайно сложной ситуации. Как известно, в XIX в., особенно начиная с 1840-х гг., “ненасытная и неудовлетворяемая жажда воли” заставляла крестьян искать (и на-

ходить) намеки на возможное освобождение в любых слухах, различных действиях императора и его окружения. Правящие круги тревожила необходимость взывать к широким массам населения, но в военное время они не могли без этого обойтись.

В 1854 г. был опубликован указ об организации морского подвижного ополчения, в начале 1855 г. — манифесты о создании государственного ополчения, о кончине Николая I и восшествии на престол Александра II, воззвание Синода. Эти документы и послужили толчком для массовых крестьянских выступлений. Манифесты и указы традиционно читали и разъясняли народу представители духовенства. Среди крестьян распространялась весть, что священники сообщали о возможности освободиться от крепостной зависимости, записавшись в ополчение. Так возникали недоразумения в отношениях крестьян со служителями Церкви и чиновниками, назревали волнения. Виновными в обострении ситуации как крестьяне, так и власти считали духовенство, которое оказалось “между двух огней” и подвергалось атакам “снизу” и “сверху”.

В 1854 г. во время формирования морского подвижного ополчения по многим губерниям прокатилась волна народного возмущения. Помещичьи крестьяне приходили в Москву записываться в ополчение в уверенности, что, прослужив несколько лет, они “получат вольную”. Ходоки заявляли, что услышали о возможности освобождения от своих священников. Расследование показало, что в большинстве случаев крестьяне выдавали желаемое за действительное¹¹.

Первая буря разразилась в 1855 г. на Украине. Движение охватило свыше 500 киевских сел, расположенных в 8 из 12 уездов губернии. На подавление бунта было брошено 9 рот пехоты и 25 эскадронов кавалерии¹². Отголоски киевских волнений проникли и в Черниговскую губернию, докатились до Воронежской. В Поволжье и на Урале движение было остановлено в начальной стадии. Там дело ограничилось составлением списков и уходом в ополчение крестьян, желавших таким образом стать “вольными”.

В Киевской губернии возникли три очага движения, и в центре каждого из них оказались духовные лица. Любопытный пример — священник села Черкас Васильевского уезда Вышинский поместил в «Губернских Ведомостях»

заметку, в которой восхвалял крестьян, изъявивших “готовность по первому зову встать за царя”. Односельчане запомнили, что священник записал их “в казаки”. Вскоре они услышали в церквах царский манифест 29 января 1855 г. о созыве ополчения и восприняли его также как призыв к записи “в казаки”. С казачеством же в исторической памяти украинского народа связывалась вольная жизнь. В селе Федюковка Таращанского уезда возбуждению крестьян способствовала активная деятельность низведенного в причетники дьякона Слотвинского. Он разъезжал по окрестным селам и записывал желающих “в казаки”. Позднее агитатора судили и сослали в Сибирь. Кстати, среди тех, кто был обвинен или заподозрен в сочувствии к крестьянским выступлениям, оказалось 13 низших церковных служителей — дьяконов и причетников — и ни одного священника. Углублению противоречий, видимо, способствовали правительственные меры по улучшению материального положения священников юго-западных епархий за счет прихожан, проводившиеся в 1840—1850-е гг. В селе Кердан того же Таращанского уезда священник Семинский, получив манифест о созыве ополчения и о восшествии на престол Александра II, “по недоразумению и по неопытности привел крестьян к присяге и тем подал повод думать, что они свободны и должны идти в ополчение”¹³.

Известие о записи “в казаки”, сулившее вольность, докатилось и до соседних уездов. В первый момент духовенство принимало рвение крестьян за результат своей патриотической агитации. Один священник “от ревности к Отечеству собрал от 146 крестьян подписки на поступление в ополчение и представил военному губернатору”¹⁴.

Впрочем, спокойно встретили первые вести о народном подъеме и губернские власти. Однако благодушное настроение быстро исчезло. Вскоре разобрались в истинных причинах народного возмущения и священники. Но еще раньше в Киев полетели донесения полицейских чиновников, возлагавших на сельское духовенство всю ответственность за прошедшие события. Священники оказались виноватыми в том, что при чтении манифестов они вольно (или невольно) возбуждали в народе патриотические чувства, следствием которых являлось неповиновение помещикам. Двадцать “возмутителей” духовного звания были вызваны в

консисторию. 9 из них позднее были переведены в отдаленные приходы. 18 марта 1855 г. митрополит и генерал-губернатор потребовали от священников “вразумлять крестьян, что они должны заниматься обычными работами владельцев” и ждать, когда их позовут в ополчение. Духовенству строго запрещалось составлять любые списки, рассуждать на патриотические темы. Однако волнения остановить не удалось. В ряде районов они были подавлены только с помощью солдат¹⁵.

Священники оказались не в состоянии успокоить крестьян. Более того, по приблизительным подсчетам около сотни киевских сел были охвачены выступлениями против самого духовенства. Их жители предъявили претензии 80 служителям Церкви. Несколько примеров. 22 марта 1855 г. в Белую Церковь явился священник села Шкаровка Таращанского уезда Александровский. Он рассказал об угрозах со стороны крестьян, которых никто не мог отвлечь “от засевшей им в голову мысли о казачестве и вольности”. В тот же день в Белую Церковь приехал в разорванной рубахе и автор патриотической заметки в газете Вышинский. С большим трудом он вырвался от своих прихожан, стащивших его с постели и заставлявших записывать их “в казаки”¹⁶. Подобные требования часто сопровождались бранью, угрозами не только в адрес конкретных лиц, но и духовенства в целом. Священнослужителей обвиняли в том, что они “продали свою громаду”, вступили в сговор с помещиками и властями. 10 священников с испуга подписали какие-то бумаги в качестве “вольных грамот”. Слухи о таких “хороших священниках”, якобы объявивших волю, широко распространялись в крестьянской среде. По мнению народных вожаков, они должны были служить примером для остальных упрямец¹⁷.

Страстное желание получить из рук священников “указ о вольности” приводило к частым арестам упорствующих в выдаче дарственных записей. 33 служителя Церкви были в той или иной форме задержаны восставшими. Их насильственно “брали из домов” и под караулом отводили в другие села или, наоборот, окружали в их жилищах, не давая возможности выбраться оттуда. Распоряжение подполковника Афанасьева, посланного усмирять волнения, о вызове 10 человек из каждого окрестного села в Таганчу для увещевания их священником Лебединцевым привело к массо-

вым арестам крестьянством духовенства в Каневском уезде. Мужики решили, что Афанасьев собирается объявить им о “вольности” и взяли с собой священников. Сначала в Таганче, а затем в соседнем селе Корсунь собралось 13 или 14 служителей церкви. Аналогичным образом, но уже без всякого приказа свыше, жители Сквирского уезда привели своих священников в центр выступлений — село Березну¹⁸.

Отказ представителей духовенства удовлетворить народные требования, их попытку увещавать взволновавшихся крестьян привели к раздражению и гневу по отношению к ним. Отчаяние восставших проявилось в открытых расправах и избиваниях священно- и церковнослужителей, жертвами которых стали 19 человек. В ходе народных выступлений некоторые служители Церкви понесли и материальные убытки.

Не останавливались озлобленные крестьяне и перед “оскорблением храмов”. Эти действия отмечены в 10 селах, в большинстве из них восставшие произвели в церквях обыски. В 4 случаях крестьяне в запальчивости проявили неуважение и к церковным обрядам. Священнику Александровскому они заявили: “Не нужно нам утрени, нужно дело делать”. Жители села Березна Сквирского уезда, не дождавшись окончания трехчасового богослужения, сдернули со священника Сикорского ризу и силой выволокли его из церкви¹⁹. Обобщая выступления против Церкви и ее служителей, Киевский митрополит Филарет сообщал Синоду, что в ряде сел крестьяне “насильно брали священников из домов, отламывали двери топорами, забирали имевшиеся там бумаги и, не найдя там желаемых указов, водили священников босых и без шапок по разным селениям, подталкивая их при этом в спину и бока”²⁰. Наиболее ожесточенный характер носили выпады против духовенства именно в тех селах, жители которых оказали открытое сопротивление войскам.

После подавления восстания некоторые священники добивались сурового наказания для обидчиков. Однако местные власти, опасаясь новых волнений, не стали проводить тщательного расследования претензий духовенства на территории большей части губернии. Отношения между причтами и народом до того накалились, что митрополит вынужден был разрядить обстановку, переведя в другие места священников, более “прочих потерпевших от

своих прихожан”. Такие представители духовенства в угоду высшим государственным интересам были наказаны дважды — не только пострадали от рук крестьян, но и понесли значительные убытки при переселении в другие, явно более бедные, приходы.

Новый всплеск народного движения произошел в великорусских губерниях. Здесь крестьянские волнения также оказались связаны с деятельностью выполнявшего свои обязанности духовенства. Главным толчком для них явилось чтение в церквях воззвания Св. Синода об организации ополчения. История его возникновения такова. Николай I, подписав манифест о созыве Государственного Ополчения, посчитал целесообразным составить воззвание “К Чадам Российской Церкви”. Синод поручил составить его Петербургскому митрополиту Никанору. 24 февраля 1855 г. документ был утвержден новым царем, а затем разослан по церквам и монастырям. Как и другие официальные бумаги, воззвание рекомендовалось прочитать в первый воскресный или праздничный день, а в дальнейшем — читать по распоряжению начальства. Кроме того, духовенству рекомендовалось брать из воззвания “мысли к постоянному внушению прихожанам их священного долга”, использовать его (воззвания) идеи при сочинении собственных пастырских наставлений прихожанам²¹.

Между тем выяснилось, что текст воззвания содержал весьма неосторожные с точки зрения властей выражения, которые могли вызвать крестьянские волнения. В частности, Синод предлагал отцам и матерям молодых крестьян по примеру “Державного Дома” послать по царскому зову своих детей в ополчение²². Крестьяне услышали в этих словах требование проявить общественную активность, т.е. привилегию свободных людей, и отмахнулись от надоевших призывов слушаться начальников и помещиков.

В марте–апреле 1855 г. начались крестьянские выступления в Саратовской и Нижегородской, затем — в Самарской и Пермской, а в мае очаги беспорядков появились в Воронежской и Симбирской губерниях. События повсеместно разворачивались сходным образом. Услышав очередной призыв встать на защиту “Веры, Царя и Отечества”, крестьяне повсюду выражали стремление вступить в ополчение. Они были убеждены, что таким образом добьются свободы. Наиболее решительные из кре-

стьян отправились в ближайшие города для поступления в “милицию”. Духовенство во многих местах поддерживало намерения крестьян²³.

Иногда представители духовенства выдавали крестьянам метрические свидетельства, с которыми те покидали родные места. В некоторых селах в честь уходящих в ополчение были отслужены напутственные молебны. Такой молебен, например, организовал священник Харьковской слободы Бирюченского уезда Кутепов. Его одобрил и благочинный Ермолаев. Подобные действия духовных лиц вызывали у крестьян опасную для правительства уверенность в том, что можно уходить на военную службу без разрешения помещиков. “Почин” священников Кутепова и Ермолаева сослужил для властей плохую службу. 23 мая 1855 г. губернатор извещал Воронежского архиерея о том, что “движение делается в обширных размерах и в Харьковской слободе вокруг церкви похоже на ярмарку”²⁴.

Примерно то же происходило и в других местах. В главных районах волнений, в Саратовской и особенно в Воронежской губернии, как и на Украине (Киевская губерния), крестьяне целого ряда сел “возмутились и оставили господские работы”, требуя выдачи “указа о вольности”²⁵. Во всех губерниях, кроме Воронежской, в которую была вызвана военная команда, крестьянские волнения удалось остановить с помощью полиции и при участии духовенства. Повсюду прекратили чтение пресловутого воззвания. По беспокойным районам разъезжали местные чиновники и благочинные. Благочинный города Петровска Саратовской губернии Алонзов по предписанию епископа с 13 мая по 1 июня 1855 г. объехал 6 сел и 3 деревни, вразумляя крестьян. Он считал, что “поводом к таким беспорядкам были неправильные толки крестьян об ополчении, которых ни помещики, ни священники не сильны были вразумить, ибо первым ни в чем не верили, а последних подозревали в согласии с помещиками”²⁶.

Недоверие и неприязнь крестьян к духовенству ярко проявились в период “водворения между ними спокойствия и порядка”. Активные участники выступлений старались переложить ответственность за происшедшее на служителей Церкви. Все 11 духовных лиц, замеченных в неосторожных поступках в Саратовской губернии, были “оговорены крестьянами

в подстрекательстве”. Следствие подтвердило обвинение крестьян только в одном случае. Не-что похожее наблюдалось и в других районах крестьянских выступлений. Интересно, что центральные и местные власти также стремились переложить вину за случившееся на духовенство. Многих из провинившихся служителей Церкви (всего в деле было замешано 62 человека, включая 3-х архиереев) удаляли из приходов, высылали в консистории, отдавали под суд. Только Синод, защищая своих подчиненных, заявил, что служители Церкви не имели “каких-либо вредных и неблагонамеренных умыслов”. Высшие духовные иерархи утверждали, что духовные лица не распространяли среди крестьян “вредной молвы о мнимом освобождении”. Намекая на истинные причины народных выступлений, Синод подчеркнул, что “ложные слухи” распространялись лишь между помещичьими крестьянами, а государственные крестьяне тех же приходов не волновались²⁷. На этом основании духовное начальство потребовало оправдать некоторых из наказанных священников. Реабилитация произошла позднее, в 1858 г., когда в стране уже готовились к отмене крепостного права.

Духовенству Екатеринославской и Херсонской губерний пришлось противостоять крестьянскому стремлению к свободе в 1856 г., когда в связи с окончанием войны по этим краям разнеслись слухи о переселении желающих в Крым и Бессарабию с избавлением добровольцев “от крестьянства” [крепостничества. — Т.Ф.]²⁸.

В годы Крымской войны православное духовенство находилось в самой гуще событий. Многие представители духовенства участвовали в сражениях на море и на суше. Они доказали свой патриотизм не только словом, но и делом, проявив воинский героизм.

В сложной обстановке оказалось провинциальное духовенство многих тыловых губерний. Попытка светских властей опереться на патриотические чувства населения, призывы вступать в ополчение в помещичьей деревне середины 1850-х гг. спровоцировали массовые крестьянские волнения, главной причиной чему было естественное стремление крепостных получить “волю”. Впрочем, иллюзии по отношению к крестьянам частично разделяли и сельские священники — единственные толкователи правительственной политики на местах, непосредственно общавшиеся со своими

прихожанами. Последующие донесения духовных лиц о действиях крепостных крестьян, требовавших записи в ополчение, побудительными мотивами называют только желание последних освободиться от власти помещиков. Их (священников) сведения могли бы помочь цен-

тральной и местной администрации разобраться в глубинных причинах событий, однако крестьянские волнения вызвали у властей лишь раздражение по отношению к духовному сословию, объявленному главным виновником случившегося.

Примечания

- ¹ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф.796. Оп.135, 1854. Д.1054. Л.31об.—32; Филарет (Дроздов В.М.). Сочинения Филарета, митрополита Московского: Слова и речи. М., 1885. Т.5. С.281.
- ² РГИА. Ф.797. Оп.24. II отд., 2 ст. Д.355. Л.1об.
- ³ Там же. Д.319. Л.1—1об.
- ⁴ Там же. Д.16. Л.73, 82; Ф.796. Оп.136. Д.668. Л.1.
- ⁵ Там же. Оп.23. II отд., 2 ст. Д.370. Л.1—2.
- ⁶ Там же. Ф.796. Оп.135. Д.527. Л.13об.—14об.
- ⁷ Там же. Оп.136. Д.1532. Л.1.
- ⁸ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Архангельск, 1975. С.121—129.
- ⁹ РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.1069. Л.20—21об.
- ¹⁰ Катанский Н.А. Наши пленные во Франции в 1854—1855 гг. // Исторический Вестник. 1916. Т.146. С.711, 723.
- ¹¹ РГИА. Ф.797. Оп.24. II отд., 1 ст. Д.238. Л.1—14.
- ¹² Барабой А.З. О характере крестьянского движения 1855 г. в Киевской губернии // Исторические записки. 1958. Т.62. С.245.
- ¹³ РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.391. Л.11—11об., 13, 19—19об., 35—35об.; Ф.797. Оп.25. III отд., 1 ст. Д.44. Л.59—60; Л.М. Заметки к истории киевской казаччины 1855 г. // Киевская Старина. 1905. Т.88. С.48—59.
- ¹⁴ РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.391. Л.11об.
- ¹⁵ Там же. Д.460. Л.2об.; Д.391. Л.12—14об.
- ¹⁶ Лебединцев П.Г. Заметки протоиерея П.Г.Лебединцева о “козашине” 1855 г. // Киевская Старина. 1900. Т.70. С.5—9.
- ¹⁷ Сикорский В. Из воспоминаний потерпевшего во время крестьянских волнений 1855 г. // Киевская Старина. 1882. Т.2. С.92, 94—96.
- ¹⁸ РГИА. Ф.1286. Оп.16. Д.857. Л.65—65об.; Киевская Старина. 1882. Т.1. С.387, 392; Киевская Старина. 1900. Т.70. С.41.
- ¹⁹ Киевская Старина. 1882. Т.1. С.185—187; Киевская Старина. 1900. Т.70. С.8.
- ²⁰ РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.391. Л.14.
- ²¹ Там же. Оп.135. Д.2045. Л.73—73об., 147, 153.
- ²² Воззвание Св. Правительствующего Синода к чадам православной российской церкви по случаю государственного ополчения // Христианское Чтение. 1855. Ч.1. С.246—249.
- ²³ РГИА. Ф.796. Оп.136. Д.489. Л.1—2, 16—16об.
- ²⁴ Там же. Ф.797. Оп.25. II отд., 1 ст. Д.202. Л.46об.—48; Ф.796. Оп.136. Д.596. Л.9—9об.
- ²⁵ Там же. Ф.796. Оп.136. Д.596. Л.27, 32—32об.
- ²⁶ Там же. Д.489. Л.142об.
- ²⁷ Там же. Ф.797. Оп.25. II отд., 1 ст. Д.202. Л.58.
- ²⁸ Там же. Оп.26. II отд., 1 ст. Д.216. Л.1—2; Ф.796. Оп.137. Д.1395. Л.7—7об.

Военное духовенство России (К вопросу о материальном положении священно- и церковнослужителей русской армии и флота последней четверти XIX — начала XX столетий)

Как известно, Православная Российская Церковь была главенствующей конфессией империи, пользовавшейся особым покровительством и поддержкой государства. Ее права (по сравнению со всеми другими религиозными деноминациями империи) были несравненно шире и защищались хотя бы уже тем, что император не мог исповедовать никакой иной веры, кроме православной, и побукве закона считался “Верховным Ктитором” Церкви. Однако внешнее могущество православной церковной организации вовсе не свидетельствовало о благополучии ее клира, материальное положение которого в указанное нами время продолжало оставаться чрезвычайно непростым. “Рядовой” русский священнослужитель имел среднегодовой доход в 500—600 рублей (максимум 700—800), “считая тут все, и подаяние “натурою” (“новины” к осени)”¹. Разумеется, на такие средства обыкновенно многочисленной семье православного иерея существовать было затруднительно: русский “батюшка” больше должен был думать о хлебе насущном, чем “об идейно-пастырском служении своем”². Подобное положение, конечно, не могло способствовать укреплению влияния и авторитета православного духовенства на верующую православную массу, которая зачастую за “формой” просто не видела “содержания”.

Тот факт, что духовенство (прежде всего сельское) терпит тяжелую нужду, не являлся секретом для “властей предрежащих”, однако

положение это так до конца и не было исправлено, чему косвенным доказательством может служить следующее обстоятельство: к началу XX столетия, по свидетельству митрополита Евлогия (Георгиевского), в то время являвшегося епископом Люблинским, “духовные семинарии не давали достаточного числа кандидатов-священников. Во многих епархиях отмечался их недостаток, многие семинаристы, особенно в Сибири, не хотели принимать священнического сана. Благовещенская семинария за 10 лет не выпустила ни одного священника; религиозный энтузиазм в семинарии потух, молодежь устремлялась на гражданскую службу, на прииски, в промышленные предприятия”³.

На этом фоне, думается, и стоит рассматривать вопрос о материальном положении православного духовенства, служившего в военном ведомстве и, с одной стороны, разделявшего вместе с армией все тяготы службы, а с другой — выполнявшего свои пастырские обязанности в одинаковых со “штатскими” иереями условиях.

Особых духовных семинарий, в которых готовились бы к будущей службе (лучше сказать — служению) в войсках России у Православной Церкви не было. Ряды военного духовенства пополнялись обычно следующим образом: желающий служить писал прошение и, если его начальство принципиальных возражений против этого не имело, получал назначе-

ние и отправлялся в указываемую ему часть. Как правило, военные священно- и церковнослужители являлись выходцами из духовного сословия и прекрасно знали все мелочи “прото и просто иерейской жизни”. Вынужденное вместе с войсками менять места дислокации, переезжая с места на место, военное духовенство вполне законно могло претендовать и на распространение на него прав служащих в армии офицеров, пользовавшихся определенными привилегиями (тем более, что казенное жалование для военного духовенства ничем не превышало жалованья “гражданских” священнослужителей). Однако это обстоятельство не сразу было осознано руководителями Военного министерства, вначале смотревшими на священно- и церковнослужителей как на лиц, не имевших прямого отношения к их ведомству. Так, 22 мая 1871 г. царем было утверждено положение об эмеритальной кассе Военно-сухопутного ведомства с целью “производства пенсий и пособий ее участникам и их семействам”⁴. Размеры пенсий устанавливались в зависимости от участия в кассе и продолжительности непрерывной службы в ведомстве, причем пенсии и пособия, выдаваемые на основании общих законов или особых Уставов и постановлений пенсиями, выдаваемыми из эмеритальных касс, не “перекрывались”. Однако православное духовенство армии к военной эмеритуре тогда присоединено не было.

Следовательно, создание в Военно-сухопутном ведомстве подобной кассы должно было содействовать улучшению материального обеспечения служащих чинов этого ведомства, в то время как военные священники никаких материальных улучшений не получили. Только спустя почти три с половиной года, 18 сентября 1874 г., Александр II утвердил положение Военного Совета «О присоединении к военной эмеритуре православного духовенства армии» (с 1-го января 1875 г.). “При исчислении выслуги священнослужителями 25 и 35-ти летнего срока, определяющего классы эмеритальных пенсий, — говорилось в законе, — считать эти сроки со дня назначения их причетниками или посвящения в сан священнослужителя”⁵. С этого времени военные священники получили право на эмеритальные пенсии, начислявшиеся из окладов соответствующих высших, старших и младших офицеров. Так, прослужившие в военном ведомстве 35 лет свя-

щенно- и церковнослужители при 35-ти платных годах в эмеритальную кассу могли получить пенсию, исходя из окладов: для Главных священников — наравне с генерал-лейтенантами; для протоиереев, занимавших должности благочинных не менее 5-ти лет и для настоятелей неподвижных соборов — наравне с полковниками, получающими столовые деньги; для протоиереев — наравне с полковниками, не получающих столовых денег; для священников — наравне с майорами; для диаконов — наравне с поручиками⁶. Примечательно, что в состав комиссии, рассматривавшей вопрос о присоединении военного духовенства к военной же эмеритуре были привлечены и представители православных священнослужителей — протоиерей (в то время) кавалергардского полка А.А.Желобовский и настоятель столичного Адмиралтейского собора протоиерей Левитский⁷. В 1879 г. к общей эмеритуре Морского ведомства было присоединено и флотское духовенство⁸.

Подобное уравнивание в правах на пенсии с офицерами можно признать значительным шагом вперед в деле улучшения материального положения военных пастырей, уровень благосостояния которых по сравнению с “гражданскими” иереями с того времени значительно вырос. Примером этому может служить положение Военного Совета, утвержденное императором Александром III 24 июля 1887 г. Согласно названному положению, духовенству, служившему в войсках, управлениях и заведениях Военного ведомства, было присвоено жалованье, столовые и квартирные деньги наравне с офицерами — от высших чинов до подпрапорщика включительно. Чтобы читатель наиболее ясно представил себе, каковы были оклады содержания военного духовенства по принятому в 1887 г. положению, считаем небезполезным привести раскрывающую этот вопрос таблицу⁹.

Следующим шагом в деле “уравнивания в правах” военного духовенства с офицерами армии стал приказ по Военному ведомству за №45 (от 26 февраля 1888 г.), в котором было объявлено об утверждении Александром III положения о новых служебных правах и окладах содержания находившимся на службе при войсках священно- и церковнослужителям; а приказом за №20 (от 10 февраля 1890 г.) это положение распространено было и на морское духовенство¹⁰.

Звание чинов	С какими чинами они сравнимы	Оклады содержания		
		Жалованья	Столовых	Квартирных
		Рубли		
Главный священник гвардии, гренадер, армии и флота	С генерал-лейтенантом	1.356	2.400	Натурою
Главный священник Кавказского округа	С генерал-майором	Усилен. 1.524	1.400	То же
Настоятели военных соборов и протоиереи-благочинные	С полковником, младшим штаб-офицером	687	546	По чину штаб-офицера и разряду местности от 500 до 150 р.
Нештатный протоиерей и священник в звании благочинного	С подполковником, но столовые деньги уменьшены на 126 р.	531	420	По штаб-офицерскому чину
Священник	С капитаном, ротным командиром	366	366	Оклад ротного командира от 300 до 100 р.
Штатный диакон	С поручиком	312	183	Оклад младшего обер-офицера от 200 до 70 р.
Нештатный диакон	То же	312	—	То же
Псаломщик из духовного сословия	С подпрапорщиком	240	—	По разряду местности от 180 до 48 р.

Приказом 1888 г. для священнослужителей, получавших жалованье по основному окладу, были установлены срочные прибавки в сумме 336 рублей, а для получавших эти же надбавки по усиленному окладу — 549 рублей. Однако в исследуемое время размеры окладов священнослужителей всех категорий были неодинаковы, что неминуемо запутывало проблему финансового обеспечения духовенства, числящегося по Военному ведомству. Поэтому, спустя одиннадцать лет, данный вопрос был вновь поднят Военным Советом, положение которого Николай II утвердил 29 марта 1899 г. Согласно этому положению устанавливались однообразные размеры окладов для всех категорий священнослужителей, из этих окладов уже и начислялись срочные прибавки, положенные православным пастырям по приказу 1888 г.¹² В определенном смысле, актом 29 марта было завершено создание правовой базы, на основании которой в дальнейшем решались вопросы финансового обеспечения военных священно- и церковнослужителей.

Возвращаясь на несколько лет назад, необходимо заметить, что после учреждения в 1890 г. должности протопресвитера военного и морского духовенства (на которую был назначен протоиерей Александр Алексеевич Желобовский), был разработан и новый штат управления протопресвитера. Согласно этому штату (утвержденному 9 марта 1892 г.) Желобовский получал 3256 р. 62 коп. жалованья, 3256 р. 62 коп. столовых и 1500 р. квартирных денег в год (т.е. всего 8013 р. 24 коп.)¹³. Таким образом, хотя должность военного протопресвитера и сравнивалась с чином генерал-лейтенанта (как до того должность Главного священника), оклад содержания ее значительно превышал генеральский. (Если сравнить оклад протопресвитера 1892 г. с окладом Главного священника гвардии, гренадер, армии и флота по принятому в 1887 г. положению, то разница составит почти 50%). Через семь лет после этого, благодаря содействию Военного министра А.Н.Куропаткина и по ходатайству А.А.Желобовского, для военного духовенства были вве-

денежные, взамен действовавших, новые таблицы увеличенных окладов жалования и столовых денег. Так, настоятель военного собора и протоиерей-благочинный с 1 июля 1899 г. стал получать 1200 р. основного жалования (или 1536 р. усиленного); нештатный протоиерей и священник в звании благочинного — 1080 р. (или 1344 р. усиленного); священник — 900 р. (или 1080 р.); штатный диакон — 720 р. (или 877 р.); нештатный диакон — 600 р. (или 732 р.); и, наконец, псаломщик из духовного звания — 240 р. (или 360 р.)¹⁴. Как видим, за двенадцать лет (с 24 июля 1887 г.) оклады военного духовенства (основное жалование) выросли более чем на 40%. Расширялись масштабы и церковного строительства по Военному ведомству¹⁵, что косвенно свидетельствовало о материальном благополучии управления протопресвитера русской армии и флота, — ведь новые церкви нуждались в кадровых военных священнослужителях, т.е. речь шла об увеличении штатов.

С другой стороны, 26 февраля 1902 г. царем было утверждено мнение Государственного Совета «Об изменении правил о пенсиях военному духовенству», по которому размер пенсий ушедших «на покой» военных «батюшек» значительно увеличивался. Полный оклад пенсии получали те священно- и церковнослужители, которые прослужили тридцать пять и более лет. Семьи военного духовенства, в случае смерти кормильца, также имели право на пенсию: близким священно- и церковнослужителей, не выслужившим права на пенсию и умершим от заражения при исполнении духовных треб, назначалось единовременное пособие в размере годового оклада жалования и пенсии по сокращенному сроку: за службу менее шести лет — 1/3 оклада; от 6 до 12 лет — 1/2 оклада; и за службу от 12 лет и более — полный оклад пенсии. Если же священно- и церковнослужитель был убит в сражении или умер от ран, его семья получала полный оклад пенсии вне зависимости от срока службы кормильца¹⁶. Согласно «Табели окладов пенсий священно- и церковнослужителям военного духовенства», настоятелю военного собора и протоиерею-благочинному, выслужившим полный срок (35 и более лет), полагалось 687 рублей в год; нештатному протоиерею и священнику в звании благочинного — 531 р.; священнику — 366 р.; штатному и нештатному диакону — 312 р. и псаломщику — 240 р.¹⁷

Пенсия протопресвитеру военного и морского духовенства назначалась по особому царскому повелению и поэтому не была фиксирована¹⁸.

Согласно вышеприведенной «Табели» получается, что низший представитель военного духовенства — отслуживший полный срок псаломщик — получал 20 рублей в месяц, т.е. был вполне удовлетворительно (по меркам того времени) обеспечен по старости. При этом священно- и церковнослужители военного и морского ведомства пользовались услугами эмеритальной кассы, получая дополнительное материальное вспомоществование.

Невоенное православное духовенство обеспечивалось значительно хуже. Достаточно указать, что новый устав о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям и псаломщикам епархиального ведомства, утвержденный только 3 июня 1902 г., предполагал максимальный пенсионный оклад в сумме 500 рублей в год (для протоиереев-настоятелей кафедральных соборов); ключари этих соборов и штатные протоиереи, прослужив 35 и более лет, могли рассчитывать лишь на 400 рублей. Нештатные протоиереи, священники и протодиаконы по старости имели право на пенсию в сумме 300 рублей; штатные диаконы и иподиаконы — на 200 рублей и штатные псаломщики (а также диаконы на псаломщических вакансиях) — на 100 рублей¹⁹.

Разница в материальном обеспечении тех и других представителей Православной Российской Церкви — налицо. Военное ведомство заботилось о числящихся в его составе иереях и стремилось существенно улучшить их положение. Особенно помогал военному духовенству генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, который и добился утверждения царем новой «Табели окладам пенсий священно- и церковнослужителей Военного ведомства»²⁰. По словам А.А. Желобовского, Куропаткин относился «с особенным сочувствием к делам религии и истинно отеческим вниманием к нуждам ее служителей в войсковых частях»²¹.

Не трудно понять заслуженного протопресвитера: интересы его управления, напрямую связанные с Военным министерством, Куропаткиным (как и его предшественниками на министерском посту, кстати сказать) полностью учитывались. Доказательством относительного благополучия управления протопресвитера военного и морского духовенства может служить тот факт, что численность этого духо-

венства и принадлежавших управлению Желобовского соборов и церквей из года в год увеличивалась, причем темпы роста значительно превосходили аналогичные показатели в целом по Православной Российской Церкви. Так, в 1891 г. в ведении протопресвитера русской армии и флота состояло 106 протоиереев, 337 священников, 2 протодиакона, 55 диаконов и 68 псаломщиков (всего 569 человек), из которых лишь 102 человека имели училищное и домашнее образование, большинство же (438) — семинарское, 29 человек закончили духовную академию. Число соборов, а также полковых, домовых, госпитальных, учрежденческих и др. церквей превышало цифру 400²².

К 1909 г. численность военного духовенства значительно увеличилась. В управлении протопресвитера русской армии и флота к тому времени состояло 156 протоиереев, 588 священников, 138 диаконов и 95 псаломщиков

(всего — 977 человек). Соборов и церквей в управлении А.А.Желобовского было уже 809²³.

Материальное положение военного духовенства во многом способствовало притоку в его ряды деятельных, инициативных священников, которые, разделяя с армией ее тяготы и заботы²⁴, вместе с тем могли не мучаться мыслью одолевания «хлеба насущного», омрачавшей существование абсолютного большинства сельских иереев православной России. Это обстоятельство, как нам представляется, и влияло на то, что численность военного духовенства существенно увеличивалась из года в год, причем священно- и церковнослужители, приходившие в армию и на флот в подавляющем большинстве оказывались достойными пастырями православных (по конфессиональной принадлежности) воинов.

Примечания

¹ Розанов В.В. Бегство из духовного сословия // Новый Путь. 1904. №8. С.250.

² Александровский А. Полвека среди духовенства // Голос Минувшего. 1917. №11—12. С.287.

³ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т.Манухиной. Париж, 1947. С.199.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2 (ПСЗ—II). Отд. I. СПб., 1874. Т. XLVI. С. 713. Эмеритальный капитал составили: императорское пожалованье эмеритальной кассе (7 1/2 млн. руб.), существовавшие в виде 4% бессрочного долга государственного казначейства; вспомогательные офицерские капиталы бывших военных поселений и ежегодные остатки, за расходами кассы из ее поступлений. Доходы кассы составлялись из процентов на пожалованье (300 тыс. в год); из платежей участников эмеритальной кассы (6% и 3% вычетов и взносов) и из прибылей от принадлежащих кассе бумаг и от выданных в ссуду под аренды денег (там же. С.714).

⁵ ПСЗ—II. Отд. II. СПб., 1876. Т. LXIX. С. 237.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800—1900 гг.) / Сост. Ф.Ласкеев. СПб., 1900. С.103.

⁸ Там же. С.105.

⁹ ПСЗ—III. СПб., 1889. Т. VII. Приложения. Штаты и таблицы. С. 237.

¹⁰ Историческая записка... С.100.

¹¹ К слову сказать, составитель «Исторической справки» священник Федор Ласкеев ошибочно заявляет, что именно по положению 1888 г. были введены одинаковые оклады содержания военному духовенству (Там же). Стоит также отметить, что десять лет спустя, в 1898 г., были введены квартирные оклады для псаломщиков.

¹² См: ПСЗ—III. Отд. I. СПб., 1902. Т. XIX. С. 262.

¹³ Историческая записка... С.100.

¹⁴ Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. XIII. Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. Исторический очерк / Сост. А.А.Желобовский. С.44.

¹⁵ Так, в 1901 г. на нужды церковного строительства по Военного ведомству было отпущено 200 тыс. рублей, а в 1902 и в 1903 гг. — по 450 тыс. (Там же. С.63).

16 См.: ПСЗ—III. Отд. I. СПб., 1903. Т. XXI. С. 97—98.

17 Там же. Отд. II. Приложения. С. 126.

18 Там же.

19 Там же. Отд. I. СПб., 1904. Т. XXII. С. 489.

20 Столетие Военного министерства. С. 47.

21 Там же.

22 Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VI. С. 846;

23 Новый энциклопедический словарь. СПб., Б/г. Т. II. Стб. 191.

24 Свидетельством этого является тот факт, что за мужество до 1904 г. золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте было награждено 111 представителей военного духовенства; 8 человек за военные отличия получили золотые наперсные кресты из Кабинета Его Величества, а 31 священник — от Святейшего Синода. В Русско-японской войне 12 священников были ранены и контужены, а 19 находились в плену у неприятеля (попав туда с другими участниками сражений). (Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. IX. С. 244—245).

«Корниловский мятеж» как феномен политической психологии

«Корниловский мятеж», фактологическая сторона которого достаточно обстоятельно реконструирована отечественными историками¹, может быть проанализирован и в другой плоскости. Речь идет о нетрадиционном для нашей историографии подходе к так называемому «корниловскому мятежу» как к явлению политической культуры России периода 1917 г. И смысл его отнюдь не исчерпывался столкновением амбиций Керенского и Корнилова, передвижением воинских частей и арестом части высшего генералитета. «Корниловский мятеж», которому в течение нескольких месяцев предшествовали сложные манипуляции с политической символикой, — точно так же, как и после его «поражения», — занимал объективное, самостоятельное место в общественном сознании. Образ Корнилова и ситуации, связанной с его именем, функционировал длительное время как знак, вызывающий те или иные отклики в массовом сознании. Оказавшись логичным проявлением особенностей политического контекста российской революции, образ «корниловщины» определял стиль массовых настроений и поведения, влиял на отношения между политическими силами оказывал воздействие на динамику развивающихся событий и, что называется, темп «исторического времени». Иными словами, «корниловский мятеж» по своему значению оказался не локальным политическим эксцессом, а социокультурным явлением с далекими историческими последствиями, своего рода феноменом политической психологии.

Политическая психология, включающая такие элементы, как мотивы, потребности, цели, идеалы, ценности, чувства, эмоции, настроения², позволяет приблизиться к пониманию смысла такого явления, как «корниловский мятеж». Данная статья — попытка наме-

тить ключевые моменты, без учета которых трудно составить адекватное представление о существовавшей в контексте революции 1917 г. «корниловщине».

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов своим стремительным взлетом был обязан одному — русской революции 1917 г. и вызванным ею социально-психологическим сдвигам. В массовом сознании обывателя изначально существовала ниша, которую могла бы заполнить фигура, символизирующая одновременно с революционной, «разрушительной» тенденцией установки на сохранение таких «консервативных» начал, как «порядок», «сильная власть», «патриотизм». И Корнилов оказался одной из наиболее ярких личностей, способных благодаря своему универсальному образу удовлетворить эти потребности. Помимо, конечно, Керенско-

го... Вспыхнувшая в Феврале 1917 г. на политическом небосводе звезда Керенского выражала особенности сложившейся в тот момент социально-психологической ситуации. В то же время фигура Керенского, которому в период крушения монархии и в первые месяцы после этого удавалось удовлетворить потребность публики в социальной демагогии на тему «свободной России», выполняла роль своего рода эталона, модели, определяющей характерный для 1917 г. стиль политического лидерства³.

Однако, уже летом стало очевидно, что стихия популизма, на которой Керенский балансировал лучше всех, оказывается плохо управляемой, — «свободные граждане» отнюдь не были настроены слепо следовать всем заветам «любимого сына русской революции». Несмотря ни на какие красивые слова о «гражданском долге перед Родиной и Революцией», останавливались заводы. Риторика на тему «революционной войны» не удерживала солдат от

бегства с фронта, где в начале июля захлебнулось широко разрекламированное наступление. Большевики, как показали выступления 3—4 июля в Петрограде, превращались все более в силу, способную манипулировать “стихийной”. Обыватели же с ностальгией констатировали, что при “старом порядке” продовольственные “хвосты” были короче... Таким образом, объективно требовался символ “твердой власти”, человек, способный своим авторитетом сделать “законными”, приемлемыми для массового сознания “крутые” меры по “наведению порядка”.

Первоначально сам Керенский пытался выступить в подобной роли. Подготовка и начало наступления 18 июня была подходящим поводом для того, чтобы осуществить в массовой пропаганде своего рода “национальную легитимацию” и самой революции, и ее лидера. Теперь массовому сознанию предлагался миф: благодаря революции изменился смысл участия России в войне. Она защищает завоеванную свободу от Германии, грозящей вернуть России “оковы деспотизма”, выступает вместе с другими “свободными странами”, наконец, своей активной позицией вынуждает другие государства последовать принципу “мира без аннексий и контрибуций”. В концентрированной форме эта идеология может быть представлена в таком виде:

Мы все должны добиться мира,
Добиться мира, — только так,
Чтоб вновь не гнула нас порфира,
Не бил державнейший кулак⁴.

Что же касается Керенского, то одновременно создавался его образ как “вождя революции” и как военного предводителя, “спасителя революции”, выполняющего огромную работу, борющегося с контрреволюцией и анархией, восстанавливающего армию. Вынужденные чрезвычайные полномочия, принятые Керенским, оправдывали и усиление его власти, и применение для “наведения порядка” репрессий, в том числе восстановление отвергавшейся ранее смертной казни: “Он, взваливший на свои плечи исполинскую работу, денно и нощно поддерживающий огонь на алтаре Революции, священнодействующий каждым актом и каждым словом своим, весь принадлежащий России, ее избранник и ее жертва — он имеет право не только звать, но и приказывать!”⁵ Представляемому Керенским социолекту “революционного патриотизма” придавался не-

кий сакральный смысл, обеспечивающий ему неминуемый успех: “Голос неутомимого «собирателя русской земли», русской мощи должен быть услышан, наконец, Россией, должен спаять ее в «великом жертвенном подвиге»”⁶.

Несмотря на использование подобной политической риторики в июле 1917 г. в массовом сознании становилась все более популярной идея о придании высшей государственной власти “военного лица”: “Военная власть должна отойти к правительству прямо, открыто и безусловно!”⁷ Говорилось, что если лично Керенский не в состоянии установить “твердую власть”, то это должен сделать кто-то из его министров или включенный в состав правительства представитель русской армии. Примечательно, что с такой идеей выступали отнюдь не только посланники “цензовых кругов”. Правительственные комиссары М.М. Филоненко и Б.В. Савинков рассчитывали, что министру-председателю Керенскому, их товарищу по партии эсеров, поможет укрепить свое положение как национального лидера сближение с Корниловым, фигура которого оказывалась все более популярной...

Корнилов для превращения в харизматического лидера имел все условия. 47-летний генерал был одним из немногих представителей высшего офицерства, которые одновременно имели репутацию “героев войны” и при этом не ассоциировались с бесславным царским режимом. Но, что особенно ценно, генералу Корнилову, оказавшемуся в дни февральского переворота в Петрограде, на “новой передовой”, довелось прославиться и “заслугами перед революцией”. Тогда все издания обошло воззвание “революционного командующего” Петроградским военным округом Корнилова «К солдатам Новой Армии и Гражданам Свободной России»: “К вам обращаюсь теперь, доблестные войска: Великий Русский Народ дал Родине свободу — Русская Армия должна дать ей Победу!” И хотя подобные слова были общепринятой риторикой, мало кто мог похвастаться кроме слов таким ярким “подвигом”, как арест императрицы Александры Федоровны в Александровском дворце Царского Села, и при том по указанию Исполкома Петросовета!

Однако основным элементом, на котором строился имидж Корнилова как “национального героя”, была его воинская храбрость. Многими видными военачальниками отмечалось, что это, очевидно, его единственная сильная сторо-

на как военного. А.А.Брусилов, говоривший, что Корнилов “это начальник лихого партизанского отряда — и больше ничего”, трижды хотел отдать его под суд за невыполнение приказов. Брусилов, дав Корнилову как профессиональному военному убийственную характеристику, в то же время отмечал некую загадочную привлекательность генерала при общении с людьми: “Странно дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел: во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову”⁸.

Но для мифологизированного образа Корнилова, складывающегося в массовом сознании, подобные нюансы были неуместны. Более эффективным казалось, например, подчеркивая “героизм” Корнилова, постоянно апеллировать к получаемой генералом “всенародной поддержке”. Как писал Н.Н.Брешко-Брешковский, известный своей борьбой со “шпиономанией” на сотнях страниц популярных романов⁹, “демократия настоящая, не возвращенная в “институтах красоты” и в женевских пивных, — уже высказалась. Генерал Корнилов, народный герой, вернувшийся из плена не в запломбированном вагоне, а пешком, в 22 дневном легендарном бегстве своем питавшийся травой и кореньями, ежедневно получал и получает отовсюду сотни восторженных писем. Эти сотни писем — сотни бойцов, стремящихся в “корниловские” ударные батальоны”¹⁰. Или инициировать психоз, связанный с возможными покушениями на “бесстрашного генерала” со стороны “врагов народа”: “Корнилов, сильный, отважный, верящий, — “чему быть, того не миновать”, никогда не принимал мер к своей охране. Об этом заботились другие. Туркменский полк, с которым Корнилов говорит на его языке, предан ему безгранично, особенной восточной преданностью... Наемные убийцы действуют в дружеском согласии с продажными клеветниками”¹¹.

Наконец, в массовом сознании получала распространение так же идея о том, что именно Корнилов — наиболее удобная кандидатура для “укрепления власти”: “Дело оказалось не в полноте власти, а в умении ею пользоваться! Керенскому была вручена вся полнота власти, отчего же у нас нет до сих пор правительства?” Выход — “призвать” Корнилова: “Страна на-

ша велика и обильна, но порядка в ней нет. Найдите начало, с которого в ней начинается порядок, а мы все будем вам помогать! Конечно, Корнилов откажется — довольно с него и армии! Еще раз попросим! Чего же делать, когда мы заблудились между трех сосен: партии торгуются из-за власти, а настоящей власти среди них не оказывается!”¹²

Назначение 17 июля Керенским на пост Верховного главнокомандующего Корнилова было в значительной степени реакцией на формирование в массовом сознании такого образа генерала. При этом, как подтвердило заседание в Ставке, Корнилов производил на Керенского впечатление достаточно лояльного военачальника, который ограничится наведением порядка в армии и не будет вмешиваться в политику. Корнилов воспринимался как фигура, противостоящая в Ставке “царским генералам”. Они во главе с Деникиным обрушили на премьера град обвинений в развале армии и страны, потребовав, например, таких неприемлемых для Керенского мер, как восстановление полновластия офицеров, отмена декларации прав военнослужащих, ликвидация институтов комиссаров и демократических комитетов, введение военных судов и полное запрещение политической деятельности в армии¹³. На этом фоне позиция Корнилова, высказывавшегося даже за сохранение в войсках армейских комитетов и усиление роли правительственных комиссаров, казалась более выигрышной.

“Программа” же Корнилова, согласованная с Керенским и его военными комиссарами Савинковым и Филоненко, включала, однако, меры, считавшиеся неприемлемыми в исполнении “царских генералов”, — например, “военно-революционные суды” на всей территории России. И другие “решительные шаги”, намеченные Корниловым и Временным правительством, — перевод на военное положение железных дорог и оборонных предприятий, временные запреты стачек, собраний, локауты, ужесточение норм выработки, передача главноверху командования Петроградским округом и создание специальной Петроградской армии и т.п., — говорят о том, что для Керенского ключевое значение имело то, с чьим именем они будут связываться в сознании населения¹⁴.

Однако вскоре образ Корнилова начал приобретать самостоятельное значение. Генерал, отказывающийся на словах вникать в

“политику”, становился, в то же время, политической фигурой — спасение армии от развала, а страны — от поражения, невольно становилось “политикой”. Как человек, персонафицирующий сторонников борьбы с “анархией”, Корнилов оказывается фигурой, на которую начинают делать ставку многие политические силы. С ним связывают надежды представители “право-центристской” политической группировки — она включала кадетов, октябристов, представителей банковских и промышленных кругов, либеральную интеллигенцию.

Таким образом, “корниловское движение” оказалось, по сути, новой формой деятельности для той политической элиты, которая, не выступая открыто против Временного правительства, требовала активизации борьбы с политикой Петросовета, разрыва Керенского с практикой “соглашательства”, радикальных антибольшевистских мер. Это политическое течение оказалось практически вытеснено в “свободной России” радикалами и “революционной демократией” с легальной политической арены, было лишено возможности влиять на государственную политику. Государственная дума, где они имели прочные позиции, была устранена, ограничив работу редкими “частными совещаниями”. Квази-представительства, например, Государственное совещание, имели лишь символический смысл и могли, в лучшем случае, оказать воздействие на настроение Керенского. Наконец, Временное правительство, формально “коалиционное”, не позволяло “министрам-капиталистам” в полной мере выразить интересы стоящих за ними политических и промышленных группировок. Складывалась парадоксальная ситуация, когда считавшиеся таковыми М.И.Терещенко и Н.В.Некрасов оказывались прежде всего очень близкими друзьями социалиста Керенского, с которым их связывали узы масонского “братства”, а потом уже “лоббистами” “цензовых” кругов. Такой оригинальный механизм политического взаимодействия лишь усиливал тенденции конфронтационности, стимулируя неудовлетворенные “право-центристские” круги к поиску себе лидеров типа Корнилова.

Поэтому традиционная для советской историографии оценка Корнилова как представителя “реакции” явно неадекватна. «Корниловское движение», в соответствии с характерным для буржуазно-либеральных кругов

“прагматизмом”, исходило из основной реалии революционной России 1917 г. — поскольку возврат к монархии невозможен, то необходимо руководствоваться принципом верховенства Учредительного Собрания. “Я заявляю, — провозглашал Корнилов уже в дни “мятежа”, — что всегда буду стоять за то, что судьба России и вопрос о форме правления страны должно решать Учредительное собрание, которое одно лишь может и должно выразить Державную Волю Русского Народа, его дальнейшую судьбу. Я заявляю, что никогда не буду поддерживать ни одной политической комбинации, которая имеет целью восстановление дома Романовых, считая, что эта династия, в лице ее последних представителей, сыграла роковую роль в жизни страны”¹⁵.

Что же касается организационных форм “корниловщины”, то, по сути, отсутствовали какие-либо связи с “тайными организациями”, в том числе и с «Республиканским центром». Более того, Корнилов негативно отзывался о тех офицерских организациях, которые ставили целью реставрацию монархии — они вызывали иронию своими шумными пирушками в ресторанах типа «Аквариум» или «Вилла Родэ» не только у самого Корнилова, но и, например, у Деникина¹⁶. По словам Деникина, “за Корниловым, не смотря на отсутствие в нем интереса к чисто политическим вопросам и классовой борьбе, — стояли буржуазия, либеральная демократия и то безличное студенистое человеческое море русской обывательщины, по которой больно ударили и громы самодержавия и молнии революции и которая хотела только покоя. Стояли — одни явно, другие тайно, третьи полусознательно”¹⁷. Примечательно, что отсутствие у Корнилова сколь-нибудь существенной организации и “контрреволюционных замыслов” не было секретом для различных слоев общества. Так, например, полковник А.И.Верховский, командующий войсками Московского округа, назначенный в сентябре 1917 г. Керенским за свою “революционную преданность” военным министром в Директории, откровенно признавал: “...я знаю, что никакой пока мысли о контрреволюции даже у людей, готовящих переворот, нет”. При этом он вспоминал, как в разговоре с ним Корнилов заявлял: “Людей, которые приходят ко мне говорить о монархии, я гоню прочь. Новый строй государственной жизни народ определит себе сам через Учредительное собра-

ние”¹⁸. З.Гиппиус отмечала, правда с сожалением: “Ни секунды я не была “на стороне Корнилова” уже потому, что этой “стороны” вовсе не было”¹⁹.

Эта особенность сказалась на характере самого «корниловского мятежа». По сути, единственным проявлением “мятежа” оказалось движение на Петроград войск, вызванных по согласованию с Временным правительством (в том числе и корпуса генерала А.М.Крымова), а так же знаменитые переговоры Корнилова с Керенским (якобы в присутствии В.Н.Львова), в которых Верховный главнокомандующий подтвердил лишь приглашение в Ставку премьер-министра!²⁰

Обвинение Корнилова в “измене”, в стремлении к “установлению в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции”, сразу же вызвало к жизни версию о том, что Керенский сознательно спровоцировал Корнилова и чуть ли не в течение двух месяцев заманивал его в ловушку. Документальных доказательств существования подобного плана нет. Однако, учитывая как особенности социально-психологической ситуации того времени, так и неуравновешенный стиль поведения Керенского, можно предположить, что именно в ночь с 26 на 27 августа у премьера родился план новой политической комбинации. Получив в свои руки “доказательства”, которые можно было интерпретировать как “попытку контрреволюционного заговора” Корнилова, Керенский решил второй раз использовать образ генерала в своих политических целях. Теперь миф о Корнилове как революционном “национальном символе” вытеснялся мифом о “враге народа и революции”. Очевидно, что Керенскому показалась сильным доводом, способным вернуть ему расположение “революционной демократии” и Советов, слава “победителя контрреволюционного мятежа”!

Примечательно, таким образом, что, связанная с «корниловским мятежом» политическая игра основывалась на эксплуатации закрепившейся в массовом сознании за годы войны и революции традиции борьбы с “национальными изменниками”. При этом комплекс “шпиономании” отразился и в публичных заявлениях Корнилова, состоящих из привычных для массового сознания языковых клише: “Русские люди, великая родина наша умирает! Близок час кончины. Вынужденный выступить

открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри”²².

Аналогичная риторика, используемая сторонниками Временного правительства, привела к эффекту, ожидаемому Керенским. На фоне отмечавшегося по случаю полугодового юбилея революции разочарования и пессимизма различных слоев общества, на некоторый период ему удалось спровоцировать возрождение своей популярности. Пытаясь воспользоваться истерией, охватившей обывателей, внушая “победную” эйфорию, “умеренные социалисты” надеялись упрочить свои позиции — и при том в более широких, чем “революционная демократия”, слоях общества. Во-первых, «корниловский мятеж» для этого представляется как удар по национальной обороне, идущий на пользу Германии: “Перед лицом врага, еще торжествующего последнюю победу и ожидающего нового развала в армии, чтобы броситься вперед и нанести, быть может, последний смертельный удар, предъявлен политический ультиматум, начата борьба за власть — не значит ли это забыть сыновий долг перед Родиной-матерью...”²³ Во-вторых, “мятеж” оказался свидетельством того, что России необходима “единая сильная власть” — особенно после попытки Корнилова установить диктатуру: “Явления, выдвинувшие г.Корнилова, повелительно требуют того, чтобы их внимательно исследовали и учли. Может быть, даже нет худа без добра. Мы прошли как бы экзамен на благоразумие. Мы видим теперь, что единая власть имеет своих сторонников, и — могучих. И мы уже слышим, что наши войска идут в рижском районе не назад, а вперед...”²⁴

Наконец, именно с победой над Корниловым связывался такой популистский шаг, как досрочное (до Учредительного собрания) провозглашение республики: “Мятеж генерала Корнилова подавлен. Но велика смута, внесенная им в ряды армии и страны. И снова велика опасность, угрожающая судьбе родины и ее свободе. Считаю нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушие и восторженное

признание республики и демократии, которая сказала на Московском Государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляет Российское Государство, есть порядок республиканский”.

Но, несмотря на популистские попытки инициировать “национальное единение”, Керенскому не удалось решить главную проблему — создать стабильную власть. Получив сначала чрезвычайные (диктаторские) полномочия, а затем создав Директорию, он не смог избежать значительного сужения опоры власти. Рассчитывая с помощью манипуляций образом Корнилова—“изменника”, избавившись от популярного конкурента упрочить свои позиции Керенский не смог спрогнозировать дальнейшую реакцию массового сознания. Для большевиков, принявших участие в “спасении революции”, «корниловский мятеж» оказался выгодным поводом для возвращения к актив-

ной и при том легальной политической деятельности, для своего рода “второго пришествия”. И Керенский, а так же “умеренные социалисты”, стали заложниками, “временщиками”, обязанными большевикам и Советам своим спасением. В том, чтобы избежать таких нежелательных политических последствий, и состоял смысл предпринимавшихся лидерами кадетов попыток ликвидировать без огласки и психологических потрясений “недоразумение” между Керенским и Корниловым. Однако Керенский, выбрав конфликтную, наступательную модель поведения, не только оттолкнул своих союзников “справа”, но и в психологически понятных примитивных формах показал слабость власти. Это, по сути, подготовило ситуацию, в которой стало возможным, манипулируя по такой же схеме образом уже теперь самого Керенского, нанести очередной удар по “контрреволюции” — в Октябре.

Примечания

¹ См., например: Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965; Старцев В.И. Крах керенщины. Л., 1982; Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

² См.: Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история М., 1966; Андреева Г.М. Политическая психология. М., 1988; Иванов В.А. Политическая психология. Автореф. канд. дисс. М., 1990; и др.

³ См. подробнее о языке политических мифов: Архипов И.Л. Социолект как характеристика политической психологии лидеров партий “революционной демократии” в 1917 г. // Россия в 1917 г. Вып. 1. СПб., 1993. С.51—59.

⁴ Десять заповедей русского гражданина. Пг., 1917.

⁵ Газета-копейка. 1917. 30 июля.

⁶ Высоцкий В. Александр Керенский. М., 1917. С.31.

⁷ Маленькая газета. 1917. 7 июля.

⁸ Мартынов Е.И. Корнилов. Л., 1927. С.20; Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С.132.

⁹ См., например: Брешко-Брешковский Н.Н. (1) Гадины тыла. Пг., 1915; (2) В сетях предательства. Пг., 1916; (3) Ремесло сатаны. Пг., 1916 и др.

¹⁰ Петроградский листок. 1917. 5 августа.

¹¹ Петроградский листок. 1917. 10 августа.

¹² Народная газета. 1917. 22 июля.

¹³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т.1. Вып.2. Париж, 1921. С.173—186.

¹⁴ Красная летопись. 1924. №1. С.207—217.

¹⁵ Общее дело. 1917. 2 октября.

¹⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т.2. С.25—34.

¹⁷ Там же. С.24.

¹⁸ Верховский А.И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С.106—108.

¹⁹ Гишпиус З. Синяя книга. Петербургский дневник, 1914—1918. Белград, 1919. С.106—108.

²⁰ Революционное движение в России в августе 1917 г. Документы и материалы. М., 1959. С.443.

²¹ Общее дело. 1917. 28 сентября; 2 октября; 4 октября; 10 октября.

²² Революционное движение... С.446.

²³ Газета-копейка. 1917. 28 августа.

²⁴ Петроградский листок. 1917. 1 сентября.

Кампания советской власти по вскрытию святых мощей в 1918—1920 гг.

На начальном этапе церковной политики советской власти важное место занимала организованная в 1918—1920 гг. кампания по вскрытию святых мощей, на протяжении десятков и сотен лет хранившихся в православных церквях и монастырях. Осуществленная в ходе проведения в жизнь VIII отделом народного комиссариата юстиции РСФСР декрета советской власти от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»¹, это была одна из наиболее крупных антирелигиозных кампаний за всю историю государственно-церковных отношений советского периода.

Не случайно один из первых ударов, нанесенных советской властью по Русской Православной Церкви², был направлен против священных останков ее святых. По учению Православной Церкви, «мощи — оставшиеся нетленными после смерти тела христианских святых», которые «должны чтиться также как и иконы, но не должно воздавать им честь, личную одному Богу»³. Дни обретения и перенесения мощей Церковь отмечает как особые праздники. Однако, нетленность тел «почивших святых людей» не является главным или даже обязательным атрибутом почитаемых мощей. В православном катехизисе содержится следующее разъяснение: «Тела некоторых усопших святых сохраняются в сравнительной или даже полной целостности. Но почитаются они отнюдь не за их далеко не всегда бывшую нетленность, а за то, что по причине святости почивших тел их и по смерти являются хранителями Божественной благодати, силою которой подаются верующим дары исцелений и другие духовные дарования»⁴. Во вселенском Православии почитаемы также костные остан-

ки святых. Согласно традиции, принятой в монастырях Афонской горы, к мощам можно относить и выкопанные из земли по прошествии трех лет после погребения чистые от истлевшей на них плоти костные останки подвижников⁵. Все эти обстоятельства, важные для церковного почитания мощей, не учли организаторы антирелигиозной кампании, поскольку исходили из того, что осмотр содержимого раков выявит тленность останков святых и, тем самым, «разоблачит перед массами вековой обман церковниками трудового народа»⁶. По мнению церковных историков⁷, целью кампании по вскрытию мощей была ликвидация одних из самых почитаемых православных реликвий русских святых, у огня которых, по словам религиозного мыслителя и историка, известного публициста русского зарубежья Г.П.Федотова, вся Русь зажигала свои лампадки⁸.

Сложилось так, что светские современные ученые и публицисты, освещая государственно-церковные отношения начала 20-х годов, основное внимание уделили кампании, которая целиком удалась новой власти и имела более значительные последствия, чем при вскрытии мощей, — изъятию церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье⁹. Упор на изучение антирелигиозной кампании 1922—1923 гг. был характерен и для советских исследований, написанных традиционно в духе воинствующего атеизма¹⁰. Поэтому результаты изучения кампании по вскрытию мощей в отечественной историографии пока скромны: обстоятельно рассмотрены лишь ее начало и ход в некоторых религиозных центрах (события осени 1918 г. в Александро-Свирском монастыре и весны-лета 1919 г. в Троице-Сергиевой Лавре)¹¹, а также реакция на нее высшей церковной власти¹².

Светские современные исследователи, не стоящие на позициях богоборчества, разделяют общую оценку кампании 1918—1920 гг., данную ей известным историком Русской Православной Церкви в XX столетии Д.В.Поспеловским (Канада). По его определению, вскрытие мощей относится к ряду запретительных мер советской власти, направленных на явное унижение достоинства Русской Православной Церкви и знаменующих собой государственное вмешательство в сакральную жизнь Церкви¹³.

Это общее положение требует конкретизации и уточнения. Следующей задачей предлагаемой статьи является выяснение результатов и последствий кампании по вскрытию мощей, а также ее связи с последующими антицерковными мерами советской власти. Основным источником работы явились материалы, опубликованные в журнале «Революция и церковь» в 1918—1920 гг., то есть в самый разгар кампании. Этот журнал, издававшийся с 1919 г. по 1924 г. VIII ("ликвидационным") отделом народного комиссариата юстиции (далее НКЮ) РСФСР¹⁴, в условиях гражданской войны был единственным периодическим изданием антирелигиозного характера. Он сыграл огромную роль как в идеологическом обеспечении, так и в непосредственном проведении кампании по вскрытию мощей. О значительной роли журнала в политической жизни 20-х гг. свидетельствует тот факт, что в редакцию входили не только ответственные сотрудники VIII отдела НКЮ, — П.А.Красиков, М.В.Галкин (М.Горев), И.И.Степанов, — но и влиятельные партийные и советские руководители — В.Д.Бонч-Бруевич, А.М.Коллонтай, Д.И.Курский, Е.Ярославский — и даже большевистские вожди В.И.Ленин и Н.И.Бухарин. В семи из десяти постоянных отделов журнала почти регулярно публиковались под общим заголовком «Мощи» различные материалы, подробно освещавшие с позиций воинствующего безбожия причины, ход и результаты вскрытия мощей. В связи с развернувшейся кампанией с февраля 1919 г. стала издаваться двухнедельная антирелигиозная газета под названием, аналогичным журналу.

Внешним толчком для начала кампании по вскрытию святых мощей было известие, переданное советской и коммунистической печатью во все, даже отдаленные районы советской России о том, что 22 октября 1918 г. при приеме на учет богослужебного имущества

Алекسانдро-Свирского монастыря Олонецкой губернии "в литой раке, весящей более 20 пудов серебра, вместо нетленных мощей Александра Свирского была обнаружена восковая кукла"¹⁵. Советская пресса умолчала о том, что мнения участников вскрытия раки тогда разделились: настоятель монастыря архимандрит Евгений, расстрелянный через несколько дней после вскрытия ослепленными классово-ненавистью реквизиторами, свидетельствовал, что видел в раке скелет, а представитель ВЧК А.Вагнер — куклу. Важно отметить и то, что святые мощи были вскрыты против желания монахов и верующих¹⁶. Как отклик широких слоев народа на это событие стремилась представить редакция журнала «Революция и церковь» публиковавшиеся на его страницах письма и обращения граждан, резолюции различных собраний трудящихся с требованиями осмотра содержимого раки и в других монастырях. Но российская глубинка весьма слабо откликнулась в нужном для новой власти направлении на известия о вскрытых мощах. Для показа возмущения "эксплуатируемого церковниками крестьянства" редакция вынуждена была в постоянном отделе «Пробудившаяся деревня» помещать обращения красноармейцев различных полков и даже напечатать "резолюцию общего собрания пожарных 3-ей Заволжской части г.Твери"¹⁷.

В чем же состояли подлинные причины той волны разоблачительства, которая захлестнула советские журналы и газеты, кинувшиеся наперебой освещать "обманы церкви"? Конец 1918—1919 гг. стали временем планомерного наступления на религию и Церковь со стороны партийных и государственных органов, в отличие от "кавалерийских атак" в 1917—1918 гг.¹⁸. Организующее значение для этого наступления имели решения и установки VIII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1919 г. В принятой на съезде партийной программе по предложению П.А.Красикова, руководившего осуществлением церковной политики советской власти, была поставлена задача по проведению на общегосударственном уровне мер, ведущих к "полному отмиранию церкви"¹⁹. Еще с конца 1918 г. ряд большевистских идеологов (Н.И.Бухарин, Е.А.Преображенский и др.) призывали в условиях разгоравшейся гражданской войны усилить наступление на "религиозное мракобесие" для скорейшей победы "над темнотой масс". Многие пар-

тийные теоретики считали, что религия будет сравнительно быстро “сдавать позиции”, так как “существует лишь в головах и не имеет корней в сердцах, чувствах и образе жизни людей”²⁰. Поэтому выдвигалась задача не только “разоблачить контрреволюционную сущность православной церкви”, но и вызвать в народе недоверие к ее сакральной жизни: показать верующим лживость и обман церковного учения, канонов и богослужбной практики, а самих священнослужителей представить как лжецов, ловкачей и шарлатанов. С этой целью в массовом порядке проводились вечера “разоблачения православных чудес”, лекции “о церковниках-обманщиках”, где с помощью всякого рода химических опытов показывали, как “обновляется икона”, почему “плачут святые” и т.д. Центральное место среди подобного рода разоблачительных мероприятий заняли вскрытия мощей в православных церквях и монастырях.

Идея вскрытия мощей особенно захватила руководителя VIII отдела Наркомюста П.А.Красикова, считавшего, что ее следует осуществить, не останавливаясь перед применением силы. С подачи П.А.Красикова этой темой заинтересовался В.И.Ленин. 17 марта 1919 г. по докладу руководителя VIII отдела НКЮ он написал записку народному комиссару юстиции Д.И.Курскому с предложением вскрыть при свидетелях мощи, хранившиеся в Чудовом монастыре Московского Кремля²¹. 12 апреля 1919 г., во время заседания Совнаркома, получив от П.А.Красикова сообщение о том, что при вскрытии мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре в присутствии представителей от населения была снята кинолента, В.И.Ленин написал следующее поручение секретарю: “Надо проследить и проверить, чтобы поскорее показали это кино по всей Москве”²². В.Д.Бонч-Бруевич, бывший в тот период управляющим делами Совнаркома, вспоминал о том, что В.И.Ленин неоднократно говорил: “Показать, какие именно были “святости” в этих богатых раках и к чему так много веков с благоговением относился народ, этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч людей”²³.

Кампания по вскрытию мощей преследовала не только пропагандистские цели. Лишение Церкви материальных доходов являлось особо важной задачей атеистической власти, исходившей из марксистского положения о ре-

лигии как надстройке над материальным базисом. В соответствии с этой догмой был составлен ленинский декрет от 23 января 1918 г., отнявший у Церкви не только все имущество и банковские вклады, но и право приобретать имущество²⁴. Антирелигиозники рассматривали святые мощи как “средство извлечения монастырями и храмами огромных доходов”²⁵. Поэтому “разоблачение мошеннических проделок церковников с мощами”, по замыслу организаторов кампании, должно было привести к дальнейшему подрыву материального положения Церкви.

Проведение кампании по вскрытию мощей возлагалось на VIII отдел НКЮ, направивший деятельность “местных расширенных комиссий по отделению церкви от государства”. В состав таких комиссий обязательно входили сотрудники ВЧК. По вопросам организации вскрытия мощей VIII отдел издал ряд постановлений и “принципиальных разъяснений”, большинство из которых было опубликовано в журнале «Революция и церковь»²⁶. “Идя навстречу почину и настойчивым требованиям самих трудящихся”, 16 февраля 1919 г. коллегия народного комиссариата юстиции приняла первое постановление об организованном вскрытии мощей, которое предусматривало “порядок их инспекции и конфискации государственными органами”.

Вслед за постановлением НКЮ о мощах был издан специальный декрет советской власти одоустимости и даже предпочтительности кремации покойников, подписанный лично В.И.Лениным. В то же время Л.Д.Троцкий опубликовал статью, в которой предлагал лидерам революции подать пример и завещать сжечь свои трупы²⁷. Был объявлен конкурс на проект первого в республике крематория. Лозунг конкурса: “Крематорий — кафедра безбожия”²⁸. Большевистские вожди исходили из того, что традиционный обряд похорон, принятый у русского народа, связан с культовыми действиями Православной Церкви.

Согласно постановлению НКЮ от 16 февраля 1919 г., самовскрытие, т.е. снятие с мощей церковных облачений и т.п., должны были производить сами священнослужители в обязательном присутствии представителей местных органов советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. После оформления протокола вскрытия мощей, подписанного священнослужителями и медицинскими экспертами, к ос-

мотру мощей рекомендовалось привлекать “самые широкие массы”²⁹. При самом же вскрытии “широкие массы” присутствовали в немногих случаях — в 8 из 54, по подсчетам В. Степанова (Русак)³⁰.

Следует подчеркнуть, что разгар проведения “мощейной эпопеи” — так кампания нередко называлась в документах НКЮ — приходился на первые три месяца, последовавшие за рассмотренным выше постановлением народного комиссариата юстиции. Так, в феврале 1919 г. было сделано 26 вскрытий мощей, в марте 8, в апреле 13, что в совокупности составляет почти три четверти от всех произведенных вскрытий. Всего же за весь период кампании — с 22 октября 1918 г. по 1 декабря 1920 г. — по нашим подсчетам, было 65 вскрытий святых мощей³¹.

29 июля 1920 г. Совнарком обсудил вопрос и утвердил решение «О результатах вскрытия мощей», в котором обобщил эту работу, проведенную в 1918 — первой половине 1920 гг., и наметил активизировать ее дальше. 30 июля СНК принял постановление «О ликвидации мощей во Всероссийском масштабе». В этом документе была сформулирована непосредственная пропагандистская цель “мощейной эпопеи” — “полностью ликвидировать варварский пережиток старины, каким является культ мертвых тел”³², т.е. речь шла об уничтожении почитания святых мощей среди православного населения советской России. Выполнить такую задачу посредством вскрытия мощей было невозможно. Эти меры были рассчитаны на сознание — область рационального, в то время как глубоко верующие люди общение с Богом ведут и на уровне чувств, эмоций, подсознания. По мере развертывания кампании в центральные органы власти — СНК и ВЦИК — нарастал поток многочисленных жалоб верующих на оскорбление их религиозных чувств, а на местах, в тех случаях, когда вскрытые раки оставляли в храмах и монастырях и доступ населения к ним был открыт, продолжалось почитание святых мощей: при большом стечении народа служились акафисты, молебны и т.п.³³. Поэтому с лета 1920 г. основное внимание в кампании центральная власть обращала на необходимость конфискации у Церкви вскрытых мощей. 25 августа народный комиссар юстиции Д. И. Курский подписал в связи с этим специальное постановление, в котором предлагал исполкомам местных советов “по-

следовательно и планомерно проводить полную ликвидацию мощей, избегая при этом всякой нерешительности и половинчатости”. “Ликвидация названного культа мертвых тел, кукол и т.п., — указывалось в постановлении, — осуществляется путем передачи их в музей”³⁴. Постановления о ликвидации мощей, принятые в июле и августе 1920 г. Совнаркомом и Наркомюстом, дали толчок последнему всплеску угасавшей кампании — в сентябре были произведены три вскрытия мощей³⁵.

Конфискация у Церкви святых мощей грозила затруднить ее богослужебную деятельность. Со времен первого Карфагенского собора (около 220 г.), определившего, что ни один храм не может строиться иначе, как на мощах мучеников, до настоящего времени каждый православный храм имеет частичку мощей какого-нибудь святого. Частичка эта зашивается в антиминс — особый плат, без которого нельзя совершать Божественной литургии³⁶. Это обстоятельство позволяет лучше уяснить позицию Патриарха Тихона, который в письме к председателю ВЦИК М. И. Калинину от 9 августа 1920 г. оценил кампанию по вскрытию мощей как неприкрытое вмешательство государства во внутренние дела Церкви, непосредственно относящиеся к области культа. “Мощи, канонизация, восковые свечи — все это предметы культа... при таких условиях гонения на мощи являются актом, явно незаконным с точки зрения советского законодательства”, — писал Патриарх Тихон. На письме Патриарха осталась короткая резолюция: “Оставить без последствий”³⁷.

Иные выводы из “мощейной эпопеи” сделало руководство обновленцев, организация которых оформилась в мае 1922 г. при прямой поддержке государственных органов. Состоявшийся в апреле–мае 1923 г. в Москве всеобновленческий съезд, горделиво именовавший себя «Вторым Всероссийским Поместным Собором Православной Церкви», принял решение о ликвидации святых мощей³⁸. Следуя такой позиции, некоторые обновленческие священнослужители в газетных статьях и напечатанных в антирелигиозных издательствах брошюрах разоблачали “всякую фальсификацию нетленности, каковые факты ясно установлены в революционное время”³⁹.

В некоторых инструкциях на места VIII отдел НКЮ декларативно призывал “установить организованный порядок вскрытий, га-

рантирующий соблюдение известного такта по отношению к религиозным чувствам сторонников православной религии: ...вскрытие производить отнюдь не во время богослужения”, привлечь к участию в осмотре мощей самые широкие массы и т.д.⁴⁰. Однако, в ходе кампании были многочисленные случаи насилий над духовенством, оскорблений религиозных чувств верующих и нарушений местными властями тех же указаний, которые исходили из центра. Факты злоупотреблений не мог скрыть эксперт VIII отдела НКЮ М.В.Галкин, который готовил для журнала «Революция и церковь» материалы с мест о вскрытии мощей. Этого бывшего петроградского священника Спасо-Колтовской церкви, выступавшего в печати с неистовыми богоборческими статьями под псевдонимом “М.Горев”, никак нельзя заподозрить в сочувственном отношении к православному духовенству и верующим. В городе Задонске Воронежской губернии духовенство согласилось на вскрытие мощей Тихона Задонского лишь под сильным нажимом — “категорическим предложением председателя чрезвычайкома”, а осмотр проводился 26 января 1919 г. без предписанного центром медицинского освидетельствования⁴¹. Часть духовенства, участвовавшего в осмотре мощей, была репрессирована. Так, архиепископ Тихон (Никаноров) Воронежский, резко осуждавший государственные органы за вмешательство в сугубо внутренние дела Церкви, ее каноны и богослужebную практику, был повешен на царских вратах в одном из храмов Митрофаниевского монастыря⁴².

Наиболее трудно осуществимой в ходе кампании оказалась задача ликвидации мощей. Прекращение властями доступа к мощам наиболее почитаемых русских святых — Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского — и конфискация их “для последующей передачи в музеи” взволновла тысячи верующих. Писем, телеграмм, устных обращений граждан в СНК и ВЦИК против такого решения вопроса о судьбе мощей было так много, что власти проявили в некоторых случаях несвойственную им нерешительность. Долгое время — с 11 апреля 1919 г. по 2 сентября 1920 г. — Совнарком колебался между двумя противоположными решениями о мощах Сергия Радонежского: оставить их Церкви или поместить в музей⁴³. Такая нерешительность носила временный, вы-

жидательный характер: мощи бесповоротно реквизировались у Церкви.

Дальнейшая история останков русских святых, оказавшихся в распоряжении богоборческой власти, сложилась таким образом, что некоторые из них были помещены на “выставку мощей”, открывшуюся в 1920 г. в Москве, в музее народного комиссариата здравоохранения (Петровка, 14)⁴⁴. Значительная часть их находилась в 30-е гг. в антирелигиозных музеях различных городов РСФСР. После закрытия таких музеев в годы Великой Отечественной войны мощи были переданы в Ленинград, в музей истории религии и атеизма. В короткий срок потепления государственно-церковных отношений в конце 40-х гг. несколько святых мощей (митрополита Алексия и Тихона Задонского) были возвращены Церкви. О судьбе некоторых мощей ничего не известно, возможно, что, вопреки циркуляру НКЮ о передаче мощей в музеи, они были уничтожены. Сохраненные же святыни государственные органы стали возвращать Церкви в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси. Одними из первых были возвращены мощи святого благоверного князя Александра Невского, которые 3 июня 1989 г. были торжественно перевезены из музея религии и атеизма в Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Процесс нового обретения Церковью святых мощей продолжается⁴⁵.

От начала и до конца кампании ее освещала советская и партийная пресса, которая со смакованием сообщала о выявленных в ходе “мощейной эпопеи” “мошеннических проделках и фальсификации церковниками нетленных мощей”. В печати появились сообщения о том, что во вскрытой раке Артемия Веркольского в Великом Устюге “не оказалось и признака тела и костей”, в то время как в раке Ефрема Новоторжского в Торжке находились “шесть лишних костей”. В ряде случаев в раках святых были обнаружены предметы, не имевшие отношения ни к личности подвижников, ни к их почитанию (например, “банка фикса-туры фирмы «Брокер»” в раке Павла Обнорского в Ярославской губернии, “булавка, гвозди и гайки” в раке Макария Калязинского в Тверской губернии). Эти и подобного рода сведения содержала “сводка вскрытия “мощей”, произведенных по почину трудящихся в пределах советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.”, которая была опубликована в журна-

ле «Революция и церковь»⁴⁶. Сводку с указанием дат и результатов осмотра мощей составил член редакции М.В.Галкин (М.Горев) на основании протоколов вскрытий, значительная часть которых была помещена ранее в этом же журнале. Некоторые из неопубликованных в начале 20-х годов протоколов вскрытий увидели свет в сборнике материалов «О святых мощах» (М., 1961).

Сравнительное изучение сводки с протоколами, в которых содержатся подробные акты вскрытий, подписанные присутствовавшими представителями местных органов советской власти, духовенства, медицинскими экспертами, позволяет сделать вывод о том, что некоторые сведения о результатах осмотра мощей М.В.Галкин (М.Горев) в этой сводке искажил. Например, согласно протоколу вскрытия мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре 11 апреля 1919 г., в раке находились костные останки 500-летней давности⁴⁷. В сводке же сообщалось о наличии в раке “изъеденных молью тряпок, ваты... массы мертвой моли, бабочек, личинок”⁴⁸. Неудивительно, что официальная печать на основании таких “фактов” писала о том, что “в ковчеге лишь гниль да труха”⁴⁹. Таким образом, подлинность тех результатов осмотра раки в 1918—1920 гг., о которых в то время писала советская и коммунистическая пресса, требует специального исследования. Следует отметить и то обстоятельство, что в единичных случаях кампания дала такие результаты, которые не только атеистическая власть, но и часть местных жителей могли истолковать как “мошеннические проделки церковников с мощами”. Так, при вскрытии мощей преподобного Макария в Белевской Жабынской пустыни в Тульской губернии комиссия не нашла останков святого в земле под ракой, хотя считалось, что они пребывают там “под спудом”⁵⁰.

Результаты осмотра некоторых мощей потребовали особого подхода к их оценке в ходе антирелигиозной агитации и пропаганды. Один из таких случаев описан в помещенном в газете «Курская правда» отчете о вскрытии мощей Иосафа Белгородского 1 декабря 1920 г. “Присутствующая публика была поражена высокой степенью сохранности тела, пролежавшего в гробе 166 лет. Людям казалось, что это результат искусственной мумификации, и они просили врача разрезать живот, чтобы убедиться в его содержимом. Хирург произвел раз-

рез и вынул часть кишок, совершенно высохших, что доказывает естественность процесса мумификации”⁵¹. Такое, по церковной оценке, “прославление тела святого нетлением” было не единственным в “мощейной эпопее”. Поэтому большое внимание в официальной печати того времени уделялось “естественнонаучному объяснению случаям нетления”. В журнале «Революция и церковь» была опубликована целая подборка материалов под заголовком: «Данные науки о мумификации трупов»⁵². “Теплая температура окружающей среды, циркуляция сухого воздуха и всасывающая способность почвы, — писал в этой подборке профессор Семеновский, — суть условия естественной мумификации трупов”⁵³.

Искаженные результаты осмотра мощей использовались воинствующими безбожниками в различных антирелигиозных кампаниях: в “мощейной эпопее” 1918—1920 гг., в наступлении на Церковь в конце 20-х—30-е гг., проходившем под лозунгом: «Борьба против религии — борьба за социализм!», в период хрущевских гонений в конце 50-х — начале 60-х гг. Написанные еще в 20-х гг. на основе материалов вскрытия мощей “разоблачительные” описания антирелигиозников издавались и переиздавались, составив вместе с более поздними сочинениями целую библиотеку “анти-мощейной” литературы⁵⁴.

В пропагандистской кампании, сопровождавшей “мощейную эпопею”, искажались не только результаты осмотра мощей, но и история России. Официальная печать стала шельмовать, в первую очередь, тех исторических деятелей Российского государства, мощи которых как канонизированных Православной Церковью святых сохранялись в храмах и монастырях. Видный ученый и богослов, священник П.А.Флоренский в статьях «Троице-Сергиева Лавра и Россия», «Храмовое действо как синтез искусств», написанных в разгар кампании по вскрытию мощей, аргументированно и дипломатично возражал против такого огульного подхода к Отечественной истории и ее деятелям. Свообразным ответом на эти публикации явился хулигански-разнузданный опус М.В.Галкина (М.Горев) «Троицкая Лавра и Сергей Радонежский», помещенный сначала в журнале «Революция и церковь», а затем выпущенный отдельным изданием⁵⁵. В этом пасквиле очернялось прошлое Троице-Сергиева

монастыря и его основатель. После обращения митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) к председателю Петроградского совета Г.Е.Зиновьеву с письмом, в котором выражалась надежда, что “мощи святого благоверного князя Александра Невского не будут потревожены”, в журнале «Революция и церковь» была опубликована статья П.А.Красикова со злобными выпадами против владыки Вениамина и... защитника Русской земли князя Александра Ярославича⁵⁶.

“Мощейная эпопея” явилась поводом, как в то время писала официальная печать, для “полной ликвидации очагов культа мумифицированных тел”. Вскрытие мощей сопровождалось, как правило, закрытием тех монастырей, где они покоились, — “в целях искоренения этого варварского пережитка”. Журнал «Революция и церковь» регулярно публиковал сводки о закрываемых “черных гнездах”, т.е. православных монастырях⁵⁷. Всего же в результате проведения, согласно декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», национализации церковного и монастырского имущества⁵⁸, а также кампании по вскрытию мощей уже к концу 1920 г. были ликвидированы 673 монастыря, т.е. более половины из существовавших в России до 1917 г.⁵⁹ В это число вошли древние обители, бывшие центрами культуры и духовного просвещения на Руси, например, Троице-Сергиева Лавра и Оптина пустынь. Чтобы успокоить волнувавшихся верующих, в храмах этих известных во всем православном мире монастырей некоторое время после изгнания монахов разрешалось служить белому духовенству. В малобратных и менее известных обителях местные власти, организовав вскрытие мощей, нередко цинично объявляли монастырь “самоупражденным”. Например, так было в случае с закрытием в марте 1919 г. небольшой Белевской Жабынской пустыни в Тульской губернии⁶⁰.

Выше уже отмечалось, что верующие оказали поддержку обиженной и гонимой Церкви в мирных, вполне лояльных по отношению к политическому режиму формах. Антисоветских выступлений в связи с “мощевой эпопеей” с их стороны не было. Как подчеркивалось в отчете VIII отдела НКЮ Всероссийскому съезду советов, “осмотр мощей по городам эвектской России был произведен без каких-либо эксцессов и волнений на этой почве”⁶¹. Несмотря на это, государственные органы власти провели в связи с результатами осмотра мощей несколько судебных процессов над духовенст-

вом, носивших откровенно антицерковный пропагандистский характер, Судебные органы использовали пункт 3 постановления Наркомюста от 25 августа 1920 г. «О мощах», гласивший о том, что “во всех случаях обнаружения шарлатанства, фокусничества, фальсификаций и иных уголовных деяний, направленных к эксплуатации темноты... со стороны отдельных служителей культа... отделы юстиции возбуждают судебное преследование против всех виновных лиц, причем ведение следствия поручается следователям по важнейшим делам при отделах юстиции...”⁶².

Тогда же были сфабрикованы так называемое “дело новгородского духовенства по обвинению в обмане в связи с освидетельствованием в апреле 1919 г. мощей в Софийском соборе” и “дело иеромонаха Московского Донского монастыря Досифея и др. в связи со вскрытием мощей виленских угодников”⁶³. Судебное расследование последнего из этих дел показало, что “мощи так называемых виленских угодников Иоанна, Антония и Евстафия, пересланные гражданином Белавиным (в монашестве патриархом Тихоном)⁶⁴ из Вильно в Москву при царизме, представляют собой мумифицированные трупы, в чем ныне может удостовериться всякий, осмотрев эти мумии в музее народного комиссариата здравоохранения”⁶⁵. Таким образом, основное обвинение, предъявленное духовенству в этих процессах, заключалось “в использовании культа мумифицированных трупов в многовековом обмане церковными организациями и отдельными их представителями широких трудящихся масс”. Иными словами, священнослужителей судили за хранение и почитание святых мощей.

Многие приемы проведения “мощевой эпопеи” — вмешательство государственных органов во внутреннюю, сакральную жизнь Церкви, измышления и клевета на нее в антирелигиозной пропаганде и агитации, насилия над духовенством и сфабрикованные судебные процессы над его представителями — были широко использованы советской властью позднее, в ходе грандиозной по размаху и последствиям антирелигиозной кампании — изъятию церковных ценностей в связи с голодом в Поволжье. Таким образом, вскрытие мощей в 1918—1920 гг. можно рассматривать как своеобразный пролог антирелигиозной кампании 1922—1923 гг., имевшей целью, терроризировав Церковь, сломить, в первую очередь, ее духовное сопротивление и, расколов ее, подорвать влияние на народ.

Примечания

¹ На самом деле декрет был впервые опубликован в газете «Известия» 21 января по ст. стилю, но в дальнейшие официальные издания вошел под названием «Декрет 23 января» (Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж: ИМКА-Пресс, 1977. С.227).

² До 20-х гг. XX в. Православная Церковь называлась в нашей стране не Русской Православной Церковью, как сегодня, а Православной Российской Церковью, чем подчеркивалась ее открытость всем народам России, а также примат религии над нацией. Новое наименование было принято под давлением сталинской администрации (Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. М., 1989. С.169).

³ Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Репринт. Изд. Т.II. С.1606.

⁴ Александр (Семенов Тянь-Шанский), епископ. Православный катехизис. М., 1990. С.122.

⁵ Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т.I. С.278.

⁶ Семашко Н. Вопрос о «мощах» с научно-медицинской точки зрения // Революция и церковь. 1919. №1. С.17.

⁷ См. напр.: Козлов В. У истоков трагедии русской святости // Московский церковный вестник. 1991. №7. С.8; Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т.I. С.126—127.

⁸ См.: Федотов Г.П. Трагедия древнерусской святости // Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т.I. С.319.

⁹ См.: Алексеев В. Был ли патриарх Тихон «вождем церковной контрреволюции»? // Диалог. 1990. №10; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и советская власть в 1917—1927 гг. // Вопросы истории. 1993. №8; Одинцов М.И. Жребий пастыря // Наука и религия. 1989. №1—6; Медведев А. Голод и золото // Куранты. 1991. №3; Савельев С. Бог и комиссары (к истории комиссии по отделению церкви от государства при ЦК ВКП(б) — антирелигиозной комиссии) // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. II. М., 1993.

¹⁰ См. напр.: Крылов В.А. Из истории борьбы коммунистической партии за преодоление религиозных предрассудков в сознании трудящихся (1917—1925 гг.). Л., 1958; Коновалов Б.Н. Проблемы теории и практики атеизма в СССР в 1920—1930 гг. М., 1968; Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. М., 1968.

¹¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С.73—99.

¹² Вострышев М. Божий избранник. Крестный путь святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. М., 1990. С.81—84.

¹³ Поспеловский Д. Лекции по истории Русской Православной Церкви, читанные в мае 1990 г. в Ленинградской духовной академии. Машинопись. С.104.

¹⁴ Отдел выполнил возложенную на него задачу, обеспечив в 1922—1923 гг. отделение Церкви от государства и школы от Церкви в той форме, в какой это диктовалось идеологией большевизма. С самого начала своего существования — 8 мая 1918 г. — отдел получил весьма характерный подзаголовок: ликвидационный. (Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству // На пути к свободе совести. М., 1989. С.95).

¹⁵ Отчет VIII (ликвидационного) отдела народного комиссариата юстиции VIII Всероссийскому съезду советов // Революция и церковь. 1920. №9—12. С.72.

¹⁶ См.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.75.

¹⁷ См.: Пробудившаяся деревня // Революция и церковь. 1919. №1. С.36.

¹⁸ Подробно об особенностях наступления на Русскую Православную Церковь в 1919 г. см.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.124—135.

¹⁹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т.2. С.49.

²⁰ Алексеев В.А. Указ. соч. С.130.

²¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. С.522.

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.50. С.279. С 20 час. 50 мин. до 22 час. 50 мин., т.е. в течение двух часов в Троицком соборе Лавры во время вскрытия мощей Сергия Радонежского непрерывно шла киносъемка. О судьбе этой киноленты ничего не известно (Степанов (Русак) В. Указ. соч. С.127).

²³ Воспоминания о Ленине. Сб. М., 1955. С.122.

- 24 См.: Поспеловский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С.68—69.
- 25 О святых мощах (сборник материалов). М., 1961. С.49—50.
- 26 См.: Революция и церковь. 1919. №№1, 2, 6—8; 1920. №9—12.
- 27 Паламарчук П. Сорок сороков. Кремль и монастыри. М., 1992. Т.I. С.258.
- 28 См.: там же; Революция и церковь. 1920. №9—12. С.107—108.
- 29 См.: Революция и церковь. 1919. №6—8. С.117.
- 30 См.: Степанов (Русак) В. Указ. соч. С.127.
- 31 В «Сводке вскрытий “мошей”, произведенных по почину трудящихся советской России в 1918, 1919 и 1920 гг.», опубликованной в журнале «Революция и церковь» в №9—12 за 1920 г., содержатся факты о 63 осмотрах мошей. В нее не были включены сведения о двух вскрытиях: весной 1919 г. мошей митрополита Алексия в Чудовом монастыре Московского Кремля (Паламарчук П. Указ. соч. С.118) и 1 декабря 1920 г. мошей Иосафа Белгородского в Курской губернии (Курская правда. 1920. 10 декабря). Осмотр мошей Иосафа Белгородского был 65 по счету и последним в кампании 1918—1920 гг.
- 32 См.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.90.
- 33 См.: Горев М. Вскрытие мошей Тихона Задонского и Митрофана Воронежского // Революция и церковь. 1919. №2. С.22.
- 34 О святых мощах. С.50—51.
- 35 Сводка вскрытий “мошей”, произведенных по почину трудящихся в пределах советской России в 1918, 1919 и 1920 гг. // Революция и церковь. 1920. №9—12. С.74—81.
- 36 Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т.II. С.1606.
- 37 Вострышев М. Указ. соч. С.83, 84.
- 38 См.: Русская Православная Церковь. Очерки истории. 1917—1988. М., 1988. Вып. 2. С.27.
- 39 См. напр.: Малицкий Н.В. Слово о мощах. (К епархиальному съезду белого духовенства и мирян). Владимир, 1923.
- 40 См.: О святых мощах. С.53—54.
- 41 См.: Горев М. Указ. соч. // Революция и церковь. 1919. №2. С.12.
- 42 См.: Крестный путь Церкви в России. 1917—1987. Франкфурт-на-Майне, 1988. С.3.
- 43 Подробно об этом см.: Алексеев В.А. Указ. соч. С.80—82, 88—91; Козлов В. Указ. соч. // Московский церковный вестник. 1991. №7. С.8.
- 44 См.: Семашко Н. Наука и шарлатанство. (О выставке “мошей”) // Революция и церковь. 1922. №1—3. С.30—32.
- 45 См. напр.: Журнал Московской Патриархии — официальная хроника. 1990. С.3. Для идентификации обнаруженных рабочими 28 февраля 1991 г. на чердаке Казанского собора останков неизвестного человека с мощами епископа Белгородского Иосафа был использован акт осмотра их 1 декабря 1920 г. // Домострой. 1991. №41. С.13.
- 46 См.: Революция и церковь. 1920. №9—12. С.74—81.
- 47 См.: О святых мощах. С.75.
- 48 Революция и церковь. 1920. №9—12. С.77.
- 49 Подробно об этом см.: Поспеловский Д. Лекции по истории Русской Православной Церкви... С.103.
- 50 См.: Горев М. “Под спудом” // Революция и церковь. 1919. №3—5. С.28—32.
- 51 Курская правда. 1920. 10 декабря.
- 52 См.: Революция и церковь. 1920. №9—12. С.35—41.
- 53 Там же. С.36—37.
- 54 См. напр.: Рожицын В. Как и почему появилась вера в мощи // Мощи. Харьков, 1922; Паозерский М.Ф. Русские святые перед судом истории. М.;Пг., 1923; Парадин И.П. Задонский богородицкий монастырь и святой Тихон. Воронеж, 1927; Богатов И. Владимирские святые и их чудеса. Владимир, 1929; Кандидов Б. Монастыри-музеи и антирелигиозная пропаганда. М., 1929; Порфиридов Н.Г., Семенов А.И. Мощи Софийского собора. Новгород, 1931; Ярославский Е. Мощи Киево-Печерской Лавры // Антирелигиозник. 1934. №5 и др.

⁵⁵ См.: Революция и церковь. 1919. №3—5. С.17—28; №6—8. С.24—50; Горев М. Троицкая лавра и Сергей Радонежский. Опыт историко-критического исследования. Антирелигиозная библиотека журнала «Революция и церковь». Вып.3. Изд. НКЮ. М., 1920.

⁵⁶ См.: Красиков П. Религиозная хитрость (письмо в редакцию) // Революция и церковь. 1919. №1. С.23—25.

⁵⁷ См. напр.: Ликвидация “черных гнезд” // Революция и церковь. 1919. №6—8. С.122; Ликвидация “черных гнезд” продолжается // Там же. 1920. №9—12. С.105—106.

⁵⁸ См.: Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ и Советской России. М., 1975.

⁵⁹ См.: Крестный путь Церкви в России. 1917—1987. С.1.

⁶⁰ См.: Горев М. “Под спудом” // Революция и церковь. 1919. №3—5. С.32.

⁶¹ О святых мощах. С.56.

⁶² Там же. С.51.

⁶³ См.: Горев М. Церковники и их агенты перед народным судом // Революция и церковь. 1920. №9—12. С.45—53; Дело “виленских угодников” // Там же. С.89—96.

⁶⁴ В миру фамилия Патриарха Тихона не Белавин, а Беллавин (Вострышев М. Указ. соч. С.3).

⁶⁵ О святых мощах. С.49.

Тайные торги диктаторов (Из истории советско–германского военно– морского сотрудничества в 1939—1941 гг.)

Проезжая по набережной Невы на Васильевском острове или мосту Лейтенанта Шмидта в первые послевоенные годы, невозможно было не заметить ржавый корпус недостроенного корабля, пришвартованного между Высшим Военно–Морским училищем имени М.В.Фрунзе и Горным институтом. Судя по ватерлинии, он был сильно недогружен, и от этого надводный борт вздымался чуть ли не до высоты крыш соседних домов. Из ответов военных моряков, проходивших мимо по набережной, можно было узнать, что это тяжелый крейсер «Таллин». Крупных кораблей в нашем флоте числилось немного, все их знали наперечет, но «Таллина» среди них не было. Наиболее любознательным удавалось выяснить, что раньше этот корабль назывался «Петропавловск».

Действительно, 31 мая 1943 г. линейным кораблям «Марат» и «Парижская коммуна» были возвращены их старые дореволюционные названия — «Петропавловск» и «Севастополь», и так как два корабля во флоте одновременно не могли носить одно и то же название, крейсер «Петропавловск» с 1 сентября 1944 г. стал именоваться «Таллин». Если углубиться еще дальше в историю, то выяснится, что «Петропавловском» он стал только с 25 сентября 1940 г., а до этого назывался «Лютцов». Последнее уже явно выдавало немецкое происхождение этого корабля. Известно также, что 2 июня 1940 г. Н.Г.Кузнецов направил письмо К.Е.Ворошилову с предложением назвать новый крейсер «Выборгом», но доводы наркома ВМФ не были приняты во внимание.

Некоторые сведения о крейсере «Лютцов» можно почерпнуть из мемуаров бывшего нар-

кома ВМФ Н.Г.Кузнецова. В книге «Накануне» он пишет: “В конце 1939 г. в Германии был куплен крейсер «Лютцов». Узнал я об этом так. Мне позвонил И.Ф.Тевосян [нарком судостроительной промышленности. — И.Ц.] и сообщил, что есть решение приобрести у немцев один из недостроенных крейсеров”. Эта фраза сразустораживает и наводит на размышления, почему приобретение крейсера не было согласовано даже с наркомом ВМФ, а ведь только он мог сказать, насколько был необходим тогда этот недостроенный корабль нашему Военно–Морскому Флоту. Узкий круг лиц, принимавших это решение о приобретении дорогого, к тому же недостроенного корабля, его внезапно невольно заставляют думать о какой–то тайне, с самого начала окутывавшей крейсер «Лютцов».

“Из разговора с Тевосяном стало ясно, — продолжал нарком, — что по сути дела крейсера такового не было, мы получали лишь корпус корабля без механизмов и вооружения. Предполагалось привести его в Ленинград и там достраивать”. Наркома, естественно, мучили сомнения: “А что, если мы не успеем получить необходимое вооружение, боеприпасы?” Но решение было уже принято, спорить поздно. Крейсер купили, и весной 1940 г. немецкий буксир доставил его в Ленинград. Сомнения Н.Г.Кузнецова были небезосновательными, крейсер действительно не имел ни механизмов, ни вооружения, и к началу Великой Отечественной войны полностью ввести его в строй так и не удалось. Спорить же со Сталиным, принявшим это решение, было не только поздно, но и опасно.

В то же время складывается впечатление, что Н.Г.Кузнецов, пытаясь снять с себя ответственность за приобретение недостроенного крейсера, не совсем искренен в своих воспоминаниях. Конечно, он не мог не знать о так называемой “экономической” делегации во главе с наркомом судостроительной промышленности И.Ф.Тевосяном, которая выехала в Германию вскоре после подписания в Москве Пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. В ее состав входили судостроители и военные моряки. Последние подчинялись Н.Г.Кузнецову и каждая кандидатура согласовывалась с ним.

В Кенингсберге делегацию встретил гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох с большой свитой из чиновников и эсэсовцев. Переночевав в столице Пруссии, делегация выехала в Берлин. Платформа берлинского вокзала была заполнена генералами, адмиралами, инженерами военной промышленности, дипломатами и чиновниками германского МИДа во главе с особо уполномоченным фюрера по торгово-экономическим переговорам с Советским Союзом фон Риттером. Советскую делегацию поместили в гостинице «Адлон» рядом с Бранденбургскими воротами на Александерплатц. Бывший тогда начальником Главка Наркомата судостроения С.А.Боголюбов вспоминает: “Основное время мы проводили в разъездах. За три месяца делегация, разделившись на несколько групп, исколесила всю страну от Берлина до побережья Балтийского моря и французской границы”. Делегация имела неограниченный доступ на военные корабли германского флота и на судостроительные предприятия рейха. В течение трех недель советские судостроители знакомились с центром проектирования военных кораблей и военно-морских объектов, получив полное представление о техническом уровне военного кораблестроения нацистской Германии. Расчет немцев был прост — за время, оставшееся до начала войны, неповоротливая советская административно-командная система ничего из виденного реализовать не сможет. В то же время психологическое воздействие военной мощи Германии на членов делегации будет достаточно сильным. Делегация осмотрела основные судостроительные заводы и предприятия судового машиностроения в Берлине, Бремене, Гамбурге, Киле, Дуйсбурге, Дюссельдорфе и Мангейме, участвовала в артиллерийских стрельбах тяжелого крейсера «Адмирал Хиппер», ознакомилась с крейсера-

ми «Принц Ойген», «Блюхер» и «Зейдлиц», линкорами «Шарнхорст» и «Бисмарк», авианосцем «Граф Цеппелин», а также с новейшими эскадренными миноносцами типа «Антон Шмидт» и тральщиками с крыльчатыми двигателями Фойт-Шнайдера. В Бремене делегация посетила судостроительный завод «Дешимаг», где строились тяжелые крейсера «Зейдлиц» и «Лютцов». Постройка последнего была прекращена, производились только работы по консервации. Именно его и “сплывили” немцы нашей делегации, хотя она настаивала на продаже «Зейдлица» или «Принца Ойгена», который строился на верфи «Германия» в Киле.

Трудно поверить, что нарком ВМФ Н.Г.Кузнецов не знал об этом.

«Лютцов» был одним из кораблей серии тяжелых крейсеров типа «Адмирал Хиппер», которые строились перед второй мировой войной в Германии.

Гитлер планировал к 1941 г. ввести в строй всю серию из четырех тяжелых крейсеров: «Адмирал Хиппер», «Принц Ойген», «Лютцов» и «Зейдлиц».

Крейсер «Лютцов» был заложен на судостроительном заводе «Дешимаг» 2 августа 1937 г. и спущен на воду 1 июня 1939 г. За эти два года германская военно-морская доктрина сделала значительный крен в сторону тотальной подводной войны, и немецкие адмиралы стали подумывать, как бы избавиться от крупных надводных кораблей, хорошо сознавая их уязвимость от ударов авиации, которая, бурно развиваясь, буквально на глазах становилась наиболее грозным оружием борьбы на море. К тому же эффективность боевого использования этих дорогих кораблей, как показало время, была слишком низка. Достроив линейные корабли «Бисмарк» и «Тирпиц», тяжелые крейсера «Адмирал Ойген» и «Зейдлиц», немцы прекратили строительство кораблей этих серий.

Сделав ставку на создание подводного флота, они направили высвободившиеся средства на строительство подводных лодок. Но уже израсходованные средства на строительство надводных кораблей были слишком велики, и нужно было как-то компенсировать эти затраты. Заготовленные для линкоров и тяжелых крейсеров броневые плиты из лучшей крупновской стали частично пустили на строительство танков, но их оставалось еще достаточно много.

Счастливым случаем сбыть на сторону недостроенные корпуса крейсеров и бортовую

броню не заставили себя долго ждать. Пакт Молотова–Риббентропа о ненападении и последовавший сразу за ним договор о дружбе и границе, заключенные между Германией и СССР в августе–сентябре 1939 г., о которых уже так много говорилось и писалось, открыл широкие возможности для заключения так называемого Хозяйственного соглашения — разного рода экономических, торговых и военных сделок.

В рамках этого Соглашения, по свидетельству западногерманского ученого К.Фриденбурга, Советский Союз поставил в Германию в обмен на промышленные и военные товары с 1 января 1940 г. по 22 июня 1941 г. (последний железнодорожный состав проследовал через границу в ночь на 22 июня) 1,5 млн. тонн зерна, 100 тыс. тонн хлопка, 2 млн. тонн нефтепродуктов, 1,5 млн. тонн лесоматериалов, 140 тыс. тонн марганца и 26 тыс. тонн хрома, не считая другого ценного стратегического сырья, в котором германская промышленность испытывала дефицит.

Соглашение также предусматривало предоставление германским “кригсмарине” военно–морской базы на территории СССР в обмен на крейсер «Лютцов».

Возвратимся к воспоминаниям наркома ВМФ Н.Г.Кузнецова, а именно к его поездке на Северный флот в сентябре 1939 г., которым командовал тогда контр–адмирал В.П.Дрозд. Цель этой поездки в книге «Накануне» сформулирована крайне неубедительно: “Тогда же мы обсудили с Военным советом и штабом Северного флота планы боевой подготовки, уже более целенаправленные и соответствовавшие международной обстановке. Правда, особых изменений не внесли. Решили только ограничить район плавания кораблей, не разрешая им уходить слишком далеко от главной базы”. Совершенно непонятно, откуда появилась эта “целенаправленность”, наоборот, Пакт Молотова–Риббентропа только дезориентировал Красную Армию и Флот относительно вероятного противника. Планы же боевой подготовки флота, как пишет Н.Г.Кузнецов, практически остались прежними, а район плавания кораблей нечего было и ограничивать — они никогда не ходили дальше полигонов боевой подготовки. Таким образом, если учесть, что Н.Г.Кузнецов незадолго перед этим уже посещал Полярный в июне 1940 г., сразу возникает вопрос, какова же была истинная цель вторичной поездки наркома на Северный флот.

Работы известных западных историков англичанина Л.Вудварда «Секретные рейдеры», датчанина Р.Стеенсена «Северный морской путь» и других зарубежных ученых проливают свет на секретные соглашения между Гитлером и Сталиным, касающиеся сотрудничества Германии и СССР в Арктике.

Дело в том, что германский флот в начале Второй мировой войны был практически заперт в Северном и Балтийском морях. Военно–морские базы на побережье Германии были хорошо известны англичанам и могли свободно контролироваться с моря и воздуха. Поэтому, предполагая осуществить морскую блокаду Британских островов, фашистская Германия остро нуждалась в маневренной базе для подводных лодок и надводных кораблей–рейдеров в Баренцевом море.

В связи с этим командующий германским военно–морским флотом гросс–адмирал Эрих Редер с согласия Гитлера обратился к имперскому министру иностранных дел фашистского рейха Иоахиму Риббентропу с предложением попытаться заключить с Советским Союзом соглашение об аренде одного из глубоководных заливов Баренцева моря на территории СССР в районе Мурманска. Сталин не возражал, и проработка этого вопроса, а также представление вариантов дислокации германской военно–морской базы на побережье Баренцева моря были поручены наркому Н.Г.Кузнецову и Главному штабу ВМФ. Поэтому с высокой степенью достоверности можно предположить, что вторая поездка Н.Г.Кузнецова на Север была предпринята именно с этой целью. Не случаен также и заход германского лайнера–трансатлантика в Мурманск именно во время нахождения там Н.Г.Кузнецова. “В те дни в Кольский залив, — вскользь отмечает нарком в книге «Накануне», — зашел немецкий лайнер «Бремен»”. Как писал в своих воспоминаниях его капитан, некто К.Аренс, лайнер был переоборудован в плавбазу для подводных лодок и имел экипаж, укомплектованный из военных моряков, переодетых в форму торгового флота. Тем не менее команде были разрешены сход на берег и пользование фотоаппаратами. Несомненно, что на борту «Бремена» были и профессиональные разведчики. Простояв в Мурманске три месяца, 6 декабря 1939 г. под покровом полярной ночи германский лайнер неожиданно снялся с якоря и покинул Кольский залив. Вскоре после возвращения

Маршруты лайнера «Бремен» и германских подводных лодок, базировавшихся в Западной Лице. 1 — местоположение германской «Базы Норд», 2 — предполагавшееся местонахождение «Базы Норд» в Териберке; 3 — стоянка лайнера «Бремен» в Мурманске.

берка и наличием там довольно большого рыбацкого поселка. Баумбах считался крупным специалистом по русскому Северу, и не соглашаться с ним не было оснований.

Оставался последний вариант — аренда губы Западной Лица, с которым согласились обе стороны. Секретная «концессия» в документах германского генерального штаба получила шифр «Base Nord» — «База Норд». Германское правительство

Н.Г.Кузнецова в Москву германскому МИДУ были представлены возможные варианты расположения германской базы на территории СССР. Расположение базы непосредственно в Мурманске или в Кольском заливе обеими сторонами было признано неприемлемым, так как не обеспечивало секретности объекта из-за большого количества советских и иностранных судов, посещавших Мурманск. Следует также сказать, что в обеспечении строгой секретности наличия и расположения германской военно-морской базы на территории СССР были заинтересованы в равной степени обе стороны. В случае раскрытия этого факта престиж Сталина в глазах мировой общественности упал бы еще ниже, а германский флот потерял бы возможность скрытого выхода кораблей из базы. Оставалось еще два варианта — Териберка и Западная Лица. Обе губы, как на Севере называют заливы и фьорды, расположены примерно на равном расстоянии — 25—30 миль — по обеим сторонам от входа в Кольский залив: Западная Лица — к западу, а Териберка — к востоку. Однако германский военно-морской аташе в Москве капитан цур зее (капитан 1-го ранга) К.Баумбах отверг и Териберку. На вопрос гросс-адмирала Э.Редера из Берлина 11 октября 1939 г. он ответил, что не считает Териберку подходящим местом для строительства военно-морской базы. По-видимому, это объяснялось небольшими глубинами губы Тери-

предложило в качестве платы за аренду советской территории передать нам недостроенный тяжелый крейсер «Лютцов», а также поставить броню для строящихся тогда в стране линкоров типа «Советский Союз». Сталин согласился, и сделка состоялась. Вот почему вопрос о покупке крейсера не согласовывается с наркомом ВМФ Н.Г.Кузнецовым. Крейсер принимала в Германии группа советских специалистов, в том числе старший строитель Балтийского завода А.С.Монахов. 31 мая 1940 г. немецкий буксир доставил «Лютцов» в Ленинград. Крейсер швартовали у достроечной набережной Балтийского завода. Секретные чертежи новых линкоров, необходимые для определения размеров и конфигурации броневых плит, были отправлены в Германию на сталелитейные заводы Круппа. Естественно, что опытные германские специалисты сразу же рассчитали главные размещения и водоизмещение новых советских кораблей, что позволяло с высокой степенью точности определить и все остальные тактико-технические характеристики советских линкоров.

Для сохранения секретности сделки Редер приказал название «Лютцов» присвоить другому тяжелому крейсеру — «карманному» линкору «Дойчланд», который вступил в строй в 1929 г. Он был головным кораблем серии «карманных» линкоров («Дойчланд», «Адмирал граф фон Шпее», «Адмирал Шеер»), построен-

ных с учетом ограничений Версальского договора 1919 г. Название же «Дойчланд» в свою очередь перешло к линкору новой серии, которая осталась в проектах («Дойчланд», «Фридрих дер Гроссе», «Гинденбург», «Макензи»). Но экипаж «Лютцова» не сформировался. План «Барбаросса» предусматривал захват Ленинграда в первые две недели войны, и гросс-адмирал Э.Редер — большой поклонник крупных надводных кораблей — рассчитывал заполнить уже достроенный «Лютцов» в ближайшее время обратно. Между прочим, за свою приверженность к надводному флоту он поплатился карьерой и в 1943 г. был заменен на своем посту старым подводником гросс-адмиралом К.Деницем.

После подписания соглашения об аренде в губе Западная Лица сразу же началась подготовка к строительным работам по возведению причалов, рассчитанных на швартовку крейсеров-рейдеров, действовавших в Атлантике, и подводных лодок, емкостей для хранения жидкого топлива, зданий ремонтных мастерских, подземных складов для хранения артиллерийских снарядов, торпед и мин и укрытий для подводных лодок. На самых трудных участках использовались советские заключенные из северных районов ГУЛАГа, которые, по свидетельству одного из очевидцев, затем были расстреляны. У временных причалов в губе Западная Лица, расположенной всего в 25 милях от Главной базы Северного флота Полярного, стояла плавбаза немецких подводных лодок, разгружались германские транспорты со строительными материалами и оборудованием. Для защиты подходов к «Базе Норд» с моря (со стороны суши она была защищена горами) немцы выставили в губе Западная Лица минное заграждение, координаты которого сохранялись в секрете даже от командования Северного флота. Вход в губу Западная Лица советским судам и военным кораблям был строго запрещен. Но, как говорится, шила в мешке на утаишь. Английские корабли и самолеты-разведчики все чаще начали появляться в воздушном пространстве и водах Баренцева моря. Впоследствии стало известно, что англичане планировали даже высадку нескольких специальных разведгрупп на побережье в районе Мурманска. Информация, поступившая к начальнику английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) полковнику Стюарту Мензису, говорила о том, что Германия проявляет настойчивый

интерес к побережью Баренцева моря в районе границы Норвегии с СССР. В последнее время там отмечались усиливавшееся движение неизвестных судов и интенсивный радиообмен между ними. Чтобы предотвратить подход английских кораблей к «Базе Норд», командование Северным флотом также распорядилось выставить мины между норвежским портом Варде и полуостровом Рыбачий. В январе—феврале 1940 г. минными заградителями «Мурман» (бывшее гидрографическое судно Северного флота, бортовой №90) и «Пушкин» (бывший грузовой пароход НКМФ) такое заграждение было выставлено.

В начале 1940 г., незадолго до эвакуации из Дюнкерка и поражения Франции, на родину вернулся советский разведчик Ким Филби — главный военный корреспондент газеты «Таймс» при штабе английского экспедиционного корпуса в Европе. В Англии он принял предложение работать в СИС. В первое время он никогда не отказывался от ночных дежурств, когда к оперативному дежурному по СИС стекалась информация от агентов, разбросанных по всему миру. Не исключено, что информацию о подозрениях англичан по поводу «Базы Норд» передал в Советский Союз именно он. Тайна преступной сделки могла быть раскрыта в самое ближайшее время. Это вызвало крайнее раздражение Сталина и его ближайшего окружения. В начале 1940 г. военно-морской атташе в Москве Баумбах информировал об этом Берлин. Он также сообщил, что русское военно-морское командование пока не требует срочной ликвидации «Базы Норд», но было бы не против ее свертывания до выяснения тенденций развития политической обстановки в Западной Европе.

Как известно, 9 апреля — 10 июня 1940 г. германскими войсками была проведена операция «Везерюбунг» по захвату Норвегии и Дании. При этом при нападении на Норвегию в качестве плацдарма использовалась и «База Норд», расположенная на территории СССР. В результате Германия получила в свое распоряжение все норвежское побережье Баренцева моря с оборудованными базами, надежно укрытыми в фьордах. Туда, в Альтен-фьорд, по личному распоряжению Гитлера, кроме подводных лодок, в январе 1942 г. был переброшен самый мощный германский линкор «Тирпиц», который постоянно угрожал конвоям, следовавшим из Исландии в Советский Союз. К на-

чалу лета 1942 г. в Альтен-фьорд прибыли тяжелые крейсера «Адмирал Шеер», «Лютцов» (бывший «Дойчланд») и «Адмирал Хиппер», легкий крейсер «Кельн» и от восьми до двенадцати эскадренных миноносцев. Таким образом, надобность в «Базе Норд» отпала сама собой. В Кремле облегченно вздохнули, хотя в английской прессе уже начался шум по поводу тайного сговора Сталина с Гитлером и несоблюдения нейтралитета Советским Союзом. Теперь можно было устами ТАСС с возмущением опровергнуть сообщения лондонских газет, обвинив их, как всегда, в самых смертных грехах — беспардонной лжи, наглой клевете и провокации, направленных «на разжигание пожара войны». Это и было немедленно сделано в «Правде» и «Известиях», а другие советские газеты на другой день перепечатали это сообщение.

В соответствии с Хозяйственным соглашением в это время через западные границы СССР в Германию один за другим день и ночь следовали железнодорожные составы, груженные зерном, хлопком, лесом, маслом и салом, цистерны с нефтью и облепиховым маслом, которым в течение всей войны лечили немецких танкистов от ожогов. По-видимому, к этому бесконечному потоку грузов добавилось бы еще несколько тысяч вагонов и цистерн в компенсацию за крейсер «Лютцов», поскольку соглашение об аренде территории для «Базы Норд» утратило силу.

Но 30 декабря 1939 г. в Берлине на совещании верховного командования по военноморским вопросам гросс-адмирал Редер доложил Гитлеру об использовании северных коммуникаций для борьбы с державами антигитлеровской коалиции. Предложение командующего германским флотом о переброске немецких рейдеров Северным морским путем (СМП) на Тихий океан было принято. 5 января 1940 г. Редер приказал военноморскому атташе в Москве капитану цур зее Баумбаху срочно собрать необходимые сведения о СМП и выяснить мнение советского руководства в отношении использования его германскими военными кораблями. Баумбах был принят наркомом обороны К.Е.Ворошиловым и наркомом иностранных дел В.М.Молотовым, последний курировал тогда СМП и был непосредственным руководителем И.Д.Папанина — начальника Главсеморпути. Они заявили, что товарищ Сталин и советское правительство не возража-

ют против использования СМП германскими военными кораблями, и предложили осуществлять ледовую проводку немецких рейдеров за советскими ледоколами, начиная с арктической навигации 1940 г. Одновременно советские руководители дали понять, что проводку рейдеров можно было бы считать компенсацией за свертывание «Базы Норд» и приобретение тяжелого крейсера «Лютцов». Указание включить в план арктических операций летней навигации 1940 г. и обеспечить ледокольную проводку немецкого судна было дано начальнику ГУ СМП И.Д.Папанину лично Сталиным.

26 января 1940 г. в Берлине вновь состоялось совещание германского верховного командования, на котором было принято решение в первую очередь перебросить на Тихий Океан Севморпутем вспомогательный крейсер «Комет». В секретных документах он именовался «Шифф-45» («Судно-45»), а сама операция получила название «Фалль Грюн».

Это было бывшее грузовое судно «Эмс» Северо-германского Ллойда, переоборудованное в хорошо вооруженный рейдер. При водоизмещении 3287 т «Комет» развивал скорость 14,8 узлов. Но главным его достоинством была большая автономность. При запасе жидкого топлива около 2000 т и работе одного двигателя дальность плавания со скоростью 9 узлов составляла 50 тыс. миль, а на тихой воде при отсутствии ветра достигала 70 тыс. миль. На палубе «Комет» было установлено шесть 150-мм пушек, а также одно 60-мм, два 37-мм и четыре 20-мм зенитных орудия. Минно-торпедное вооружение включало четыре надводных и два подводных торпедных аппарата с большим запасом торпед, 400 якорных мин заграждения и быстроходный катер, оборудованный для постановки мин. В специальном ангаре помещался гидросамолет типа «Арадо» с разобранными крыльями. По другим данным, крейсер имел на вооружении шесть 180-мм пушек, десять торпедных аппаратов и девять 20-мм и 37-мм зенитных установок. Но в том и в другом случае, как видно, вооружение крейсера было достаточно сильным. Команда крейсера насчитывала 270 человек. Корпус судна имел специальные подкрепления для плавания в разреженных льдах.

Командир «Комет» капитан цур зее Роберт Эйссен (впоследствии контр-адмирал) обладал достаточным опытом плавания в Аркти-

ке. В период первой мировой войны он служил на вспомогательном крейсере «Метеор», переоборудованном быстрходном лайнере с тем же названием. В июне 1915 г. «Метеор» выставил мины в горле Белого моря, на которых подорвалось несколько пароходов, следовавших в Архангельск из Англии с грузами для русской армии. В 1930-х гг. Эйссен плавал на «Метеоре», занимавшемся гидрологическими работами у кромки льдов в северной Атлантике в районе берегов Гренландии и Исландии, в должности старшего помощника, а затем командира корабля.

14 августа 1940 г. «Комет» под командованием Эйссена, замаскированный под немецкое грузовое судно «Донау», без флага государственной принадлежности подошел к Новой Земле и направился к проливу Маточкин Шар. О точке рандеву с рейдером заранее были извещены начальник ГУ СМП И.Д.Папанин и его помощник — начальник морских операций западного сектора Арктики М.И.Шевелев. Гранницей между западным и восточным секторами служил пролив Вилькицкого.

На Новой Земле на борт «Комет» для проводки его во льдах поднялись два ледовых лоцмана — опытные полярные капитаны М.И.Сергеевский и А.Н.Карельский. Как уже говорилось, «Комет» был замаскирован под грузовое судно «Донау», но не настолько, чтобы опытным глазом нельзя было обнаружить вооружение крейсера, находясь на его борту. Ни Сергеевский, ни Карельский не оставили воспоминаний, но можно себе представить их недоумение, когда они поняли, что находятся на военном корабле. Командир корабля Р.Эйссен в своих воспоминаниях пишет, что «мы имели на борту военную команду, и нами это не скрывалось. Хотя военное назначение корабля русским не было известно, но они могли иметь некоторые подозрения». В тот же день «Комет» миновал пролив Маточкин Шар и вышел в Карское море. Никаких учений за время пребывания советских капитанов на борту рейдера не проводилось. Об этом свидетельствует

Маршрут германского рейдера «Комет» при следовании Северным морским путем в арктическую навигацию 1940 г.

и сам Эйссен: «Только после того, как русские покинули корабль, я начал проводить корабельные учения и учебные тревоги, чтобы поднять боевую готовность вверенного мне корабля».

Ледовая обстановка в западной части Карского моря в это время была сложной. В 150 милях к востоку от Новой Земли рейдер встретился со сплошным льдом. Он не смог самостоятельно преодолеть льды и 16 августа возвратился в пролив Маточкин Шар.

19 августа советские ледовые лоцманы Сергеевский и Карельский в надежде на улучшение ледовой обстановки вновь повели рейдер на восток. Лед появился на следующий день утром примерно в том же районе, но на этот раз он был гораздо менее сплоченным и настолько подтаявшим, что «Комет» мог свободно продвигаться со скоростью 3—5 узлов. Через несколько часов хода ледовая полоса была преодолена, и рейдер продолжил движение по чистой воде. 22 августа на горизонте показался архипелаг Норденшельда. Приблизившись к нему, рейдер стал на якорь у о. Тыртова. По распоряжению начальника морских операций западного сектора Арктики М.И.Шевелева «Комет» был задержан здесь на трое суток до прихода ледокола «Ленин». Шевелев находился в это время на ледоколе «И.Сталин» и обеспечивал проводку подводной лодки Щ-423 в тяжелых льдах западной части моря Лаптевых.

25 августа к о.Тыркова подошел ледокол «Ленин», и рейдер возобновил движение за ледоколом. На следующие сутки суда миновали пролив Вилькицкого и вышли в море Лаптевых, где встретились с ледоколом «И.Сталин» и подводной лодкой Щ-423.

К востоку от пролива Вилькицкого сплоченность льда доходила до 8—9 баллов. Прихо-

дилось несколько раз останавливаться в ожидании улучшения ледовой обстановки. Но по мере продвижения на восток характер ледового поля постепенно менялся. Лед становился более тонким и сильно подтаявшим. В восточной половине моря Лаптевых льда не наблюдалось. Отказавшись от услуг ледокола, 28 августа «Комет» самостоятельно подошел к проливу Санникова. В этом районе Арктики действовал ледокол «Малыгин», который имел скорость не более 10 узлов. Не прибегая к его помощи, рейдер со скоростью 14 узлов проследовал через пролив и вышел в Восточно-Сибирское море. Но на переходе к островам Медвежьим встретился с серьезными навигационными трудностями. Отсутствие карт с подробным указанием глубин и мелководья в этом районе моря заставляли рейдеридти с постоянно включенным эхолотом. Море было покрыто многочисленными ледяными полями, затруднявшими движение. Непрерывно державшийся туман усложнял маневрирование корабля и выбор безопасных курсов. Дальнейшее движение без ледокола становилось опасным.

30 августа, когда острова Медвежьи были уже пройдены, состоялась встреча с ледоколом «Л.Каганович», который продолжил проводку рейдера на восток. В районе мыса Большой Баранов лед уплотнился до 9 баллов, у берега появились стамухи [ледяные глыбы высотой до 50 м, сидящие на мели. — И.Ц.]. Рейдер неоднократно испытывал сильное сжатие, в результате чего оказалось поврежденным рулевое устройство. Пришлось прекратить проводку, и команда крейсера занялась устранением аварии.

1 сентября 1940 г., когда суда находились на траверзе острова Айрон, от начальника морских операций восточного сектора Арктики А.П.Мелихова для командира «Комет» поступила радиограмма весьма странного содержания. В ней говорилось, что по указанию начальника ГУ СМП И.Д.Папанина Р.Эйссен должен прекратить проводку корабля и возвратиться к Новой Земле, так как на подходах к Берингову проливу с юга наблюдаются неизвестные иностранные корабли, вероятно поджидющие «Комет». Это, по мнению Папанина, создавало угрозу успешному завершению проводки. Трудно сказать, чего здесь больше — лжи или глупости, но то и другое, безусловно, имело место.

Командир «Комет», не имея на этот счет никаких указаний своего командования, принял решение продолжать движение на восток самостоятельно без помощи ледокола «Л.Каганович». Приняв всю ответственность за возможные последствия на себя, Эйссен письменно сообщил об этом А.П.Мелехову и передал бумагу со своей подписью М.И.Сергиевскому.

В районе Чаунской губы, у Певека, оба ледовых лоцмана 3 сентября перешли на ледокол «Л.Каганович», а «Комет», дав ход, направился к Берингову проливу. 5 сентября, встретив на пути тяжелые льды только у мыса Шелагского, он обогнул мыс Дежнева и благополучно вышел на просторы Тихого океана.

Переход от Новой Земли до Берингова пролива «Комет» совершил за 15 ходовых суток, преодолев 3300 арктических миль, из которых 720 миль было пройдено непосредственно во льдах за советскими ледоколами. Восемь дней было потеряно на различные задержки и стоянки в ожидании улучшения ледовой обстановки.

Успешная проводка «Комет» дала возможность германскому военно-морскому командованию рассматривать Северный морской путь как одну из коммуникаций в плане ведения войны на море.

Но личные впечатления Р.Эйссена нельзя назвать радужными: «Один этот проход вполне удовлетворил меня, и добровольно я не хотел бы следовать этим путем вторично». Оценивая возможность использования Северного морского пути для проводки германских рейдеров и других судов, он писал: «В дальнейшем это будет зависеть от того, смогут ли суда следовать со скоростью свыше 7,5 узлов, а также от наличия подкреплений корпуса, защиты руля и винтов, и в первую очередь, от возможности работы с русскими ледоколами».

Наряду с решением основной задачи — перехода рейдера «Комет» в Тихий океан для борьбы с судоходством противника на океанских торговых путях — эта операция имела большое разведывательное значение. Документы фашистского рейха свидетельствуют о серьезном внимании, которое гитлеровское военно-морское командование уделяло полярным районам как возможному театру военных действий.

Сегодня нельзя без улыбки читать рассчитанные на простака объяснения известного историка Северного морского пути М.И.Беляева,

почему советские ледоколы буквально накануне войны с Германией занимались проводкой фашистского рейдера в Тихий океан. “В 1940 г., по личной договоренности И.В.Сталина с германским правительством, — пишет М.И.Беляев, — по Северному морскому пути под проводкой советских ледоколов совершил сквозное плавание рейдер «Комет». Далее говорится о том, что гитлеровцы нарушили договоренность с СССР, так как в ходе переговоров, которые вело руководство Главсевморпути с представителями германского министерства торговли, речь шла о разрешении плавания Северным морским путем только торговым немецким судам из Балтийского моря в Японию. Когда же Советскому правительству стало известно, что осуществляется проводка не грузового судна «Эмс», а рейдера «Комет», то Главсевморпути “получило категорическое указание о возвращении немецкого крейсера”. Но это, к сожалению, случилось в конце пути, в Певеке. “Капитану Эйссену в корректной форме было предложено вернуться в Баренцево море, — продолжает М.И.Беляев, — но на это последовал решительный отказ, и, снявшись с якоря, без сопровождения ледоколов, рейдер продолжал свое плавание и благополучно прошел Берингов пролив”.

Как плату за крейсер «Лютцов» следует рассматривать и гибель советской подводной лодки Д-1 («Декабрист») — первенца нашего подводного флота. В ноябре 1940 г. Д-1 была направлена в Мотовский залив в район бывшей «Базы Норд» для выполнения задач курса боевой подготовки. С береговых постов и батарей наблюдали ее погружение, несколько минут был виден перископ, затем он исчез. Когда миновали все сроки всплытия, командующий флотом контр-адмирал А.Г.Головко, вступивший в должность 7 августа 1940 г., на эсминце подошел к месту погружения. На поверхности виднелось большое пятно соляра, плавали мелкие щепки, пробковая крошка, деревянные части внутренней отделки и единственная краснофлотская бескозырка. В книге «Вместе с флотом» А.Г.Головко пишет: “О причинах гибели строились всякие предположения. Одни считали, что в Мотовском заливе находилась чужая подводная лодка, она, мол, подкараулила Д-1 и утопила ее. Другие полагали, что в Мотовском заливе кем-то поставлены мины, и что лодка подорвалась на одной из них”. Высказывалась и третья причина, что лодка, при-

нимая балласт, проскочила предельную глубину погружения и была раздавлена толщей воды. И все же наиболее вероятной версией гибели Д-1 представляется подрыв на минах, выставленных немцами на подходах к «Базе Норд».

Преступная акция проводки рейдера «Комет» также не прошла бесследно для нас. Советские навигационные карты и лоции арктического бассейна, которыми пользовались на борту крейсера, помогли проведению операции «Вундерланд» в Заполярье в 1942 г. Она преследовала цель нарушить коммуникации на трассе СМП в Карском море между устьем Енисея и проливом Вилькицкого.

18 августа 1942 г. в Карском море появились германский тяжелый крейсер (“карманный линкор”) «Адмирал Шеер» и три подводные лодки. 25 августа недалеко от острова Белуха «Адмирал Шеер» встретил советский ледокольный пароход «Сибиряков» и потопил его. Из-за внезапно наступившей туманной погоды германский рейдер не сумел разгромить советский караван из девяти транспортных судов и двух ледоколов, вышедший с острова Диксон. Обстреляв порт и радиостанцию на Диксоне, «Адмирал Шеер» благополучно покинул Карское море.

В 1941 г. в районе губы Белушья на Новой Земле германская подводная лодка скрытно высадила десант, который захватил советскую радио- и гидрометеостанцию вместе с обслуживающим ее персоналом. В течение 1941—1942 гг. немцы удерживали ее в своих руках, пользуясь данными о погоде в бассейне Северного Ледовитого океана и дезинформируя Главное управление Северного морского пути.

Между тем на Балтийском заводе в Ленинграде под техническим руководством немецких инженеров продолжалась достройка крейсера «Лютцов», уже переименованного в «Петропавловск». Немецких специалистов — их было 60 человек — поселили в гостинице «Астория» и каждый день привозили на завод. У достроечной стенки, где был пришвартован «Лютцов», расширили складские помещения для судового оборудования, поступавшего из Германии, и надстроили второй этаж. Там разместили так называемое Бюро Л, где работали немецкие специалисты — шеф-монтажники по корпусу, энергетике, системам и электрооборудованию, их помощники и мастера. В

этом же помещении располагались технический архив, комната отдыха, столовая и кухня.

По выходным дням немецкие специалисты на специально выделенном им автобусе осматривали пригороды Ленинграда, фотографировали достопримечательности, в том числе и военные объекты. Сейчас можно сказать, что при обстрелах Ленинграда в период блокады эти данные широко использовались немецкими артиллеристами.

Старшим контрольным мастером на крейсере был назначен Б.П.Фаворов, знавший немецкий язык. Переводчицей в Бюро Л работала сотрудница переводного бюро Балтийского завода Эльза Карловна Грюнберг. Монтажные работы, выполненные советскими рабочими, принимались старшим контрольным мастером, а затем предъявлялись немецкому мастеру. Окончательную приемку осуществляли военные представители ВМФ. Спорные вопросы решали немецкие шеф-монтажники. Для этой цели был заведен специальный журнал, куда записывались претензии советских мастеров и ответы немецких шеф-монтажников. Примерно треть всех ответов формулировалась так: «По этому вопросу будет запрошена фирма». В результате работы приостанавливались на две-три недели. Если добавить к этому некомплектную поставку конструкторской документации и корабельного оборудования, то вывод напрашивается сам собой — немецким специалистам была поставлена задача всячески тормозить достройку «Лютцова».

Для погрузки орудий башен почти одновременно с крейсером на Балтийский завод прибуksировали 500-тонный плавкран «Демаг», но подъемную стрелу «из-за сложности доставки», как объясняли немецкие специалисты, оставили в Германии. К весне 1941 г. участились поездки немецких специалистов в Германию, в начале июня директор Балтийского завода был уведомлен, что они задерживаются там на неопределенное время. Это было сигналом к тому, чтобы остальные немецкие специалисты тоже покинули завод. За неделю до начала войны выехал в Германию и главный представитель фирмы. Это было еще одним предупреждением о надвигающейся войне.

Последним грузом, прибывшим на склад оборудования для крейсера, были ящики с надписью по-немецки: «Осторожно. Стекло». В них оказались фаянсовые матросские кружки и тарелки, которыми снабжались все герман-

ские военные корабли. На оборотной стороне тарелок стояло клеймо в виде орла, держащего в когтях свастику. Все ящики сразу же конфисковало НКВД, а советского представителя, принимавшего эту посуду, арестовали прямо на границе, когда он возвращался из Германии через Турцию на родину в связи с началом войны. Десять лет лагерей стоила ему эта оплошность.

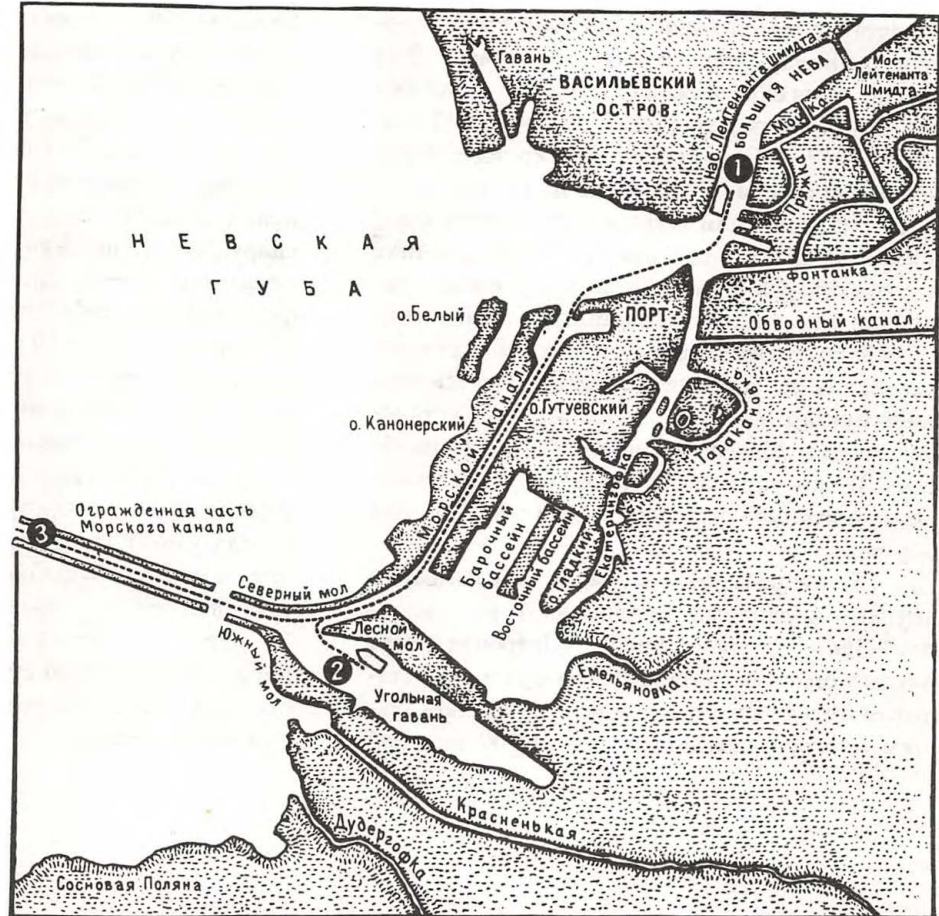
Готовность крейсера к началу войны составляла примерно 70% по массе корпуса с механизмами и системами. Уже были установлены паровые котлы, главные турбины и вспомогательные механизмы, трубо- и дизельгенераторы, водоотливные средства с трубопроводами и арматурой. Но хода корабль пока не имел, так как не был закончен монтаж главного и вспомогательного паропроводов и некоторых систем. На крейсер были погружены первая и четвертая башни главного калибра, но их монтаж еще продолжался. К установке зенитной артиллерии не приступали. К счастью, боеприпасы к артиллерии главного и зенитного калибров уже были доставлены из Германии. С началом войны достроечные работы на крейсере прекратились.

Фашистские войска стремительно продвигались к Ленинграду, и 17 июля 1941 г. Военный совет ВМФ принял решение срочно ввести в строй артиллерию крейсера «Петропавловск». Дальность стрельбы орудий главного калибра крейсера составляла 37 км, а масса снаряда 122 кг. Поэтому использование крейсера даже в качестве плавучей артиллерийской батареи могло оказать значительную поддержку при обороне города.

Благодаря героическим усилиям рабочих Балтийского завода и личного состава корабля к середине августа 1941 г. были введены в строй первая и четвертая башни главного калибра, одна спаренная 37-мм зенитная установка и восемь одноствольных 20-мм зенитных автоматов. В дополнение к двум уже установленным дизельгенераторам мощностью по 150 кВт, в носовой электростанции силами личного состава был введен в действие третий дизельгенератор такой же мощности. Заработали носовой и кормовой шпили, подключили телефонную связь. Но хода корабль по-прежнему не имел. В таком состоянии крейсер отбуksировали на огневую позицию в Угольную гавань Торгового порта. 15 августа «Петропавловск» поднял военно-морской флаг, а 24 авгу-

ста был успешно произведен отстрел артиллерии главного калибра.

7 сентября 1941 немецко-фашистские войска уже настолько приблизились к Ленинграду, что вошли в зону огня артиллерии главного калибра крейсера «Петропавловск». Командир крейсера капитан 2-го ранга А.Г.Ванифатьев приказал открыть огонь по танковой колонне фашистов, приближавшейся к деревне Кипень. По докладу с корректировочного поста — одно прямое попадание в головной танк, две другие машины опрокинуты силой взрыва. Колонна остановлена, затем наши самолеты добились фашистов. Так

Маршруты тяжелого крейсера «Петропавловск». 1 — место стоянки у Балтийского завода; 2 — место стоянки на артиллерийской позиции у Лесного мола в Угольной гавани; 3 — вход в огражденную часть Морского канала при буксировке из Кронштадта.

начались боевые будни крейсера. В течение одиннадцати последующих дней было произведено 40 стрельб по наступающим фашистским войскам в районах Красное Село, Дудергоф, Тайцы, Александровская, Горелово, Сосновая Поляна, Лигово, израсходовано 676 снарядов.

Враг стремительно приближался к Ленинграду, и дальность стрельбы быстро сократилась с 32 до 4 км. «Петропавловск» был хорошо виден с передовых позиций врага.

День 17 сентября 1941 г. оказался роковым для крейсера. В 11 ч. 30 мин. несколько фашистских батарей открыли сосредоточенный огонь по кораблю. Стрельба велась 210-мм бетонобойными снарядами. Несколько снарядов одновременно попали в район носовой электростанции, пробив борт и разрушив топливную цистерну дизелей. Возник пожар, корабль получил крен на левый борт, который быстро достиг 15°. Крейсер стал быстро погружаться и сел на грунт. Когда вода распространилась по

корпусу, крен уменьшился до 4°, но пожар продолжался с прежней силой, пока не выгорел весь соляр. На следующий день десять убитых краснофлотцев сняли с корабля и похоронили на Охтинском кладбище. Крейсер получил две большие подводные пробоины размером 6х4 м² и 3х1,5 м². Не имея хода и лишенный возможности менять огневые позиции, «Петропавловск» представлял собой хорошую цель для фашистской артиллерии, и его гибель стала неотвратимой реальностью, когда расстояние между кораблем и противником сократилось до нескольких километров.

Зимой 1941—1942 гг. в 30-градусные морозы началась подготовка к подъему крейсера. 11 июля 1942 г. на корабль прибыла группа водолазов ЭПРОНа в составе 20 человек. В ночь на 13 сентября вместе с личным составом корабля они завели пластыри на пробоины в корпусе, откачали воду из отсеков и произвели пробное всплытие. Убедившись, что осадка по-

зволяет провести корабль по фарватеру Морского канала, снова притопили крейсер. Для обеспечения скрытности буксировки пришлось срезать формарс и гротмачту. В ночь на 17 сентября 1942 г. был произведен окончательный подъем крейсера. На буксире под носом у немцев его доставили в Неву и отшвартовали у набережной Горного института. Подводная часть корпуса была отремонтирована с помощью кессона, изготовленного на Балтийском заводе. Затем ввели в строй механизмы наведения первой и четвертой башен, усилили зенитную артиллерию, дополнительно установив восемь 20-мм «эрликонов» и два армейских 37-мм автоматов. Крейсер отбуксировали на прежнюю огневую позицию в Торговом порту.

15 января 1944 г. в 9 ч. 20 мин. вместе с другими кораблями эскадры КБФ и артиллерией-Ленинградского фронта «Петропавловск» открыл огонь по укреплениям врага, прокладывая путь сухопутным войскам, освобождавшим многострадальный город от 900-дневной

блокады. Ни один из кораблей эскадры не выпустил столько снарядов по врагу, как «Петропавловск». Уже было известно, что он не подлежал полному восстановлению, и каналы стволов артиллерии главного калибра расстреливались до полного износа. Только в первый день операции «Нева-2» было выпущено 250 снарядов. С 15 по 20 января по узлам сопротивления немецко-фашистских войск, в Дудергофе, Красном Селе и Ропше было выпущено еще 824 снаряда. После 19 января корабли эскадры прекратили огонь по врагу, а крейсер «Петропавловск» в этот день пять раз возобновлял стрельбу, израсходовав еще 179 снарядов. Последняя стрельба состоялась 24 января 1944 г., и после ее окончания артиллерия крейсера навсегда умолкла. Летом 1944 г. «Петропавловск» вновь отбуксировали к Горному институту, а через некоторое время сдали на лом.

Так закончилась короткая жизнь этого корабля, волею судеб ставшего объектом преступных сделок Сталина и его ближайшего окружения с Гитлером.

Долгий путь на родину

(Репатриация немецких военнопленных из СССР)

Глава из книги «Германские военнопленные в СССР: 1941—1955 гг.»

К числу проблем истории второй мировой войны, до сих пор остающихся дискуссионными, вызывающими разноречивые оценки, относится проблема репатриации военнопленных. Тема эта имеет множество аспектов, обусловивших ее многогранность. История репатриации включает в себя и безуспешные попытки Международного Красного Креста инициировать соглашение между Германией и СССР по обмену ранеными и больными военнопленными, и насильственную репатриацию бывших граждан Советского Союза, служивших в германских формированиях, Ди-Пи, а также эмигрантов и многое другое.

Особого внимания требует вопрос о том, как возвращались домой бывшие солдаты и офицеры Вермахта, оказавшиеся в советском плену. Вернуться смогли далеко не все, процесс репатриации растянулся на десятилетие. Германские историки до настоящего времени придерживаются того мнения, что в руках Красной Армии оказалось свыше 3 млн. немцев, приблизительно 1,1 млн. человек не пережили русского плена¹. Весьма критически относятся они к и заявлению ТАСС от 5 мая 1950 г. о завершении репатриации (освобождено и отправлено на родину 1 939 063 военнопленных немца, 13 532 человека остаются в СССР на положении военных преступников и подсудимых, 14 человек временно задержаны по причине их болезни)².

В силу известных причин информация подобного рода появилась у нас сравнительно недавно. В.П.Галицкий, воспользовавшись справкой архивного отдела Главного управления мест заключения МВД СССР, опубликовал следующие цифры: всего в Советском Союзе находилось 2 389 560 немецких военнопленных, умерло в лагерях и госпиталях 356 687 человек³. Цифру характеризующую количество репатрированных (2 032 873 человек), хотя она и приводится в вышеназванной справке, историк почему-то предпочел не упоминать, а акцентировал внимание читателя на сообщении ТАСС от 5 мая 1950 г. Оправдывая затянувшееся возвращение немецких солдат и офицеров на родину объективными трудностями, уважаемый коллега, по сути дела, предложил считать проблему закрытой⁴.

На наш взгляд, делать подобный вывод было бы явно преждевременно. Во-первых, реконструировать картину репатриации немецких военнопленных из СССР необходимо уже потому, что более или менее подробные сведения на этот счет можно почерпнуть, главным образом, из работ германских историков. Во-вторых, не следует забывать, что наши зарубежные коллеги не имели доступа к архивным документам из хранилищ бывшего СССР. В силу этого обстоятельства они при всем желании не могли “разглядеть” внутреннюю подоплеку многих решений Кремля, связанных с судьбой их соотечественников. Находящиеся в распо-

ряжении авторов настоящей статьи архивные материалы, такие, как доклады из «Особой папки» И.В.Сталина, служебные записки сотрудников министерства иностранных дел и лично В.М.Молотова и др., позволяют совершенно по-иному расставить акценты в вопросах, традиционно не вызывавших каких-либо возражений. И, наконец, в-третьих. Вопрос об общей численности военнопленных немцев, количестве умерших и репатриированных имеет принципиальный характер. Между тем, статистические данные НКВД-МВД, которыми оперирует В.П.Галицкий, как позднее убедится читатель, далеко не безупречны.

* * *

27 июля 1929 г. на Международной дипломатической конференции в Женеве были приняты два важных документа — конвенция об обращении с военнопленными и конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. Полномочные представители почти сорока государств поставили свои подписи под названными соглашениями. Однако от Советского Союза на этом форуме никто не присутствовал. Нарком по иностранным делам Г.В.Чичерин находился в те дни на лечении в Германии, а исполнявший обязанности наркома М.М.Литвинов по приказу Москвы покинул Женеву еще в середине мая. В итоге оба международных соглашения были приняты без участия СССР.

Довольно странное, на первый взгляд, решение имело свои глубокие корни. На рубеже 20-х — 30-х гг. в Советском Союзе уже шел процесс формирования военной доктрины, исходившей из абсолютного приоритета наступательной стратегии над оборонительной. Наиболее отчетливо контуры этой доктрины были обозначены в трудах будущего маршала Б.М.Шапошникова (Мозг армии. В 3-х кн. 1927—29 гг.) и военного теоретика В.К.Триандафиллова (Характер операций современных армий. 1929 г.). Советскому вождю, с его далеко идущими планами коммунистического переустройства Европы, стратегия наступательной войны “малой кровью на чужой территории”, безусловно, импонировала. Что касается пленных, то здесь И.В.Сталин, по-видимому, руководствовался следующей логикой. Коль скоро в предстоящей войне в руках противника окажется крайне мало красноармейцев, то сто-

ит ли связывать себя обязательствами по отношению к чужим военнослужащим?

15 мая 1929 г. Наркомвоенмор К.Е.Ворошилов получил документ следующего содержания: “Народный комиссариат по Иностраным Делах считает необходимым поставить Вас в известность, что высшая инстанция [И.В.Сталин. — В.К. и А.Т.] не признала возможным участие СССР в созываемой в июне с.г. в Женеве конференции по пленным и раненым”⁵. Поступившую информацию Клим Ефремович расценил прежде всего как приказ форсировать подготовку «Положения о военнопленных», работу над проектом которого вела специальная комиссия под руководством консультанта СТО СНК СССР И.Я.Левенсона. Особенно тщательно отшлифовывались пункты, тем или иным образом затрагивающие характер будущей войны. В частности, по первому пункту было внесено предложение считать военнопленными не только солдат вражеских армий, но и “лиц, принадлежащих к населению незанятой войсками РККА территории противника, поднявшемуся для вооруженной борьбы против РККА при ее приближении”⁶. Примечательно, что эти “лица” объявлялись военнопленными даже в том случае, если они не вступили в партизанские отряды или аналогичные им формирования. Подобная формулировка, противоречившая соответствующей статье Женевской конвенции, во многом была продиктована приверженностью советского руководства упомянутой выше военной доктрине. Не приходится удивляться и тому, что в проекте «Положения» отсутствовал пункт о репатриации.

Между тем Международный комитет Красного Креста безуспешно пытался выяснить причины отказа Москвы от подписания принятых в Женеве документов. В конце концов Наркомат по иностранным делам на своей коллегии 8 февраля 1930 г. (прот. № 13) постановил: присоединиться к Конвенции о раненых и больных, так как ее основные положения не противоречат интересам СССР, а от подписания Конвенции о военнопленных, “ввиду существенных оговорок со стороны Наркомвоенмора”, отказаться⁷. В дальнейшем, 12 мая 1930 г., присоединение к первой из вышеупомянутых конвенций было утверждено постановлением ВЦИК СССР, вторая же — так и не нашла поддержки и понимания у советских руководителей.

В годы войны, особенно в первые месяцы отступления Красной Армии по всему советско-германскому фронту, сотрудники наркомата иностранных дел во главе с В.М.Молотовым предприняли несколько попыток к тому, чтобы СССР было предоставлено право на покровительство им же ранее не ратифицированных Гаагской (1907 г.) «О законах и обычаях сухопутной войны» и уже упомянутой Женевской конвенций. Москвой руководило вполне понятное желание любыми возможными средствами, в том числе международноправовыми, сдержать наступательную мощь германской военной машины, легализовать партизанское движение, которое немцы объявили противозаконным, спасти от налетов вражеской авиации, используя эмблему Красного Креста, фронтовые и тыловые госпитали, санитарный транспорт. По этой причине в Кремле положительно отреагировали на предложение председателя Международного Комитета Красного Креста (МККК) Макса Губера оказать посредническую помощь в деле обмена списками погибших, раненых, пленных. В этой связи в Анкару для встречи с послом С.А.Виноградовым прибыл уполномоченный МККК доктор Марсель Жюно. Он заявил дипломату, что Германия и ее союзники дали знать в Женеву о согласии на обмен списками военнопленных, более того — немцы уже передали первый список с именами и фамилиями красноармейцев⁸. Однако, как показали дальнейшие события, советская сторона явно не желала достичь конструктивного компромисса. В начале октября 1941 г. Марсель Жюно, к примеру, известил премьер-министра Турции, что какое-либо соглашение по обмену ранеными и больными военнопленными между двумя воюющими державами по вине Москвы, пожалуй, так и не будет принято. Месяц спустя штаб оперативного руководства ОКВ на запросы заинтересованных инстанций давал следующий ответ: «...В настоящее время прибытие тяжело раненных немецких военнопленных на родину невозможно. Больные советские военнопленные остаются поэтому в германском плену»⁹.

В августе 1943 г. Международный Комитет Красного Креста сделал еще одну попытку облегчить участь военнопленных. Правительствам Германии и СССР было предложено, воспользовавшись статьей 72-й Женевской конвенции, заключить договор о репатриации в нейтральную страну лиц, длительное время

пребывавших в плену, тяжелораненых и больных¹⁰. Однако ни в Берлине, ни в Москве это разумное предложение понимания не нашло. Советское руководство после поражения войск Вермахта на Курской дуге окончательно уверилось в близкой победе и по отношению к красноармейцам, оказавшимся в руках врага, заняло откровенно враждебную позицию. Обвинения в их адрес («у нас нет пленных — есть предатели») допускали даже дипломаты, например, посланник СССР в Швеции А.М.Коллонтай. Что касается Адольфа Гитлера, то он, по-видимому, боялся окончательно развеять миф о коварных русских, которые всех пленных немцев расстреливают.

О несостоявшейся репатриации военнопленных в июне 1943 г., которую якобы намеревалась осуществить Москва, иногда упоминается в мемуарах. Так, бывший пилот Люфтваффе Дитрих Вайничке, содержавшийся несколько лет в лагере № 158 под Череповцом, стал свидетелем слухов о предстоящей отправке на родину, которую пленные связывали с неожиданным улучшением питания, отменой тяжелых работ, появлением в водах Рыбинского водохранилища госпитального судна¹¹. Никакими архивными документами эта версия не подтверждается. Скорее всего это были именно слухи, вызванные случайным совпадением благоприятных обстоятельств и подсознательным стремлением людей за колючей проволокой выдать желаемое за действительное.

После капитуляции Германии в Кремле о соблюдении норм международного права вспоминали чаще всего тогда, когда требовалось наказать военных преступников. Неопределенность правового статуса сотен тысяч пленных немцев заботила куда меньше. Принятое СНК СССР за № 1798–800 «с» 1 июля 1941 г. «Положение о военнопленных», которое по замыслу советского руководства имело временный характер, в дальнейшем так и не было пересмотрено. Причину этой столь странной «забывчивости» помимо всего прочего, видимо, следует искать в том, что ни в одном из пунктов названного документа слово «репатриация» ни разу не упоминалось¹².

К тому же ситуация сложилась таким образом, что многие формулировки, зафиксированные в международных соглашениях, безнадежно устарели. В статье 75-й Женевской конвенции, к примеру, говорилось, что возвращение военнопленных на родину «должно произ-

водиться в кратчайший после заключения мира срок”¹³. Однако после ареста членов кабинета правительства Дёница и решений Потсдамской конференции заключать мир было попросту не с кем. Несколько лет никаких договорных обязательств между СССР и Германией не существовало, равно как не было и единого немецкого государства. Парадоксально, но факт — официальный документ о прекращении войны между двумя странами появился только в январе 1955 г. Соответствующее решение было принято Советским Союзом в одностороннем порядке и оформлено Указом Президиума Верховного Совета¹⁴. Еще 17 ноября 1945 г. чрезвычайный и полномочный посол США в СССР А.Гарриман адресовал советскому руководству письмо, в котором предлагалось одобрить инициативу МККК по поводу созыва в Женеве неофициального совещания, ставящего целью пересмотреть конвенции о защите жертв войны. В ответе же СССР, подписанном А.Я.Вышинским, говорилось: “Советское Правительство считает, что вопрос об обращении с военнопленными и интернированными гражданами в настоящее время, когда только что окончилась война, не является актуальным и срочным... На мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой подобного соглашения касательно военнопленных”¹⁵. Когда в 1949 г. в Женеве была — таки созвана международная конференция, то некоторые ее делегаты опасались, что у Москвы имеется формальное основание для задержания в своих лагерях бывших солдат и офицеров Вермахта. Чтобы избежать нежелательного прецедента в будущем, было решено ликвидировать всякую двусмысленность в толковании сроков репатриации. В статье 118-й вновь принятой Женевской конвенции было записано, что репатриация пленных производится “тотчас же по прекращении военных действий”¹⁶.

12 декабря 1949 г. советские делегаты Н.В.Славин, О.А.Богомолец, И.П.Кутейников, ставя свою подпись под документом, сделали оговорку по статье 85-й. Москву не устраивало то, что под покровительство Конвенции попадают осужденные военнопленные. Военные преступники, как заявила советская делегация, “должны подчиняться режиму”, который принят в той или иной стране, “для лиц,

отбывающих наказание”¹⁷. Почему делегаты настаивали именно на такой формулировке, во многом объясняют события конца 1949 — начала 1950 гг., отмеченные в СССР массовыми закрытыми процессами над немецкими военнопленными. Причем виновность того или иног пленного еще досуда военного трибунала устанавливала так называемая Междуведомственная комиссия. По спискам, чаще всего на основании формальных признаков — “офицер, имеет награды”, “допускает антисоветские высказывания”, “уроженец Западной зоны оккупации Германии” и т.п. — давалось заключение о необходимости привлечения того или иног военнопленного к уголовной ответственности. До вынесения приговора судьбу еще около 12 тысяч человек, в том числе 136 немецких генералов, предопределило секретное постановление Совета Министров СССР № 1108—396 от 17 марта 1950 г.¹⁸. Предоставлять военным преступникам и тем, кого вскоре предстояло осудить, такие же права, как и военнопленным (переписка с семьями, получение посылок, возможность встречи с представителями Международного Красного Креста, а в ряде случаев и право на репатриацию), в Советском Союзе не намеревались. Направив осужденных немцев в тюрьмы и лагеря особого режима, СССР вовсе не помышлял в ближайшие годы вернуть их на родину*. Страхуя себя от обвинений в нарушении прав человека, Москва сознательно затягивала ратификацию Женевской конвенции об обращении с военнопленными вплоть до апреля 1954 г.¹⁹ Примечательно, что сотрудники министерства иностранных дел, в частности, заместитель министра Я.А.Малик, предварительно просили руководство МВД (?) дать заключение о целесообразности ратификации упомянутого документа²⁰.

* * *

За последние полгода войны командованием Красной Армии из фронтовых лагерей и армейских приемных пунктов было освобождено без направления в тыловые районы страны 615 000 вражеских солдат²¹. Это были румы-

* Система спецлагерей и тюрем для осужденных военных преступников и “социально-опасных элементов” советской зоны оккупации (ГДР) просуществовала до середины 50-х гг.

ны, венгры, словаки, чехи, рядовые и унтер-офицеры других национальностей. В апреле-мае 1945 г. среди отпущенных таким образом на свободу появляются немцы, главным образом, рядовые фольксштурма, чей возраст приближался к 60, и подростки из «Гитлерюгенд». Только лишь соображениями гуманности эту санкционированную инициативу военного командования объяснять не стоит, ибо армейские приемные пункты и фронтовые лагеря уже тогда не справлялись с огромным количеством прибывавших военнопленных. Видимо, в чем-то прав был гросс-адмирал Карл Дёниц, когда писал: «Капитулируй мы зимой 1944—45 гг., в русский плен попало бы 3,5 млн. солдат Восточного фронта, который весьма ещедалеко отстоял от линии англо-американского. Принять их, обеспечить продовольствием и разместить было бы для русских, даже при самом большом желании, организационно невозможно. Им пришлось бы пережить зимние месяцы в примитивных условиях, в открытом поле, результатом чего явилась бы ужасающе высокая смертность»²².

Так или иначе, но за несколько дней до капитуляции Германии И.В.Сталин, еще на Тегеранской конференции заявивший союзникам о своем намерении направить на восстановительные работы в СССР «по меньшей мере четыре миллиона немцев»²³, был вынужден пересмотреть прежние планы. Отныне задача сводилась к тому, чтобы обеспечить прибытие в различные регионы страны как можно большего количества трудоспособных военнопленных, одновременно проводя «разгрузку лагерей от физически неполноценного контингента».

5 мая 1945 г. нарком внутренних дел Л.П.Берия и начальник Генерального штаба Красной Армии А.И.Антонов направили Верховному Главнокомандующему письменный доклад: в расположении войск 1, 2, 3-го Белорусского и 1, 2, 3-го Украинского фронтов находится на текущий момент 410 000 пленных. Среди них приблизительно 80 000 больных, а поэтому к отправке в СССР в срок до 12 июня 1945 г. запланировано 330 000 человек. По прибытии на место трудоспособные военнопленные будут использоваться на работах в 48 наркоматах согласно прилагаемому списку. Первым в этом списке был Наркомат угольной промышленности, получавший в свое распоряжение 41 500 человек, за ним шли: Наркомст-

рой — 30 750 человек, Наркомат путей сообщения — 27 500 человек и т.д.²⁴

11 мая 1945 г. Л.П.Берия доложил И.В.Сталину, что общее количество военнопленных составило 2 070 000 человек, среди них приблизительно 1 300 000 немцев²⁵. Все оставшиеся майские дни советский вождь регулярно получал информацию о том, насколько успешно проходит доставка в СССР рабочей силы, знакомился с предложениями наркоматов по ее рациональному использованию. К вопросу о судьбе иной категории пленных — инвалидов и больных, непригодных к физическому труду, И.В.Сталин согласился вернуться только тогда, когда убедился, что картина складывается достаточно благополучная (с учетом отправленных в мае в тыловые лагеря СССР должно было поступить 1 031 350 вражеских солдат и офицеров)²⁶.

4 июня 1945 г. ГКО принял постановление № 8921 «сс» «О мероприятиях по трудовому использованию военнопленных и материально-техническому обеспечению лагерей для военнопленных». Суть постановления сводилась к тому, чтобы произвести рациональное распределение уже имевшейся и поступавшей с фронтов рабочей силы в лице отвоевавших вражеских солдат по различным отраслям хозяйства СССР. При этом были приняты во внимание предложение о трудовом использовании военнопленных, изложенное в уже упомянутой записке Л.П.Берия И.В.Сталину, а также оперативная информация с фронтов (по состоянию на 16 мая, например, к отправке в тыл предназначалось 1 023 000 пленных)²⁷. Отдельным пунктом было проведено решение, обязывавшее НКВД освободить и репатриировать на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей до 225 000 нетрудоспособных вражеских солдат.

Во исполнение постановления ГКО, Л.П.Берия издал приказ № 00698. Перед начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом М.С.Кривенко ставилась задача организовать в лагерях и госпиталях тщательный отбор установленного решением высшей инстанции количества военнопленных. В списки на репатриацию разрешалось вносить только рядовой и унтер-офицерский состав. Уточнялось, кого в первую очередь следует отнести к категории нетрудоспособных — инвалидов, лиц, страдающих туберкулезом и дистрофией, хирургических больных с незаживающими ранами. Отбо-

ром репатрируемых должны были заниматься специальные комиссии, во главе либо с заместителем наркома внутренних дел союзной республики, либо, если речь шла о крае или области, с начальником Управления НКВД. Свою работу комиссии, в состав которых категорически запрещалось включать врачей из числа военнопленных, должны были завершить через 10 дней. Поразительно, но в подробно регламентирующем каждую деталь приказе ни слова не говорилось ни о денежном расчете с репатрируемыми за производственный труд, ни о выдаче ему какой-либо справки об инвалидности, ни даже о каком-либо документе, подтверждающем освобождение из плена²⁸.

Как это вытекало из содержания постановления ГКО и последовавшего за ним приказа НКВД, на родину должны были выехать непригодные к труду военнопленные вне зависимости от того, к какой национальности они принадлежали. Однако вскоре по этому поводу были сделаны указания. Под постановление ГКО № 8921 “сс” попали только немцы и австрийцы. Что касается нетрудоспособных военнопленных прочих национальностей, то они репатрировались примерно в те же сроки, но по другим правительственным решениям*.

Итак, в соответствии с названным выше постановлением ГКО репатриации из СССР подлежали военнопленные из числа рядового и унтер-офицерского состава, чья инвалидность не вызывала сомнения или чье состояние здоровья находилось в районе критической отметки. Точно такая же категория военнопленных освобождалась из госпиталей, расквартированных на территории Германии, и передавалась местным органам самоуправления. 4 июля 1945 г. генерал-майор медицинской службы А.Я.Барабанов, занимавший должность начальника ВСУ (военно-санитарного управления) уже упраздненного 1-го Белорусского фронта, направил в санотделы армий следующую директиву: “Весьма срочно. Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин разрешил передачу из госпиталей Красной Армии местным органам власти военнопленных немцев-инвалидов, не нуждающихся в дальнейшем госпитальном лечении, не способных к физическому

труду. Приступите немедленно к передаче указанных контингентов. В первую очередь, передайте рядовой и сержантский состав, списки на передаваемых местным органам власти согласуйте со «СМЕРШ». О порядке передачи инвалидов-генералов и офицеров — указания будут даны дополнительно”²⁹. Общее количество немцев, репатрированных и освобожденных по данному постановлению ГКО, как сказано в итоговом отчете ГУПВИ, составило 233 000 человек³⁰.

Едва успели выехать на родину первые партии бывших солдат Вермахта, попавших в списки на репатриацию, как уже в начале августа 1945 г. вопрос о судьбе военнопленных вновь оказался в фокусе внимания советского руководства. Причин для этого было несколько: наличие в лагерях СССР дополнительно выявленного нетрудоспособного контингента, угрожающе высокая смертность среди пленных, не вывезенных в тыл по причине их непригодности к физическому труду, и, наконец, обязательства перед союзниками, нейтральными странами и недавно сформированными правительствами так называемых дружественных государств.

10 августа 1945 г. Л.П.Берия представил И.В.Сталину проект постановления ГКО, согласно которому из районов бывших фронтов и тыловых лагерей страны подлежали освобождению и репатриации 708 000 военнопленных рядового и унтер-офицерского состава. Все репатрируемые были поделены на три группы. В первую входили подданные Чехословакии, Польши и Югославии — около 62 000 человек. Все они получали возможность отбыть на родину, вне зависимости от состояния здоровья (как больные, так и здоровые). Передачу этих пленных соответствующим иностранным властям поручалось осуществить НКВД СССР. Во вторую группу входили итальянцы, бельгийцы, голландцы, люксембуржцы, болгары, датчане, шведы, норвежцы, швейцарцы, американцы, англичане и греки — всего более 24 000 человек. Они также освобождались из лагерей, вне зависимости от своего физического состояния, но их передача представителям соответствующих государств должна была осуществляться через аппарат Уполномоченного по репатриации при СНК СССР, который возглавлял генерал-полковник Ф.И.Голиков. Наконец, в третью, самую многочисленную группу входили нетрудоспособные немцы — 412 000 чело-

* Нетрудоспособные венгры, к примеру, репатрировались по постановлению СНК СССР № 1497—341 от 26 июня 1945 г.

век, венгры — 150 000 человек, румыны — 30 000 человек, австрийцы — 30 000 человек³¹.

13 августа 1945 г. этот проект без существенных изменений был утвержден постановлением ГКО № 9843 “сс”, а Л.П.Берия продублировал основные пункты принятого решения в своем приказе, датированном тем же числом (№ 00955). Относительно немецких военнопленных, подлежащих освобождению и репатриации на родину, в приказе говорилось следующее. Из Северной группы войск должно быть освобождено 142 000 человек, из Центральной группы войск — 54 000 человек, из Южной группы войск — 30 000 человек и из Группы советских оккупационных войск в Германии — 142 000 человек. Еще 111 000 непригодных к физическому труду немцев должны быть отправлены на родину из тыловых лагерей и спецгоспиталей. Далее в приказе говорилось, что в списки на освобождение и репатриацию не должны попасть служившие в СС, СД, СА, сотрудники гестапо и выявленные участники зверств и злодеяний. Передачу пленных из бывших фронтовых лагерей следовало начать не позднее 15 августа, а отбор военнопленных, предназначенных к освобождению из тыловых лагерей и спецгоспиталей, должен был быть завершен к 1 сентября 1945 г.³²

Процесс возвращения военнопленных из СССР на родину протекал в 1945 г. особенно долго и мучительно. Низкая пропускная способность железных дорог, нехватка вагонного парка, непрерывавшийся поток встречных перевозок с возвращавшимися домой советскими гражданами и демобилизованными воинами привели в конце концов к срыву намеченных сроков. Вместо 15 октября, как это было определено, к примеру, августовским постановлением ГКО, репатриация завершилась только к концу года. И хотя контроль за предоставлением отъезжавшим военнопленным требуемого количества эшелонов возлагался лично на начальника Центрального управления военных сообщений генерал-лейтенанта В.И.Дмитриева, заявки НКВД зачастую удовлетворялись с опозданием и не в полном объеме. Под погрузку, как правило, выделялись совершенно непригодные для перевозки людей товарные вагоны.

Наиболее откровенно повествует о том, в каком тяжелом состоянии прибывали немцы к месту назначения, служебная записка началь-

ника отдела НКВД по делам военнопленных Группы Советских оккупационных войск в Германии от 25 октября 1945 г., адресованная генерал-лейтенанту медицинской службы М.М.Гурвичу. “В лагерь военнопленных № 69 во Франкфурте-на-Одере, — говорилось в этом документе, — из тыловых лагерей нашей страны согласно решения Правительства поступают эшелоны с инвалидами, больными и физически ослабленными военнопленными для из последующего освобождения. В течение октября поступает по 4—6 эшелонов в сутки. Кроме того, в пути следования находится 100 эшелонов. В ближайшие 2—3 месяца Франкфуртским лагерем из тыловых лагерей согласно указаниям Москвы должно быть принято, а затем освобождено до 500 тысяч больных”. Далее в служебной записке подчеркивалось, что справиться с поставленной задачей будет крайне сложно, так как “среди прибывающих большой процент смертности: умирают в пути следования, в пунктах прибытия, умирают в спецгоспитале”³³. Не менее 100 человек из каждого эшелона требуют срочной госпитализации, поскольку ко всему прочему страдают брюшным тифом, дизентерией и иными заболеваниями. Передавать такой “контингент” местным органам самоуправления ни в коем случае нельзя. Свое обращение к генерал-лейтенанту медицинской службы М.М.Гурвичу, занимавшему, кстати сказать, должность начальника санитарного управления Группы советских оккупационных войск в Германии, представитель НКВД заканчивал просьбой о том, чтобы срочно открыть при лагере № 69 хотя бы еще один спецгоспиталь³⁴.

К сожалению, исчерпывающие сведения о судьбе около 500 тысяч немцев, отправленных из СССР на родину в соответствии с двумя упомянутыми постановлениями ГКО, отсутствуют. Однако есть достаточно веские основания и доводы, позволяющие утверждать, что многие из военнопленных, внесенные в списки на репатриацию, до дома так и не добрались, умерли в пути или уже по прибытии к месту назначения. Здесь, в лагере № 69 во Франкфурте-на-Одере, офицеры НКВД, по всей видимости, составляли *новые списки*, включая в них только живых и относительно здоровых людей, и лишь после этого приступали к процедуре передачи репатриированных местным органам самоуправления. В Москве на эту порочную практику смотрели сквозь пальцы, ибо смертность среди

военнопленных в те дни и без того была высокой. Согласно справки начальника учетного отдела ГУПВИ капитана госбезопасности А.Н.Бронникова за период с 1 июля по 20 октября 1945 г. в тыловых лагерях и спецгоспиталях умерло 30 896 человек³⁵.

Неизбежным следствием системы избирательного учета скончавшихся явилось появление незафиксированной ни в одном документе ГУПВИ категории “пропавших без вести”. Именно в разряд “пропавших без вести” попал, к примеру, немецкий летчик Адольф Аппель. На четвертый день войны в районе Киева приземлился немецкий бомбардировщик «Ю-88». 29 июня 1941 г. «Правда» опубликовала фотографию и письмо членов экипажа, в котором летчики, в том числе стрелок-радист Адольф Аппель, призывали соотечественников переходить на советскую сторону. Факт по тем временам крайне примечательный, и о нем сообщило не только московское, но и английское радио. Знали о судьбе экипажа «Ю-88» и родственники Адольфа Аппеля, всю войну ждавшие от него хоть какой-то весточки из России. Наконец, в 1947 г. через Чехословацкую военную миссию они вышли на ГУПВИ МВД СССР. Выяснилось, что разыскиваемый содержался в лагере № 270 в Боровичах, откуда в августе срок пятого был отправлен во Франкфурт-на-Одере и... пропал. Получив такую справку, заместитель начальника ГУПВИ генерал-майор Н.Т.Ратушный наложил на документе резолюцию: “Это явно то лицо, которое интересует чехословаков”. Однако многоопытный службист был прекрасно осведомлен о принятых “правилах игры”. А посему в ответе говорилось, что Аппель Адольф Генрих “в лагерях МВД для военнопленных не содержался и ГУПВИ о нем сведениями не располагает”³⁶.

Не менее драматично проходил процесс освобождения военнопленных из бывших фронтовых лагерей. В течение нескольких недель, а то и месяцев, 418 000 человек жили на довольно скудном пайке, ютились в переполненных бараках. К тому моменту, когда пришло известие об освобождении, многие не могли передвигаться без посторонней помощи. Санитарные летучки, формирование которых для транспортировки инвалидов и больных должен был проконтролировать лично начальник тыла Красной Армии генерал армии А.В.Хрулев, куда-то запропастились. Военнопленные, как сказано в отчете ГУПВИ, “просто освобожда-

лись из фронтового лагеря и самостоятельно следовали, куда заблагорассудится”³⁷. Командование, обремененное собственными заботами, о процедуре официальной передачи пленных (в обязательном порядке — двусторонний акт приема-передачи), видимо, не желало и думать. “Некоторые лагеря, — читаем далее в отчете, — сохранили только именные списки на освобождение, некоторые заставили на этих листках расписаться самих освобожденных, а некоторые даже такого одностороннего документа не составили”³⁸.

По-разному сложилась судьба пленных, которых в списки на освобождение не включили, но и вывозить в тыл тоже не стали. Речь идет о немцах, переданных СССР странам, попавшим под его влияние. Известно, к примеру, что визит в Москву делегации поляков во главе с премьер-министром Э.Осубка-Моравским завершился подписанием договора о советско-польской границе и соглашения по вопросу возмещения ущерба, причиненного германской оккупацией. В частности, по «Соглашению» Польша обязывалась поставлять в Советский Союз каменный уголь “в течение всего периода оккупации Германии”³⁹. И вовсе не случайно уже 18 августа 1945 г., на следующий день после торжественных проводов почетных гостей, Л.П.Берия ознакомил И.В.Сталина с проектом постановления ГКО (утвержден под № 9865 “с”), по которому 50 000 немецких военнопленных, содержащихся в лагерях на территории Польши, в срок до 10 сентября текущего года передавались правительству Э.Осубка-Моравского⁴⁰.

1500 немцев были переданы Чехословакии, после того как 23 ноября 1945 г. был заключен межправительственный договор, предусматривавший поставку в СССР урановой руды. Впоследствии их количество было доведено до 5000 человек. Более четырех лет военнопленные работали на «Яхимовских шахтах», облюбовав себе по прихоти начальства лагеря с громкими названиями «Свобода», «Равенство», «Братство». Время от времени одних, потерявших трудоспособность, отправляли в СССР (объект считался секретным и работавшие на нем репатриировались в последнюю очередь), других — передавали советскому акционерному обществу в Германии «Висмут». Последние 1757 немцев получили свободу только в конце января 1950 г., объявив голодовку протеста по поводу задержки обещанной репатриации⁴¹.

Из 233 000 немецких военнопленных, внесенных в списки на освобождение и репатриацию по постановлению ГКО № 8921 “сс”, приблизительно 39 000 подлежало выписке из госпиталей, расквартированных на территории Германии. Начальник санитарного управления 1-го Белорусского фронта генерал-майор медицинской службы А.Я.Барабанов, к примеру, требовал о своих подчиненных произвести передачу “инвалидов, не нуждающихся в дальнейшем госпитальном лечении”, местным органам самоуправления немедленно⁴². И его, как, впрочем, и остальных руководителей медицинской службы, получивших соответствующий приказ Сталина, можно понять. Почти одновременно был получен еще один приказ, на этот раз за подписью маршала Г.К.Жукова (№ 019), о передаче госпиталей, в которых содержатся немцы, “под обслуживание репатриантов”⁴³. На практике все это привело к ужасной спешке, необоснованной выписке тяжело раненных и больных, к различного рода экстремальным ситуациям.

Вскоре стала поступать информация о том, как идет передача немцев-инвалидов местным органам власти. Так, 6 июня 1945 г. начальник полевого эвакуационного пункта (ПЭП-15) сообщил, что из 11 госпиталей различных городов Германии передано 2346 человек; дальнейшее же выявление инвалидов продолжается⁴⁴. Такого рода информация поступала практически из каждого госпиталя. К примеру, из ЭГ-3836, дислоцировавшегося в Рослау, к 11 июля 1945 г. были переданы военной комендатуре 360 военнопленных немцев-инвалидов⁴⁵. По нашим подсчетам общее количество бывших солдат Вермахта, не пригодных к физическому труду (а потому переданных органам местного самоуправления Германии) составило приблизительно 39 тыс. человек.

С другой стороны, вот что докладывал вышестоящему руководству 19 июля 1945 г. начальник отдела по репатрированным 3-й Ударной армии полковник Н.К.Мячин: “При очередной встрече с представителями союзного командования нам было предложено принять от них 4000 советских раненных военнопленных... Отказался, так как не имеется возможности их госпитализировать в соответствующие лечебные учреждения”⁴⁶.

Итак, можно подвести некоторые итоги. По уточненным данным ГУПВИ НКВД-МВД в 1945 г. было освобождено и репатрировано в

общей сложности 1 009 000 военнопленных⁴⁷. Из этого количества, как свидетельствуют приведенные нами документы, в списки на освобождение было внесено 645 000 немцев (233 000 — по постановлению ГКО № 8921 “сс” и 412 000 — по постановлению ГКО № 9843 “сс”)*.

Уже в январе 1946 г. в лагерях военнопленных вновь резко уменьшилось число трудоспособных. Обстановку удалось нормализовать только к весне 1946 г., да и то не полностью. 21 мая 1946 г. министр внутренних дел С.Н.Круглов докладывал И.В.Сталину (копия — В.М.Молотову, Л.П.Берия), что “в результате проведенных мероприятий в апреле с.г. достигнуто снижение заболеваемости и смертности”⁴⁸. Для большей убедительности министр привел такие цифры. В лагерях и спецлагерях умерло в апреле 1946 г. 5216 немцев, что на 2210 человек меньше, чем в марте. Количество трудоспособных немцев увеличилось на 2,1% и составило 66,5% от их общего количества. Доклад заканчивался на оптимистической ноте: “По данным за первую декаду мая заболеваемость и смертность среди военнопленных продолжает снижаться”⁴⁹.

В Кремле, однако, ситуацию оценивали более реалистично. Буквально через несколько дней министру внутренних дел было предложено подготовить проект постановления Совета Министров СССР, который 18 июня 1946 г. был утвержден за № 1263—519 “сс”, получив наименование «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных не-

* Цифра 233 000 освобожденных военнопленных совпадает с данными, содержащимися в итоговом отчете ГУПВИ (1950 г.). При этом все освобожденные в названном отчете названы немцами. А между тем, в одном из докладов С.Н.Круглова И.В.Сталину говорится о том, что в соответствии с постановлением ГКО от 4 июня 1945 г. освобождено 37 264 австрийца [См.: ГА РФ. Ф.р-9401. Оп.2. Д.139. Л.427]. Уместно задаться вопросом: почему органы НКВД-МВД не видели (или не захотели видеть?) различий между подданными Германии и Австрии? Не пытаюсь расставить применительно к этой проблеме все точки над “i”, попробуем все же предположить, что руководители органов внутренних дел и после капитуляции Германии продолжали испытывать влияние стереотипов, обусловленных реалиями гитлеровского рейха и, в частности, его административно-территориальными границами.

мецкой и других западных национальностей". 27 июня 1946 г. во исполнение данного постановления С.Н.Круглов издал приказ № 00601, согласно которому репатриации подлежали "инвалиды, старики, длительно нетрудоспособные" лица рядового и унтер-офицерского состава, а также, что весьма существенно, отнесенные к категории непригодных к физическому труду офицеры в звании до капитана включительно. Правда, относительно последних была сделана уже знакомая нам оговорка: служившие в СС, СД, СА и гестапо остаются в лагерях, несмотря на свое физическое состояние. Далее в приказе говорилось, что немцы, поляки, венгры, австрийцы, чехословаки, румыны, югославы и болгары будут отправляться

на родину в три очереди. Контроль за прохождением эшелонов через государственную границу возлагается на начальника пограничных войск генерал-лейтенанта Н.П.Стаханова. Местом сбора и передачи репатрируемых немцев объявляется лагерь № 69 (Франкфурт-на-Одере), поляков — лагерь № 284 (Брест), венгров, австрийцев и чехословаков — лагерь № 36 (Сигет), румын, югославов и болгар — лагерь № 176 (Фокшаны). Всю операцию намечалось завершить к 15 октября. К приказу прилагался подписанный начальником ГУПВИ генерал-лейтенантом М.С.Кривенко «Ориентировочный расчет репатрируемых» (см. таблицу)*.

Республики	Подлежит репатриации			
	Лагеря	Госпитали	ОРБ**	Всего
РСФСР	58.633	29.733	4.700	93.106
Украина	8.730	15.245	2.550	20.525
Белоруссия	6.160	2.660	1.300	10.120
Молдавия	328	222	—	550
Узбекистан	60	20	—	80
Эстония	2.364	736	200	3.300
В целом	90.377	52.754	8.990	152.121

120 000 немецких военнопленных, видимо, по причине их крайне неблагоприятного физического состояния решено было отправить из СССР в первую очередь. Отправку последней партии намечалось осуществить не позднее 15 августа. За прием и размещение репатрируемых в советской оккупированной зоне согласно постановлению Совета Министров № 1263—519 "сс" отвечал Главначальствующий СВАГ маршал В.Д.Соколовский, а по линии МВД — заместитель министра генерал-полковник И.А.Серов. Вообще репатриацию, по замыслу С.Н.Круглова, следовало проводить в обстановке полной секретности, "под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерях". О том, что им вскоре предстоит свидание с родными и близкими людьми, они должны были узнать только в самый последний момент, при приближении эшелона к государственной границе. От обитателей лагерных бараков, не попавших в список на репатриацию,

освобождение их товарищей из плена тем более следовало держать в секрете⁵⁰.

Однако, как ни старалась лагерная администрация и сотрудники оперативно-чекистских отделений ввести своих подопечных в заблуждение, сохранить "тайну" в отношении начавшейся репатриации не удалось. К тому же по каналам МИД СССР, толи преднамеренно, то ли по чистой случайности, произошла "утечка" информации. 2 июля 1946 г. председатель Международного Красного Креста Макс Губер направил в адрес В.М.Молотова пространное послание, в котором благодарил советское правительство "за великодушную инициативу" и намерение "в ближайшем будущем репатриировать 120 000 немецких военно-

* ГА РФ. Ф.Р.—9401. Оп.12. Д.199. Лл.100—107.

** ОРБ — отдельные рабочие батальоны. В ОРБ насчитывалось от 500 до 1000 человек (3 роты, 3 взвода). На 1 января 1946 г. в ОРБ состояли: 142 571 военнопленный "западных национальностей" и 67 809 японцев.

пленных”. Однако он упомянул и то обстоятельство, что отсутствие мирного договора с Германией привело к бесправному положению оказавшихся в плену немецких солдат. В создавшейся ситуации остается только надеяться, что державы-победительницы “соблаговолят уведомить военнопленных о тех мерах, которые они намерены предпринять для решения их судьбы в соответствии с принципами Женевской конвенции”⁵¹.

О предварительных итогах репатриации военнопленных, проводившейся по постановлению Совета Министров № 1263—519 “сс” от 18 июня 1946 г., свидетельствует докладная записка С.Н.Круглова, направленная И.В.Сталину 23 октября 1946 г.*

Немцы направлялись в Германию через Брест, где нетранспортабельные снимались с маршрута и отправлялись в госпиталь. Здесь же, в Бресте, после непродолжительной проверки по линии оперотдела репатрируемых грузили в польские вагоны и транзитом через Польшу доставляли в Германию. По состоянию на 15 октября, как указывается в докладе, к месту назначения прибыло 142 036 немецких военнопленных. В советскую зону оккупации передано 78 874 человека, а американскую — 23 297, в английскую — 30 945 и французскую — 8920 человек. Что касается пленных других национальностей, то их к указанной дате в пункты передачи прибыло: венгров — 12 154, австрийцев — 4409, румын — 2130 человек⁵². Таким образом общее количество бывших солдат и частично младших офицеров неприятельских армий, возвратившихся на родину, превысило ранее запланированное (150 тысяч) более, чем на 10 000 человек. Что касается итогов

вого количества немецких военнопленных, репатриированных из СССР по упомянутому выше постановлению ГКО, то оно, как следует из доклада С.Н.Круглова И.В.Сталину, сделанного ровно месяц спустя, составило 146 802 человека⁵³.

Ошибочно полагать, что отправка из Советского Союза на родину сверх запланированного количества военнопленных диктовалась в те дни какими-либо иными соображениями, нежели стремлением лагерной администрации избавиться от недееспособной рабочей силы. Пытаясь по возможности смягчить удручающую картину возвращения на родную землю инвалидов, больных, ослабленных дистрофией людей, представители СВАГ и немецкие коммунисты проводили с прибывшими в лагерь № 69 во Франкфурте-на-Одере соответствующую моменту разъяснительную работу. За короткий промежуток времени было проведено три митинга, на которых присутствовало около 13 000 репатриированных. В организации этих митингов принимали участие руководящие работники СЕПГ Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. “Возвращение военнопленных на родину, хотя и больных, — по заключению министра внутренних дел С.Н.Круглова, — благоприятно отразилось на общественном мнении немецкого населения советской зоны оккупации”⁵⁴.

Постановление Совмина СССР № 1263—519 “сс” от 27 июня 1946 г. предусматривало помимо репатриации нетрудоспособных военнопленных еще одно немаловажное условие. За счет экономии продовольствия, образовавшейся в связи с “разгрузкой” лагерей, администрации разрешалось повышать нормы суточного довольствия на 10%. Однако крайне неблагоприятный прогноз (ввиду плохого урожая — менее 40 млн. тонн — в стране ожидался голод) вскоре заставил отказаться от ранее принятого решения. Более того, 15 ноября 1946 г., выполняя указание правительства, С.Н.Круглов издал приказ № 0450, существенно снижавший нормы питания, в том числе по хлебу, мясу, овощам. Разрешенная же приказом замена овощей витамином “С”, оказалась на руку тем представителям лагерной администрации и obsługi, которые были не прочь поживиться за чужой счет⁵⁵.

В январе 1947 г. министр внутренних дел подписал целую серию приказов, директив, циркулярных писем, констатирующих “ухуд-

* Одновременно министр внутренних дел докладывал об итогах репатриации на родину 20 000 нетрудоспособных интернированных немцев по постановлению Совета Министров № 1653—726 “сс” от 27 июня 1946 г. О том, как проходила операция по вывозу данной категории немцев с территории Румынии, Югославии, Болгарии и др. стран на восстановительные работы в СССР, о дальнейшей судьбе этих людей подробнее см.: Конасов В.Б., Терещук А.В. Будут немедленно преданы суду Военного Трибунала... (Из истории интернирования гражданского населения Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии и Югославии в 1944—1945 гг.) // Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С.317—337.

шение физического состояния военнопленных”. В одной из таких директив, к примеру, говорилось “о недопустимости сращивания работников лагерного аппарата” с теми пленными, которые работали на кухне, продовольственных базах и складах. В другой — предусматривались меры по борьбы “с хищениями и разбазариванием продовольствия”. В директиве же, адресованной начальникам управлений лагерей и их заместителям по политчасти и оперативно-чекистской работе, говорилось следующее: “...Предупреждаю, что в случае невыполнения указаний МВД по снижению смертности и заболеваемости, виновные будут привлекаться к самой строгой ответственности, вплоть до снятия с занимаемой должности и отдачи под суд”⁵⁶.

О неблагоприятной обстановке в лагерях военнопленных не хуже других был осведомлен и И.В.Сталин. Однако советского вождя в то время больше заботили не столько смертность и заболеваемость лагерного контингента, сколько угроза срыва производственных планов и заданий. 23 декабря 1946 г. Совет Министров принимает постановление № 2728—1124 “сс” с весьма примечательным названием: «О вывозе из Германии немцев, содержащихся в тюрьмах и лагерях». На основе этого постановления С.Н.Круглов через три дня подписал приказ № 001196. По этому приказу из лагерей и тюрем советской зоны оккупации Германии надлежало отправить в СССР 27 500 немцев, годных по состоянию здоровья “для работы на подземной добыче угля”. Ответственным за отбор “физически здорового контингента” назначался заместитель министра внутренних дел генерал-полковник И.А.Серов. В свою очередь начальнику ГУПВИ МВД генерал-лейтенанту М.С.Кривенко предлагалось в двухмесячный срок обеспечить возвращение на родину 27 500 нетрудоспособных военнопленных и интернированных немцев. В число последних следовало обязательно включить женщин в возрасте старше 35 лет, а также беременных и имеющих детей⁵⁷.

Кроме нетрудоспособных, шанс репатрироваться в первую очередь имели немецкие военнопленные, задолго до окончания войны попавшие в поле зрения ЦК ВКП(б) и Главного политуправления РККА. Речь идет о перебежчиках, лицах, доказавших свою принадлежность к коммунистической партии Германии, активистах Национального комитета «Свобод-

ная Германия», выпускниках антифашистских школ, вербовавших своих слушателей в лагерях для военнопленных. Когда после капитуляции рейха в Берлин прибыла группа немецких коммунистов-политэмигрантов во главе с Вальтером Ульбрихтом, в Дрезден — во главе с Антоном Аккерманом, в Шверин — с Густавом Сobotкой, то вместе с ними на родину вернулись и несколько бывших военнослужащих Вермахта, доказавших свою лояльность по отношению к СССР. Заметной фигурой среди них был Гейнц Кесслер, в июле 1941 г., будучи солдатом 134-й пехотной дивизии, перешедшей на сторону Красной Армии. В.Ульбрихт поручил ему организовать работу с молодежью в Берлине. К слову, Г.Кесслер быстро поднялся по служебной лестнице в Восточной Германии, в 1985 г. он стал министром национальной обороны ГДР.

Интересно, что в первые послевоенные месяцы перспектива скорейшего освобождения не была гарантирована даже тем немецким военнопленным, которые, казалось бы, подлежали репатриации по решению специальной комиссии ЦК ВКП(б). К примеру, 5 ноября 1945 г. эта комиссия рассмотрела ходатайство германских коммунистов об освобождении из советского плена некоего Рихарда Ратке. Проверка, проведенная ГУПВИ НКВД, показала, что “компрометирующего” материала на этого человека не имеется. Более того, Р.Ратке — член компартии Германии с довоенным стажем — положительно был охарактеризован руководством лагеря, в котором содержался как военнопленный. И, несмотря на это, ГУПВИ добились отсрочки освобождения Ратке, с тем, чтобы более тщательно изучить его личность. Бог ведает, сколько бы времени длилась эта проверка, если бы спустя 10 месяцев на имя заместителя министра внутренних дел СССР В.В.Чернышова не пришло письмо, подписанное зав. отделом ЦК ВКП(б) М.А.Сусловым, с повторным напоминанием о необходимости немедленного освобождения Ратке из плена. В Спасозаводской лагерь было направлено распоряжение: Ратке Рихарда Густава освободить, одеть в хорошую одежду, обеспечить продуктами на 11 дней и в сопровождении офицера пассажирским поездом доставить в Москву⁵⁸.

Задержка репатриации военнопленных-коммунистов, активистов антифашистской деятельности только на первый взгляд может показаться труднообъяснимой, в чем-то даже па-

радоксальной. В действительности процесс освобождения этих людей из лагерей НКВД–МВД имел свои априорно установленные пропорции, был строго дозирован. И дело здесь было отнюдь не в традиционном российском бюрократизме, которым легче всего было бы объяснить задержку репатриации названной категории военнопленных. Истинная причина заключалась в ином. С одной стороны, с помощью антифашистского актива лагерная администрация обеспечивала мобилизацию остальных пленных на выполнение производственных планов, устраивала различного рода субботники и воскресники. С другой стороны, в первую очередь из антифашистов формировалась агентурно–осведомительная сеть, позволявшая оперотделу вовремя выявить саботажников, членовредителей, идеологических противников. В то же время и Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии нуждалось в проверенных кадрах, которых можно было бы использовать на немецкой земле. Поэтому иногда возникали недоразумения и даже конфликты, которые решались на самом высоком уровне. К примеру, вопрос о репатриации в Германию 116 немцев–антифашистов 13 февраля 1947 г. рассматривался в Кремле, причем решение это было оформлено секретным постановлением ЦК ВКП(б) (№ 297/182 “сс”)⁵⁹.

Впрочем, стоило любому антифашисту усомниться в правильности политики советского государства, допустить нелестные отзывы в адрес лагерной администрации, как его неизбежно ждала та же самая участь, что и всех других военнопленных. Печальна и поучительна в этом отношении судьба бывшего пилота Люфтваффе графа Генриха фон Айнзиделя. Правнук 1–го рейхсканцлера Германской империи Отто фон Бисмарка попал в русский плен в конце 1942 г. и вскоре стал участником антинацистского движения. В июле 1943 г. он был избран вице–президентом Национального комитета «Свободная Германия». После войны за его возвращение на родину ходатайствовала администрация СВАГ, а летом 1946 г. советские власти получили письмо матери Айнзиделя — графини Ирины Айнзидель–Петерсдорф, убедительно просившей освободить из плена ее единственного сына. В заключении МВД, подписанном по этому случаю С.Н.Кругловым, в частности, говорилось: “Несмотря на длительную политическую обработку Айнзи-

деля в Национальном Комитете «Свободная Германия» он, после вторжения советских войск на германскую территорию, стал разлагающе влиять на военнопленных немецких офицеров рассказами о “зверствах, чинимых русскими над немецким населением”. Айнзидель отрицательно относился к решениям Потсдамской Конференции”. Вывод, к которому пришел министр, напрашивался сам собой: “...Считаю досрочное освобождение Айнзиделя из плена нецелесообразным”⁶⁰.

Отдельную (хотя и немногочисленную) категорию военнопленных, получавших исключительные привилегии при решении вопроса о репатриации, составляли лица, имевшие высоких покровителей. Так, 8 октября 1946 г. начальник ГУПВИ МВД генерал–лейтенант М.С.Кривенко получил из Главного политуправления Вооруженных Сил СССР служебную записку, в которой предлагалось рассмотреть вопрос о репатриации трех человек: Герберта Кастена, сына члена секретариата ЦК СЕПГ, Бернхарда Бродде, сына ответственного работника СЕПГ в Саксонии и Карла Трабольского, сына первого секретаря Лейпцигского горкома СЕПГ. Ходатайство исходило из Управления пропаганды советской военной администрации в Германии, для которого подобная помощь партийным функционерам ничего не стоила, однако сулила немалые выгоды. Кастена и Бродде репатриировали без каких–либо осложнений и проволочек, а вот с Трабольским произошла заминка. Ничего не подозревавший начальник отдела по делам военнопленных Вологодского управления МВД провел обычную проверку и дал, как обычно, отрицательное заключение: лейтенанта Вермахта Трабольского, плененного 15 мая 1945 г. в Чехословакии, освобождать было бы преждевременно. Правда, завремя нахождения в лагере № 158 тот “ни в чем предосудительном замечен не был”. Однако в 1943 г. находился в составе 39–й пехотной дивизии в районе Харькова, в августе того же года был ранен, потом вновь воевал — теперь уже в 340–м гренадерском полку в Норвегии. Такого рода боевые заслуги обычно не прощались. Но в данном случае Москва думала иначе: сына столь высокопоставленного работника СЕПГ в интересах дела не грех и освободить. Еще не успели высохнуть чернила на заключении бдительного службиста из Вологды, как зам. начальника ГУПВИ генерал–лейтенант Н.Т.Ратушный отдал распоряжение:

“...Содержащегося в лагере № 158 Трабольского К.С. прошу срочно направить в лагерь МВД № 69 во Франкфурте-на-Одере, где он будет передан местным германским властям. Пропуск через границу оформите в соответствии с приказом МВД № 00549. Передачу военнопленного необходимо произвести по акту, подлинник которого вместе с учетным делом вышлите в ГУПВИ”⁶¹.

Разумеется, подавляющее большинство немецких военнопленных не могло рассчитывать на чье-либо покровительство и соответственно на льготный режим репатриации. Многочисленные ходатайства об освобождении, как правило, отклонялись и отправлялись в архив.

Все более или менее значительные события, происходившие в СССР и на мировой арене, пленные так или иначе связывали с собственной судьбой. Об этом красноречиво свидетельствуют зафиксированные агентурой и так называемыми “литерными мероприятиями” высказывания бывших военнослужащих Вермахта. Так, 7 августа 1945 г. нарком внутренних дел Л.П.Берия направил в ГКО на имя И.В.Сталина (копия — В.М.Молотову) информацию о реакции группы немецких генералов и офицеров на решения только что прошедшей Потсдамской конференции. В частности, со стороны президента «Союза немецких офицеров», бывшего командующего 51-м армейским корпусом генерал-лейтенанта Вальтера Зайдлица, прозвучало следующее заявление: “...Было бы желательно, если бы Берлинская конференция обсудила вопрос о возвращении немецких военнопленных на родину. Учитывая, что целью Национального Комитета* является сближение русского и немецкого народов, такое мероприятие усилило бы симпатии немцев к Советскому Союзу. В противном случае длительная задержка немцев в плену у русских и неизвестность об их дальнейшей судьбе, усилят беспокойство в Германии”⁶². В другом случае, агентура представила данные о крайне негативном отношении группы генера-

лов и офицеров к заявлению В.М.Молотова по германскому вопросу, которое тот сделал на заседании Совета министров иностранных дел в Париже летом 1946 г. В служебной записке С.Н.Круглова И.В.Сталину (копия — В.М.Молотову, Л.П.Берия, А.А.Жданову), датированной 12 июля 1946 г., приведено (среди прочих) такое высказывание генерала медицинской службы Вробеля: “...Как понимать пункт, что мирный договор допустим лишь тогда, когда Россия и ее союзники установят надежность германского правительства и его готовность заботиться о точном выполнении условий репараций. При таком толковании произвол и безобразия расцветут, и ситуация, в которой находится сейчас Германия, будет вечной. А судьба военнопленных? Их вернут лишь после заключения мирного договора. Другими словами — мы имеем возможность вернуться домой лет через 20—40 или, вернее, никогда. Лучше, если нас сразу убьют или же этапируют в Сибирь”⁶³.

Безусловно, все эти высказывания в конечном счете дорого обошлись их авторам. Критика политики советских властей, к примеру, “помогла” очутиться на скамье подсудимых уже упомянутому генерал-лейтенанту Вальтеру Зайдлицу. Тщательное наблюдение велось и за бывшим командующим 6-й армией фельдмаршалом Фридрихом Паулюсом (см. документ № 8). Правда, в речах последнего “крамолы”, как правило, не находили, а его поздняя репатриация (в ноябре 1953 г.) объяснялась иными причинами, разговор о которых впереди.

Между тем, пока ГУПВИ МВД раз за разом готовило списки на репатриацию очередной партии “нетрудоспособных”, поодиночке освобождало из лагерей тех, чьей судьбой настойчиво интересовались высокие инстанции, назревали события, которые могли стать поворотным моментом в судьбе сотен тысяч немецких военнопленных. С 10 марта по 24 апреля 1947 г. в Москве проходила сессия Совета министров иностранных дел. 12 марта на заседании сессии министры СССР, США, Великобритании и Франции ознакомили друг друга с цифрами, характеризующими количество немецких солдат и офицеров, находившихся в плену у союзных держав.

Однако цифры, которые В.М.Молотов огласил на сессии, мягко говоря, не соответствовали действительности. Информация же, на-

* Имеется в виду Национальный комитет «Свободная Германия», созданный на Учредительной конференции в Красногорске 12—13 июля 1943 г. и распущенный по решению Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре 1945 г. Тогда же был распущен и «Союз немецких офицеров», созданный на Учредительной конференции в Лунево под Москвой 11—12 сентября 1943 г.

правленная ему 8 марта С.Н.Кругловым, вошла в документ иного рода — в проект письма “товарищу И.В.Сталину” (См.: Приложения, документ № 5).

Однако этот проект письма, подготовленный в аппарате МИД, В.М.Молотова не удовлетворил. И в окончательном варианте доку-

мента уже не было предложения сообщить союзникам заниженные цифры, характеризующие количество военнопленных в СССР. Что же касается репатриированных на родину, то исходное количество было неожиданно увеличено на 180 тыс. человек.

Окончание следует

Примечания

- 1 Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkriegs. Munchen, 1966. Bd.VII. S.151.
- 2 Правда. 1950. 5 мая.
- 3 Галицкий В.П. Цифры, которых мы не знали // Новое время. 1990. № 24. С.39.
- 4 Там же.
- 5 Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.054. П.293. Д.6160. Л.4.
- 6 Там же. Л.33.
- 7 Там же. Д.6164. Л.12.
- 8 Там же. Ф.0132. Оп.24а. П.236. Д.7. Лл.356—359.
- 9 Bundesarchiv-Militararchiv (BA-MA). RW.⁶/v.227.
- 10 АВП РФ. Ф.082. Оп.30. П.129. Д.17. Лл.41—42.
- 11 Girbig W. Jagdgeschwader 5 “Eismeerjager”. Stuttgart. 1975. S.209.
- 12 Текст «Положения о военнопленных» опубликован. См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С.50—53.
- 13 В СССР Женевская конвенция о военнопленных 1929 г. никогда не публиковалась. В данном случае авторы использовали документ из Центра хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф.1/п. Оп.21а. Д.47. Л.45.
- 14 Правда. 1955. 26 января.
- 15 АВП РФ. Ф.0129. Оп.29. П.176. Д.80. Л.113.
- 16 Женевские конвенции о защите жертв войны. М., 1969. С.136.
- 17 Правда. 1949. 14 декабря.
- 18 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.21а. Д.4. Л.32.
- 19 Одновременно 17 апреля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР ратифицировал еще три конвенции — Конвенцию об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Конвенцию об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море, Конвенцию о защите гражданского населения во время войны.
- 20 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.30а. Д.2. Л.64.
- 21 Там же. Оп.01е. Д.46. Лл.192—194; Оп.32б. Д.2. Лл.8—9.
- 22 Дёниц К. Двадцать дней на посту главы государства // Новая и Новейшая история. 1991. № 6. С.198—199.
- 23 См.: Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 2. Т.3—4. М., 1991. С.604.
- 24 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р—9401. Оп.2. Д.95. Лл.366—370.
- 25 Там же. Д.96. Лл.10—11.
- 26 Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С.41.
- 27 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.191. Лл.101—103.
- 28 Там же. Д.180. Лл.21—26.
- 29 Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (Архив ВММ МО). Ф.39. Оп.69512. Д.3. Л.43.
- 30 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.23а. Д.14. Л.1.

- 29 Архив Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации (Архив ВММ МО). Ф.39. Оп.69512. Д.3. Л.43.
- 30 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.23а. Д.14. Л.1.
- 31 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.98. Лл.135—137.
- 32 Там же. Оп.12. Д.180. Лл.21—26.
- 33 Архив ВММ МО. Ф.39. Оп.69512. Д.3. Л.304.
- 34 Там же.
- 35 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. Л.10.
- 36 Там же. Оп.16е. Д.6. Лл.162—173.
- 37 Там же. Оп.23а. Д.14. Л.1.
- 38 Там же. Лл.1—2.
- 39 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т.3. М., 1947. С.389—390.
- 40 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.98. Лл.263—265.
- 41 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.23а. Д.26. Лл.1—26; Оп.02е. Д.531. Л.1.
- 42 Архив ВММ МО. Ф.39. Оп.69512. Д.3. Л.43.
- 43 Там же. Л.154.
- 44 Там же. Оп.8963. Д.13. Л.40.
- 45 Там же. Оп.69512. Д.3. Л.65.
- 46 Там же. Оп.8963. Д.13. Л.90.
- 47 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.01е. Д.46. л.10; Оп.23а. Д.14. Л.1.
- 48 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.136. Лл.222—225.
- 49 Там же.
- 50 Там же.
- 51 АВП РФ. Ф.082. Оп.30. П.129. Д.17. Лл.40—42.
- 52 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.139. Лл.249—250.
- 53 Там же. Л.417.
- 54 Там же. Лл.250—252.
- 55 Полный текст приказа министра внутренних дел СССР № 0450 от 15 ноября 1946 г. опубликован см.: Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С.75—77.
- 56 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.12. Д.257. Лл.2—3, 21—22, 26—29, 25—25об.
- 57 Там же. Д.204. лл.116—121.
- 58 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.15е. Д.2. Лл.50—51.
- 59 Там же. Оп.17а. Д.2. Л.2.
- 60 АВП РФ. Ф.082. Оп.30. П.129. Д.17. Л.82.
- 61 ЦХИДК. Ф.1/п. Оп.16е. Д.6. Лл.6—8, 11.
- 62 ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.2. Д.98. Л.54.
- 63 Там же. Д.138. Лл.151—15—9.

Приложения

1

Копия

отдел США № 2089

17.12.45 г.

Москва, 5 декабря 1945 г.

Уважаемый г-н Посол,

В связи с Вашим письмом от 17 ноября, в котором Вы уведомляете о предложении Международного Красного Креста созвать в Женеве неофициальное совещание по поводу возможного пересмотра международных соглашений относительно обращения с военнопленными и интернированными гражданами, сообщаю следующее.

Советское Правительство считает, что вопрос об обращении с военнопленными и интернированными гражданами в настоящее время, когда только что окончилась война, не является актуальным и срочным. По мнению Советского Правительства, на мировое общественное мнение произвело бы неблагоприятное впечатление, если бы правительства главных участвовавших в войне стран уже в первые дни мира занялись подготовкой подобного соглашения касательно военнопленных.

В связи с вышеизложенным, Советское Правительство не считает возможным согласиться с указанным предложением Международного Красного Креста.

Прошу Вас, г-н Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении.

Г-ну В.А.Гарриману
Чрезвычайному и Полномочному Послу
Соединенных Штатов Америки
Москва

п.п. Вышинский
Верно: подпись

АВП РФ Ф.0129. Оп.29. П.176. Д.80. Л.113.

2

Сов. секретно

**ПРИКАЗ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
за 1946 г.**

СОДЕРЖАНИЕ:

00601. Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей.

00601.

27 июня 1946 года

гор. Москва

Во исполнение Постановления Совета Министров Союза ССР № 1263—519 сс от 18 июня 1946 года «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей» —

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Министрам внутренних дел союзных и автономных республик и начальникам УМВД краев и областей освободить из лагерей МВД для военнопленных, из спецгоспиталей, из рабочих батальонов Министерства вооруженных сил СССР и отправить на родину: инвалидов, стариков, длительно нетрудоспособных и транспортабельных больных военнопленных рядового и унтер-офицерского состава, а также младших офицеров всех национальностей до капитана включительно, кроме японцев.

Ориентировочное количество подлежащих освобождению и направлению на родину военнопленных по республикам, краям и областям установить согласно приложению № 1.

Освобождению не подлежат:

а) офицеры, служившие в войсках “СС”, “СА”, “СД” и гестапо, независимо от их физического состояния и национальности;

б) участники зверств, независимо от звания, физического состояния и национальности.

2. Для отбора подлежащих освобождению и отправке на родину военнопленных, исходя из количества имеющихся в республиках, краях и областях лагерей, спецгоспиталей, рабочих батальонов МВС, приказами МВД—УМВД назначить комиссии во главе с ответственными работниками МВД—УМВД с привлечением врачей и руководящего состава оперативных отделов лагерей.

Комиссиям отбор военнопленных закончить до 20 июля 1946 года.

По мере отбора подлежащих освобождению сосредотачивать их в отдельных лагерных отделениях, расположенных у железнодорожных станций.

3. Донести в ГУПВИ МВД СССР:

а) к 5 июля 1946 года предварительные данные о количестве подлежащих освобождению военнопленных по каждой национальности отдельно для предупреждения властей соответствующих стран и Советской Военной Администрации в Германии;

б) к 25 июля 1946 года о фактическом количестве отобранных военнопленных, подлежащих освобождению и отправке на родину, отдельно по каждой национальности с указанием пункта сосредоточения освобождаемых и станции погрузки, а также потребного количества вагонов.

4. Отбор и подготовку к отправке провести под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальные оздоровительные лагеря. Обеспечить сохранение строгой тайны об отправке на родину от всех военнопленных, в том числе и от подлежащих освобождению. От остающихся в лагерях военнопленных это должно быть скрыто и впредь, а освобожденным объявить об отправке их на родину только в пути следования эшелона при приближении к границе.

5. Отpravку военнопленных на родину произвести в три очереди:

первую очередь отправить до 15 августа 1946 года (приложение № 2);

вторую — с 15 августа по 15 сентября (приложение № 3);

третью — с 15 сентября по 15 октября (приложение № 4).

При планировании перевозок исключить возможность скопления эшелонов на перегрузочных станциях в пограничной полосе.

6. Передачу освобождаемых военнопленных произвести:

а) немцев через лагерь МВД № 69 (Франкфурт-на-Одере);

б) поляков через лагерь МВД № 284 (Брест-на-Буге);

в) венгров, австрийцев и чехословаков через лагерь МВД № 36 (Сигет);

г) румын, югославы и болгар через лагерь МВД № 176 (Фокшаны).

7. Начальнику ГУПВИ МВД СССР генерал-лейтенанту тов. КРИВЕНКО согласовать с Министерством иностранных дел СССР сроки, пункты и порядок передачи освобождаемых военнопленных представителям соответствующих государств.

8. Начальнику Отдела железнодорожных и водных перевозок МВД СССР генерал-майору тов. АРКАДЬЕВУ:

а) обеспечить подачу вагонов по плану вывоза освобождаемых военнопленных;

б) обеспечить перевозку освобождаемых военнопленных от перевалочных пунктов: Фокшаны, Сигет, Брест и Франкфурт-на-Одере до пунктов непосредственной передачи их представителям соответствующих государств.

9. Начальнику ГУВС МВД СССР генерал-майору интендантской службы тов. ГОРНОСТАЕВУ обеспечить:

а) снабжение эшелонов продовольствием на весь путь следования и 10-суточным выгрузным запасом в необходимом ассортименте с учетом летнего времени;

б) доснабжение при необходимости обмундированием и продовольствием прибывающих военнопленных в Бресте, Сигете, Фокшанах и Франкфурте-на-Одере.

10. Начальнику Управления конвойных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. БОЧКОВУ выделить в распоряжение начальников эшелонов по одному офицеру на эшелон и одному рядовому на два вагона для предотвращения возможных случаев продажи или обмена военнопленными обмундирования и обуви в пути, поддержания в эшелоне необходимого порядка, оказания помощи начальнику эшелона по обслуживанию военнопленных и предупреждению отставания военнопленных от эшелона.

11. Министрам внутренних дел республик, начальникам УМВД краев и областей и начальникам лагерей обеспечить:

а) снабжением отправляемых военнопленных исправной обувью и обмундированием;

б) оборудование эшелонов кухонными очагами и снабжение необходимой посудой для приготовления и приема пищи и создание запасов питьевой воды в вагонах;

в) обеспечить погрузку и отправку освобождаемых военнопленных в сроки строго по плану по каждому пункту погрузки.

12. Для сопровождения эшелонов, обеспечения необходимого порядка в пути следования, организации питания и медико-санитарного обслуживания освобождаемых военнопленных назначить начальников эшелонов из числа заместителей начальников лагерей и выделить в их распоряжение офицеров от оперативных и учетных отделов, от отдела снабжения. На каждый эшелон выделить по одному врачу и необходимое количество медицинского персонала. Эшелоны обеспечить перевязочными средствами и медикаментами.

13. Начальнику Пограничных войск МВД СССР генерал-лейтенанту тов. СТАХАНОВУ обеспечить пропуск через государственную границу СССР эшелонов с освобождаемыми военнопленными и сопровождающих их лиц в указанных пунктах.

14. Для организации приема и передачи освобождаемых военнопленных местным властям соответствующих государств командировать к 15 июля 1946 года ответственных офицеров:

а) в Фокшаны	—полковника ДЕНИСОВА И.С.
майора СЕРГЕЕВА
капитана РЫЧКОВА А.А.	— от ГУПВИ
— от ГУВС
— от отдела перевозок,
б) в Сигет	—подполковника ТАМАРЛАКОВА А.Б.
майора КУЗНЕЦОВА
лейтенанта АПРИНЦЕВА В.И.	— от ГУПВИ
— от ГУВС
— от отдела перевозок;
в) в Брест	—полковника ПРИХОДЬКО И.К.
подполковника КРИВОШЕЙ
ст.лейтенанта СОЛДАТОВА Д.И.	— от ГУПВИ
— от ГУВС
— от отдела перевозок;
г) во Франкфурт-на-Одере	—майора РОМАНОВА Н.И.
майора ТЮХИНА
майора АНТОНОВА И.А.	— от ГУПВИ
— от ГУВС
— от отдела перевозок.

15. Передачу освобождаемых военнопленных соответствующим властям и органам репатриации произвести по именованным спискам по форме: №№ по порядку, фамилия, имя и отчество, год рождения, национальность, подданство или гражданство и воинское звание. Списки должны быть составлены отдельно по каждой национальности лагерями-отправителями в трех экземплярах.

16. Заместителю Министра внутренних дел СССР генерал-полковнику тов. СЕРОВУ через Советскую Военную Администрацию в Германии обеспечить прием и размещение прибывающих нетрудоспособных военнопленных в Советской оккупационной зоне.

17. Министру внутренних дел Белорусской ССР генерал-лейтенанту тов. БЕЛЬЧЕНКО и начальникам отделов по делам о военнопленных при Управлении тыла Южной группы войск майору тов. БРОННИКОВУ и Группы советских оккупационных войск в Германии подполковнику тов. ВЕЛЬЯМИНОВУ обеспечить прием и временное размещение прибывающих военнопленных в лагерях №№ 36, 69, 176 и 284 до передачи их местным властям.

18. Советнику МВД СССР при Министерстве Общественной Безопасности Польши тов. ДАВЫДОВУ организовать наблюдение за движением эшелонов с военнопленными немцами через Польшу в Германию и содействовать быстрейшему продвижению этих эшелонов по территории Польши.

19. Разрешить Министрам внутренних дел республик и начальникам УМВД краев и областей мобилизовать необходимый для подвоза нетрудоспособных военнопленных к станциям отправления транспорт органов и войск МВД.

Плановому отделу МВД СССР для обеспечения автотранспорта горючим выделить за счет сокращения отпуска другим потребителям 300 тонн бензина из фондов III квартала и распределить по областям и республикам в соответствии с количеством отправляемых военнопленных, согласно приложению № 1. Распределение горючего в республиках и областях по лагерям произвести непосредственно Министрам внутренних дел — начальникам УМВД.

20. Для руководства отбором, отправкой и вывозом освобожденных нетрудоспособных военнопленных организовать при МВД СССР оперативную группу в составе:

Начальник группы — генерал-лейтенант ПЕТРОВ (зам. начальника ГУПВИ)
Члены группы: — генерал-лейтенант БОЧКОВ (начальник конвойных войск)
— генерал-майор и/с ГРИГОРЯН (зам. начальника ГУВС)
— генерал-майор АРКАДЬЕВ (начальник отдела перевозок)
— генерал-лейтенант м/с ЗЕТИЛОВ (нач. санотдела ГУПВИ).

На оперативную группу возложить наблюдение за выполнением настоящего приказа и обеспечение всех мероприятий по вывозу военнопленных и передаче их местным властям.

Оперативной группе:

а) разработать на основе материалов МВД-УМВД план перевозок освобожденных военнопленных и представить мне вместе с начальником ГУПВИ на утверждение 10 июля 1946 года;

б) установить связь со всеми исполнителями на местах и принять все меры по оказанию помощи МВД-УМВД;

в) о выполнении мероприятий и ходе работы докладывать мне: до 15 июля каждую пятницу, а с 15 июля — ежедневно.

21. Отpravку освобожденных военнопленных закончить до 15 октября 1946 года.

Приказ передать по телеграфу, в лагеря не передавать. Министрам внутренних дел и начальникам Управлений МВД приказ объявить для исполнения только начальникам лагерей и их заместителям.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Генерал-полковник

С.КРУГЛОВ

Верно: подпись

ГА РФ. Ф.Р—9401. Оп.1а. Д.199. Лл.100—106.

3

Графиня
Ирина Эйнзидель-Петерсдорф
урожденная
Графиня Бисмарк

Бад-Гарцбург
близ Брауншвейга
Бисмаркштрассе, 24
9 июля 1946 г.

В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВОЕННОПЛЕННЫМИ
КРАСНЫЙ КРЕСТ

Москва

Главный почтамт
почтовый ящик 48

Я являюсь родной внучкой великого государственного человека Бисмарка, заветом которого был вечный и нерасторгаемый мир с русским народом. Когда Император Вильгельм II-й поддался проiscaм темных сил и вынудил моего деда подать в отставку, гениальный старец на смертном одре повторял: “Никогда не обнажайте меча против России”.

Затем моя родина докатилась до зловещего деспотизма австрийского проходимца Гитлера и наша семья не могла остаться безучастной к судьбе отечества: мой муж оказался замешанным в дело 20 июля 1944 года, покушении на злосчастного маниака и исчез в застенках Гестапо. О терзаниях, перенесенных моим мужем от фашистских палачей, может засвидетельствовать чудом оставшийся в живых соратник его, находившийся вместе с ним в концентрационном лагере «БУХЕНВАЛЬД», — граф Вернер фон Альвенслебен, Шенбек / Бремен, Кирхвеч, 161, Ролофф.

Единственный мой сын, Генрих, которому сейчас только 25 лет попал в 1942 году в плен и, верный традициям семьи, сразу примкнул к немецкому антифашистскому движению, развернувшемуся в СССР.

Тем временем был разрушен наш дом со всею обстановкой во время одного из воздушных налетов Союзников на Берлин, где находилась наша недвижимость. Я очутилась на улице, без средств, в одиночестве (мне уже 58 лет) и лишенной поддержки сына.

Я обращаюсь к Великому Государственному деятелю ГЕНЕРАЛИССИМУСУ ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ с просьбой помочь родной внучке другого исторического человека БИСМАРКА — вернуть мне из плена моего сына и скрасить последние годы жизни стареющей матери. Я знаю и верю, что в душе у СТАЛИНА живо чувство справедливости и человеколюбия. Он не забудет того, что муж мой погиб, подготавливая покушение на врага Вашей родины и палача моей страны презренного Гитлера и прикажет вернуть несчастной, оставленной всеми матери, ея единственного сына

графиня
Ирина Эйнзидель Петерсдорф
урожд. графиня Бисмарк

Примечание: сохранены орфография и пунктуация автора.

АВП РФ. Ф.082. Оп.30. П.129. Д.17. Л.78—79.

4

СССР
Министерство Внутренних Дел
12 сентября 1946 г.

Секретно
Заместителю министра иностранных дел
тов. Деканозову В.Г.

На Ваш запрос от 28 августа с.г. относительно возвращения из плена бывшего лейтенанта германской армии Генриха Эйнзидель сообщая, что в материалах об Эйнзиделе имеются отрицательно характеризующие его моменты.

Эйнзидель 18-летним юношей в 1939 году добровольно вступил в Германскую авиацию. Он — участник осады Сталинграда, на Восточном фронте сбил 31 самолет.

Несмотря на длительную политическую обработку Эйнзиделя в Национальном Комитете «Свободная Германия», он, после вторжения советских войск на германскую территорию, стал разлагать влияние на военнопленных немецких офицеров рассказами о “зверствах чинимых русскими над немецким населением”. Эйнзидель отрицательно относится к решениям Потсдамской Конференции.

В сентябре 1945 г. Эйнзидель выдвигался КПП в числе других военнопленных на работу в Германию, но комиссией ЦК ВКП (б) не был пропущен.

Ввиду изложенного, считаю досрочное освобождение Эйнзиделя из плена нецелесообразным.

Министр внутренних дел Союза ССР (С.Круглов)

АВП РФ. Ф.082. Оп.30. П.129. Д.17. Л.82.

ЦК ВКП(б)
Товарищу Сталину И.В.

На совещании Совета Министров Иностранных Дел в связи с обсуждением вопроса о демилитаризации Германии, союзники, вероятно, спросят нас о количестве немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе.

Всего немецких военнопленных солдат, офицеров и генералов находится в Советском Союзе 988 500 человек. Освобождено из плена к настоящему времени 786 975 человек.

Мы считаем возможным огласить цифру немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе, с сокращением примерно на 10%, учитывая их повышенную смертность, при условии, что и союзники огласят цифры немцев-военнопленных, находящихся в странах союзников. Это целесообразно сделать и потому, что реакционная пресса раздувает этот вопрос, называя цифру немецких военнопленных в Советском Союзе в 5 миллионов человек.

Примечание. На документе отсутствует дата и подпись. Однако в правом верхнем углу синим карандашом сделана пометка, видимо, означающая, что проект письма И.В.Сталину требует доработки.

АВП РФ. Ф.0431. Оп.4. П.5. Д.21. Л.5.

Тов. Сталину

На совещании Совета Министров Иностранных Дел в связи с обсуждением вопроса о демилитаризации Германии союзники, вероятно, спросят нас о количестве немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе.

Всего немецких военнопленных солдат, офицеров и генералов находится в Советском Союзе 988 500 человек. Освобождено из плена к настоящему времени 965 974 человек.

По данным прессы на конец 1946 г. союзники имели около 2 миллионов человек немецких военнопленных, в том числе:

в английском плену	780 тысяч человек
в американском “—”	450 “—”
во французском “—”	750 “—”

Мы считаем возможным огласить цифру немцев-военнопленных, находящихся в Советском Союзе, при условии, что и союзники одновременно представят цифры немцев-военнопленных, находящихся в странах союзников. Это целесообразно сделать и потому, что реакционная пресса союзников и подконтрольная союзникам немецкая пресса раздувает этот вопрос, называя цифру немецких военнопленных в Советском Союзе в 5 миллионов человек.

При этом мы считаем целесообразным сообщить и количество военнопленных немцев, освобожденных нами из плена.

Прошу утвердить прилагаемый проект сообщения по этому вопросу.

12 марта 1947 года

(факсимиле)

В.Молотов

Примечание. В окончательно отредактированном проекте сообщения «О количестве немцев-военнопленных, находящихся на территории Советского Союза», фигурировали уже иные цифры, нежели указанные в письме В.М.Молотова к И.В.Сталину, а именно: находятся на территории СССР всего 890 532 человека, репатрировано в Германию — 1 003 974 человека.

АВП РФ. Ф.0431. Оп.4. П.5. Д.21. Л.1.

О численности германских военнопленных

12 марта в заседании Совета Министров Иностранных Дел был поднят вопрос о численности немецких военнопленных, находящихся по контролю союзных держав.

Вчера министры иностранных дел Великобритании, Франции, СССР и США обменялись соответствующими данными по этому вопросу. Во Франции находятся 631 483 немецких военнопленных, их которых свыше 500 000 используются во французском народном хозяйстве, 19 601 человек находится в Сев. Африке и 18 606 — во французской зоне оккупации Германии. Под контролем британских властей находится вне Германии 435 295 немецких военнопленных. На территории Советского Союза остается в настоящее время 890 532 военнопленных немцев; со времени капитуляции Германии освобождено из плена и возвращено из СССР в Германию 1 003 974 немецких военнопленных. Соединенные Штаты Америки держат под своим контролем 30 976 немецких военнопленных, из которых 15 103 — вне пределов Германии и 15 873 — в американской оккупационной зоне Германии. (ТАСС)

Правда 1947. 15 марта.

Копия
Совершенно секретно
экз. № 3

Товарищу Сталину И.В.
Товарищу Молотову В.М.

С февраля 1946 года, после выступления на Нюрнбергском процессе генерал-фельдмаршал быв. германской армии ПАУЛЮС содержится на подмосковном объекте МВД СССР в Томилино. Вместе с ПАУЛЮСОМ содержатся демократически настроенные генералы: *Мюллер Винценц*, который представил разоблачающий материал для Нюрнбергского процесса по плану «Барбаросса» и является нашим агентом, и ШРАЙБЕР Вальтер*, выступивший на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля от советского обвинения по вопросу подготовки немцами бактериологической войны против Советского Союза.

Весной этого года здоровье ПАУЛЮСА ухудшилось. Врачебной комиссией установлено, что причиной ухудшения здоровья ПАУЛЮСА является процесс активизации застарелого двухстороннего фиброзно-очагового туберкулеза. По заключению врачебной комиссии ПАУЛЮСУ по состоянию здоровья рекомендуется лечение в условиях Крыма.

Министерство внутренних дел имеет возможность перевести ПАУЛЮСА на полтора-два месяца на подготовленный на южном берегу Крыма в районе Верхней Ореанды объект, организованный на базе лагеря МВД для военнопленных, и считает целесообразным направить вместе с ПАУЛЮСОМ содержащихся с ним на подмосковном объекте военнопленных генералов *Мюллера* и ШРАЙБЕРА.

Прошу Вашего решения.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР —

(С.КРУГЛОВ)

Верно: подпись

Примечание. О завербованных из числа военнопленных агентах знал строго ограниченный круг лиц, к которому машинистка, печатавшая документ, не принадлежала. Поэтому фамилия и имя бывшего командующего 12 армейским корпусом Мюллера Винценца вписана в служебную записку от руки. Обычно это делал сам заместитель начальника ГУПВИ по оперативно-чеккистской работе генерал-лейтенант А.З.Кобулов, готовивший документы подобного рода сначала для Л.П.Берия, затем — для С.Н.Круглова.

* В.Шрайбер — профессор медицины, генерал-майор медицинской службы. Накануне пленения, 30 апреля 1945 г., являлся главным врачом военного и гражданского сектора Берлина.

Русский военный жаргон XVIII—XX вв.

Русский военный жаргон является наиболее труднодоступной и до недавнего времени неофициально запрещенной сферой отечественного языкознания, особенно в тех ее частях, которые соприкасаются с жаргонами ГРУ, КГБ и других секретных организаций СССР. Этим, в частности, объясняется малоисследованность русского военного жаргона, в отличие, например, от английского /1/. Второй основной причиной его неисследованности выступает трудность сбора жаргонизмов, малодоступность для постороннего исследователя военного социума, невозможность санкционированного анкетирования, опроса и микрофонной записи современной живой разговорной речи носителей военного жаргона. Все это свидетельствует об актуальности его изучения.

Целью данной статьи является краткое описание социально-темпоральной дифференциации военных жаргонизмов по войнам, имевшим место за три последних столетия. Материалом исследования послужили около 5 тыс. жаргонизмов, выбранных автором из более чем 600 произведений литературы: военных романов, мемуаров и дневников, газетных и журнальных статей, справочников и словарей, а также собранных автором с помощью несанкционированного анкетирования и опроса военнослужащих, чтения “дембельских” альбомов и других полевых источников (для экономии места в статье не приводится список источников, из которых взяты иллюстративные примеры).

Социально-темпоральные характеристики устанавливаются на основе анализа соответствующих данных, содержащихся в источниках информации, с учетом понятийного содержания жаргонизма и сферы его функционирования, раскрытых либо автором произведе-

ния, либо носителем жаргона, либо автором данной статьи с помощью языковой догадки.

Достаточно четко и достоверно русские военные жаргонизмы соотносятся с войнами или длительными военными конфликтами, в которых вооруженные силы (ВС) России и СССР принимали участие за последние три века. Проследим это на примерах.

Военный жаргон XVIII в.

1. Период, охватывающий русско-турецкие войны (1686—1713) и Северную войну (1700—21), можно считать началом формирования русского военного жаргона: “*дать карачун*” (убить), “*дура*” (пушка), “*желтопузик*” (червонец), “*мяч*” (ядро), “*пукать*” (стрелять), “*разгрызть орех*” (взять крепость Шлиссельбург).

2. В период, охватывающий войны за Польское наследство (1733—35) и за Австрийское наследство (1740—48), русско-турецкую войну (1735—39), в обиходе офицеров-кирасиров появились жаргонизмы: “*голубь*” (двуглавый орел на парадной каске), “*голубок*” (двуглавый орел в наверху штандартов).

3. В период русско-шведской войны (1741—43), Семилетней (1756—63) и русско-турецкой (1768—74) войн кроме названных жаргонизмов употреблялись также: “*балянд-рас*” (украшение на мундире офицера), “*булдыхан*” (богдыхан), “*гарнизонная крыса*” (штабной или нестроевой офицер или солдат), “*караульня*” (караульное помещение), “*летучая армия*” (авангардные части).

4. В период русско-турецкой (1781—91) и русско-шведской (1788—90) войн военный жаргон обогатился такими элементами, как: “*бусурман*” (солдат нерегулярных турецких войск), “*ветр*” (солдатский ранец), “*гатчинский капрал*” (А.А.Аракчеев), “*кавалерия*” (награда, орден, медаль), “*обмшультиться*”

(промахнуться), “отломать” (пройти маршем).

Военный жаргон XIX в.

1. На рубеже XVIII—XIX вв. во время Итальянского и Швейцарского походов (1799), в период русско-иранской (1804—13), русско-австро-французской (1805), русско-прусско-французской (1806—07), русско-турецкой (1806—12) и русско-шведской (1808—09) войн военный жаргон обогатился следующими элементами: “бурбон” (офицер, вышедший из нижних чинов), “отправлять на траву отдохнуть” (отправлять офицера в отставку), “подшофе” (навеселе), “тринкать” (пить), “фрамбуаз” (под газом), “хофс-крис-вурст-шнапс-рат” (Придворный военный совет Австрии).

2. В период Отечественной войны (1812) военный жаргон значительно расширился за счет таких жаргонизмов, как: “бантик” (награда), “Богратион” (П.И.Багратион), “Болтай да и Только” (М.Б.Барклай де Толли), “большие колпаки” (высшее начальство), “глаголить” (стрелять из пушки), “до дна” (до полного разгрома), “зеленый ящик” (ящик с порохом или снарядами), “кутейник” (лицо духовного звания), “Матвеевна” (пушка), “мячик” (ядро), “понтировка” (бахвальство), “Сила Андреич” (А.А.Аракчеев), “фанаберия” (дженгльменские принципы), “французская лепешка” (ядро).

3. В период между Отечественной войной 1812 г. и Крымской войной (1853—56), охватывающий Кавказскую (1817—64) и русско-иранскую (1825—28) войны, появились такие жаргонизмы, как: “вареный рак” (солдат Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка), “мельник” (солдат Лейб-гвардии Преображенского полка), “на пенсию” (ранение, умышленно полученное от противника для обоснования выхода в отставку).

4. В период Крымской и русско-турецкой (1877—78) войн, включая Бухарскую и Кокандскую кампании, русский военный и военноморской жаргон обогатился следующими жаргонизмами: “баранья война” (туркестанский поход), “белый генерал” (М.Д.Скобелев), “бульвар” (местность вокруг турецкой крепости Карс), “вольный” (штатский на корабле; штатский корреспондент на фронте), “выход на бульвар” (выход кавалерии к крепости Карс для отражения вылазок осажденных турок),

“дентист” (офицер-мордобоец), “еврей Востока” (китаец), “корпусная крыса” (“сухопутный” морской начальник), “курилка” (малорослый солдат), “лисель” (сорочка как неуставная форма одежды матроса), “мертвый дом” (плавучая тюрьма), “накласть в кису” (избить), “победитель халатников” (М.Д.Скобелев), “преисподняя” (кочегарка на корабле), “толчок природе” (выпивон), “травить” (блевать), “смазывать” (бить по лицу), “фендрик” (гардемарин; кондуктор), “цугундер” (гауптвахта), “чистка зубов” (мордобой), “целкун” (деревянная чурка для разглаживания ремней).

5. В конце XIX в., не отмеченного крупными войнами, появились жаргонизмы: “бюро похоронных процессов” (Кавалергардский полк), “клюква” (красный помпон на темляке из орденской ленты Креста Ордена Святой Анны 4-й степени, а также законцовка рукоядки сабли красного цвета с вензелем А), “ходить ящиком” (передвигаться колонной поротно).

Военный жаргон XX в.

1. Русско-японская война вызвала к жизни большое количество новых жаргонизмов: “Бездарный комедиант” (адмирал З.П.Рожественский), “брандвахта” (крейсер «Дмитрий Донской»), “гастролер” (военный корреспондент), “граф Полу-сахалинский” (С.Ю.Витте), “Его Квантунское Величество” (адмирал Е.И.Алексеев), “карамора” (японский адмирал Камимура), “колбаса” (дирижабль наблюдения), “Кур” (А.Н.Куропаткин), “кухня” (брандскугель), “Лакированный егоза” (капитан 1-го ранга Н.В.Юнг), “макака” (японский солдат), “надежная гувернантка” (офицер Генерального штаба, прикомандированный к начальнику походной колонны, шедшей к Дальинскому перевалу), “патончик” (приближенный ко двору), “почетный склад генералов” (Военный совет), “Рваная ноздря” (капитан 1-го ранга Б.А.Фитингоф), “Семь пудов августейшего мяса” (Великий князь В.А.Романов), “Филька” (контр-адмирал фон Фелькерзам), “ходячий пузырь” (капитан 2-го ранга В.И.Семенов).

2. В период между русско-японской и первой мировой (IМВ) войнами в военном обиходе появились следующие жаргонизмы: “воскресший покойник” (офицер, прибывший с Дальнего Востока на предвоенное место службы), “звездь” (звезда на погонах), “дух” (кочегар на

корабле), “маньчжурец” (участник русско-японской войны), “Сахалин” (крепость Кронштадт на о.Котлин), “стенолаз” (смесь виски, пива, перца, горчицы и соли). События, связанные с восстанием на броненосце «Князь Потемкин Таврический» (1905—07), и дальнейшее революционизирование матросов отразились в таких жаргонизмах, как: “Централка” (Центральный флотский комитет), “четырёххвостка” (всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании).

3. В период ИМВ (1914—18) была создана масса новых жаргонизмов: “зашибить дрозда” (напиться до потери сознания), “квакать” (стрелять из бомбомета), “лисья нора” (стрелковая ячейка), “мортирка” (полевая кухня), “облом” (плохо подготовленный солдат), “серый” (солдат), “сосиска” (короткая цепочка, обшитая кожей, дергая за которую, производили выстрел из пушки), “спотыкач” (низкое проволочное противопехотное препятствие), “таубе” (немецкий самолет), “чемодан” (артснаряд крупного калибра), “черные гусары” (немецкая кавалерия).

4. Жаргон ИМВ естественным образом перешел, расширившись понятийно и количественно, в жаргон гражданской войны и интервенции в России (1918—20), поделившись на жаргоны “красных” и “белых”. Ср., например, а) жаргон “красных”: “белогорлик” (офицер), “белокопытный” (белогвардеец), “беломордый” (белогвардеец), “вышибить пистонку” (совершить половой акт), “дзыга” (артснаряд), “зафаловать” (склонить к половому акту), “леща плеснуть” (ударить с оттяжкой по ягодицам), “мармуленочка” (проститутка), “плевалка” (пушка), “разговоры” (застежки на кавалерийской шинели), “съездить в Ригу” (поблевать), “фонарик” (граната Новицкого), “черепаха” (бронепоезд), “чеканка” (проститутка), “швейная машина” (пулемет); б) жаргон “белых”: “броневой пояс” (условности и традиции офицеров флота), “отправить в штаб Духонина” (расстрелять), “странствующие музыканты” (Добровольческая армия ген. А.И.Деникина), “фендрик” (адъютант), “хабара” (доля добычи; награбленное; взятка).

5. Военные конфликты локального характера, имевшие место в период между ИМВ и второй мировой (ИМВ) войнами, отразились в соответствующих жаргонизмах:

а) Кронштадтский мятеж (1921): “заградилровка” (заградительные части), “Ночь вели-

ких исповеданий” (ночь с 16 на 17 марта 1921 г. перед штурмом крепости Кронштадт), “Помпея” (ванная комната в одной из дач, где располагался штаб М.Н.Тухачевского, руководившего подавлением мятежа), “курич” (красноармеец-пскович), “куропатки” (войска, участвовавшие в мятеже), “утюг” (конструкция треугольной формы из бревен и досок с наложенными на них камнями, использовавшаяся в качестве грейдера для расчистки дороги на льду Финского залива, по которой затем тащили пушки для обстрела мятежников);

б) подавление контрреволюционных выступлений в Сибири, Забайкалье, Монголии и на Дальнем Востоке (ДВ) отрядов атамана Б.В.Анненкова, генерал-лейтенанта Г.М.Семенова и Р.Ф.Унгерна фон Штернберга (1920—21), борьба с белоэмигрантскими выступлениями из Харбина и Маньчжурии (1921—29): “Ванька-Каин” (И.А.Михайлов, руководитель монархической организации «Смерть за Родину»), “ломайла” (не подчиняться), “отправить в республику Иртыш” (убить, расстрелять), “семенизация” (реквизиция, экспроприация, грабеж), “серый” (эсер), “черные гусары” (анненковцы), “чинский каторжник” (Г.М.Семенов);

в) советско-китайский конфликт на КВЖД (1929): “карапчи” (воровать), “ламонза” (русский), “мадама” (женщина), “редиска” (русский эмигрант в Харбине — работник КВЖД, принявший советское гражданство), “тапицца” (русский), “фазан” (китаец), “ходун” (китаец), “цуба” (пошел вон), “шанго” (хорошо, ладно), “эмэска” (танк МС-1);

г) участие советских войск (в основном, летчиков) в Наньчанском восстании НРА Китая (1927), в военных действиях НРА против японских интервентов (1931—37) и в Национально-освободительной войне китайского народа (1937—45 — здесь, на ее первом этапе — 1937—39): “арочка” (бомбардировщик Ар-2), “морзянка” (радиосвязь кодом Морзе), “неделя трех «Л»” (ежегодное празднование в честь В.И.Ленина, Р.Люксембург, К.Либкнехта с 15 января — дня убийства двух последних — до 21 января — дня смерти первого, до захвата власти Чан Кайши), “тимбо!” (Тревога! Воздух!), “чифан” (еда; есть; банкет);

д) участие советских военнослужащих в гражданской войне в Испании (1936—39): “бетушка” (танк БТ-5), “большая деревня” (Москва), “ишачок” (истребитель И-16), “карто-

фельный замедлитель” (самодельный минный взрыватель), “*катя*” или “*катюша*” (бомбардировщик СБ), “*курносый*” (истребитель И-15), “*москас*” или “*мушка*” (истребитель И-16), “*наташа*” (бомбардировщик СБ), “*пескадилья*” (воздушный бой-карусель), “*Три-С*” (самолет ССС, модификация многоцелевого самолета Р-5), “*фиамбрес*” (убитый; труп), “*Чайка*” (истребитель И-15), “*чато*” или “*чатос*” (истребитель И-15);

е) советско-японские конфликты в районах оз. Хасан (1938) и р. Халкин-Гол (1939): “*бис*” (истребитель И-15 “бис”), “*макарони да маха*” (макарони по-флотски с мясом), “*почтальон*” (японский солдат, перешедший границу в районе высоты Безымянной с письмом советской стороне, в котором содержалось требование уйти с Маньчжурской территории), “*сделать свечку*” (резко набрать высоту и опуститься), “*флейта*” (пусковая установка реактивного снаряда РС-82), “*чайка*” (истребитель-биплан И-153), “*этажерка*” (И-153);

ж) советско-финляндская война (1939—40) и оборона ВМБ на п-ве Ханко (Гангут) (1940—декабрь 1941): “*бульдог*” (истребитель Бристоль «Бульдог» английского производства), “*Ваня-Маня*” (финский броненосец «Вейнемайнен»), “*куковать*” (вести снайперский огонь), “*кукушка*” (снайпер, расположенный на дереве), “*плевательница*” (круглая английская мина с ввинчивающимся в центре взрывателем), “*пушка-прямушка*” (45-мм противотанковая пушка), “*финны-мины*” (финские мины), “*чаечник*” (летчик, летающий на самолете-истребителе «Чайка»), “*эмбээрुшка*” (гидросамолет МБР-2 — морской ближний разведчик), “*эфка*” (русская осколочная граната Ф-1).

б. Великая Отечественная война (ВОВ) (1941—45) вызвала к жизни огромное количество новых военных жаргонизмов: “*ванюша*” (реактивный снаряд М-31, запускавшийся с земли, немецкий шестиствольный миномет), “*второй фронт*” (американская тушенка в банках), “*ганс*” (немецкий солдат), “*горбатый*” (штурмовик ИЛ-2, одноместный вариант), “*карлуша*” (немецкий солдат), “*кукурузник*” (самолет По-2), “*люстра*” (светящаяся авиабомба — САБ), “*музыкант*” (бомбардировщик Ю-87), “*сабантуй*” (бой), “*скрипун*”, “*ишак*” (немецкий шестиствольный миномет), “*славяне*” (пехота), “*солдатская женушка*” (винтовка), “*сорок*” (окуроч, “чинарик”, “бы-

чок”), “*черная смерть*” (штурмовик ИЛ-2), “*этажерка*” (У-2), “*яшка*” (истребитель Як-1).

7. Жаргон ВОВ непосредственно продолжился и обогатился в период советско-японской войны (1945): “*гетеошник*” (солдат или офицер, прослуживший всю войну на ДВ), “*звонарь*” (солдат или офицер, прибывшие на ДВ с западного фронта), “*кочколаз*” (солдат или офицер, прослужившие всю ВОВ на ДВ), “*куш-куш*” (еда, есть), “*николаевка*” (казарма, построенная в 1903 г., в которой в 1943—45 размещался порт-артурский мотострелковый полк), “*поводырь*” (самолет ПО-2).

8. В период между ВОВ и афганской войной (1979—89) ВС СССР принимали участие в нескольких гражданских и национально-освободительных войнах, что нашло отражение в соответствующих жаргонизмах: гражданская война в Корее (1950—53) и война сопротивления вьетнамского народа (1959—75): “*горбатый*” (США однодвигательный турбореактивный истребитель-бомбардировщик F-86F/всепогодный истребитель-перехватчик F-86G «Сейбр» фирмы «Норт америкэн»), “*птицеферма*” (авианосец), “*регулировщик*” (распорядитель концерта в труппе китайских артистов, которые выступали перед советскими летчиками, воевавшими в Северной Корее), “*солдат неба*” (истребитель МИГ-15), “*сверхкрепость*” (США четырехдвигательный поршневого бомбардировщик В-29 «Суперфортресс» фирмы «Боинг»), “*худрук*” (см. “*регулировщик*”); военный конфликт с Китаем на п-ове Даманском (1969): “*раскладушка*” (переносная Ленинская комната); присутствие советских военных советников в Анголе (1979): “*Гуляй, Вася!*” (виски «Джонни Уокер»).

9. Война в Афганистане резко активизировала жаргонное словотворчество: “*бессрочный дембель*” (смерть), “*братская могила*” (окоп), “*веселый*” (истребитель МИГ-21), “*грач*” (самолет СУ-25), “*дух*” (*душман*), “*керосинка*” (вертолет Ми-6), “*кошкин дом*” (женское общежитие), “*крокодил*” (вертолет Ми-24), “*летающий танк*” (вертолет Ми-24), “*лифчик*” (самодельный брезентовый подсумок для магазинов и гранат), “*охотничий набор*” (“зубровка”, “перцовка” и “зверобой”), “*прийти домой по-темному*” (в гробу, трупом), “*пчелка*” (вертолет Ми-8), “*рафик*” (афганский солдат), “*Ромашка*” (женское общежитие), “*скальпель*” (Ил-76, оборудованный в воен-

ный госпиталь), “смертничек” (патрон с личными данными военнослужащего, зашиваемый в рукав куртки), “стрекоза” (военно-транспортный вертолет), “чекистка” (женщина-служащая СА, занимавшаяся проституцией за чеки), “чекушка” (магазин, где продают на чеки), “черный тюльпан” (самолет, перевозивший цинковые гробы с телами погибших), “шпага” (отработанный спирт с самолетов).

10. С окончанием афганской войны военные конфликты не прекратились. В настоящее время в гражданских войнах в государствах Средней Азии и Закавказья принимают участие и ветераны Афгана — местные жители, и “дикие гуси” (наемники) из других стран. Их жаргон еще ждет своего собирателя и исследователя.

В заключение следует заметить, что в отдельных случаях можно с достоверностью до года, иногда — месяца или даже дня установить время вхождения или период функционирования некоторых военных жаргонизмов. Ср., например, из вышеприведенных: (а) жаргонизмы, бытовавшие только в период конкрет-

ных войн: “разгрызть орех” (Северная война), “халатник” (Русско-турецкая война 1877—78), “брандвахта” (Цусима), “чемодан” (IМВ), “разговоры” (гражданская война), “моска”, “чато” (гражданская война в Испании), “второй фронт”, “скрипун” (ВОВ), “скальпель”, “чекистка” (афганская война); (б) жаргонизмы, чье функционирование в военном обиходе ограничено несколькими днями: “Помпея”, “утюг” (Кронштадтский мятеж: 28.02—18.03.1921).

Уточнение времени существования каждого жаргонизма, а также его дальнейшую судьбу (например, переход в другие жаргоны или в литературный стандарт) — это задача отдельного специального исследования. В следующей статье будут рассмотрены военно-профессиональные (соотнесенность жаргонизмов с видами, родами и службами ВС, воинскими частями и учреждениями, включая ГРУ и КГБ) и военно-корпоративные (жаргоны солдат, матросов, офицеров, кадетов, юнкеров, курсантов и слушателей военных школ, училищ, академий, включая академию ГШ).

Принятые сокращения

Бр. — Великобритания

ВМБ — военно-морская база

ВОВ — Великая Отечественная война

ВС — вооруженные силы

ГРУ — Главное разведывательное управление МО СССР

ГШ — Генеральный штаб

ДВ — Дальний Восток

КГБ — Комитет государственной безопасности

КВЖД — Китайско-восточная железная дорога

НРА — Народно-революционная армия (Китая)

СА — Советская Армия

США — Соединенные Штаты Америки

IМВ — Первая мировая война

IIМВ — Вторая мировая война

Литература

1. См., например, работы автора данной статьи.

Коровушкин В.П. (1) Краткий учебный англо-русский и русско-английский словарь-минимум американского военного жаргона. Череповец, 1980; (2) Сокращения в англоязычном военном жаргоне: Дисс. канд. филол. наук. Л., 1987; (3) Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Учебное пособие. Часть I. Теоретические основы и проблематика социолектологического описания. Череповец, 1989; (4) Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Учебное пособие. Часть II. Общепросторечные характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектологического описания). Череповец, 1989; (5) Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Учебное пособие. Часть III. Специфические характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектологического описания) Череповец, 1989; (6) Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII—XX вв.). Учебное пособие. Часть I.

Аббревиатурное словообразование в англоязычном военном жаргоне. Череповец, 1989; (7) Сокращения в военном жаргоне англоязычных стран (XVII—XX вв.). Учебное пособие. Часть II. Англо-русский словарь сокращений военного жаргона. Череповец, 1989; (8) О типологии сокращений в английском и русском военных жаргонах // Языковые проблемы подготовки военного специалиста: Межвуз. сб. науч. тр. Череповец, 1990. С.83—95; (9) Некоторые типологические черты социально-профессиональной дифференциации военных жаргонов в английском и русских языках // Тезисы докладов на VI военно-научной конференции (межвуз.). Череповец, 1991; (10) Основные разновидности безаффиксальных инициально-буквенных сокращений в английском и русском военных жаргонах (опыт контрастивного описания) // Лексика и лексикография: Сб. науч. тр. М., 1991. С.59—67; (11) Семантические характеристики военных социолектизмов в английском, немецком и русском языках (из опыта сопоставительного анализа) // Военная терминология (научно-методические материалы). Житомир, 1991. С.12—14; (12) Темпоральные характеристики военных жаргонов в английском и русском языках // Тезисы докладов на VI военно-научной конференции (межвуз.). Череповец, 1991. С.41—42; (13) О проспекте толкового словаря русского военного жаргона // Тезисы докладов XXX научной конференции преподавателей и студентов ЧГПИ. Череповец, 1992. С.47—48; (14) Основные типы итеративов в английском и русском военных жаргонах // Там же. С.54; (15) От потешных войск до войсковых потех. Очерк 1. Жаргон 18 века. Очерк 2. Военный жаргон 19 века. Часть 1. Жаргон Отечественной войны. Часть 2. Жаргон Крымской войны 1853—1856 гг. Часть 3. Жаргон русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Панорама. Череповец, 1992. № 1, 3, 5, 8, 10; (16) 300 лет х 300 войн — милитаризация языка, или военный жаргон как национальная черта россиян. Очерк 1. Жаргон “их благородий”. Часть 1. // Речь. Череповец, 1992. № 87; Часть 2. //NOTA BENE. Череповец, 1992. № 1; Очерк 2. Жаргон нижних чинов 18—19 вв. Часть 1. Солдатский жаргон // NOTA BENE. Череповец, 1992. № 2; Часть 2. Матросский жаргон // NOTA BENE. Череповец, 1992. № 3; (17) О дериватологической системе военного социолекта (на материале английского и русского языков) // Тезисы докладов межвуз. конференции «Социальная и функционально-стилистическая вариативность языка». Пятигорск, 1993. С.52—54.

С.В.Баженов

Солдаты забытой войны

Великая война, Первая Мировая... Как поразительно мало мы еще знаем об этой гигантской драме истории. Как плохо помним о том, что, в сущности, не таком далеком времени, когда на залитых кровью и отравленных газами полях невиданных битв решалось будущее целого мира, наше, во многом, настоящее.

Конечно, вихри новых бурь заслонили от нас былые схватки. Да и не жаловали коммунистические идеологи правдивые рассказы об “империалистической войне”. Многие годы оттого в нарочитом забвении были дела наших ходивших на “германца” дедови прадедов, как береглись от посторонних глаз их кресты да пожелтевшие фотографии. Специальные военные исследования и пособия по истории также предпочитали молчать о фронтовых подвигах российских воинов. Однако геройская борьба за честь Отчизны и свободу сербских братьев не должна более оставаться забытой. Ибо сказано — “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Иоан. 15;13). Восемь десятилетий назад многомиллионная Россия была поставлена перед нелегким выбором, но сумела по-русски прямо и по-воински честно сделать его. “Ищите прежде Царства Божия и правды Его, и все приложится вам” (Матф. 16;33). Вечная память вам, ратники Христоименитые, не щадившие сил своих, здоровья и жизни, сражаясь с врагом за Веру, Царя и Отечество!

Чувства этих воинов прекрасно передал в строках своих стихов русский поэт, доброволец-улан Николай Гумилев:

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,

Оттого, что Господне слово
Лучше хлеба питает нас¹.

Увы, ныне нам, к сожалению, более привычны словесные вариации в духе следующего пассажа:

“Царская армия терпела поражение за поражением. Немецкая артиллерия засыпала царские войска градом снарядов. У царской армии не хватало пушек, не хватало снарядов, не хватало даже винтовок. Уже во время войны раскрылась измена царского военного министра Сухомлинова, оказавшегося связанным с немецкими шпионами. Сухомлинов выполнял задания немецкой разведки — сорвать снабжение фронта снарядами, не давать фронту пушек, не давать винтовок. Некоторые царские министры и генералы сами втихомолку содействовали успехам немецкой армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны. Неудивительно, что царская армия терпела поражение и вынуждена была отступить”².

Однако приведенные строки все же уже несут на себе отпечаток несколько иной идеологической ситуации. В свое время вожди социал-демократии позволяли себе изъясняться куда более определенно, без каких-либо оглядок на патриотизм, национальное самолюбие или гражданское сознание. Намечая для своих сподвижников первоочередные задачи, В.И.Ульянов (Ленин) писал в августе 1914 г.:

“С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России, наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии”³.

Разумеется, среди истинных жрецов “мировой революции” подобные откровения не встречали никакого протеста. “Больше, чем когда бы то ни было, — отмечалось в резолюции Конференции заграничных секций РСДРП (февраль 1915 г.), — верны теперь слова «Коммунистического Манифеста», что “рабочие не имеют отечества”. Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему”⁴.

Что касается цели этой “интернациональной борьбы”, то она была в целом раскрыта и конкретно поставлена еще осенью первого года войны. “Превращение современной империалистической войны в войну гражданскую, — призывал из Швейцарии Манифест ЦК РСДРП, — есть единственно правильный пролетарский лозунг...”⁵

Впрочем, такая позиция, заявленная большевиками, была не удивительна. Она лишь вновь показала их небрежение парламентским фарисейством. Такой циничный напор в глазах иных “демократов” являлся политическим моветоном. Но, по сути, здесь речь шла только о большей последовательности. Главенство материалистических представлений, несомненно, роднило всех республиканских проповедников “свободы, равенства, братства” и прочих богоборческих “ценностей”.

Священник М.Вишневецкий в своем докладе, прочитанном незадолго до начала войны перед собранием тамбовского духовенства, с горечью отмечал: “Вера в прогресс, в науку, в возможность разрешить все жизненные противоречия в историческом развитии науки и человечества составляет несложный катехизис современного человека. Это общее, а затем начинаются частности развития: с.-р., с.-д., к.-д. и другие комбинации букв. В основу их положен догмат веры в разум, догмат во всеислие науки”⁶.

Умственная гордыня вместе с нравственной беспомощностью стали, таким образом, закономерным уделом людей “интеллигентного круга”. Вскормленная ими духовная ущербность не могла не проявиться. “Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы” (Матф. 10;26). Военные испытания и все, пришедшее за ними, наконец воочию показали поистине гибельную сущность ухода от подлинной Веры.

“Трудно и противно, — вспоминала А.А.Вырубова, — говорить о петроградском обществе, которое, невзирая на войну, веселилось и кутило целыми днями. Рестораны и театры процветали. По рассказу одной Французской портнихи, ни в один сезон не заказывалось столько костюмов, как зимой 1915—1916 гг., и не покупалось такое количество бриллиантов: война как будто не существовала. Кроме кутежей общество развлекалось новым и весьма интересным занятием: распусканием всевозможных сплетен на Императрицу. Типичный случай мне рассказывала моя сестра. К ней утром влетела ее belle soeur г-жа Дерфельден со словами: “сегодня мы распускаем слухи на заводах, как Императрица спивает Государя, и все этому верят”. Рассказываю об этом типичном случае, так как дама эта была близка к великокняжескому кругу, который сверг Их Величества с престола и неожиданно их самих. Говорили, что она присутствовала на ужине в доме Юсупова в ночь убийства Распутина”⁷.

Подобной душевной проказой российское общество страдало давно. В угоду “европейскому просвещению” этот недуг, так или иначе, разлагал целые поколения. “Злобно дули, — писал Н.Д.Тальберг, — западные ветры, стараясь загасить неугасавшие свечи народной веры, народной верности и нанося много скверны. Сначала из легкомысленной и натасканной энциклопедистами Франции проник растлевающий дух сомнений. Затем твердокаменная философия немцев всполошила и довершила вредное дело угашения христианской души. И наряду с этими особыми тропами проникали и разлагали души различные вредномистические учения, протестантские секты. Вольтерьянство, франк-масонство, библейские общества, оккультизм, спиритизм, теософия, баптизм, сатанински горделивое и кощунственное толстовство, просто атеизм — все это пышно расцветало в нашей Родине... Образованные круги и те полупросвещенные слои, которые вплотную примыкали к простому народу, желая быть его руководителями, все более обезвревались и обезбоживались. По преданию, привычке, иногда из приличия — известная часть общества еще по внешности оставалась в Церкви, посещала в большие праздники храмы, говела, даже не ела скоромного на Страстной неделе. Но души их были не холодны и не горячи, а едва теплились и чадили. Протестан-

тизм постепенно проник в ум верхних слоев русского общества, и православными оно оставались часто более по названию»⁸.

Однако, по счастью, живы были еще в толще Русского народа прадедовские заветы — «От бога отказаться — к сатане пристать» да «Кто Богу не грешен, Царю не виноват».

«Госпиталь, — делился своими впечатлениями за годы войны больничный священник протоиерей В.Шингарев, — тоже поле сражения, но только не во время, а по окончании боя. Как и на поле брани, здесь пред зрителем проходят в самых разнообразных формах все те ужасы страданий, какие несет с собою современная губительная война с ее утонченной, сатанински-изобретательной, разрушительной техникой. Нет таких мук и страданий, каких нельзя было бы наблюдать здесь... Грустные и тяжелые, но не беспросветно мрачные впечатления. Впечатления несомненной и большой скорби, но не безнадежного отчаяния и не кошмарного ужаса. Из-за страданий, даже безмолвных, всегда проглядывала великая душа людей, поражающих и простотою и богатством своей жизни, — людей, не только не озлобленных, но еще более просветленных и просиявших под влиянием пережитых испытаний...

По роду нашей деятельности нам чаще всего приходилось соприкасаться с ранеными воинами во время молитвы, при совершении Таинств и Богослужений. Мы наблюдали поэтому преимущественно обнаружения религиозной их жизни. Но не говоря уже о том, что религиозные переживания составляют важнейшее содержание духовной жизни простых русских людей, в религиозном настроении и религиозных верованиях — источник тех свойств и качеств, которые являются высоким отличием русского воина. Вот почему даже в тех случаях, когда беседа с ранеными воинами носила совсем обыденный, мирской характер, она легко уклонялась в религиозную сферу, самую близкую и наиболее сродную Русскому народу»⁹.

Оттого так величествен и прост был в своем подвиге русский солдат. Со слов, например, одной фронтовой сестры милосердия, генерал П.Н.Краснов описал такую сцену: «Когда были бои под Иванградом, то артиллерийский огонь был так силен, снаряды рвались так часто, что темная ночь казалась светлой и были видны лица проходивших в бой солдат.

Сестра стояла под деревом. В смертельной муке она исходила в молитве. И вдруг услышала шаги тысячи ног. По шоссе мимо нее проходил в бой армейский полк. Сначала показалась темная масса, блеснули штыки, надвинулись плотнее молчаливые ряды, и сестра увидела чисто вымытые, точно сияющие лица. Они поразили ее своим кротким смирением, величием и силой духа. Эти люди шли на смерть. И не то было прекрасно и в то же время ужасно, что шли на смерть, а то, что они знали, что шли на смерть и смерти не убоялись.

Солдаты смотрели на сестру и проходили. И вдруг отделился один, достал измятое письмо и, подавая его сестре, сказал:

— Сестрица, окажи мне последнюю просьбу. Пошли мое последнее благословение, последнюю благодарность мою моей матери, отправь письмецо мое...

И пошел дальше. И говорила сестра: ни ожесточения, ни муки, ни страха не прочла она на его бледном, простом крестьянском лице, но одно величие совершаемого подвига.

А потом она видела. По той же дороге шла кучка разбитых, усталых, запыленных и ободранных солдат. Человек тридцать. Несли они знамя. В лучах восходящего солнца сверкало золотое копьё и двуглавым орлом и утренней росой блистал черный глянцевый чехол. Спокойны, тихи и безрадостны были лица шедших.

— Где ваш полк? — спросила сестра.

— Нас ничего не осталось, — услышала она простой ответ...»¹⁰

Не случайно поэтому на вопрос — какое качество преобладает у русского солдата, офицер, рассказывающий о жестоких боях в Восточной Пруссии, ответил: «У русского — самоотверженность. На войне он не о жизни думает. Не за страх, а за совесть “работает”. Это казацкое выражение; казак не говорит “воевать”, говорит “работать”. Долг свой этот солдат исполняет без ропота и без всякой фразы и позы. Простота этого самоотвержения трогательна. В одну скверную минуту, в опасном месте, в жарком деле ко мне вдруг подбегает деньщик с манеркой: “Выпейте, ваше благородие, водицы — все же легче будет!...”»¹¹

«Война, война... — Вспоминал о своей юности в рядах финляндских драгун ротмистр Хороманский. — Что же говорить о себе, не о себе только, но о всей молодежи! Радость наша была безграничная: наконец — то исполнится то, ради чего мы выбрали свой жизненный путь,

столь отличный от всех прочих. За Веру, Царя и Отечество! Положить живот свой за други своя, — что может быть выше и достойнее для нас!»¹²

Готовность к высокой жертве, благородное честолюбие сливались в душах русских воинов с сознанием долга. «...Всякий военный, — требовал устав, — должен всегда помнить, что он есть слуга Государя и Отечества и защитник их от врагов внешних и внутренних; что ему прежде всего благочестивым, беспредельно преданным Государю и Отечеству, правдивым и храбрым»¹³.

Достоинные качества эти в полной мере были проявлены в годы войны. Ярко выказывали их не только призванные к защите мужчины, но нередко женщины и даже девушки и дети.

Известен, например, подвиг 14-летнего уроженца Ташкента Александра Червяткина, воспитанника музыкантской команды одного из туркестанских полков. Добровольно он отправился на фронт, добившись разрешения матери. По прибытии на варшавские позиции, Червяткин был зачислен в команду разведчиков и вскоре же получил задание узнать расположение неприятеля, находившегося в нескольких верстах от нашей армии.

Накануне в этом месте происходил бой.

Червяткин, пробираясь в темноте, наткнулся на убитого солдата-знаменщика. Тут же лежало русское знамя. Отделив полотнище, юный разведчик обмотал им себя под одеждой и отправился дальше. Разведка кончилась неудачей. Неприятельский прожектор нащупал его, и Червяткин попал в плен. Однако, той же ночью, воспользовавшись сном вражеских часовых, он сумел бежать. Среди спавших солдат, недалеко от себя Червяткин увидел немецкое знамя. Храбрец перочинным ножом отрезал его от древка и устремился к своим.

Уже вблизи наших траншей его снова нашел луч прожектора. Вдогонку беглецу понеслись пули. Одной из них он был ранен в бок. Все же Червяткину удалось приползти назад и доложить командиру о спасении знамени и взятии вражеского трофея. За свою смелость и находчивость юный герой по праву стал Георгиевским кавалером¹⁴.

В следующем, особенно тяжелом 1915 г., движимая патриотическим чувством выпускница Витебской гимназии Ольга Шидловская обратилась к Верховному Главнокомандующему с просьбой встать в ряды Мариупольских гу-

сар, в которых в свое время сражалась знаменитая Надежда Дурова. Получив разрешение, она была зачислена в строй рядовым добровольцем по имени Олега Шидловского. Со своим полком новая «кавалерист-девица» прошла фронтовыми дорогами 1915—1917 гг., участвовала во всех боях, была произведена в старшие унтер-офицеры и за храбрость награждена Георгиевской медалью и Георгиевским крестом 4 ст.¹⁵

В Русской Армии во время Мировой войны собиранием сведений об отличившихся воинах — Георгиевских кавалерах — занималась особая Высочайше утвержденная «Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечивания ее в памяти потомства». Среди ее материалов, сохранившихся в собрании Военно-Исторического Музея Артиллерии, Инженерных войск и войск связи, можно найти и рассказы, записанные непосредственно со слов их простых героев. Эти немногословные, лишённые художественности, но невыдуманные и живые повествования, как и записки очевидцев, хорошо рисуют реальный облик рядовых участников Великого сопротивления.

Рассказ ефрейтора Лейб-Гвардии Гренадерского полка Владимира Павловича Кузьмина

Уроженец Петроградской губернии. Родился 13 июля 1890 г. Воспитанник школы солдатских детей Лейб-Гвардии Саперного батальона, в котором с 1907 г. проходил службу. В Лейб-гренадерах со времени мобилизации.

Вероисповедания Православного.

Доброволец. Награжден Георгиевской медалью 4 ст. Георгиевским крестом 4 ст.

«2 ноября 1914 г. наш полк окопался, не доходя 200 шагов деревни Сулашево на границе Келецкой губернии. Неприятель занимал деревню. 6 ноября неприятель открыл сильный артиллерийский и ружейный огонь. Противник наступал густыми колоннами. Находясь при 12 роте, по приказанию ротного командира был назначен подносить патроны. Повозка с патронами была на расстоянии 500 шагов от окопов, пробираться к ним представляло особенную трудность днем, когда приходилось, чтобы быть мало заметным, пробираться ползком или прятаться за встречающимися кустами либо деревьями.

15 ноября во время жаркого боя нашего полка близ г. Кельце я вызвался подносить патроны, находясь под сильным оружейным и ружейным огнем, за что был награжден Георгиевской медалью 4 степени. В этом же бою был ранен шрапнелью в ногу. После этого боя мы отошли в резерв.

18 декабря 1914 г. в г. Седлец в Высочайшем присутствии был назначен парад некоторым Гвардейским частям, в том числе и нашему полку. Его Императорское Величество Государь Император, проходя мимо нашего полка, спросил наиболее отличившихся. Полковое начальство выстроило несколько человек, в том числе и меня. Государь Император всех наградил Георгиевским крестом 4 степени»¹⁶

Из «Записок кавалериста» Н. С. Гумилева:

«Немцы отбили два наших пулемета и торжественно повезли их к себе. Один наш унтер-офицер пулеметчик схватил две ручные бомбы и бросился им наперез. Подбежал шагов на двадцать и крикнул: «везите пулеметы обратно или убью и вас и себя». Несколько немцев вскинули к плечу винтовки. Тогда он бросил бомбу, которая убила троих и поранила его самого. С окровавленным лицом он подскочил к врагам вплотную и, потрясая оставшейся бомбой, повторил свой приказ. На этот раз немцы послушались и повезли пулеметы в нашу сторону. А он шел за ними, выкликивая бессвязные ругательства и колотя немцев бомбой по спинам. Я встретил это странное шествие уже в пределах нашего расположения. Герой не позволял никому прикоснуться ни к пулеметам, ни к пленным, он вел их к своему командиру. Как в бреду, не глядя ни на кого, рассказывал он о своем подвиге: «Вижу, пулеметы тащат. Ну, думаю, сам пропаду, пулеметы верну. Одну бомбу бросил, другая вот. Пригодится. Жалко пулеметы»... и сейчас же опять принимался кричать на смертельно бледных немцев: «Ну, ну, иди, не задерживайся!»¹⁷

Рассказ ефрейтора Лейб-Гвардии Московского полка Никандра Ивановича Гладнева

Уроженец Воронежской губернии, Орловской волости, села Пашковца 3-го. Грамотный, учился дома. Хлебопашец. В 1904—1907 гг. проходил службу в Лейб-Гвардии 3-м Стрелковом Его Величества полку. Затем с женой и тремя детьми проживал в Тамбовской губер-

нии, Усманского уезда, Пригородной волости в селе Песковать. По мобилизации в июле 1914 г. был призван из запаса в Лейб-Гвардии Московский полк.

Вероисповедания Православного.

Награжден Знаком отличия Ордена Св. Анны, Георгиевской медалью 4 ст. и Георгиевским крестом 4 ст. Представлен к Георгиевскому кресту 3 и 2 ст.

«Орден Св. Анны я получил в 1906 г. 19 января за то, что, когда я шел с приказами в 9 час. вечера на Васильевском острове по 10-й линии, я увидел, что у городского вырвался политический преступник, который ругался по адресу правительства и Государя. Я бросился за ним, догнал его, он все время вырывался, но я ухватил его и задержал, пока городской подошел ко мне, которому я сдал преступника.

Георгиевская медаль 4 ст. и крест 4 ст. я получил за то, что 26 августа 1914 г. в Шаблинской губ. под местечком Высокий наш полк пошел в атаку часов в 8 вечера. Австрийцы и Германцы обстреливали нас беглым артиллерийским, а также ружейным и пулеметным огнем, мы сбили их прикрытие в овраг и взяли с боя 34 тяжелых гаубицы. Взявши эти орудия, мы окопались, а Австрийцы бежали в беспорядке в овраг, который находился впереди. Тогда ротный командир капитан Боярский приказал мне сходить и сказать, чтобы австрийцы сдавались в плен, а также посмотреть и разведать место их расположения. Я пошел; пройдя шагов 50, я спустился вниз в овраг и остановился шагах в 10, тут я увидел, что здесь в овраге их было более 2-рот, все они сидели или лежали в куче. Тут я стал говорить одному из них: «идите к нам в плен, иначе наши офицеры сказали, что все равно перестреляют вас всех». Один из них махал мне фуражкой и пошел ко мне, я вырвал у него винтовку и толкнул его к себе к окопам, таким образом я поступил и двумя другими. Когда много их стало подниматься, то я отскочил в сторону сажень на 5. Впереди влево виднелось что-то вроде обоза, где потом оказался пулемет. Я пошел к нему. Австрийцы что-то залопотали и пулемет их тотчас же открыл по мне огонь и одна из разрывных пуль разорвалась впереди меня и один осколок попал в безымянный палец, после этого я пришел вправо по направлению австрийцев и возвратился назад. Тут я увидел, что наша 3-я рота пошла в атаку, чтобы захватить австрийцев, но я доложил ротному командиру, чтобы они осадили

назад, т.к. впереди поражает австрийский пулемет, в это время я сбился влево и попал снова под пулеметный огонь, одна пуля рикошетом попала мне в колено правой ноги, после этого я пошел в свою 3-ю роту и доложил обо всем ротному командиру. Тут я увидел, как противник около полуроты кинулся в сторону на нашу роту, мы отбили их пулеметным и ружейным огнем.

К Георгиевскому кресту 3 ст. я представлен 26 мая под Ломжей, когда наш полк стоял долгое время в окопах за местечком Малый Плоцк. Тут ротный командир приказал мне пойти в разведку и узнать, как расположены немцы, как у них ходят дозоры и как расположены секреты. Вечером 18 мая мы пошли с рядовым Келиком, переползли через наши окопы и проволочные заграждения. Их окопы находились от наших шагов в 600. Мы подползли шагов на 20—30 под их окоп секрета и видели, как немецкий дозор в 10 человек вышел из своих окопов и пошел вдоль, а два человека сели в секрет. Мы бросили в них бомбы и взялись стрелять, после чего вернулись в свои окопы и доложили обо всем ротному командиру. 27 мая участок нашей роты был назначен правее местечка Малый Плоцк, где мы сменили Финляндский полк уже к вечеру. Тут мы попросились у ротного командира пойти на разведку и поползли через свои окопы. На этот раз мы только ознакомились с местностью, а на другой день пошли снова, но здесь с нами увязались еще 5 человек нашей роты, которые своим шумом нам мешали и мы вернулись. 27 мая мы снова отправились вдвоем с Келиком и встретили 8 немецких разведчиков, которые ползли вправо к нашим окопам, мы притаились, пропустили их мимо и стали дожидаться, когда они возвратятся обратно. На возвратном пути мы слышали шуршание и их шепот, мы взяли на изготовку и ждали. Они поравнялись с нами, встали в рост, пригнулись и пошли к своим окопам; мы бросили 3 бомбы, но ни одна из них не разорвалась, тогда мы открыли огонь из винтовок, после чего они все попадали. Мы стали присматриваться и видели, что все они уже уползли и наконец остался один, который вскочил во весь рост и побежал. Мы дали по нему залп, ранили его, и он упал, застонав. Потом мы слышали, как немцы подняли какой-то свист, видно было, что они откликались. Мы их обстреляли снова и пошли брать раненого. Келик остался его караулить, а я взял свои и его вещи и пошел

к своим окопам. После этого я вернулся обратно, мы хотели немцу, который был ранен нами в живот, завязать рот, но он показал нам движением головы, что шуметь не будет. Тогда Келик взвалил мне его на спину, я таким образом притащил его в окопы и представил ротному командиру, подпоручику Гора.

За эти свои действия я был представлен к Георгиевскому кресту 2 ст., а Келик 4 ст.¹⁸

Из «Записок кавалериста» Н.С.Гумилева:

«Позади нас бой разгорался. Трещали винтовки, гремели орудийные разрывы, видно было, что там горячее дело. Поэтому мы не удивились, когда влево от нас лопнула граната, взметнув облака снега и грязи, как бык с размаха ткнувшийся рогами в землю. Мы только подумали, что поблизости лежит наша пехотная цепь. Снаряды рвались все ближе и ближе, все чаще и чаще, мы нисколько не беспокоились и только подъехавший, чтобы увести нас, офицер сказал, что пехота уже отошла и это обстреливают именно нас. У солдат сразу просветлели лица. Маленькому разъезду очень светло, когда на него тратят тяжелые снаряды.

По дороге мы увидели наших пехотинцев, угрюмо выходящих из лесу и собирающихся кучками. «Что, земляки, отходите? — спросил я. — Приказывают, а нам что? хоть бы и не отходить... что мы позади потеряли,» — недовольно заворчали они. Нобородатый унтер рассудительно заявил: «Нет, это начальство правильно рассудило. Много очень германца-то. Без окопов не сдержат. А вот отойдем к окопам, так там видно будет». В это время с нашей стороны показалась еще одна рота. «Братцы, к нам резерв подходит, подержимся еще немного», — крикнул пехотный офицер. «И то,» — по-прежнему рассудительно сказал унтер и, скинув с плеча винтовку, зашагал обратно в лес. Зашагали и остальные.

В донесениях о таких случаях говорится: под давлением превосходящих сил противника наши войска должны были отойти. Дальний тыл, прочтя, пугается, но я знаю, видел своими глазами, как просто и спокойно совершаются такие отходы¹⁹.

Из раздела «Высочайшие награды» газеты «Русский инвалид»:

«Утверждается пожалование Главкомандующим армиями, за отличия в делах против неприятеля по удостоению Местной Кавалерии»

лерской Думы Ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени: Подполковнику командиру 4-й батареи 44-й артиллерийской бригады Федору Дудинскому за то, что в бою 25 августа 1914 г. в дер. Радостав, вступив в состязание с двумя неприятельскими батареями, мешавшими наступлению нашей пехоты, и находясь под сильным огнем, заставил замолчать эти батареи, перебив прислугу их, и тем дал возможность перейти в наступление и взять неприятельскую позицию и 12 орудий»²⁰.

Рассказ рядового Лейб-Гвардии Гродненского гусарского полка Александра Федоровича Фукса

Уроженец Псковской губернии Порховского уезда села Дягжа. Сын военного фельдшера. Родился 19 марта 1890 г. Окончил 1-ю Петроградскую гимназию. Служил инспектором Страхового общества «Нью-Йорк». Холост. В 1911 г. был призван на службу в Лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк.

Вероисповедания Православного.

Награжден Георгиевскими медалями 4, 3, 2 ст., Георгиевскими крестами 4, 3, 2 ст., медалью «За храбрость» и медалью «За усердие» на Станиславской ленте.

«Это было в 1914 г. Наш полк находился в то время на австрийском фронте. Однажды я с 9 товарищами получил приказ произвести разведку. Помолившись Богу, мы все отправились в путь. Проехав на своих скакунах несколько верст, мы неожиданно наткнулись на кавалерийскую разведку неприятеля человек в 25—30. Заметя их издали, мы подкрались к ним сбоку, причем трое из нас, в том числе и я, врезались в ряды неприятеля и начали их рубить. Когда нами было перебито несколько человек, подоспели и наши товарищи и уже с их помощью мы изрубили всех до одного, причем из нас никто не был даже ранен. За это мы трое получили Георгиевские медали 4 ст.

В первый момент, увидя перед собой значительно превышающего нас количеством неприятеля, мною овладело чувство страха. Но когда я пришпорил коня и врезался в ряды отропешего и растерявшегося врага, я почувствовал злобу, ненависть и вместе с тем необъяснимое удачество: я начал рубить налево и направо, совершенно не отдавая себе отчета в том, что неприятель около меня и спереди, и сзади и со всех сторон. Я так увлекся и разгоря-

чился, что пришел в себя лишь после того, как передо мною открылось пустое пространство, усеянное трупами врагов, а кругом сияли радостью победы знакомые лица. С чувством гордости и удовлетворения я вернулся в полк, где был радостно встречен товарищами, искренне поздравившими меня с первой победой.

Через дней 7—10 после описанного случая я был послан с экстренным секретным пакетом в штаб армии, находящийся от места нашей стоянки верстах в 200. Мне пришлось скакать под ружейным и пулеметным огнем неприятеля. Я несся во весь опор, в душе моля Бога, чтобы мне помог выполнить возложенную на меня трудную задачу. Лошадь моя была ранена в бок и в ногу, но все же благополучно донесла меня до места назначения, где и пала сразу по прибытии. Пакет же был доставлен. За это я награжден Георгиевской медалью 3 ст. с бантом. Месяца через 2 — 2 1/2 после этого я был назначен в разведку с 5 человеками под моей командой. Разведка была произведена в двое суток и представляла собой очень сложную и тяжелую работу: не имея ни карты, ни компаса, ни указаний, мы зашли за австрийские окопы и посты. Не имея возможности обойти неприятельские посты, мы подкрадывались ползком к часовым и, перерезав им шашками горло, направлялись дальше. Часовые падали, не успев издать звука. Рано утром, на рассвете, мною был снят план окопов и постов до мельчайших подробностей на маленьком клочке бумаги, случайно у меня оказавшемся. Окончив порученное дело, мы все вернулись целыми и невредимыми в полк, где мною и были сообщены подробности разведки командиру. За эту разведку я удостоился получить Георгиевский крест 4 ст.

После этого наш полк был отправлен на германский фронт, куда мы прибыли к самому жаркому бою, происходившему в 7—8 верстах от Варшавы. Вступив немедленно в бой с неприятелем, мною лично было перебито много врагов и несколько человек взято в плен. В этом бою я был тяжело ранен пулей в ногу, но остался в строю, за что и награжден Георгиевским Крестом 3 ст. с бантом. После предварительной перевязки я был отправлен в госпиталь в Варшаву, где и пролежал около месяца. Излечив рану, меня препроводили к этапному коменданту, который прикомандировал меня к 1-му Сибирскому стрелковому полку, потому что наш полк уже вернулся обратно на австрийский фронт. С Сибирским полком я отправился

на позиции на германский фронт. От полка я с товарищем, фамилии которого не помню, был командирован в разведку близ деревни Белява. Разведка была выполнена благополучно. Но на обратном пути мы наткнулись на разведку неприятеля, часть которой перебили, а несколько человек взяли в плен, которых и привели к ротному офицеру.

По возвращении в полк, мы тотчас были отправлены в окопы, где в тот же день оба были ранены: я пулей в правую ногу, а товарищ осколком дальноточного снаряда в руку, за что оба награждены Георгиевской медалью 2 ст.

Снова побывав в госпитале и выйдя оттуда, я попал в 27 Сибирский стрелковый полк, где ничего особенного не произошло. Заболев там ревматизмом ног, я снова был отправлен на лечение в госпиталь.

Оправившись там недели через 3, я был прикомандирован к 55 Сибирскому стрелковому полку. Здесь, в штыковой атаке я снова был ранен: штыком в левый бок в 6 см ниже сердца и офицерской шашкой в левую руку. Пролежав 2-е суток на поле битвы, лишь на третьи был подобран и отправлен на ближайший перевязочный пункт, откуда после предварительной перевязки, был препровожден в госпиталь, где и пролежал около 4 мес. За это был награжден Георгиевским крестом 2 ст.

Затем, будучи признанным комиссией непригодным к строевой службе, я был временно прикомандирован к передовому летучему отряду Красного Креста, где работал все время в окопах на передовых позициях, под огнем неприятеля, за что был представлен к медали «За храбрость».

Из передового отряда меня перевели на тыловую эвакуационный пункт в Варшаве старшим при перевязочной, где представлен к медали на Станиславской ленте «За усердие».

Заболев здесь снова ревматизмом ног, катаром желудка и ослаблением нервной системы, я был отправлен в госпиталь в Варшаву, где и пролежал около полутора месяцев.

Оправившись от всех болезней, я был временно назначен на нестроевую должность военного ведомства и затем при Красном Кресте. Побывав для исполнения возложенных на меня обязанностей в Варшаве и Москве, в настоящее время (ноябрь 1915 г.) нахожусь в Канцелярии Красного Креста в Петрограде²¹.

Из «Записок кавалериста» Н.С.Гумилева:

«Один казак божился мне, что играл с немцами в двадцать одно. Он был один в деревне, когда туда зашел сильный немецкий разъезд. Удирать было поздно. Он быстро расседлал свою лошадь, запрягал седло в солому, сам накинул на себя взятый у хозяйки зипун, и вошедшие немцы застали его усердно молотаящим в сарае хлеб. В его дворе был оставлен пост из трех человек. Казаку захотелось поближе посмотреть на германцев. Он вошел в халупу и нашел их играющими в карты. Он присоединился к играющим и за час выиграл около десяти рублей. Потом, когда пост сняли и разъезд ушел, он вернулся к своим. Я его спросил, как ему понравились германцы. «Да ничего, — сказал он, — только играют плохо, кричат, ругаются, все отжилить думают. Когда я выиграл, хотели меня бить, да я не дался». КАК это он не дался — мне не пришлось узнать: мы оба топились»²².

Рассказ поручика 9-го Гусарского Киевского Генерал-Фельдмаршала Князя Николая Репнина полка Владимира Николаевича Лисенкова

Уроженец Пскова. Из потомственных дворян. Родился 20 марта 1876 г. Образование получил в Псковском Кадетском корпусе и Николаевском Кавалерийском училище. В 1897—1901 гг. служил в 27-м драгунском Киевском полку. Женат, бездетен. Жил с семьей в г. Генеральском Таврической губернии. С началом войны, 20 июня 1914 г., поступил в 97-ю Ополченческую конную сотню, из которой согласно своему ходатайству был переведен в 9-й гусарский Киевский полк.

Вероисповедания Православного.

Награжден за боевые отличия в 1915—1916 гг. орденами Св. Станислава 3 ст., Св. Анны 4, 3 ст. За описанную ниже атаку получил в сентябре 1916 г. Георгиевское оружие.

«2 июня 1916 г., около 2 часов ночи дивизион Киевских гусар (1, 2 и 3 эскадроны), в составе 280 коней, под общей командой подполковника Апсентова был двинут из дер. Осовца (к северу отг. Бучача) в дер. Висьневчик (выше по реке Стрыть), где поступил в распоряжение начальника 3-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-лейтенанта Волкобая, имея задачей расширение прорыва неприятельской позиции, прорвать которую должны были

стрелки. Я командовал 2-м эскадрон. В течение целого дня, в ожидании прорыва, дивизион скрывался за лесом, что к западу от д.д. Висневчик и Зарваница, подвергаясь обстрелу неприятельской артиллерии. Около 19 часов получено было, наконец, приказание идти в атаку; но когда дивизион, имея в голове командуемый мною 2-й эскадрон, по узкой лесной дорожке, обстреливаемой ураганным шрапнельным огнем, в колонне по три, галопом выдвинулся к западной опушке леса, где были открыты окопы наших стрелков, то оказалось, что стрелки еще находятся в окопах и в наступление против позиции противника, расположенной всего шагах в 350 от нашей, еще не перешли. Позиция противника представляла окоп полной профили, укрепленный спереди и сзади 2-х рядным провололочным заграждением. Момент был критический, но раздумывать долго не приходилось: противник уже заметил нас и открыл бешеный ружейный и пулеметный огонь, и несколько всадников уже упали. Подполковник Апсентов отдал мне приказание идти в атаку. Перескочив через наш окоп, я командовал эскадрону: "за мной", и гусары, дебушируя из леса и перепрыгивая через головы наших стрелков, бросились на противника, на ходу перестраиваясь в боевые линии. Атака была так стремительна и внезапна, что австрийцы растерялись и, как муравьи, посыпали из окопов: часть их бросилась с воплями, подняв руки, навстречу нам, обнаружив узкий проход в заграждениях; часть попыталась спастись бегством в лежащую в 1 версте к западу дер. Котузув, и лишь небольшая часть и несколько пулеметов продолжали защищаться. Я бросился в проход за убегающими; гусары, частью ринулись за мной, а иные прорубали себе в проволоке новые проходы. Все, кто пытался еще защищаться или убежать, были изрублены и заколоты, остальную массу погнали к нам, за лес.

Здесь, за окопами противника, подо мной была убита лошадь; я свалился, но быстро пересел на поданную мне другую и бросился догонять своих гусар, которые в неудержимом порыве, пройдя еще две линии неукрепленных окопов, ворвались в дер. Котузув и выбивали оттуда засевших по хатам отдельных австрийцев.

В деревне был захвачен транспорт лошадей с вьюками бомб и ракет, патронная двуколка и два телефонных аппарата. За деревней мы

встретили сильные разрывы противника, а потому, в связи с наступившей темнотой и большой убылью в людях и лошадях, я приказал эскадрону возвращаться назад, сдав занятые окопы и деревню двинувшейся вслед за нами пехоте (стрелкам). В дер. Котузув подо мной была ранена моя вторая лошадь, и мне пришлось пересест на третью. В результате 2-м эскадрон, кроме массы изрубленных, было взято в плен 8 офицеров и 502 нижних чина и вывезен взятый с боя, бывший в действии, пулемет. Потери эскадрона: ранен тяжело в голову и контужен корнет Петр Пожидаев, контужен корнет Казимир Косткевич; убито 8 и ранено 17 гусар (из них 2 скончались от ран); убито 27 лошадей и ранено 32 (из общего числа 113 лошадей, бывших в строю)"²³.

Из «Записок кавалериста» Н.С.Гумилева:

“Несколько часов подряд мы скакали лесом. В тишине, разбиваемой только стуком копыт да храпом коней, явственно слышался отдаленный волчий вой. Иногда, чуя волка, лошади начинали дрожать всем телом и становились на дыбы. Эта ночь, этот лес, эта нескончаемая белая дорога казались мне сном, от которого невозможно проснуться. И все же чувство странного торжества переполняло мое сознание. Вот мы такие голодные, измученные, замерзающие, только что из боя едем навстречу новому бою, потому что нас принуждает к этому дух, который так же реален, как наше тело, только бесконечно сильнее его”²⁴.

Оттого-то в самый разгар Великой войны осенью 1915 г., когда тяжесть переживаемого и коварные наветы грозили малодушным забвением священным целям борьбы, возвысил свой голос протоиерей Константин Аггеев. В качестве уполномоченного Всероссийского земского союза он был на фронте и здесь узнал об открытиях одного видного германского офицера.

“Россия, — с характерным для западного человека высокомерным презрением разглагольствовал немец, — строго говоря, нами уже мирно завоевана. Вы без нас ступить не можете. И на теперешнюю войну мы смотрим, лишь как на бунт завоеванных...”

“Не знаю, как на кого, — отозвался на это православный священник, — но на меня эти слова, достоверность которых вне сомнения, произвели такое впечатление, которое лучше всего выразить словами: да будет вечный стыд

тем, в души которых заползает желание мира без победы!..” “Нет, не о мире теперь должны быть наши думы, — призывал русских людей достойный пастырь, — а о необходимости сделать войну, в полном смысле слова, всенародной, не останавливаясь ни перед какими жертвами”²⁵.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны,
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,

Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови.

С вдохновением воина-христианина писал в роковые для Отчизны дни ее защитник Николай Гумилев.

Словно молоты громовые
Или воды гневные морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.
И так сладко рядить Победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага²⁶.

Примечания

- 1 Из стихотворения «Наступление» // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990. С.210—211.
- 2 История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. ОГИЗ, 1945. С.166—167.
- 3 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5. Т.26. М., 1973. С.6.
- 4 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1 (1898—1917). Изд.8. М., 1970. С.413.
- 5 Там же. С.409.
- 6 Вестник Военного и Морского духовенства. 1914. № 1. С.19.
- 7 Вырубова А.А. Страницы из моей жизни. Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова. М., 1993. С.258.
- 8 Тальберг Н.Д. Святая Русь. СПб., 1992. С.81—82.
- 9 Вестник Военного и Морского духовенства. 1916. №№ 11—12. С.379—381.
- 10 Краснов П.Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. Джорданвилль, Н.Й., 1986. С.17.
- 11 Военный курьер. №2. 12 сентября 1914 г.
- 12 Воспоминания ротмистра Хороманского // Финляндские драгуны. (Воспоминания). Сан-Франциско, 1959. С.346.
- 13 Устав Внутренней службы. СПб., 1909. С.1.
- 14 Русский Инвалид. № 296. 20 декабря 1914 г.
- 15 Военная Бель. № 103. Март 1970. С.11.
- 16 Архив ВИМАИВиВС. Ф.52. Оп.110/14. Д.16. Лл.59—60.
- 17 Биржевые ведомости. № 15137. 9 октября 1915 г.
- 18 Архив ВИМАИВиВС. Ф.52. Оп.110/14. Д.16. Лл.2об, 6—7.
- 19 Биржевые ведомости. № 15225. 22 ноября 1915 г.
- 20 Русский Инвалид. № 32. 10 февраля 1915 г.
- 21 Архив ВИМАИВиВС. Ф.52. Оп.110/14. Д.16. Лл.55—57.
- 22 Биржевые ведомости. № 15150. 18 октября 1915 г.
- 23 Архив ВИМАИВиВС. Ф.52. Оп.110/14. Д.17. Лл.26, 28.
- 24 Биржевые ведомости. № 15225. 22 ноября 1915 г.
- 25 Летопись войны // Биржевые ведомости. № 15141. 11 октября 1915 г.
- 26 Из стихотворений «Война» и «Наступление» // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. М., 1990. С.191, 211.

Русские войска во Франции в период Первой мировой войны

В течение Первой мировой войны сотни тысяч людей, одетых в военную форму, покидали свои страны для того, чтобы принять участие в боях на фронтах, находившихся иногда очень далеко от их родины. Невиданный размах войны и чудовищные потери требовали все новых и новых пополнений и со всех концов мира на основные фронты стекались солдаты, говорившие на разных языках, исповедовавшие разные религии и по-разному понимавшие, за что они воюют. Зачастую в путь отправлялись целые армии и поэтому четыре русские пехотные бригады, в 1916 г. прибывшие во Францию и в Салоники, не могли серьезно повлиять на боевую ситуацию, но и они внесли свой вклад в победу держав Согласия и поэтому достойны того, чтобы посвятить им одну из страниц истории Первой мировой войны.

Вначале необходимо коротко остановиться на вопросе о переговорах, завершившихся отправкой русских войск во Францию. Уже в конце августа 1914 г. английское правительство обратилось к правительству России с предложением отправить во Францию три-четыре корпуса с целью помешать немцам перебрасывать войска на Восток¹. И этот, и все последующие подобные проекты основывались на убежденности союзников России в неисчерпаемости ее людских ресурсов. Верховный главнокомандующий русской армией Великий князь Николай Николаевич счел данный план невыполнимым и ответил отказом.

Вновь вопрос о присылке войск был поднят осенью 1915 г. Францией. Испытывая острый недостаток в пополнениях и зная о том, что Россия не в состоянии вооружить всех мобилизованных, французское правительство решило связать поставки оружия с присылкой солдат. Для переговоров по этому вопросу в начале декабря в Петроград прибыл член сенатской ко-

миссии по военным делам П.Думер. Представленный им план предусматривал отправку во Францию 400 000 неорганизованных солдат в обмен на увеличение поставок винтовок². Идея эта вызвала резко отрицательную реакцию со стороны русского верховного командования. Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Алексеев, которому Николай II поручил принять окончательное решение, был одним из наиболее яростных противников выделения войск для заграничных экспедиций, однако он понимал, что вследствие зависимости России от французских военных поставок, нельзя было отвечать полным отказом. 2 декабря в Ставке П.Думер встретился с генералом Алексеевым. По словам начальника дипломатической канцелярии при Ставке Кудашева, присутствовавшего на переговорах, обе стороны остались недовольны результатами — генерал Алексеев вынужден был немного уступить, но согласился на отправку в качестве опыта лишь одной пехотной бригады³. Однако, после посещения Ставки П.Думер сообщил в Париж, что принципиальное согласие на посылку войск получено и что число солдат может достигать 40 000 в месяц, с условием, что это будут не неорганизованные массы, а русские части под командованием русских офицеров. И лишь зимой нельзя ожидать отправки большого количества войск из-за трудностей с транспортировкой⁴.

По-другому интерпретировал достигнутое соглашение генерал Алексеев, говоривший о посылке бригады как о “крайности” и “уступке”, на которые идет российское командование ради сохранения добрых отношений с французами⁵. И сразу после отъезда П.Думера из Петрограда французское правительство было поставлено в известность о том, что то количество войск, которое предусматривалось послать со-

гласно французскому плану, Россия отправлять не будет. Когда же военный представитель Франции в России генерал По попытался добиться документального оформления данных П.Думеру обещаний, переговоры велись лишь о деталях отправки одной бригады⁶. Когда первая бригада уже находилась в пути, французское правительство решило использовать ее не во Франции, а в Салониках, но русское верховное командование воспротивилось этому и предложило послать в Салоники вторую бригаду, не изменяя назначения первой, что и было сделано.

Тем не менее, правительство Французской республики не отказалось от идеи использования русских солдат для укрепления своего фронта. В мае 1916 г. в Россию прибыли министры юстиции Франции Р.Вивиани и товарищ министра артиллерии и военного снабжения А.Тома. Одной из основных целей их миссии было добиться отправки во Францию 400 000 русских солдат и вновь этот вопрос связывался с поставками оружия⁷. Результатом их переговоров с Николаем II и генералом Алексеевым стало компромиссное соглашение: российское верховное командование обязалось с августа по декабрь послать во Францию пять пехотных бригад по 10 000 человек⁸. О транспортировке и вооружении должна была, как и в случае с первой бригадой, позаботиться французская сторона. В августе во Францию отправилась третья бригада, а в сентябре через Францию в Салоники — четвертая. Отправка пятой, шестой и седьмой бригад не состоялась в связи с тем, что со вступлением в войну Румынии России пришлось посылать войска ей на помощь.

По соглашению, заключенному 26 декабря 1915 г., первая бригада должна была насчитывать 7600 человек, но уже через несколько дней эта цифра возросла до 8500 человек⁹. А после визита в Петроград А.Тома и Р.Вивиани, когда была достигнута договоренность об отправке пяти десятитысячных бригад, царь утвердил штаты первой бригады, по образцу которой формировались и все остальные¹⁰. Согласно этим штатам бригада насчитывала 104 офицера и 9197 нижних чинов и состояла из управления бригады, двух полков по три батальона в каждом (батальон имел четыре стрелковых и одну пулеметную роту) и маршевого батальона, в который входило 6 рот — по одной на каждый батальон бригады. Кроме этого из французской армии в бригаду назначались 33

офицера и 172 нижних чина. Начальником первой особой пехотной бригады стал генерал-майор Лохвицкий, и уже в январе 1916 г. началось ее формирование. Полки укомплектовывались солдатами из разных запасных батальонов, первый полк — в Москве, второй — в Самаре, поэтому бригада была составлена в основном из новобранцев еще не нюхавших пороку и почти ничему не обученных. При отборе большое внимание уделялось внешнему виду солдат — они должны были произвести впечатление на союзников и, надо сказать, им это удалось. В начале февраля эшелоны бригады отправились в долгий путь через всю Россию в занятый японцами Дайрен и там погрузились на три французских парохода. Морской путь занял около двух месяцев, за это время русские солдаты и офицеры побывали в Сингапуре, Сайгоне, Коломбо, Суэце и в других местах и 20 апреля прибыли, наконец, в Марсель. По инициативе русского военного агента во Франции полковника Игнатьева тут же, в порту, полки получили винтовки и приняли боевой вид. Построившись, части бригады прошли по улицам Марселя. Сам факт прибытия союзников, а также бравый вид проделавших огромный путь солдат, вызвали восторг у французов, засыпавших русских цветами и угощениями в течение всего пребывания бригады в Марселе.

После недолгой остановки в Марселе, бригада была перевезена в лагерь Майи, где уже было подготовлено все необходимое. Французские власти заботились о том, чтобы русские снабжались всем в достатке, ведь изначальная цель отправки бригады состояла в производстве опыта с целью выяснить, как будут чувствовать себя солдаты вдали от родины и как будет действовать вся система направления войск во Францию. Поэтому все французские газеты отмечали бодрый вид, отсутствие усталости, уныния и недовольства у русских солдат¹¹. Как уже говорилось, основная масса прибывших солдат не имела не только боевого опыта, но даже военной подготовки. А между тем, французский фронт был насыщен различной техникой, приобретающей все большее значение в условиях позиционной войны. Поэтому после прибытия в Майи сразу были организованы занятия. Первые десять дней все офицеры и солдаты изучали французское оружие, затем в течение двух недель проводилась подготовка специалистов — телефонистов, сигнальщиков, саперов, бомбометчиков и пулеметчиков. В это же вре-

мя солдаты и офицеры изучали особенности французского фронта и методы ведения боев. Затем, с начала июня и до выступления на фронт, в бригаде проводились стрельбы и практические занятия на полигоне, где были построены образцы фронтовых укреплений, а также продолжалась интенсивная подготовка специалистов¹².

25 июня бригада покинула лагерь и заступила на сектор на участке Шампанского фронта, занятом IV французской армией под командованием генерала Гуро. К этому времени в данном районе обе стороны уже достаточно хорошо укрепились на занятых рубежах и не предпринимали серьезных попыток изменить сложившееся положение. Тем не менее, артиллерийские налеты, перестрелки, разведки боем и с той и с другой стороны были делом обычным и редкий день обходился без потерь. И все же через некоторое время после прибытия русской бригады на фронт немцам пришлось принимать особые меры для повышения бдительности своих войск, стоявших на этом участке. Постоянные вылазки, во время которых разведчики-добровольцы не только уточняли расположение противника и брали пленных, но и уничтожали отдельные посты и огневые точки, не позволяли немецким солдатам расслабляться даже в периоды затишья. 16 июля немцы после артподготовки предприняли атаку на расположение 1-го батальона 1-го полка, но еще на подходе к русским позициям были встречены контратакой и отброшены штыками и огнем. Умелые действия и храбрость офицеров и солдат вызвали похвалу непосредственного французского начальника генерала Дюма, что нашло отражение в донесении последнего генералу Гуро¹³. 18 сентября в ходе отражения немецкой атаки 3-й батальон 2-го полка под командованием подполковника Верстаковского штыками опрокинул неприятельские цепи и гналих до самых немецких окопов, и 26 сентября генерал Гуров приказе по армии отметил доблесть русских войск, позднее личное удовлетворение действиями бригады передал Главнокомандующий французскими армиями генерал Жоффри¹⁴. Первая бригада находилась на позициях до середины октября и за это время завоевала отличную боевую репутацию. После трех с половиной месяцев боевой работы ее сменила третья русская особая бригада.

Отправка третьей особой пехотной бригады из Архангельска началась 18 августа 1916 г.

Командовал ею генерал Марушевский и состояла она уже не только из новобранцев — в каждом полку имелось по три роты, выделенные из действующей армии, остальные роты были сформированы из солдат запасных батальонов. После того, как все части бригады прибыли во Францию и сосредоточились в лагере Майи, началась подготовка солдат и офицеров к выступлению на фронт. В течение полтора месяцев войска осваивали новое оружие, изучали особенности фронта и тактику ведения боев, шла подготовка различных специалистов. Наконец, 16 октября генерал Марушевский вступил в командование сектором, и третья бригада сменила первую, заняв ее позиции¹⁵. Продолжая традицию своих предшественников, бойцы третьей бригады постоянно держали противника в напряжении, совершая вылазки в расположения немецких частей. В период пребывания этой бригады на позициях противоборствующие стороны начали активно применять газ, и, несмотря на то, что весь личный состав имел противогазы, полки несли чувствительные потери. Одну из наиболее серьезных газовых атак немцы предприняли 31 января 1917 г. С шестнадцати часов с стороны немецких окопов на позиции 6-го полка и соседних французских частей пошли волны бесцветного газа, а затем облака хлора. Под прикрытием газа и артиллерии неприятель пытался атаковать, но был отбит огнем. Только в десять часов вечера войскам разрешили снять противогазы. Потери полка в этот день составили 34 убитых и умерших солдата, отравленных газами — 3 офицера и 224 солдата и 30 раненых и контуженых, всего 291 человек¹⁶. В середине марта должна была состояться смена третьей бригады для отвода на отдых и перед этим три специально сформированные команды 2-го батальона 5-го полка под командованием штабс-капитанов Прачека и Йордана и поручика Черняка произвели успешную разведку боем. После бомбардировки вражеских позиций французской артиллерией они ворвались в немецкие траншеи и около получаса удерживались там, а затем отошли, взяв пленных и трофеи. Это дело заслужило высокую оценку французского командования и некоторые из его участников получили французские Военные кресты¹⁷.

На весну 1917 г. французское командование, в соответствии с планами держав Согласия, наметило крупномасштабное наступление

на франко–германском фронте. Новый Главнокомандующий французскими армиями генерал Нивель, сменивший на этом посту генерала Жоффра, был сторонником решительных действий. Основной удар планировалось нанести в районе города Реймса. В число частей 5–й французской армии, которой вместе с 6–й и 10–й армиями предстояло прорвать фронт, вошли обе русские бригады, прошедшие перед этим дополнительную подготовку. 13 марта первая бригада заступила на сектор у деревни Курси под Реймсом, а третья бригада была включена в резерв армии. Через несколько дней в распоряжение генерала Лохвицкого прибыла батарея из 12 траншейных пушек, для создания которой ранее из бригады были выделены 2 офицера и 193 солдата¹⁸. С начала апреля в донесениях командиров частей, находившихся на передовой, основное внимание уделяется немецким укреплениям, проволочным заграждениям, подходам к вражеским позициям. Исходя из этих сообщений приданная бригаде французская артиллерия регулярно наносит удары по замеченным огневым точкам, укрытиям и проволочным заграждениям, создавая проходы для атаки¹⁹. 3 апреля в приказе по бригаде ставится боевая задача: овладеть деревней Курси и держать защитников Бримонского массива под угрозой атаки. В первом ударе должны были участвовать первый полк и батальон второго, два батальона второго полка — в резерве²⁰. А 13 апреля личному составу зачитали приказ командира VII корпуса генерала Базелера: “Храбрые солдаты первой особой русской бригады! Вам предстоит начать большую битву рука об руку с VII армейским корпусом, который колотил врага в Шампани, у Вердена и на Сомме. Вся Россия смотрит на вас издалека. Франция рассчитывает на вас. Вперед со свойственной вам храбростью! Вперед с присущим вам порывом! С Божией помощью русские и французы побьют общего врага. Победа принадлежит тому, кто больше ее желает”²¹.

В 6 часов утра 16 апреля передовые роты первой бригады атаковали неприятельские позиции. На подходе к немецким траншеям их встретила стена артиллерийского и пулеметного огня и на флангах движение приостановилось. Зато в центре фронт был прорван и русские солдаты ворвались в Курси. Немцы отчаянно сопротивлялись и даже окруженные в укрытиях отдельные группы солдат, находясь

уже в тылу атакующих, продолжали отстреливаться. Поэтому после занятия Курси русским солдатам пришлось еще некоторое время очищать тыл, отбивая одновременно немецкие контратаки, в перерывах между которыми германская артиллерия осыпала русские батальоны сотнями снарядов. Потери были огромны, даже генерала Лохвицкого дважды контузило близкими разрывами снарядов²². 18 апреля 3–й батальон 2–го полка выбил неприятеля из укрепления, находившегося севернее Курси, расширив успех и установив связь с частями 151–й французской дивизии, и поставленная перед бригадой задача была выполнена. Третья бригада в резерве находилась недолго. Уже 17 апреля она прибыла на фронт и 19 апреля была брошена в наступление. Прорвав немецкую оборону и заняв траншеи врага, части третьей бригады отразили все контратаки и отошли только под угрозой окружения. В апрельских боях обе бригады, особенно первая, понесли тяжелейшие потери. В первом полку из 2574 штыков осталось в строю 866, во втором из 2532 — 1306, а в некоторых батальонах потери доходили до 80 процентов личного состава²³. В ночь с 18 на 19 апреля русские части были сменены и отведены в тыл на отдых.

После отвода бригад с фронта и особенно после сосредоточения их в лагере Курти для формирования 1–й особой дивизии, на внутреннюю ситуацию в них стали оказывать серьезное влияние последствия революции в России. Сведения из России поступали с большим опозданием и командиры бригад вынуждены были проявлять инициативу. В апреле, еще до получения инструкций из Петрограда, в бригадах были отданы приказы о создании солдатских комитетов, полномочия которых определялись командирами бригад, а также были введены некоторые новшества во внутренней жизни русских частей²⁴. Резко упал уровень дисциплины, чему способствовала пропаганда, проводившаяся различными эмигрантскими организациями. “Русские солдаты во Франции, организуемся!”, призывала газета «Голос Правды» 14 мая 1917 г. — орган правления клуба социал–демократов. В Ницце одно из эмигрантских обществ даже открыло пансионат для русских солдат, приехавших в отпуск и лечившихся после ранений²⁵. В начале июня в дивизии, начальником которой стал генерал Лохвицкий, произошел раскол. Большинство солдат первой бригады и около 500 солдат вто-

рой потребовали немедленной отправки в Россию, отказавшись подчиняться приказам офицеров. По приказу начальника дивизии все остальные вышли из Курти и разбили лагерь неподалеку, а затем перешли в лагерь Курно недалеко от Бордо.

Перед французским правительством встала серьезная проблема — что делать с русскими войсками? Не без усилий справившись с беспорядками в своих собственных войсках, французское командование опасалось новой вспышки анархии, но и применять оружие против союзников не решалось. В июле вопрос о дальнейшей судьбе русских войск стал предметом переговоров между Францией и российским Временным правительством. В приказе по дивизии 31 июня приведена телеграмма Керенского, в которой говорится, что вопрос о возвращении в Россию решен резко отрицательно и рассматривается вопрос о переброске дивизии в Салоники. Тут же генерал Лохвицкий добавил, что те, кто не выйдут из Курти, будут рассматриваться как бунтовщики и изменники²⁶. Однако французское правительство выступило против отправки дивизии на Балканы, не желая повторения подобных инцидентов в пока еще надежных войсках в Салониках. 16 июля из Петрограда пришел приказ привести мятежные войска к повиновению, и военный представитель Временного правительства, наделенный полномочиями командующего русскими войсками во Франции и в Салониках, 1 августа дал оставшимся в Курти 48 часов на размышление²⁷. Но и по истечении этого срока никаких мер принято не было. В лагере Курно была создана следственная комиссия, постановившая арестовать 177 зачинщиков бунта, большинство из которых находилось в Курти, и вскоре начал работать военно-революционный суд²⁸. Но положение не менялось. Дело в том, что после объединения бригад в дивизии для их укомплектования в России началось формирование артиллерийских и инженерных частей. Позднее отправка дополнительных частей для первой дивизии, по понятным причинам, была отменена, но в сентябре по пути в Салоники во Францию должна была прибыть артиллерийская бригада, предназначенная для второй дивизии. Эту бригаду ждали генералы Занкевич и Лохвицкий, как и французы не желавшие, чтобы французские солдаты стреляли в русских, но не надеявшиеся и на оставшихся верными приказу солдат дивизии²⁹. Тем временем

в Курно для подавления мятежа формировался сводный полк из наиболее надежных солдат под командованием полковника Готуа³⁰.

После прибытия артиллерии оставшимся в Курти предъявили последний ультиматум и затем был открыт огонь. В первый день было выпущено 30 снарядов, после чего большинство находившихся в лагере солдат сдалось. И только небольшая, около 200—300 человек, группа особо упорных подверглась серьезному обстрелу. Генерал Занкевич в докладе в Петроград сообщает о 8 убитых и 44 раненых среди солдат Курти и 1 убитом и 5 раненых в верных войсках³¹. После этих событий в Курти были образованы специальные маршевые роты “из людей, не усвоивших себе правил новой дисциплины”³². Порядок был восстановлен, но вопрос о дальнейшей судьбе русских войск оставался нерешенным. Принятое было решение об отправке в Россию оказалось невыполненным из-за нехватки пароходов. Несмотря на просьбы генерала Лохвицкого использовать дивизию на фронте, французское командование предпочитало держать русские войска в тылу, указывая на невозможность отправки на фронт частей, имеющих солдатские комитеты. Через некоторое время в дивизии началось формирование добровольческих отрядов, которым французы предоставили работу. После Октябрьской революции и заключения Брестского мира французам пришлось самим решать эту проблему. Французское правительство поступило следующим образом: все русские солдаты были разделены на три категории. В первую вошли добровольцы, желавшие продолжать воевать на французском фронте, во вторую — добровольные рабочие и остальные были отправлены в Северную Африку как “недобровольные рабочие”. При этом добровольные рабочие получали не только прежнее жалование — 0,75 франка в день (французские солдаты получали 0,25 франка в день), но и заработную плату 1,5 франка в день. Все офицеры изъявили желание продолжать воевать, но в сформированном Русском легионе не было достаточно должностей и некоторым пришлось стать начальниками рабочих команд. Многие офицеры впоследствии вернулись в Россию и принимали участие в Белом движении. Из 19031 солдата 11522 человека записались в рабочие отряды, 252 человека — в Русский легион, 4746 солдат было отправлено в Северную Африку и еще 2099 человек находились в гос-

питаях³³. Так завершился боевой путь 1-й и 3-й русских особых бригад во Франции однако небольшая часть их — Русский легион, получивший позднее название Легион Чести, — до конца войны представляла русскую армию в рядах союзников и пронесла русский флаг под

Триумфальной аркой в Париже во время победного парада.

Автор выражает глубокую признательность Ю.В.Копылову — сыну В.И.Копылова, офицера 3-й особой бригады, за предоставленные материалы и помощь в работе над темой.

Примечания

- 1 Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М., 1931—1938 гг. (Далее — МО). Т. VI. Ч. I. № 189.
- 2 МО. Т. IX. № 423.
- 3 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 249. Л. 1.
- 4 Service Historique de l'Armee de Terre (SHAT) 7. N 606.
- 5 Валентинов Н. Русские войска во Франции и на Балканах. Военно-исторический сборник. М., 1924. С. 8.
- 6 SHAT. 7. N 390.
- 7 Архив внешней политики Российской империи. Ф. 323. Оп. 617. Д. 68. Л. 50.
- 8 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 98.
- 9 SHAT. 5. N 139.
- 10 SHAT. 7. N 391.
- 11 Bulletin des Armees de la Republique. № 192. 3 mai 1916.
- 12 SHAT. 17. N 649.
- 13 Данилов Ю. Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. Париж, 1993. С. 75.
- 14 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 61. Л. 128.
- 15 Данилов Н. Ю. Указ. соч. С. 78.
- 16 Описание газовой атаки 31/18 января 1917 г. на 6-й особый полк. Подписано командиром полка полковником Сименовым. Архив Ю. В. Копылова.
- 17 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 524. Л. 3.
- 18 SHAT. 17. N 650.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1215. Л. 28.
- 23 SHAT. 16. N 910.
- 24 РГВИА. Ф. 2003. Оп. 5. Д. 1. Л. 55.
- 25 Русские вести. Ницца. 1918. № 92.
- 26 SHAT. 17. N 651.
- 27 РГВИА. Ф. 15234. Оп. 1. Д. 97. Л. 38.
- 28 Там же. Ф. 15223. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.
- 29 Там же. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1757. Л. 44.
- 30 SHAT. 17. N 651.
- 31 Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 147.
- 32 SHAT. 17. N 651.
- 33 SHAT. 7. N 611.

Россия и Рим (Некоторые аспекты сопоставления цивилизаций)

Идея данного очерка возникла под влиянием того сложного времени, которое мы переживаем. Хотя о предпосылках кризиса можно говорить, начиная со сравнительно отдаленного времени, обвальным его характер приходится на три последние года. В течение значительного периода своей жизни автор занимался историей Рима, а как российский историк приобрел некоторые довольно скромные познания и в истории собственной страны. Изучая Рим, мне было трудно отделяться от мысли, что эта отдаленная эпоха, по ряду показателей как бы лежащая в ином измерении, во многом оказывается удивительно созвучна русской истории. Автор с удовлетворением отмечал, что эти параллели бросались в глаза не только ему, и данное обстоятельство укрепляло его в мнении о некоей типологической близости России и Рима. Знакомство с теориями циклизма и особенно с трудами А.Тойнби, дала мне возможность, не переходя полностью на эти позиции, облечь частные наблюдения в некое подобие системы, что и предлагается читателю. Автор отдает себе отчет в спорности ряда позиций и слишком общем характере обзора, однако, быть может, через исторические параллели будет легче понять, в каком историческом состоянии находится наше общество и каковы могут быть перспективы, вырисовывающиеся перед нами. Во многом автор предпочел бы ошибиться.

I

Вероятно, любого человека, интересующегося историей, не может не интересовать необходимость прошлого, для понимания того, что происходит в настоящем и что может или должно произойти в ближайшем или даже отдаленном будущем. Хотя для подавляющего числа людей, на практике, смысла изучения прошлого, тем более весьма отдаленного, по сути дела, не существует, вероятно, мало кто усомнится и в том, что проблема человеческого опыта все-таки есть, и, если встать на позицию, что этот последний все же имеет свой смысл, проблема его использования остается сложной, неоднозначной и многообразной. Не пытаясь использовать более или менее развер-

нутую аргументацию по вопросу о смысле знания истории, представим себе человека (хотя бы себя самого), внезапно лишившегося памяти, и через некоторое время выяснится, что он не в состоянии функционировать не только как личность, но и как биологический организм.

Если даже считать, что знание прошлого не избавляет от ошибок будущего, то можно предположить, что следование по пути вперед становится более ясным, зрячим, а потому и более управляемым и упорядоченным. Отношение к историческому опыту зависит и от методологической установки и общего взгляда на исторический процесс. Так, при "линейном" взгляде на общественное развитие, как на непрерывный (или прерывающийся) процесс неуклонного развития цивилизации, изучение

истории представляет собой, прежде всего, если не исключительно академический интерес, поскольку события прошлого принципиально отличны от событий настоящего и будущего и опыт истории, в сущности, не имеет актуального применения. Наоборот, при циклическом подходе (О.Шпенглера или А.Тойнби) и признании прошлого как ряда отдельных цивилизаций, имеющих начало, расцвет и конец и развивающихся по сходным законам, возможность сопоставления цивилизаций и извлечение опыта даже из таких малоизвестных культурных циклов, как шумерский или хеттский, представляется реальным и даже необходимым. При всей симпатичности для историка этой второй концепции, нельзя не признать наличие смысла и в “линейной” теории, что, естественно, усложняет восприятие общественного развития.

Линейность и цикличность в истории сочетаются. Хотя проблема их соотношения настолько сложна, что для ее раскрытия понадобились бы весьма капитальные труды, попробуем отметить хотя бы основные проявления того и другого. Линейность наиболее определенно проявляется в техническом прогрессе и экономическом развитии, и, в этом смысле, сопоставление, предположим, античности и современности практически полностью лишено смысла, поскольку мы имеем технико-информационные возможности, которые античный мир не мог себе и представить.

Вместе с тем, человек меняется медленнее, чем общество, и в данном случае, можно сопоставить движение человечества с движением тока, где при огромной скорости последнего движение отдельных электронов оказывается крайне медленным. Человеческие реакции, суть взаимоотношений, составляющие политику, социальную жизнь и культуру, движутся гораздо медленнее, нежели прогресс экономики и техники, и, быть может, одна из причин трудности существования человека XX века — это дихтомия динамики научно-технического развития и более консервативной по сути человеческой природы.

Р.Дж.Коллингвуд справедливо указывал, что главными ошибками в изучении истории является как представление, что раньше все было не так, как теперь, так и обратное представление, что все было точно также. Замечание Коллингвуда требует идти по более сложному, но единственно реальному третьему пу-

ти, осознавая, однако, что истина не всегда находится посередине, и временами необходимо подходить ближе к крайним путям, понимая, что любое историческое событие не неизбежность или случайность, но скорее — вероятность, имеющая большую или меньшую возможность реализации.

События в России, свидетелем которых стало наше поколение, производят впечатлительные грандиозной ломки и радикального поворота в историческом развитии страны. События 1985—1993 гг., имеющие пока перспективу и неизвестный срок продолжительности, безусловно, радикально меняют целую эпоху, представляя собой отказ, по крайней мере, от семидесятилетней истории коммунистического Советского Союза. При ближайшем рассмотрении мы видим и ломку чего-то большего, и значение нашего времени в исторической перспективе существенно выходит за эти рамки.

Речь, в данном случае, идет о распаде того гигантского историко-культурного объединения, которое возникло в IX веке на заре средневековья и прошло через все второе тысячелетие, а Советский Союз был лишь историческим периодом в жизни этого большого целого, именуемого Русью, Русским государством, а затем уже Российской и Советской Империей. Именно это обстоятельство позволяет попробовать дать хотя бы краткий общий обзор истории Российской Империи и просмотреть некоторые закономерности развития, возможно, для попытки ответить на главный вопрос о дальнейших возможностях развития пути России.

Трудность сопоставления России с Западом и применимости для нее западного пути отмечаются многими учеными и публицистами, причем, это мнение имеет свои основания. Трудность эта связана не только и не столько с особой российской ментальностью, сколько с историей России, полной как блестящих, так и трагических страниц, в ходе которой и сформулировалась в том числе и специфическая ментальность народа, или, точнее — народов, населявших Российскую Империю.

Основной особенностью этой истории была, видимо, более напряженная, чем на западе, военно-политическая ситуация, в которой находилась Россия на протяжении многих веков и которая привела к “защитному”, а затем уже и к “наступательному” империализму. Уже к XVII веку Россия создает огромную сильно ин-

тегрированную Империю, ставшую ее неотъемлемым атрибутом и отличавшуюся от держав Европы, бывшими, в основном, государствами, содержащими свое национальное ядро. Европейские колониальные империи, Британская и Французская, принципиально отличались от России хотя бы тем, что представляли собой сочетание высокоразвитых метрополий с более отсталыми заморскими территориями, достаточно чуждыми им в этническом и культурном отношении. Фактически, образование Британской Империи началось в XVII веке с захватов в Индии и Канаде, а середина XX века уже отмечена ее распадом. Более того, тогда, когда колонии достигали высокого экономического и культурного уровня, они становились независимыми (США) или фактически независимыми (Австралия, Канада) от метрополии. Это может быть одной из причин, почему Великобритания сделала процесс распада Империи более постепенным и менее болезненным для центра, и “прощание с империей” прошло здесь гораздо легче, чем это предстоит нам. То же самое относится к колониальным Империям Франции и Испании.

Наоборот, стаж России как Империи был несравненно большим, а народы, в нее входящие, стояли на самых разных уровнях развития и имели с метрополией не морские, а сухопутные границы. В России больше, чем где-либо, смешиваются понятия “метрополия” и “колония”, и больше, чем где-либо, произошла экономическая, политическая и культурная интеграция. Заметим и то, что если европейские державы то теряли, то приобретали новые владения, то Россия, по крайней мере с XV в., постоянно наступала, а Советская Империя вела захватническую политику до самого своего падения.

Большое государство часто оказывается отстающим и платит за свою военную мощь и историческую миссию большей замедленностью и тяжестью внутренних преобразований. Так, для античных греков, испытавших тяжелый кризис IV века до н.э., консервативная и застойная Спарта служила образцом стабильности, и греческие лаконофилы, противопоставляющие эту спартанскую стабильность всем минусам спартанских порядков, не знали, что веком спустя кризис в Спарте намного превзойдет все то, что они видели у себя на родине.

Россия исторически опаздывала, она опаздывала с переходом в индустриальное обще-

ство, с отменой крепостного права, с политической революцией и, наконец, с созданием Империи. Происшедшая в XVII веке английская революция была крайне мягкой в сравнении с революцией французской, происшедшей уже в XVIII веке, однако, обе они не идут в сравнение с ужасами и масштабами русской революции 1917 г. и последовавшими за ней событиями.

Рассматривая историю древних, средневековых и новых Империй, мы видим, что только две из них, Римская и Российская, выделяются своей продолжительностью, прочностью интеграции и универсальностью. Многие империи носили региональный характер, включая, по преимуществу, лишь собственное национальное ядро. Таковыми были империи Востока (Египетская, Вавилонская и даже Китайская) или средневекового запада (Франкская и Священная Римская), другие же, наоборот, были крайне эфемерны, образовывались быстро и столь же быстро распадались, как это было с Империей Александра Македонского. Если не считать Китая, где периоды Империи сочетались с периодами распада, то Россия и Рим были самыми долговременными империями в мировой истории. Рим существовал 12 веков (с VIII в. до н.э. до V в. н.э.) и примерно столько же, с IX по XX век, существовала Российская Империя.

При “линейном” измерении истории сопоставление России и Рима может показаться неправомерным. По сравнению с экономическим развитием, происшедшим с IX по XX век, и особенно бурным прогрессом последнего столетия, оторвавшего человечество от его прежней истории, время Римской Империи покажется полным застоєм, а техника даже XVII века стоит существенно выше техники античного мира в его лучшие времена. Вместе с тем, при введении комплексного метода, параллели будут не только возможными, но и просто поразительными, и закономерности политического и культурного развития покажутся совпадающими чуть ли не в деталях. Именно на этой стороне мы и остановимся.

Нелишним будет напомнить и о прямой линии континуитета между Римом и Россией. После крушения Римской Империи в V в. н.э., единственной ее частью, претендующей на роль наследника, остается Византия, контакты с которой Русь начинает на заре своей истории. Поход Олега на Царьград, войны Святослава, наконец, принятие христианства в его визан-

тийском варианте были определенной претензией на наследственность, а скорее всего, передачей исторической эстафеты. Как бы второй передачей эстафеты после падения Константинополя стал брак Великого князя Ивана III, нового основателя Русской державы, с Софией Палеолог (1472 г.), в известной мере, духовной наследницей павшего Константинополя, и превращение митрополита Московского в Патриарха Всея Руси (1589 г.). Идея Рима играла в России огромную роль и в дальнейшем.

Общей для России и Рима была уникальная судьба посредника между Западом и Востоком, которую они осуществляли много столетий, однако, хотелось бы обратить внимание на то, что бросается в глаза в гораздо меньшей степени, но, по-видимому, является наиболее важным, а именно — на поразительное сходство самого исторического развития Империй. Представляется возможным выделить ряд основных стадий в их истории и затем проследить их более подробно.

Первой из этих стадий следует считать начальное формирование центров и объединение однородного исторического ядра (VIII — середина III вв. до н.э. в Риме и VIII—IX вв. для России), второй — большую войну, поставившую под вопрос существование самого народа и завершившуюся тяжелой победой, поставившей страну на имперский путь. Такими событиями были Пунические войны для Рима (265—201 гг.) и трудный период 1241—1480 гг. для России. После большой войны начинается третий этап, отмеченный бурной экспансией и захватом уже чужеродных территорий, сформировавших основу Империи, а также структурной перестройкой новой Империи, имеющей целью ее приспособление к новым реалиям (201 г. до н.э. — 14 г. н.э. для Рима и 1480—1721 гг. для России). Характерно, что после этого времени обе державы переживают почти 200-летний расцвет (14—180 гг. н.э. — Рим и 1721—1905 гг. — Россия), после чего следует их упадок. Пятый этап — это время распада и кризиса, вызванных комбинацией внутренних и внешних факторов, когда держава оказывается на грани катастрофы, однако, после пятого наступает шестой этап, регенерация Империи путем жестких силовых действий центральной власти. В условиях Рима речь идет о монархии Диоклетиана и Константина (284—378 гг. н.э.), в условиях России — это советский период 1917—1985 гг., после чего наступает новый

и уже окончательный распад. В условиях Римской Империи распад стал окончательным, окончателен ли он для нас, на этот вопрос даст ответ последующая история.

II

После выявления общего подхода, остается рассмотреть сходства и различия на каждом конкретном этапе, и показательно, что обе державы начинают фактически с нуля.

1. Традиция относит основание Рима к 753 г. до н.э., в основном верно отражая факт появления города, на VII—VI вв. приходится основание его главнейших институтов, сената, царской власти, жреческих коллегий, а затем — куриатного и центуриатного собраний. Рим первых столетий был маленьким городом, а завоеванные им территории в результате первых войн, красочно описанных римскими писателями, не превышали 150 км². В конце VII—VI вв. до н.э. карликовое государство оказывается завоеванным северными соседями, этрусками. Показательно, что четких данных об этом завоевании у нас нет. Согласно традиции, этрусские цари пришли к власти мирным путем, однако, многие ученые придерживаются версии о завоевании, причем, ряд последующих событий, включая конечное свержение царей, показывает явный антагонизм между завоевателями и завоеванными. Этрусски сыграли важнейшую роль в формировании римской государственности и римского города, а также добились гегемонии Рима в Лациуме, что было исходной точкой для последующего наступления в Италии. Факт включения Рима в этрусскую зону подтвержден археологически, и государственность Рима была создана при активном влиянии этрусков. После этого происходит выход Рима из-под власти этрусков и замена строя на республиканский.

С крахом этрусской гегемонии приобретающий независимость Рим на первых порах потерял весьма много. В числе этих потерь было обострение социальной борьбы и утрата ряда позиций в борьбе с соседями. Весь V в. отмечен острой борьбой за выживание: земельным голодом, тяжелой социальной борьбой между коренной знатью (патрициями) и пришлым населением (плебеями), превратившимися в народ Рима и, наконец, бесплодными войнами с соседями, где грань между нападением и самозащитой оказалась практически стертой. Уже в этом “раннем детстве” (терминология

ряда римских историков) народа он оказывается в крайне напряженном военном положении, что и формирует психологию военного лагеря и восприятие войны как перманентного условия существования, когда самозащита становится возможной только после полного разгрома врага. Дипломатическим правилом римлян стало заключение мира только с побежденным врагом, а пока эта цель не достигнута, речь шла только о перемирии. В этом смысле Рим отличен от греческого мира, отличающегося своим плюрализмом, где договор, компромисс, взаимопризнание стали нормой существования столь же типичной, как и полная победа для римлян.

В IV веке от борьбы за выживание Рим переходит к подчинению италийских народов. На 80—60-е гг. IV в. приходится покорение жителей латинской равнины и прилегающих гор (племена вольсков, эквов и сабинян), а к 50-м гг., овладев Лациумом, римляне начали борьбу за Кампанию, что втянуло их в столкновение с мощной конфедерацией самнитов. Разгромив самнитов, Рим сломил главное препятствие на пути завоевания Аппенинского полуострова, после чего настала очередь этрусков, умбров и греческих городов. К середине III в. Италия стала римской.

Италийские войны велись по преимуществу с этнически близкими народами, находящимися на одном уровне развития, и, по сути, были объединением Италии. Борьба за Италию выработала у римлян не только бескомпромиссный характер войны, но и тактику медленного измора, выдержать которую не мог никто из их противников. Видимо, не случайно и то, что ряд войн, например, Самнитские или Пирровы, начинались с сокрушительных поражений римлян, эффект от которых постепенно снимался медленным римским наступлением, переламывающим сопротивление неприятеля и только затем следовал сокрушительный завершающий удар. Если посмотреть на многие войны России, то мы увидим сходную картину. Итогом войн IV—III вв. до н.э. стало объединение италийского этнического ядра вокруг Рима, что сделало его одной из сильнейших держав Средиземноморья.

Другим важным фактором истории Рима этого и последующего периодов были влияние передовой греческой культуры, из которого следует особым образом выделить влияние религиозное. Главными заимствованиями рим-

лян от греков стали греческий пантеон, ставший основой римского, и греческий алфавит, на базе которого создавалась уже собственная латинская письменность.

В жизни Древней Руси мы обнаруживаем подчас поразительное типологическое сходство. В VIII—IX вв. происходит образование восточнославянских племен, возникновение городов и княжеской власти, которое, как и в случае с Римом, происходило самостоятельно, однако, получило толчок в результате призвания варягов. Примечательно, что и в этом случае установление варяжской власти проходило сравнительно мирно, хотя антагонизм пришельцев и коренного населения виден во многих проявлениях (насильственные действия против Аскольда и Дира, покорение древлян, убийство ими Игоря и т.п.). Постепенно, однако, происходит ассимиляция варяжских пришельцев и их растворение в массе коренного русского населения. Восприятие Киевской Руси как единого государства, может быть лишь относительным, и, в этом плане, Рим III в. был более централизован, чем Киевская Русь, объединяемая, прежде всего, единством торговых интересов, геополитическим единством Днепровского бассейна и единством княжеской власти. Создание этого единства было закреплено походами Олега и Игоря на Царьград и договорами с Византией, в которых Русь выступает как нечто единое, а также победой Святослава над хазарами, политическими мероприятиями Ольги и, наконец, принятием христианства. Как и Рим, Русь принимает религию и письменность под влиянием более высокой цивилизации Византии и также, как и Рим, придает и тому и другому свой особый характер, создав русское православие, русский язык и русское искусство.

Первичное объединение Руси прошло достаточно легко, и это отличает первый этап русской истории от римской, однако, трудности раннего этапа были довольно значительны. Фактором, осложняющим существование Руси, было давление степи. В.О.Ключевский писал, что “борьба со степным кочевником, половчанином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., — самое значительное воспоминание русского народа”. Давление степи вынуждало отступать на север в леса и отрываться от реки, что неизбежно вело к дезинтеграции единого целого. В IX в. русским пришлось иметь дело с печенегами, а по-

сле их разгрома в 1036 г. вакуум занял более опасный враг — половцы. Борьба с ними вырабатывала ту же психологию, что и у римлян, постоянный страх внешней угрозы и готовность к борьбе, что, естественно подавляло свободу личности за счет целого. Пик успехов в борьбе с печенегами падает на правление Ярослава (1019—1054), а после победы 1036 г. Русь получила примерно 30-летнюю передышку. Поражение на реке Альте от половцев в 1068 г. было новым показателем усилившейся угрозы.

Достигнув расцвета при Ярославе, союз славянских племен начинает распадаться. На этот распад оказывали влияние давление кочевников, переселение в лесную зону центральной части восточноевропейской равнины и, вместе с тем, рост городов, увеличение числа князей и усложнение отношений между ними, превращение их в удельных владык. XI—XII вв. стали временем дезинтеграции и, вместе с тем, обретения новой родины, развития отдельных центров и внедрения русско-христианской культуры. Вероятно, как и в Западной Европе, этот процесс привел бы к образованию нескольких русских государств и их сравнительно спокойному сосуществованию и развитию цивилизации, вероятно, интегрированной в состав Западной Европы, однако процесс этот был прерван тяжелым историческим вызовом, брошенным ей в XIII в. К этому удару Русь подошла достаточно малоподготовленной и слабой.

2. Большая война. Завоевавший Италию Рим подвергся тяжелому испытанию и, столкнувшись с претендовавшим на гегемонию в Западном Средиземноморье Карфагеном, получил серьезнейший исторический вызов, вынудивший его бороться не на жизнь, а на смерть. Первая война (264—241 гг. до н.э.) закончилась захватом Римом Сицилии и завоеванием гегемонии на море. В ходе ее Рим фактически на равном месте создал сильный морской флот и смог одолеть сильного на море противника. Победа стоила римлянам дорого, цензы показывают сокращение числа граждан на 17%.

Смертельная схватка была впереди. В 218 г. карфагенская армия Ганнибала вторглась в Италию. После серии тяжелых поражений, римляне были наголову разбиты при Каннах (216 г. до н.э.), потеряв в битве около трети своего военного потенциала. Канны поставили Италийский союз на грань распада и истоще-

ния, а армии Ганнибала непосредственно угрожали Риму. Ценой неимоверных усилий Рим смог выдержать этот удар, с 216 г. и до ухода Ганнибала из Италии в 203 г., в Италии и других частях Средиземноморья шла непрерывная кровавая война на измор, в которой Рим победил, прежде всего, за счет численного перевеса и мужества солдат, защищавших от карфагенян свои земли и национальную независимость. Карфаген не выдержал этой силы, и после долгого медленного продвижения вперед, борьбы на истощение Рим завершил войну серией сокрушительных ударов в Испании и Африке.

Итогом войны стал крах военной мощи Карфагена и во многом вынужденным втягиванием Рима в дела различных регионов Западного и Восточного Средиземноморья. Рим теперь имел прочные интересы в Африке, Галлии, Испании и на Балканах. Война завершила консолидацию Италийского союза, который отчасти пришлось воссоздавать заново. Таким образом, первым следствием 2 Пунической войны стало превращение Рима в государство имперского типа и создание несокрушимой военной машины, ставшей инструментом ее создания. Вторым последствием стали гигантские людские и материальные потери, которые во многом вызвали экономический и социальный кризис, происшедший значительно позже. Старая Италия прекратила свое существование, Римская держава вступила в новое качество.

Испытание, которому подверглась Россия, оказалось еще более тяжелым и продолжительным. Этим историческим вызовом стало монгольское нашествие. Русь встретила его не как монолит, а как дезинтегрированное общество, и именно в ходе борьбы с нашествием формируется единое государство, ставшее основой Империи. Монгольские походы 1237—1239 и 1240—1242 гг. были разгромом Руси, причем, настолько тяжелым, что оправиться от него стало возможным только в XIV в. Вероятно, так называемое монгольское иго следует понимать не столько в плане выплаты дани, которая едва ли была непосильной для страны, и, скорее, придавала характер морального унижения, сколько в постоянной угрозе удара и опустошительных набегах Золотой Орды. Экономический ущерб был огромен, в политическом же плане ситуация имела только один выход, противостояние монгольской угрозе и ее

ликвидацию, что стало возможным только при жесткой централизации, милитаризации общества и экзальтации монархической власти. Как и Римляне после Канн, и даже в большей степени, Русь брала на вооружение тактику медленного и неуклонного усиления, причем, проводить ее приходилось в условиях подчинения. До определенной степени, единство Руси было выгодно и Орде, однако, эта выгода заканчивалась там, где стали ущемляться ее интересы, и как только это произошло, Орда стала главным препятствием на пути этого процесса.

Не повторяя общеизвестных фактов, можно выделить только основные этапы процесса: занятие московским князем великокняжеского стола, отказ от баскачества, перенесение в Москву власти митрополита, успешные операции против Литвы и, наконец, Куликовская битва 1380 г. В этот период при Данииле, Юрии Даниловиче (1303—1325), Иване Калите (1328—1340) и, наконец, Дмитрии Донском (1363—1389) идет медленное собирание земель вокруг Москвы, присоединение как силовыми, так и дипломатическими методами отдельных крупных и мелких регионов. Ко времени Куликовской битвы, начальное ядро было создано, а активизация в этот период Орды, Литвы и Тверского княжества являются показателями этого факта. Расширившейся Москве удастся не только увеличить свои владения, но и создать сильный союз русских княжеств.

Куликовская битва 1380 г. была важным событием. В чисто военном плане ее результаты были перечеркнуты походом Тохтамыша в 1382 г. и возобновлением дани, однако, битва стала моральным переломом, после которого русские княжества осознали возможность объединения и победы над Ордой. Последующие десятилетия были тяжелыми. Поход Едигея в 1408 г. и особенно феодальная война при Василии II (30—50-е гг.) отбросили процесс объединения, стремительный прогресс которого начался при Иване III.

Иван III провел ряд основных акций по довершению создания державы. Главным событием его правления было, конечно, прекращение выплаты дани и получение независимости от Орды (1480 г.), но, кроме того, следует отметить и присоединение Новгорода и Твери и, наконец, разгром литовцев у Вердоши (1500 г.), начавший борьбу с Литвой за русские земли, отошедшие к ней ранее. К концу правления Ивана III завершается создание основного на-

ционального ядра и завоевание независимости, однако, и то и другое стоило огромных потерь, а итогом войн стало создание военизированного государства, также во многом невольно втянутого в ряд военных конфликтов и основанного, как и Рим, на подавлении личных свобод во имя приоритета коллективной обороны.

3. Экспансия и завоевания. Наследие большой войны толкало на дальнейшие завоевания. Это была и вовлеченность во многие внешнеполитические проблемы, а также созданные войной проблемы внутренние, это была и мощная военная машина, а также опыт войны, толкающие на силовое решение внешнеполитических проблем. Создание организма Империи не могло происходить без значительной внутренней перестройки, которая принимала болезненные формы, несколькоотличные и в том и в другом случае, но крайне сходные типологически.

После II Пунической войны Рим оказался втянутым в ряд региональных проблем. Одной из них было столкновение со сложным эллинистическим миром, включавшим Грецию, Малую Азию, Сирию, Месопотамию и Египет. Военным противником Рима стали главные силы эллинистического общества, Македония и Селевкидское царство, а союзниками — большинство полисов Греции и более слабые державы типа Египта или Пергама. Многие ученые оценивают действия Рима, как чистую агрессию, а его дипломатию, как ловкую игру с целью устранения одного за другим всех своих противников, однако, ситуация была более сложной. Агрессивный импульс, естественно, нельзя сбрасывать со счетов, однако, в ряде случаев речь шла и о защите престижа, и о помощи союзникам, и о справедливом возмездии, и о своеобразно понимаемой защите свободы, и, наконец, о неуклюжих действиях гиганта, запутавшегося в борьбе более цивилизованных обществ.

Первые годы войны привели к разгрому Македонии и Селевкидской державы, после чего, однако, Рим стал все более властно распоряжаться на Балканах, переходя от “защитного” империализма к наступательному, что вызвало недовольство балканских народов. Развязка на Балканах наступила в 148—6 гг., когда римляне создали провинцию Македонию и подчинили Грецию, кстати, прекратив тем самым длившиеся там с IV в. междуусобицы. В 133 г. Пергам был передан Риму по завещанию соб-

ственного царя, поскольку верхушка страны и пергамские города увидели в римлянах спасение от опасных социальных движений.

Следующим этапом продвижения на восток стали 80—50-е гг. I в. до н.э., когда завоевания происходили уже в условиях внутреннего кризиса в Риме. В 90—80 гг. антиримские силы объединились вокруг Понтийского царства Митридата Евпатора. Митридатовы войны завершились разгромом понтийцев и новым броском римлян на восток. Итогом походов Лукулла и Помпея стало присоединение Вифинии—Понта и Сирии, установление контроля над Малой Азией и выход к Евфрату. Армения стала вассалом Рима. Только в 53 г. до н.э. при Каррах римская армия Красса была разгромлена парфянами. Это был первый сигнал, что экспансия сверхдержавы может быть остановлена. В лице Парфии появилась сила, способная это сделать.

На западе римская экспансия проходила с меньшей интенсивностью и большими потерями. В течение II века Рим, неся тяжелые потери, завоевывал Испанию, завершив этот процесс только ко времени Августа. По уровню потерь испанские войны уступали только пуническим, а в этих кампаниях мы видим четкий переход от “защитного” империализма к наступательному. В ходе III Пунической войны 149—146 гг. до н.э. римляне добились старого и бессильного врага — Карфаген. Не все войны были чисто империалистическими захватами. Так, Югуртинская война в Африке во многом была вынужденной, поскольку разросшаяся Нумидия угрожала африканским владениям римлян, некоторые кампании на севере были превентивными и даже оборонительными, а завоевание Крита и Киликии были, по сути дела, разгромами пиратских баз. Рим делал и мирные приобретения, такие, как остров Кипр или Кирена, присоединившиеся к Риму по воле их правителей без сопротивления населения. К началу I в. н.э. Рим в результате двух грандиозных кампаний (Галльских войн Цезаря и осуществленного Августом наступления в Подунавье) вышел на линию Рейна и Дуная, ставших границами их державы.

Можно сколько угодно много осуждать жестокость и эгоизм римского империализма, тяжелейшие разрушения и гибель целых народов в развязанной Римом войне, однако, нельзя забывать и то, что Рим прекратил греческие и эллинистические междуусобицы, цивилизо-

вывалопять—таки вечно воюющие между собой варварские племена и создавал основу для политико—культурного единства Средиземноморья.

Создание Империи вело к болезненной структурной перестройке, когда новая держава должна была адаптироваться к новым реалиям. Перемены приняли тяжелый, кровавый характер. Конец II—I вв. до н.э. стали временем трех гражданских войн, грандиозного восстания италийских союзников, не выдержавших бремени Империи и собственного бесправия, а также нескольких восстаний рабов, в том числе восстания Спартака. Семени, заложенные Ганнибаловой войной, в изобилии дали свои всходы. Рим сумел выжить в бурных событиях I в., однако, выжил он только создав монархическую власть и централизованную имперскую структуру, приспособленную к новым условиям.

Эпоха завоеваний становилась переломной и в римской культуре. Столкнувшись с более высокими культурами эллинистического мира, римляне сумели воспринять ее, создать собственную оригинальную культуру и затем синтезировать ее с культурой покоренных народов. Процесс был достаточно сложен, начав с разграбления греческих ценностей, сопровождавшегося обычной подражательностью, римляне в I в. до н.э. создали новое культурное качество, представителями которого стали Цицерон, Цезарь, Катулл, Саллюстий и многие другие. Синтез начался позже.

Россия после свержения ига осталась наедине с множеством нерешенных и трудноразрешимых проблем, незавершенной централизацией и тяжелым положением в экономике. Внешние и внутренние проблемы были переплетены самым необычным и сложным образом. Оставалась проблема татар, а распад Золотой Орды не снял многих сложностей, связанных с необходимостью постоянной обороны, причем, удары наносились с двух сторон — из Казани и из Крыма. Крым вскоре попал под защиту Турции, и это породило новую острейшую проблему, требующую огромных сил. Второй проблемой стала литовско—польская. К Литовско—русскому государству отошли многие части русского этнического ядра, а уния Литвы и Польши значительно ее усилила. Менее острой, но также достаточно серьезной была проблема шведская, затрагивающая интере-

сы севера Руси, выхода к морю и, в перспективе, связи с Западной Европой.

Внутреннем плане объединение не было завершено, и Московская Русь оставалась конгломератом удельных княжеств. Именно это обстоятельство и может быть ключом к пониманию правления Ивана IV и Смуты.

Согласно миру с Литвой в 1503 г. около 1/3 русских земель в составе Литвы перешли к Москве, что означало новый шаг на пути объединения русских земель. Дальнейшее решение внешнеполитических проблем связано с действиями Ивана Грозного. Главным шагом в этом направлении было взятие Казани (1552 г.), обеспечившее безопасность Русского государства с востока, а следствием этого стало покорение Чувашии и Башкирии. В 1556 г. было подчинено Астраханское ханство, что было новым актом “защитного” империализма. Известный переход к империализму наступательному произошел уже в 80-е гг., когда начался поход Ермака против Сибирского ханства, которое России не угрожало.

Внутренние преобразования Ивана IV также носят ярко выраженный имперский характер. Венчание на царство (16 января 1547 г.) было фиксацией этого курса, а образование Избранной Рады, созыв Земских Соборов, появление Судебника (1550 г.), церковный Собор, военные преобразования 1550 г. и устав по организации сторожевой и станичной службы были конструктивными шагами на пути создания Империи.

Все же главным содержанием правления стал террор, при оценке которого следует помнить о восприятии его как полностью негативного, так и полностью позитивного явления. Во многом, речь идет о том, с какой стороны эту оценку проводить. При оценке с точки зрения народа общественных и человеческих норм, репрессии опричников были страшной национальной трагедией. С точки зрения Империи, ситуация оказывается двойственной. Террор ликвидировал лоскутную систему удельных княжеств, подчинив все единой воле московского монарха, вместе с тем, он подорвал экономику, боеспособность и жизненные силы общества и государства, отчетливо показав, что благо Империи и благо общества и государства далеко не одно и то же, а превращение государства в военную машину есть лишь его одностороннее укрепление в ущерб другим сторонам. В известной мере примеры Ивана IV,

Петра и Сталина показывают противоположность создания Империи интересам людей, и, последовательно служа имперской идее, правители приводят страну к краху.

Крах, к которому привело правление Ивана IV, выразился и в экономическом упадке и в проигранной Ливонской войне (1558—1581 гг.), подорвавшей военную мощь государства и, наконец, в Великой Смуте (1598—1613), которую в данном сравнении можно рассматривать как аналог римских гражданских войн. В ходе Смуты мы видим также обострение всех видов конфликта: гражданскую войну, интервенцию Польши и Швеции, восстание порабощенного населения, разбой самых разнообразных сил.

Конец Смуты ознаменовал успех Второго ополчения 1612 г. Народ спасал не Империю, а свою мирную жизнь и независимость государства, что постоянно бывало в критические моменты Русской истории, и, прежде всего, в 1812 и 1941—45 гг. Во всех трех случаях Империя пользовалась плодами этой победы, и дихтомией ее развития было то, что в критический момент она могла опереться на несокрушимый подъем народа, а в моменты спокойные ей хватало небольших (в сравнении с массой населения) профессиональных армий. Точно такую же ситуацию мы видим и в римских завоеваниях.

После смутные время XVII в. как раз отмечено подъемом экономики, городов, внешней торговли и государственности, что благотворно сказалось на положении общества, и, вместе с тем, это время порабощения собственного населения, на что последнее отвечало безуспешными восстаниями. Симптомом кризиса стал и церковный раскол. Имперская политика, однако, продолжалась, и государство все больше срачивалось с этой политикой. России удается нанести сокрушительный удар своему главному врагу — Польско-Литовскому государству. Деулинское перемирие 1618 г. привело к потере ряда земель, включая Смоленск, неудачная война 1632—34 гг. не дала результатов, зато полный реванш был взят в 1647—1667 гг., после украинского восстания и русско-польской войны, когда Россия вернула Смоленск и получила Левобережную Украину.

4. Расцвет Империи. Период расцвета Римской Империи начался с основополагающих реформ принципата Августа (31 г. до н.э. — 14 г. н.э.). Эти реформы установили импера-

торскую власть, а республиканское прошлое отразилось в том, что последняя возникла в форме квазиреспубликанской структуры, в которой нашлось место и сенату и народному собранию. Рим Августа, резко увеличивший свое население, превратился в имперскую столицу, а Италия — в унитарное государство. Начинается подъем экономики и муниципальной жизни и распространение римского гражданства на другие территории (Бетика, Сицилия, Нарбонская Галлия), растет внутрорегиональный и общеимперский рынок. Рим, наконец, окончательно переходит к новой военной структуре, что наметилось еще в эпоху гражданских войн. Служба в армии стала постоянной, войсковые единицы получают постоянную нумерацию и постоянный статус и дислоцируются вдоль границ.

При Августе римский империализм ведет крупное наступление на варварский мир, в ходе которого окончательно формируется идея мирового господства. Завершение покорения Галии и Испании, захват Мезии, Паннонии, Реции и Норика, временный захват Германии были самым крупномасштабным наступлением Рима за всю его историю. Новые территории были уже полностью чужеродны, и если Рим начал с создания единого этнического ядра, а затем покорил области старых цивилизаций, то теперь он наступал на собственно варварский мир Европы.

Вместе с тем, в истории Империи начинается новый этап, когда внешние силы и естественные природные рубежи начинают ставить предел неограниченной римской экспансии. На востоке, после походов Красса и Антония, Империя оказывается неспособной завоевать Парфию и отказывается если не от завоевания в принципе, то от завоевания быстрого. Начинается долгое противостояние, враждебное по сути, но основанное на признании силового паритета, когда сокрушительные удары сменяются медленной и упорной борьбой за Армению и военно-политическим противостоянием вдоль евфратской границы. Кажется впервые в истории Рима заключается не перемирие, а общий договор с иностранной державой, когда Рим признает право последней на существование. На другом направлении римская экспансия была остановлена паннонцами и германцами.

За правлением могущественного реформатора последовал нелегкий период. Весь пер-

вый век характеризуется дихотомией между поступательным движением в сторону развития Империи и императорским террором, внутренними смутами, придворной борьбой и тяжелым морально-психологическим климатом, вероятно, наиболее полно отраженным Сенекой и Тацитом. Если первые годы правления преемника Августа Тиберия прошли спокойно, то с 23 г. и до конца его правления Рим захлестнула волна террора. Вслед за временем Тиберия последовал четырехлетний эксцесс правления безумного императора Гая Калигулы (37—41 гг.). При преемнике Калигулы, Клавдии (41—54 гг.) происходит частичная реставрация системы Августа, однако, негативные проявления не были искорены полностью. Наконец, правление Юлиев-Клавдиев венчает полное расстройство нормальной жизни и кровавый террор режима Нерона, сметенного в 68 г. восстанием практически всех слоев римского общества. Крах режима сопровождался короткой, но яростной гражданской войной и приходом к власти новой династии.

Пройдя этот болезненный период, Империя подошла к своему расцвету, начавшемуся при императорской династии Флавиев (69—96 гг. н.э.) и достигшему кульминации при Траяне (98—117 гг.) и Адриане (117—136 гг.). Добившаяся расцвета Империя обеспечила расцвет общества, показав, что в определенные исторические периоды интересы Империи и общества могут совпадать. Гигантская держава обеспечивала безопасность, создавала внутренний рынок и допускала автономию ее частей. На II век пришелся расцвет экономики и технического прогресса древности, а также общее состояние баланса, при котором наблюдался баланс столицы и провинций, Востока и Запада Империи, Империи и города, императора и сената.

Эпоха расцвета отмечена продолжением экспансии, которая становится все более умеренной. При Юлиях-Клавдиях и Флавиях происходит аннексия внутренней части Малой Азии, уже подготовленная предыдущим ходом развития. В 41—43 гг. Рим завершил завоевания в Африке аннексией Мавретании. Вероятно, самым крупным завоеванием этого периода стало покорение Британии, в основном завершившееся к концу I в. Последний взлет завоевательной политики относится к началу II в., когда Траян покорил Дакию и совершил крупный поход на Парфию. Несмотря на времен-

ный захват Месопотамии, поход завершился вынужденным отступлением, а преемник Траяна, Адриан перешел к обороне на всех границах. Империя отказалась от экспансии, и римские лимесы стали отгораживать ее от внешнего мира.

Расцвет Империи в России также начинается с крупномасштабных реформ Петра I, типологически сходных с реформами Августа, но имеющих более определенную направленность и проводимых более силовыми и жесткими методами. После быстрой и жесткой ломки консервативных сил, Петр перешел к радикальным преобразованиям, сущность которых была достаточно многогранна. На петровское время приходится развитие армии и военной индустрии, происходит развитие металлургической базы на Урале, ликвидация дворянского ополчения и создание армии регулярной с сохранением иррегулярных ополченцев. Кроме того, создается флот и дворянский офицерский корпус. Вторым направлением реформ стала унификация органов власти, приспособленная к нуждам новой державы (создание Кабинета, Сената и Синода, образование коллегий, создание губерний и провинций и т.п.). Фактически именно Петром была создана имперская структура, просуществовавшая последние два века с некоторыми последующими изменениями. Важным фактором этого переворота была вестернизация страны, уже наметившийся ранее поворот на Запад, и именно со времени Петра I всерьез начинаются сложные отношения двух цивилизаций, которые А. Тойнби именуется православно-христианской и западной. Их взаимодействие и противостояние стало теперь едва ли не центральным событием истории XVIII—XX вв. Наконец, венцом реформ Петра было принятие им императорского титула, что было в высшей степени символично.

Отношения России с Западом — это глобальная и самостоятельная тема исследования, и в данном случае можно лишь провести параллель с отношениями Рима с эллиническим миром, с той разницей, что России никогда не удалось одолеть Запад. Мы видим сходную картину военного противостояния и борьбы между космополитическими и почвенническими настроениями в культуре и идеологии. При Петре I происходит первое наступление западничества, причем, символом этого, в числе прочего, стало создание новой столицы.

Главным мероприятием Петра I во внешней политике стала Северная война, приведшая к разгрому одного из главных противников — Швеции. Параллельно с этим, в ходе войны происходит и ослабление Польши, разорванной этим русско-шведским конфликтом. Присоединение Прибалтики стало мостом, ведущим в Европу. При Петре продолжалось и наступление на Восток, которое, однако, требовало не очень больших усилий. Каспийский поход 1717 г. стал первым столкновением с Ираном, а между Нерчинским (1689 г.) и Кяхтинским (1727 г.) договорами Россия вышла в Приамурье. XVIII в. принес с собой колонизацию Сибири, оказавшую столь большое влияние на историю России.

По своей конструктивности реформы Петра не могут быть сравнимы с террором Ивана IV, однако, и они дались ценой гигантского напряжения. Перенапряжение страны сказалось в событиях смутного времени, именуемого эпохой дворцовых переворотов, до деталей сходного с Римом времен Юлиев-Клавдиев. Это время одиозных фигур на троне и при дворе, постоянных волнений и гвардейских переворотов, террора Тайной Канцелярии и даже попытки если не ликвидировать, то хотя бы ограничить монархию (столь же эфемерную попытку предпринял сенат в 41 г. н.э. после убийства Гая Калигулы). Даже история Ивана Антоновича поразительно сходна с историей последнего внука Августа, Агриппы Постума. При этом, время дворцовых переворотов не было столь негативно для всей державы, а ряд войн продолжил имперскую политику. В 1735—39 гг. была проведена успешная кампания против Турции, в ходе которой русские армии нанесли удар по старому врагу — татарам — в самом Крыму, а при Ставучанах нанесли первое поражение туркам, взяв реванш за Прутский поход. В 1741—43 гг. Россия подтвердила итоги Ништадтского мира в войне со Швецией, а в Семилетней войне 1756—63 гг. Империя внушительно заявила о себе в Европе, разбив сильнейшую в том время военную державу, Пруссию Фридриха II.

Собственно, расцвет Империи начинается во времена Елизаветы и особенно Екатерины II (1762—1796 гг.), что в социальном плане было связано с установлением дворянского государства. Екатерининский расцвет сходен с эпохой ранних Антонинов в Риме, а Империя теперь в полной мере вышла к Западной Европе, доби-

вая старых противников. Две русско-турецкие войны вывели Турцию из числа великих держав и привели к завоеванию Крыма и Приднепровья, разделы Польши покончили с этой проблемой, а Швеция уже давно перестала быть серьезной угрозой.

Продолжение расцвета, и, быть может, максимальный взлет Российской Империи приходится на время Александра I, безусловно, одного из способнейших правителей России. Как и в условиях Рима, империя пошла на либеральные реформы, скорее выразившиеся в их видимости. Возможно, реформы начала правления Александра имели и тенденцию к переходу на европейский путь, так, в них прослеживается тенденция к отмене крепостного права и разделению властей, однако, консерватизм и имперский характер России помешали этому развитию. Трагическое отставание могло стать предпосылкой для тяжелых событий XX в., но пока что это еще не ощущалось. Восстание декабристов стало реакцией передовых людей общества на упущенные возможности и победу консерватизма.

Крестьянской реформой было вынуждено заниматься даже правительство Николая I, стоящее на консервативно-охранительной позиции, и, вероятно, на нем лежит большая доля ответственности за затягивание реформы, которая могла бы произойти значительно раньше.

Современ Екатерины на первый план выступает борьба двух гигантов — ставшей сильнейшей державой Европы Францией и Российской Империей, поддержавшей ряд консервативных государств Европы. Положение менялось в 1798 г., когда Суворов совершал поход через Альпы, Франция была в изоляции, после войн 1805 и 1806—07 гг. и поражений при Аустерлице и Фриланде, России пришлось признать свое поражение в борьбе с Наполеоном, после чего последний подчинил Пруссию, а затем и Австрию. К 1812 г. против России стояла объединенная Европа, а единственным союзником оставалась только Англия. Россия оказалась перед новым историческим вызовом, и выиграла войну только путем напряжения всех народных сил. Народ снова победил врага, а Империя снова воспользовалась этой победой. Поход 1813—15 гг. был самым дальним походом России на Запад. Блестящий военный успех привел к установлению русской гегемонии в Европе, цели, которая и до и после была не-

достижима. Эта гегемония поддерживалась Священным Союзом с Пруссией и Австрией. Россия наступала и в других направлениях, добывая старых противников. Война со Швецией привела к присоединению Финляндии, после Наполеоновских войн прекратила существование Польша. Россия добывала Турцию, действуя против нее на двух фронтах, в Южной Европе и на Кавказе. В 1801 г. к России добровольно присоединилась Грузия, война 1806—12 гг. дала Империи Бессарабию. На Кавказе войны с Турцией и Ираном привели к присоединению Армении и Азербайджана. Несколько дольше шла борьба с народами Кавказа. Как и бывает в таких ситуациях, присоединение было сложным процессом, когда многие присоединяемые народы приветствовали присоединение к Империи, а другие столь же решительно сопротивлялись этой экспансии. При Александре I и Николае I Империя достигла своего пика могущества, однако, за высшей точкой всегда следует спад.

III

5. Упадок и распад. Предпосылки римского упадка были видны еще во II в. н.э. Во многом причиной его был все тот же традиционный, застойный уровень экономики и экономическая бесперспективность как рабства, так и колоната. В Империи не был и не мог быть решен национальный вопрос, и во II в. его острота скорее притупилась. Дальнейшая логика развития вела к жестокой унификации и подавлению автономии городов и регионов, т.е. разрушению того баланса города и Империи, который устанавливался столь долго. Либерализм императоров мог и должен был кончиться, что, в конечном счете, и произошло. Наконец, происходит и идейный слом, когда традиционная идеология античного общества испытывает удар со стороны митраизма, христианства и других новых религий.

Впрочем, Империя имела слишком мощную машину, чтобы быть сломленной только внутренними факторами распада. Только сильный удар извне был способен сыграть роль толчка, пустившего в ход эти процессы. Такие факторы появились в III в. н.э. в результате переселения северных германских племен на юг и создания мощных племенных союзов Готов, Алеманнов, Франков и др. Дополнительным фактором было появлением на месте слабой Парфии сильного Сасанидского Ирана.

Хроника краха Империи представляет собой характерную картину. В 60—80-е гг. II в. Рим выдержал тяжелейшую войну на Востоке против Парфии и на севере против всего варварского мира Европы. Римская Империя выиграла эту войну и отстояла границы, но победа была пирровой. В обескровленном Риме ко всем бедам добавился и внутренний кризис, вызванный правлением императора Коммода, нарушившего соглашение с сенатом и приведшего Рим к гражданской войне 193—196 гг. Война завершилась победой одного из полководцев, Луция Септимия Севера, сумевшего приостановить кризис силовыми методами. Правление Севера наметило пути стабилизации путем укрепления силовых структур, подавления автономии частей Империи и усиления налогового гнета. Если Империя II в. держалась на взаимном тяготении ее частей, то Империя III в. оставляет только силовые факторы.

До 20-х гг. III в. Империя по инерции держалась на структуре, созданной Септимием Севером. При последнем императоре этой династии, Александре Севере, делается попытка вернуться к либерализму Антонинов, что было нереально в условиях нарастающего кризиса. Именно в это время дали себя ощутить переменны в германском и восточном мире, которые значительно осложнили внешнюю обстановку.

Пик распада пришелся на три следующие десятилетия (середина 30 — конец 60-х гг.). Это было время кульминации варварского нашествия: готы фактически контролировали Балканы, франки — Галлию, удары аленов нацеливались на Италию, а войны с персами охватили весь римский восток. К 60-м гг. распад был налицо. Восток отделился под эгидой Пальмиры, западные регионы стали частью Галльской Империи, центральное правительство контролировало только Италию.

Если бы Империя распалась в III в., история могла бы пойти по-другому, и, возможно, в III—V вв. Империя была уже тормозом на пути исторического развития. Тем не менее, Империя все же смогла добиться военно-политической реставрации. Итогом III в. были огромные материальные и людские потери, гибель десятков миллионов людей, опустошение большинства регионов, натурализация хозяйства и крах античной культуры, при известном, однако, сохранении традиций.

В 50—80-е гг. XIX в. Российская Империя еще могла включить в свой актив военно-политические успехи. В 1864—81 гг. шло наступление в Средней Азии, а в 1878 г. была выиграна русско-турецкая война, расширившая влияние России на Балканах, где она успешно соперничала с Австро-Венгрией и Турцией. И вместе с тем, ситуация начинает меняться. Россия начинает вступать в период, который прошли все европейские общества, а именно, в стадию перехода от традиционного общества к индустриальному. Основными чертами первого можно считать наличие монархической власти, сословной структуры, преобладания дворянства, существование крестьянства как основы общества и преобладания аграрной экономики. Второе характеризуется парламентской демократией, внесословной структурой, нивелировкой населения, превращение горожан в основную массу населения и наличием городской индустриальной экономики. Процесс перехода не мог не быть крайне болезненным и неизбежно имел силовой фактор, поскольку монархическая и сословная структура могла быть сломана только силой, а отрыв крестьянот земли и превращение их в массу городских рабочих мог произойти лишь в результате экономического и даже внеэкономического принуждения. Зачастую общество, находящееся на таком переходе, усиливало экспансию вовне, пытаясь решить свои проблемы за счет других государств.

Чем меньше было общество и чем раньше оно вступало на этот путь, тем легче оно по нему проходило. Едва ли не проще всего было маленькой торговой Голландии, где процесс начался еще в XVI в., и основная трудность свелась к освобождению от Испанского владычества. Уже Англии пришлось пережить огораживание, трудности индустриализации и две революции, кромвелевскую и оранжистскую. Более тяжелым стал путь Франции, прошедшей кровавую революцию 1789 г., якобинский террор и серию революций XIX в. Для Германии этот процесс прошел через распад в 30-летней войне 1618—48 гг., начало национального возрождения после наполеоновских войн, объединение Германии в 60—70-х гг. XIX в., поставившее ее на путь имперских захватов, две мировые войны, нацистский режим и поражение, и только после этого Германия смогла прийти к процветанию и демократии, до сих пор отягощаемым последствиями II Мировой

войны. Во многом история Германии этого периода параллельна истории России.

Последней было тяжелее всего на этом пути. Консерватизм, крепостное право, традиции Империи, гигантские размеры и замедленность темпов развития были основными тормозящими факторами.

С 1861 г. с большим опозданием стала проводиться крестьянская реформа. На 1864—74 гг. приходится судебная, земская, городская и другие реформы. Россия взяла высокие темпы экономического развития, и, вероятно, шансы иного пути были сравнительно реальны. Показательно, однако, что в связи с освобождением усилились радикальные тенденции в обществе, показателем чего стало цареубийство 1881 г. Впервые террористы-радикалы посягнули на символ монархии. Ответом монархии стало замедление темпов реформ, контрреформы и консервативная реакция. В 90-е гг. XIX в. экономика быстро пошла на подъем, однако, главными проблемами становились сильная монополизация без создания массы крупных и мелких предприятий, а также консервативная структура в деревне и сохранение как помещичьего земледелия, так и общинной структуры. На фоне сложной экономической ситуации рос и политический экстремизм, показателем чего стало появление радикально настроенных народников, эсеров, большевиков и т.п., под влиянием которых рабочие и крестьянские выступления принимали все более острый характер.

После российской гегемонии в Европе в 10—40-е гг. Империя начинает ее терять. Попытка России нанести сокрушительный удар по Турции привел к сопротивлению Запада. Крымская война, несмотря на героизм армии, была проиграна в результате технологического превосходства Франции и Англии и дипломатической изоляции в результате отхода традиционных союзников — Пруссии и Австрии. Новым опасным фактором стало появлением объединенной Германии, сыгравшей роковую роль в истории Империи Российской. В 1878 г. вмешательство Англии и Германии во многом лишило Россию плодов победы над Турцией.

Началом катастрофического развития событий становится русско-японская война 1904—05 гг., приведшая Российскую Империю к тяжелому поражению и вызвавшая революцию 1905—06 гг. Революция привела к важному позитивному изменению, когда манифест

17 октября дал политические свободы населению России. Это расширение прав личности продолжало приходиться в противоречие с принципом Империи, основанной на жесткой централизации и подавлении политических свобод. В условиях России были неизбежны политические конфликты, и в ситуации неразвитой системы демократических и представительных институтов демократизация ломала старую систему, не предлагая ничего взамен, а экономическая борьба неизбежно политизировалась. Пик экстремизма пришелся на конец 1905 г. (время после манифеста), и события декабря 1905 г. показали эти опасные тенденции.

Власть была вынуждена ответить не столь сильными, но ощутимыми репрессиями, а затем снова попыталась пойти на разумные реформы, способные в перспективе вывести страну из кризиса. Указ о праве выхода из общины, проведенный Столыпиным (9 ноября 1906 г.) повлек за собой позитивные перемены в деревне. Реформа однако не была предназначена для снятия ряда проблем: проблема большого числа бедноты в деревне и городе, усугубляющаяся монополизацией промышленности и помещичьим землевладением. Положение все же выправлялось, и, вероятно, получив какое-то значительное время, Россия могла бы преодолеть кризисную ситуацию. Впрочем, к проблемам внутренним добавилась проблема внешнеполитическая, которая и привела к катастрофе.

С 1914 г. Россия вместе с Англией и Францией вступила в Первую мировую войну против Германско-Австрийского блока. Если 1914 г. отмечен переменным успехом, то разгром 1915 определил неудачу России. Успехи 1916 г., в том числе Брусиловский прорыв, не смогли нивелировать растущий кризис. Позиционная война становилась войной на измор, и Россия была первой, кто не выдержал этой борьбы.

Конец февраля 1917 г. стал началом развала. После образования Советов, с одной стороны, и Временного Комитета Государственной Думы, с другой, начала создания Временного правительства и отречения царя (3 марта 1917 г.), началась короткая жизнь Российской Республики. Суть событий с марта по октябрь 1917 г. отмечена постепенным параличом власти и прогрессирующей неспособностью существовавших сил эту власть взять. В ситуации продолжающейся войны и развала армии и промышленности, разные партии и группиров-

ки уходят со сцены одна за другой. Вначале это были правые партии и либералы, а затем и социалисты, эфемерное правительство которых было свергнуто путчем большевиков.

Кризис власти в 1917 г., ее развал и приход к власти наиболее экстремистской силы были толчком к распаду Империи. Прибалтика, Белоруссия и Польша оказались под властью Германии, войска которой уже приближались к Петрограду. На это время падает отделение Украины, Средней Азии и Закавказья. В мае 1918 г. с восстанием чехословацкого корпуса и созданием колчаковских армий происходит отделение Сибири и Поволжья. В результате высадки войск Антанты отделился север. На Дону формировалась добровольческая армия. Территория России, находящаяся под контролем центральной власти, сжалась до размеров России XV в.

6. Второе восстановление. В истории обеих Империй было и так называемое второе восстановление, причем, в обоих случаях это дорого стоило их народам. Второе восстановление Рима начинается с военной реставрации, прошедшей достаточно быстро. В 269 г. Клавдий II разбил готов, а в 270—75 гг. Аврелиан последовательно нанес поражение варварским племенам и обоим сепаратистским Империям (Пальмирской и Галльской). В основном, военная реставрация была завершена Диоклетианом, отбывшим варваров и снявшим проблему внешней угрозы.

После военной начинается политическая реставрация, проведенная Диоклетианом и Константином (с 184 по 337 г.). В новой империи император стал “господином и богом”, при появлении которого падали ниц и целовали край его одежды. Центральный и местный управленческий аппараты резко выросли, значительно увеличилась армия, и милитаризация Рима существенно усилилась, налоги унифицировались и резко выросли, а другим итогом этой налоговой реформы было прикрепление людей к месту и профессии. Хотя число собственнорабов сократилось, на положении полурабов оказалось большинство населения. Доминат задушил автономию городов и провинций.

Империю Диоклетиана и Константина отличает и то, что наряду с реальной централизацией, возникает децентрализация внешняя, выразившаяся в системе нескольких императоров и префектур. Довершением было идеологи-

ческое объединение. Диоклетиан пытался сделать это на основе старой религии, придав ей жесткий идеологизированный характер, Константин же подключил к этому новую религию, христианство, жесткий монотеизм который был очень полезен новой Империи.

После Константина начинается спад второй реставрации. В 30—50-е гг. IV в. Империя держится по инерции. Это давалось ей не так легко: на эти десятилетия падает тяжелая борьба с Персами, Алеманнами и Франками, начинаются гражданские войны между претендентами, рост антагонизма Запада и Востока, идет борьба между христианством и паганизмом и внутри самого христианства между арианами и никейцами.

В 70-е гг. положение резко ухудшилось. В 378 г. готы разбили Империю при Адрианополе, и теперь вытеснить их с Балкан уже не удавалось. Последняя стабилизация приходится на правление Феодосия I (378—395 гг.), которому удалось приостановить наступление готов, восстановить единство Запада и Востока и покончить с религиозными спорами. После Феодосия распад стал необратим.

Вторая реставрация в России была типологически сходна, но гораздо острее и трагичнее. Косени 1918 г. Россия была разделена, по крайней мере, на три части: центральная Россия под контролем большевистского правительства, юг, контролируемый белым движением, и восток, где доминировало белое движение несколько иного плана, все “национальные окраины” фактически отпали, в стране господствовали голод и разруха, экономика лежала в развалинах, повсюду шла гражданская война.

Власть в столице смогла взять наиболее экстремистская группировка большевиков, начавшая с установки жесточайшей военной диктатуры с террором карательных органов и полным подавлением демократических свобод. Такая власть должна была вызвать общую оппозицию и могла существовать только при сильнейшем подавлении. Небольшая партия (не более 250 000 членов), спаянная железной дисциплиной, готовилась взять власть над Россией и миром. Парадоксом стало то, что во главе Империи встали ее противники. Как таковая, коммунистическая идея во многом противоречила русскому национализму Империи и выставляла себя защитником низов, однако, главное содержание доктрины и тактики большевиков, взятие власти и готовность идти ради

этого на любые преступления и компромиссы создали основу для адаптации большевизма к имперской идее и имперской практике, причем, здесь она выступила в своем наиболее откровенном виде.

Именно большевистское правительство стало воссоздавать Империю, тем более, что после победы в Петрограде и Москве, в большинстве регионов России новая власть была принята. В январе 1918 г. было распущено Учредительное Собрание, создаются новые органы подавления, армия и политическая полиция (ЧК). Наиболее серьезной опасностью для большевиков была немецкая угроза, и, после ряда сложностей, Ленин пошел на заключение мира (3 марта 1918 г.). В деревне начинается подавление зажиточного крестьянства.

С весны положение большевиков ухудшилось, формируются белые армии и происходит отпадение частей России. Реакцией на это было введение летом 1918 г. политики военного коммунизма, продразверстки и объявление 2 сентября 1918 г. красного террора (точнее, усиление того, который был раньше). Жесткими мерами большевики создали мощную армию и достаточно успешно отразили наступление своих многочисленных противников.

Весной 1919 г. красные нанесли удар посибирской армии и клету отбросили колчаковцев за Урал. В этот момент инициативу перехватила денкинская армия, дошедшая до Тулы и Орла, однако, в октябре большевики перешли в наступление на всех фронтах против белых армий. Итогом 1919 г. был разгром главных сил внутреннего противника. Определенные компромиссы были вынуждены, и большевики на них пошли. Империя временно потеряла свои нерусские области и Дальний Восток, сумев сохранить основное ядро владений.

В принципе, и большевизм и белое дело были имперскими движениями, причем, и в том и в другом возобладали крайние экстремистские силы, оставив в центре и выбив из политической жизни как умеренные левые силы (трудовики, эсеры, социалисты), так и умеренные правые (либералы, кадеты, умеренные монархисты). Белое движение стремилось силовыми методами восстановить Империю, большевизм же соединил империализм с коммунистической идеей, что дало ему немало союзников в лице нерусских сил и масс беднейшего населения. Кроме того, большевистский вариант социализации мог наиболее полно и последова-

тельно подчинить общество государству. Коммунистическая идея вступила и в известное противоречие с империализмом, и как Ленин, так и Сталин успешно синтезировали эти две идеи (большевистскую и имперскую), соединив их воедино.

В 1920 г. красные добились белого движения в Крыму, а одновременно с этим обрушились на Польшу. Ценой усилий последней удалось отстоять независимость и часть украинских и белорусских земель. Первый натиск на запад был отбит. В 1921 г., объявив политику НЭПа, заменив продразверстку продналогом и разрешив частную торговлю, большевистское правительство удержалось у власти, раздавив при этом крестьянское движение, поднятое против его господства. В 1922 г. был окончательно захвачен Дальний Восток.

Нет никаких сомнений, что Ленин не кривил душой, считая НЭП временной передышкой и временным отступлением. Нужно было дать передохнуть разоренной стране, перегруппировать силы и выждать возможность для нового наступления внутри и вовне. В 1921—27 гг. власти вели сравнительно спокойную внутреннюю политику, почти прекратив репрессии, дав возможность подняться экономике и проводя достаточно мягкую политику вовне. Это дало свои плоды: Россию признавали как ее соседи, так и основные западные страны (кроме США). В это время создается и Новая Империя СССР, включившая Россия, Украину, Белоруссию и Закавказье. Как и в Римской Империи, реальная централизация была прикрыта искусственной децентрализованной и даже формально договорной структурой. Этому камуфляжу способствовало сложное деление СССР. Возникал интересный парадокс, когда формально административная структура СССР казалась более демократичной, чем система Российской Империи, тогда как реально степень подавления была гораздо сильнее. Коммунистическая идея давала новые возможности для борьбы за мировое господство: идея мировой революции (естественно, под эгидой России), разветвленная система коммунистических и сходных с ними партий, объединенных в Коминтерн, и, наконец, спекуляция на реальных и мнимых классовых противоречиях на Западе создавали мощную поддержку в наступлении на мировой арене.

Борьба за власть в последние годы жизни Ленина и после его смерти в основе была схват-

кой за личное положение и лидерство, однако, и здесь мы видим столкновение определенных платформ. В принципе, ни одна группировка не была чужда имперской идее, но одни (Троцкий) были склонны к приоритету коммунистической идеи в ее чистом виде и видели в России только инструмент для мировой революции, другие (Бухарин) абсолютизировали НЭП и стремились реформировать общество на его основе, наконец, третьи (достаточно долго скрывавшие свои реальные намерения) пошли по наиболее перспективному пути, соединяя коммунистическую идею с традиционным русским империализмом, упирая не на доктрину, а на практику, под которую и подстраивалась доктрина. Победа этой третьей силы, возглавляемой Сталиным, была если не неизбежна, то, по крайней мере, наиболее вероятна. К XIV съезду ВКП(б) (1925 г.) исход борьбы был решен, победил Сталин, и с ним победила обновленная Империя.

Террор, развязанный Сталиным против практически всего общества, мог бы стать темой специального разбора. Вкратце контуры его политики можно обозначить следующим образом. Задача индустриализации СССР, отстававшего от Запада была объективной, объективна была и ситуация сжатости сроков, и все реформаторы, включая Столыпина, это хорошо понимали, осознавая при этом необходимость европейского пути, пусть с российской спецификой. Советская Империя решала эту задачу своими методами, во-первых, исходя из приоритета военной мощи, т.е. тяжелой индустрии, во-вторых, ставя для этого рекордные сроки и, наконец, не считаясь при этом ни с какими потерями или «издержками». Цель эта была невыполнима без создания массовой подневольной, полностью бесправной рабочей силы, что было достижимо только методами ГУЛАГА и беспощадного террора.

С другой стороны, Россия оставалась крестьянской страной, что было несовместимо с новыми целями. Именно поэтому новая политика свелась к отрыву крестьянства от земли, уничтожению его наиболее работоспособной и зажиточной части, массовым репрессиям и раскулачиванием, насильственному созданию массового принудительного труда и, может быть, организованного голода.

На 1929—30 гг. падает пик этого процесса, возможно, наиболее обильного жертвами. Уничтожение масс крестьянства и коллективи-

зация привели к разгрому сельского хозяйства, голоду и превращению его в ахиллесову пяту Империи.

Наконец, массовый удар был нанесен по церкви, уничтожалась церковная организация, храмы, просто верующие люди. Церковь оказалась несовместимой с большевистской идеологией, и, кроме того, ее традиционная роль народной отдушины, смягчающей давление Империи на народ, была не нужна большевистской власти.

Итогом террора было уничтожение тех частей общества, которые не могли войти в новую систему. Рабочие («класс-гегемон») стали фактическими рабами на производстве, крестьяне — рабами, посаженными на землю, новая советская интеллигенция — служащими тоталитарного государства, а партия — новой правящей элитой, управляющей обществом совместно с репрессивной политической полицией (ВЧК—ГПУ—НКВД) и верхушкой армии. Силловые методы управления достигли апогея, и любое мельчайшее нанесение вреда государству или даже вольные разговоры и безобидные поступки жестоко наказывались. Развивается преследование просто за принадлежность к определенной группе, кампании против «вредительства», «намерение изменить Родине», «шпионажа», «террора», наказания за недонесение и контрреволюционную агитацию. Террор нарастал в 30-е гг., достигнув пика в 1937—38 гг., когда уничтожению подвергались не только интеллигенция и простые люди, но и верхушка партии и армии. В тоталитарной Империи страх и террор, безграничное насаждение культа вождя, политическая и идеологическая нетерпимость, произвол репрессивных органов становились основными рычагами управления.

В 30-е гг. сталинская Империя столкнулась с новой ситуацией. Фактором внешней политики стал раскол неединого и ранее западного мира на демократические (Англия, США, Франция) и тоталитарно-фашистские (Германия, Италия, Япония). Превращенная в военный лагерь, Германия угрожала и западным демократиям и Советской Империи. С последней Германию сближало сходство режима, но разделяло противостояние германского и славянского миров и взглядов Германии на Россию как на потенциальную колонию. До 1939 г. СССР видел главного противника в Германии, однако, попытка сближения с западом оказа-

лась невозможной, прежде всего, из-за неспособности западных демократий принять жуткую мораль сталинского режима. Это толкнуло последний в объятия Гитлера, что дало политические дивиденды. Раздел Польши вернул СССР украинские и белорусские земли, ранее входившие в состав России и дал Сталину господство в Прибалтике. Империя вернула территории, утерянные в 1918 г., и, как Римская Империя Диоклетиана, могла похвастаться тем, что полностью реставрировала прежние границы. Впрочем, теперь обе Империи, Советская и Германская, вышли лицом к лицу, и конфликт стал неизбежен.

Гитлер предпочел вначале разгромить Запад. После пакта со Сталиным, Германия обрушилась на Францию, Англию, Данию, Норвегию, Югославию. Только Англия сумела выстоять во многом благодаря своему островному положению, а затем и американской помощи. Гитлер мог считать задачу на западе выполненной хотя бы частично и, до активного американского вмешательства, тем более отсроченного японским нападением, мог попытаться уничтожить восточного противника. Сталинская Империя получила смертельный вызов, удар Германии в 1941 г. привел к катастрофе, СССР оказался на грани военного и политического разгрома, потеряв армию, европейскую часть России и огромный экономический потенциал.

Как ни парадоксально, СССР и даже его руководство трудно обвинить в этой неудаче. Вся политика Империи была явно нацелена на подготовку к войне, и именно это все время делалось. Не исключено, что многое делалось не так и не вовремя, но общее направление было взято верно. Общеизвестная ошибка Сталина в оценке времени конкретного нападения была основана на желании начать войну в удобный для него момент, который мог наступить лишь несколько позже. Причиной неудачи было то, что СССР в силу общего технологического отставания, даже несмотря на бешеные темпы, не смог сделать невозможное. Опираясь на передовую технологию и организацию, Гитлер мог выиграть войну, и из этого следовал его расчет на быстрый удар. План не удался по ряду причин. Сыграли свою роль климат и дороги России, помощь Запада, частные ошибки немцев, но главным стало повторение ситуации 1812 г., когда на защиту встал народ. Народ спас Империю, остановив два германских наступления (в

1941 и 1942 гг.), навязав противнику обескровившую его оборону и завершив войну сокрушительными ударами 1943—45 гг. Ценой непомерного напряжения народы СССР выиграли войну, а победа 1945 г. снова стала “украденной победой”, которую использовала Империя.

Сражаясь за свои семьи, детей, имущество, национальное, физическое и экономическое выживание, народ начал забывать о большевизме. Ему нужно было напомнить, и этим стремлением снова загнать людей в большевистскую Империю объясняется жестокость правителя к победившему народу, когда в ГУЛАГ потянулись миллионные толпы гражданских лиц, оказавшихся в оккупации, бывших военнопленных, “народов-изменников” и даже военнослужащих действующей Советской армии. Этот поток был больше, чем поток реальных противников и беженцев, которых также было немало. Возникла и иная причина: восстановление народного хозяйства и, естественно, военной и тяжелой промышленности требовали гигантского притока рабочей силы, и единственным для Империи путем был путь внеэкономического принуждения. Работник должен был быть поставлен в положение лишенного всего раба, и это породило меры типа Указов о наказании за опоздания и мелкие кражи. Стиль репрессий 1947—53 гг. несколько изменился, и если предыдущий террор был направлен на уничтожение, то теперь целью было порабощение населения, что показывает лицемерная отмена смертной казни и замена стандартного 10-летнего срока 25-летним.

Разгром Германии изменил международное положение Советской Империи. Ее вассалами стали многочисленные страны Восточной Европы: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, Восточная Германия. Коммунисты были сильны в Италии и Франции, возникла перспектива их победы в Греции. В 1949 г. с помощью СССР к коммунистическому лагерю примкнул Китай, а затем северные Корея и Вьетнам. Советская Империя претендовала на роль мирового гегемона.

Это наступление вызвало противостояние с Западом, начинается борьба двух цивилизаций, западной и православно-христианской, коммунизма и демократии, капитализма и социализма. Вероятно, Сталин был готов к войне в Европе, которая не произошла из-за огромных военных потерь и появления у Запада

ядерного оружия. Армии в Европе остановились, причем силы Германии оказались разделены между Западом и Востоком. СССР и Китай могли наступать и на востоке, причем Корейская война стала первой пробой сил, неудачной для коммунистов. СССР создал ядерную бомбу. Сталин откровенно шел к войне, но его преемники оказались большими реалистами.

С 1953 по 1985 г. идет ослабление Сталинской Империи. На первый взгляд это трудно понять, поскольку военная мощь неуклонно росла, а подвластная территория расширялась. И вместе с тем, это был период имперского спада. Рубежом стали события 1953—56 гг., завершённые XX съездом КПСС. Большинство заключенных были выпущены и реабилитированы, советские граждане получили минимальные права защиты и ограниченной свободы. Видимо, с этого времени СССР приобретает некоторые черты гражданского общества, что стало главной победой над Империей. Всевластие КПСС и КГБ ограничивало эти права, но не могло полностью свести их на нет. Несмотря на постоянные зажимы, либерализация продолжалась, причем, охватывая и КПСС и КГБ. Это был главный фактор развала советской имперской системы. Становление страны индустриальным обществом медленно вело к демократизации жизни, как бы ни противилась этому система. В восприятии большинства людей брежневское время стало “либеральной эпохой” по сравнению со сталинским временем. Эти процессы всячески стимулировались Западом, поскольку они разлагали имперскую структуру.

Новый характер войны вел к тому, что СССР не мог ее выиграть. Накопление ядерного потенциала вело к тому, что общая война в старом понимании становится невозможной, и танковые армады СССР становились все более бесполезны. Война приобретает характер гонки вооружений, и в необъявленной 111 лировой войне шла борьба экономик. Более слабая экономика СССР явно не выдерживала. Другой формой войны была борьба за страны “третьего” мира, где война подчас принимала горячий характер. Здесь у СССР были и успехи и неудачи. Явной победой была вьетнамская война, революция на Кубе, победы в Эфиопии и Анголе, поражениями стали Ближний Восток или Чили. Крупнейшей неудачей был и конфликт с

Китаем, отвлекший на себя значительные силы Империи.

К 80-м гг. советская экономика стала выдыхаться и больше не могла продолжать борьбу с экономикой запада. Надвигалась экономическая, политическая и социальная катастрофа. СССР начал проигрывать и в военном отношении, что показали создание СОИ и Афганистан. Последний продемонстрировал неспособность Советской Империи выигрывать и локальные войны. Предстояли распад державы, хаос, внутренние конфликты. К 1985 г. это было, по-видимому, ясно тем, кто руководил Империей и неясно всему остальному народу. Психологическая война тоже была проиграна, как и вообще потерпела поражение советская ценностная система. Как и Рим, Советскую Империю ожидали внутренний распад и внешнеполитическое поражение.

IV

Распад. После 395 г. идет прогрессирующий распад Рима. Роковым фактором стал распад Империи на Византию и Запад. Более слабый Запад, находясь на пути главного нашествия варваров, имел более сложное положение. В 395—425 гг. Империя все еще оборонялась. Победы Стилихона над Аларихом и Радагайсом показали жизнеспособность державы. Тем не менее, Стилихон достиг успеха, ослабив оборону на Рейне и в Британии. В 405 г. Вандалы, Аланы, Свебы и Бургунды прорвали оборону Рейна и нанесли удар по Галлии. Граница Империи была прорвана. В 409 г. Вандалы вторглись в Испанию. В 410 г. началось вторжение Саксов в Британию. Стилихон держал Империю не только благодаря полководческим данным, но и благодаря дипломатическому таланту и гибкой политике, позволяющей ладить с варварами-федератами и германскими вождями. Его действия были прерваны заговором традиционалистов, выступавших против его проварварской политики. Итогом стала гибель Стилихона и развал римской армии, когда римские отряды начали избиение федератов. Итогом стало присоединение последних к готскому вождю Алариху, вторжение его в Италию и занятие Рима в 410 г.

На 10—50-е гг. V в. падает прогрессирующий распад Империи, передвижение варварских орд по провинциям, развал армии и финансов. В результате вандальского нашествия была потеряна Африка. С 50-х гг. начался пол-

ный коллапс: Империя потеряла все своим провинции, под контролем центрального правительства остается только Италия и часть Галлии, налоги практически не поступают, а население не оказывает никакого сопротивления варварам. Финансовый крах вызвал крах армии. В Италии продолжается борьба за призрачную власть, пока в 476 г. ее не прекращает один из вождей германских наемников.

Империя не погибает бесследно. На ее развалинах продолжают существовать варварские королевства, влияние на которые оказала римская традиция и остатки римской культуры. Самым крупным из них была Византия. Жизнь начиналась снова, без Империи и при ее активном воздействии.

Говоря о России, труднее всего оценивать существующий период. Многие оценки еще нельзя сделать, но, как нам кажется, определенная тенденция все же прослеживается. Перед правительством М.С.Горбачева стояла задача амортизации того коллапса, который ожидал СССР. Был необходим постепенный демонтаж Советской Империи и создание нового государства, основанного на рыночной экономике, демократической парламентской системе и правах человека. Первым актом стал мир с Западом, конец гонки вооружений и начало политического сотрудничества, и эта задача была блестяще выполнена правительством. Отказ от гонки вооружений, прекращение борьбы в “третьем мире”, конец региональных конфликтов и психологической войны, освобождение Европы от коммунистических режимов завершили выход из конфронтации. Фактическое прекращение политических преследований, либерализация, переходящая в свободу печати, окончательное расставание со сталинской Империей были первыми актами внутреннего демонтажа Империи.

Сложнее шло внутреннее развитие. Экономическая реформа оказывалась невозможной без политической, и беспорным завоеванием стали свободные выборы в Советы, имевшие тенденцию стать парламентскими и муниципальными органами. В экономическом плане при всех ошибках и неудачах был выбран единственно верный путь постепенных реформ, недопущения обвала и распада экономического союза. Вероятно, новоогаревское соглашение становилось выходом из этого кризиса.

Трагедия реформ Горбачева заключалась в том, что эта правильная политика центра и постепенной санации с сохранением позитивных сторон старой Империи оказалась зажата между двумя силами, консервативным экстремизмом сторонников старой Империи и “демократическим” экстремизмом, который, подобно большевизму шел на ниспровержение всего, связанного с советским прошлым. По большому счету, и те и другие, лишенные способности идти на консенсус и признающие лишь собственную победу, оказывались способными породить хаос и диктатуру.

В 1991 г. консерваторы сделали такую попытку первыми, и август дал определенный повод для оптимизма в плане союза Горбачева и Ельцина. Этот союз рухнул, и итогом стал распад СССР, региональный “парад суверенитетов”, а как следствие — обвальные экономические преобразования, обнищание масс и опасность гражданской войны. Россия оказалась между Сциллой диктатуры и Харибдой хаоса.

Почва для оптимизма все же есть, и линейный характер общественного развития дает основания считать, что шанс у нашего общества остается Россия XX в. представляет собой индустриальное общество, тогда как Рим V в. был все же обществом традиционным. Окружением Рима были варварские племена, стоящие на гораздо более низком уровне развития, нежели сама Империя, Россия же находится в окружении цивилизованного мира, уже прошедшего все стадии, через которые проходит она сама, и может рассчитывать на помощь как прямую, так и косвенную через исторический опыт. Исторические перемены принимают другие формы. Для России может действовать опыт Германии, Японии, а теперь уже и опыт Венгрии, Чехии или Литвы. Посткоммунизм не выглядит так беспросветно, как “темные века” после падения Рима. И все же задача остается сложной, необходимо найти грань между сверхдержавой и членом мирового сообщества, независимостью членом бывшего СССР и сохранением их союза, особенно экономического, свободой предпринимательства и традиционной для России госструктурой, т.е. нужно взять от Империи все, что было полезно и необходимо и отвергнуть все неприемлемое и чуждое. В известной мере, параллель с Римом здесь также напрашивается. Человечество взяло высокую культуру Империи, созданное ей европейское единство, высокую культуру государственно-

сти и отвергло жажду захватов, подавление общества во имя имперских целей, сверхдержавные амбиции. Вероятно, выполнение этих задач возможно только вернувшись к августу 1991 г., к союзу центра и умеренно-демократических сил, кажущемуся столь эфемерным

сейчас, но столь естественному в принципе. Пройти между Сциллой и Харибдой можно только посередине, любой крайний путь ведет в объятия этих чудовищ. Было бы слишком большим оптимизмом считать, что этот путь уже найден.

НИКОЛАЙ II: ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

“Чтобы определить человека, надо писать роман его жизни, а потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру”.

С.Ю.Витте

Последний российский император — Николай Александрович Романов, родился в день, когда Православная Церковь отмечает память Иова многострадального — 6 мая 1868 г. Он был старшим сыном наследника русского престола, будущего императора Александра III и потому уже с рождения воспитывался как потенциальный монарх, человек, волею Бога, поставленный в исключительные условия. Рождение многое определило за него: возможность выбора была ограничена правом в определенное время получить престол предков и безраздельно править многомиллионной страной. Свобода вступала в конфликт с необходимостью. Это считалось естественным и могло быть лишь отодвинуто в глубь времени.

Неполных тринадцати лет, он становится наследником, присутствует при последних минутах жизни своего деда, смертельно раненного народовольцами 1 марта 1881 г. С этого момента он должен каждую секунду быть готовым стать русским царем. Это внушает ему отец, говорят учителя, учит история. Он “должен” — это главное слово его жизни, этим словом определяются (или, по крайней мере, должны определяться) поступки, слова, судьба.

Цесаревич получает хорошее образование — обучение продолжается 13 лет, из которых 8 было отдано на изучение предметов “гимназического курса” и 5 — на курс “вы-

сших наук”. Ему читали лекции такие видные ученые, военные, государствоведы, как Бунге, Победоносцев, Бекетов, Обручев, Драгомиров, Кюи. Однако спрашивать у наследника прочитанный ему материал учителя права не имели, а сам Николай вопросы задавал крайне редко. Он блестяще изучил иностранные языки, свободно владел английским, французским и немецким, увлекался историей, но особенно много времени уделял военному делу. Николай считал себя “военным человеком”, в противоположность “штатским”, всячески подчеркивая “превосходство” офицера перед чиновником.

С двадцати одного года он принимает участие в заседаниях Государственного Совета и Комитета Министров, председательствует в различных комитетах и пять лет (1889—1894) приобретает формальный опыт участия в управлении государством. Но особого интереса к ремеслу государствоведа он не проявлял, выказывая только усидчивость и дисциплинированность. Ярко выраженной индивидуальности современники в нем не замечали. Отмечали его “воспитанность”, скрывающую все недостатки будущего монарха, отмечали и его “доброе сердце”. Но личности — не видели, она была “размыта”. В целом, облик Николая весьма нечеток. Это “человек влияний”, говорить о нем можно лишь в сравнении, в сопоставлении его

с кем-то более ярким. Его индивидуальность проявлялась в контрасте с индивидуальностью других, его мысль получает свою завершенность только в отрицании другой мысли.

Семья, в которой вырос Николай, оказала огромное влияние на формирование его характера и привычек. Его отец — император Александр III — был цельной натурой, морально подавляющей сына. Император Александр относился к жизни, как и его дед Николай I, как к службе, стремясь до конца исполнить свой долг самодержца “всёя Руси”, оставаясь всегда и в мелочах и в крупных делах честным, твердым и простым. Он знал, что может сам, и поэтому стремился прежде всего найти толковых исполнителей, инициативных и хватких. Николай до конца своей жизни с подчеркнутым почитанием относился к памяти отца, стремился как мог ему подражать, но в этих попытках, естественно, всегда был обречен на неудачу. Александр III при многих своих недостатках прежде всего являлся человеком здравого смысла, был более “заземлен”, чем его старший сын.

Незадолго до смерти отца — весной 1894 г. — Николай с трудом добился от него разрешения на брак с той, которая была ему ближе всех, и был помолвлен с принцессой Алисой, дочерью великого герцога Гессенского, любовь к которой пронес до своего смертного часа.

К своей цели Николай шел обычно не напрямую, а ждал удобного момента. Николай не любил спорить и что-либо доказывать. Это роковое его качество многих вводило в заблуждение: Николай с полуслова понимал, что от него хотят и, если мнение доказывающего совпадало с его собственным, он благожелательно выслушивал его; если же нет, — и говоривший не хотел понять это, — Николай не вступал с ним в спор и “непонятливый”, часто неожиданно для себя, получал отставку и оказывался не удел.

20 октября 1894 г. цесаревич стал императором Николаем II, а 14 ноября (через неделю после похорон Александра III) состоялось его бракосочетание с принцессой Алисой, в православии получившей имя Александры Федоровны.

С самых ранних лет Николай был очень скрытен, его внутренняя жизнь для большинства окружающих его лиц так и осталась неразрешенной загадкой. Его отношение к жизни определялось апокалиптическими ожидания-

ми, ощущением неизбежности рокового конца. Это парализовало многие действия царя, сказывалось на отношении к людям, привело к появлению страшной в своей завершенности фигуры Распутина, символизировавшей духовный кризис, переживаемый Николаем. Воспитанный в убеждении, что народ любит своего царя-помазанника Божия, он искренно стремился преодолеть средостение между престолом и “простыми людьми”, войти в более близкий контакт с подданными, избегая чиновника-бюрократа. Именно это, видимо, объясняет столь устойчивое положение сибирского “старца” при дворе. Николай II чувствовал острее многих его окружавших. Трагедия состоялась как раз в непрекращающемся конфликте чувств и поступков самодержца с политическими реалиями того времени.

Он понимал неизбежность перемен, но не желал принимать их. Непрекращавшиеся попытки перехитрить самого себя в конечном итоге дали те результаты, которые можно было предвидеть еще в начале царствования Николая. К этому необходимо добавить и исключительную мистическую настроенность последнего царя, постоянно видевшего вокруг себя дурные знамения. Начиная со свадьбы, происходившей в дни траура по отцу, злой рок преследовал его постоянно. Во время обряда коронации (14.05.1896) упала, оторвавшись, цепь ордена св. Андрея Первозванного; буквально через несколько дней после этого — Ходынка. С нетерпением, в течение почти десяти лет, ожидавшееся рождение наследника было омрачено вскоре обнаруженной гемофилией, которая заставляла каждое мгновение ждать страшного конца. В 1904—1905 гг. — неудачная война на Востоке, затем — революция, приведшая к конституционной уступке 17 октября 1905 г.

Симптомы грядущей катастрофы для императора были столь очевидны, что однажды он сам (в разговоре с министром) сравнил себя с Иовом многострадальным. Жизнь для него была постоянной нравственной мукой. Фатализм его часто принимали за ограниченность и лицемерие, стеснительность — за ханжество и холодность. Даже преданные престолу люди искренно считали, что сам царь губит монархию, не желая понять логику времени. Император Николай хотел передать своему сыну власть в том объеме, в котором сам ее получил, и в то же время ясно сознавал, что после 1905 г. это уже

невозможно. Вечная раздвоенность, отсутствие той прочной основы, которая сделала бы его жизнь такой же цельной, как и жизнь его отца, привела Николая в трагический замкнутый круг. Смысл его существования в этих условиях сосредоточился на семье, единственном прибежище мира и спокойствия. Его подчиненность жене — в гораздо большей степени реакция усталого человека, чем человека слабого.

Его жизнь — существование по инерции. Николай — классический образец “лишнего человека” XX столетия, смысл бытия которого для него самого недостаточно понятен и который он и не старается прояснить. Недоверие к людям, так свойственное царю, по всей видимости, и проистекло прежде всего от недоверия к самому себе. “Спящий царь” (выражение св. Иоанна Кронштадтского) именно поэтому и был столь сдержан на эмоции.

Николай II был искренне верующим православным христианином. Его идеалом являлся царь Алексей Михайлович (не случайно и наследника назвали тоже Алексеем). Он, безусловно, был убежден в том, что выполнять монарший долг — его обязанность перед Богом, которому только и дает отчет за свои дела. Его помазанник. Понимая неканоничность устройства пост-петровской Синодальной Церкви, формально являясь ее Верховным Ктитором и хранителем веры в империи, царь должен был симпатизировать попыткам реформы Церкви. Однако серьезные попытки такой реформы совпали с революцией 1905 г. (а отчасти были вызваны ею), что во многом обесценивало их в глазах монарха. Сохранились сведения (впрочем, за достоверность нельзя ручаться), что Николай после рождения наследника хотел принять монашеский постриг и стать патриархом. Интересно здесь прежде всего то, что подобная мысль могла появиться и встретить доверие некоторых современников, а не сама несомненность этого известия.

Сам царь не оставил для истории на этот счет, как и по многим другим проблемам, своего мнения. Дневник Николая II больше сообщает о погоде и встречах с родственниками, чем о политических сюжетах. Он полон второ-

степенных сведений и лишь помогает создать мнение о царе, как о человеке явно “негосударственного масштаба”.

Пытаясь разобраться в побудительных мотивах тех или иных действий Николая II, крупнейший государственный деятель последнего царствования С.Ю.Витте с горечью писал: “Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? и ведь хороший и неглупый человек: но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я”.

Можно ли назвать безволием чувство обреченности, с которым жил последний император и которое влияло на его политические решения самым существенным и в большинстве случаев отрицательным образом? Судить об этом крайне затруднительно. В любом случае это чувство (увы!) императора не подвело. Последние месяцы его жизни после отречения от престола (02.03.1917) были окрашены в самые мрачные цвета. Он воочию увидел обратную сторону “народной любви”, в которой он никогда не сомневался. С его смертью в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в доме купца Ипатьева в Екатеринбурге ушла навсегда даже возможность воссоздания того уникального здания, которое звалось Российской империей. Он был сыном прошлого и не мог жить в настоящем. Оскорбительные и неправильные клички, под которыми его часто пытались представить историки, завершили дело, создав образ “ограниченного и невежественного”, “жестокоего и лицемерного”, “безвольного и упрямого” царя.

Однако крайности подобных суждений уже заранее закрывают возможность изучения этого “северного сфинкса”, который остался непонятым и при жизни и после смерти.

“Он был рожден на ступеньках трона, но не для трона”, — сказал о Николае В.В.Шульгин, а бывший царский министр С.Д.Сазонов заметил, что государи, подобные Николаю II, “бывают обыкновенно искупительными жертвами собственной слабости и грехов своего века и история не выносит им сурового приговора”.

Вал.В.Мавродин

Система чешского оружейника Сильвестра Крнка на вооружении в русской армии

Преимущества казнозарядного стрелкового оружия над заряжающимся с дула стали особенно очевидны после прусско-датской (1864) и австро-прусской (1866) войн, когда прусская игольчатая винтовка Иогана Дрейзе с унитарным бумажным патроном нанесла огромный урон датским и австрийским войскам. Еще более эффективным оказалось оружие под унитарный металлический патрон, широко распространившееся в годы гражданской войны в США (1861—1865). В России Оружейная комиссия, занимавшаяся перевооружением армии и флота, также признала преимущества металлического патрона, но выбор надо было остановить на каком-либо одном из существующих типов (кругового воспламенения, шпилечный, центрального воспламенения). Тем не менее многие военные деятели высказывались в пользу бумажного патрона, аргументируя это возможностью изготовления бумажных патронов в войсках и дешевизной этих патронов, тогда как металлический патрон требовал крупного машинного производства. Создание такого производства в России требовало больших средств, но преимущества металлического патрона были весьма очевидны и Оружейная комиссия остановила на нем свой выбор. Патрон был сконструирован Ракус-Сушевским и Патневичем, Горловым и Гуннусом. Теперь надо было выбирать систему и при этом сразу две. Одну калибром 4,2 линии (10,67 мм), а вторую для переделки огромного запаса 6-ти линейных (15,24 мм) дульнозарядных винтовок об-

разца 1856 г., которыми располагала русская армия. В период выбора новых винтовок Оружейная комиссия испытала около 70 иностранных и русских систем. Выбор пал на винтовку лейтенанта русского флота Н.М.Баранова, в основе которой лежит система Альбини и чешского оружейника из Волина Сильвестра Крнка, барона Гогенбрюка. Винтовка Баранова была принята на вооружение в русском флоте и некоторых гвардейских частях, а винтовка Крнка предназначалась для вооружения армии. В основу своей винтовки С.Крнка положил систему Корниша. Конструктор предложил свое оружие Австро-Венгрии, Франции, однако его винтовки не нашли поддержки в этих странах. Длительные и всесторонние испытания винтовок Н.М.Баранова-С.Крнка показали примерно равные практические достоинства, но переделка старых дульнозарядных винтовок по системе чешского оружейника обходилась гораздо дешевле, что являлось одним из основных требований, предъявляемых к новому оружию. Более дорогая винтовка Баранова могла быть принята во флоте, ввиду малочисленности находящегося там стрелкового оружия.

Сейчас казнозарядное ручное огнестрельное оружие и унитарный металлический патрон кажутся само собой разумеющимися, но более чем столетие назад русским оружейникам и наиболее прогрессивно настроенным военным деятелям пришлось провести огромную работу и борьбу за введение в русской армии и

флоте первых винтовок под металлический патрон С.Крнка и Н.М.Баранова. Проследим эти события подробнее. Не только сама идея унитарного, металлического и неметаллического патрона, но и сам патрон появился почти за полстолетия до того, как европейские армии стали лихорадочно вводить его на вооружение. Гениальное изобретение казнозарядного оружия под унитарный патрон Йогана Самуэля Паули относится к первым годам XIX в., к эпохе полного господства кремниевых ружей и пистолетов¹. Его оружие было известно и в России, однако повсеместно некоторые недоработки пистолетов и ружьев Паули были приняты как несовершенство системы, а о самом принципе было забыто почти на полвека.

Принцип казнозарядного оружия под металлический унитарный патрон как бы вновь изобретается в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. Занимаются разработкой данного вопроса и в России. Уже в 1864 г. Оружейная комиссия указывает все очевидные преимущества металлического патрона, и в этом же году на Охтенском заводе в капсюльном его отделении начали изготавливать металлические патроны для опытов. Ими успешно руководили полковник Ракус—Сушевский и поручик Патцевич². В 60-е гг. на рассмотрении Оружейной комиссии предлагались унитарные патроны Терентьева, Пикачева, Вишневого, Лазарева и других, однако все они не соответствовали требованиям, которые предъявляются к боеприпасам армейских систем оружия. Испытания показали, что, например, патроны кругового воспламенения дают частые осечки, отрыв шляпки от гильзы, кроме того, по своей структуре, они предназначены для сравнительно слабого заряда, а это обстоятельство делало их применимыми скорее к гражданскому, а не к военному оружию. Патроны центрального воспламенения показали себя значительно лучше, но неудачная конструкция наковален также приводила к осечкам. Ракус—Сушевский и Патцевич принялись за изготовление нового образца. В 1866 г. они сконструировали цельнометаллический патрон центрального воспламенения. Их патроны блестяще выдержали испытания 500-ми выстрелами, не дав ни одной осечки и разрыва гильзы³. В это время вернулся из поездки в США выдающийся русский оружейник А.П.Горлов, который привез с собой патроны, винтовки и станки для их производства, но ка-

либр этих патронов был уже гораздо меньший — 4,2 лин.

Русская армия нуждалась в современных казнозарядных винтовках с металлическим патроном, но именно о патронах высказывались самые противоречивые мнения. Суть их сводилась к тому, что значительную трудность представляет промышленное производство патронов, а потребность армии исчислялась в 100—125 миллионах ежегодно. Производство патронов в это время, не считая частных мастерских, только налаживалось для опытов в патронной мастерской Охтенского завода в Петербурге⁴. В связи с этим многие скептики предлагали ввести на вооружение переделочную винтовку с бумажным патроном игольчатого типа⁵. Это было сделано, но решить проблемы такая винтовка уже не могла.

Необходимо было надежное оружие с металлическим патроном.

В 1868 г. на вооружение русской армии была принята винтовка конструкции А.П.Горлова и К.И.Гиниуса калибра 4,2 лин. под металлический патрон центрального воспламенения, в основу которого была положена гильза Ракус—Сушевского и Патцевича. Однако выше говорилось о том, что все усилия конструкторов были направлены на создание патрона и винтовки калибром 6 линий. Действительно, несмотря на все преимущества уменьшенного калибра, а также наличие сконструированной и запущенной в производство винтовки калибром 4,2 лин., вновь намечается тенденция в сторону 6 лин. калибра и объясняется это одной, но в условиях России очень действенной причиной. Дело в том, что русская армия только что закончила перевооружение капсюльными нарезными винтовками образца 1856 г. калибром 6 лин., кроме того значительное количество этих винтовок находилось в арсеналах и складах, и русское правительство не могло, имея огромную армию, колоссальный запас старых винтовок и скудную казну, игнорировать эти обстоятельства. Для массового введения на вооружение новейших винтовок Горлова и Гиниуса уменьшенного калибра нужно было время, налаживание огромного производства, большие средства, но и оставлять армию без винтовки с металлическим патроном тоже нельзя. Поэтому нужна была система, которая послужила бы для переделки старых винтовок с сохранением их калибра, являлась своего рода трамплином к массовому производству вин-

товок Горлова и Гуниуса. Выбор пал на винтовку Сильвестра Крнка, по которой предполагалось переделывать старые дульнозарядные шестилинейные винтовки. Переделка началась в 1869 г., т.е. через год после принятия винтовки Горлова и Гуниуса и пробного ее производства. Шестилинейный металлический патрон к переделочным винтовкам системы Крнка сконструировал Т.Ф.Ган. Забегая вперед, необходимо отметить следующее. Винтовке конструкции Сильвестра Крнка отводилась промежуточная роль, однако прошло десять лет, а в русской армии еще прочно держалось его оружие. С его винтовкой русские солдаты сражались за свободу болгарского народа в русско-турецкую войну 1877—1878 г., как на Балканском, так и на Кавказском фронте, поэтому без преувеличения можно сказать, что его оружие действовало в справедливой войне. Интересен факт, что винтовка, которой отводилась роль промежуточного звена, своего рода спасательного круга, существовала в армии и в то время, когда на смену системе Горлова и Гуниуса (Бердана I) уже пора было прийти более современной — Бердана II со скользящим затвором. Нелегко было России с ее отсталой промышленностью чутко реагировать на указы Военного министерства о принятии то одного, то другого образца на вооружение. «Ружейная драма» — весьма удачная характеристика этого времени, которую дал военный министр Д.А.Милютин.

20 апреля 1867 г. полковник лейб-гвардии уланского полка Т.Ф.Ган сообщил из Бухареста о винтовке системы австрийского мастера Крнка, которую предложил ему изобретатель. Эту винтовку и второй ее экземпляр он привез из Вены в 1867 г.⁶ В этом же году винтовка была представлена Оружейной комиссии и оказалась старым австрийским карабином, переделанным в казнозарядный под патрон круглого воспламенения. Оружейная комиссия отметила, что в основу винтовки Крнка была положена система Корниша, которую она рассматривала 7 августа 1867 г., однако оружие Крнка оказалось более удобным и простым как для переделки, так и в обращении⁷. Через некоторое время в Россию приехал сам изобретатель, австрийский подданный барон Гогенбрюк Сильвестр Крнка. Он привез и свои винтовки, которые были аналогичны винтовке, доставленной Т.Ф.Ганом из Вены⁸. Так в России в октябре 1867 г. впервые появилось оружие с подписью «Крнк»⁹. Оружейная комиссия отметила, что

переделка старых винтовок образца 1856—1860 гг. по системе Крнка будет стоить довольно дешево. Уже в июне 1867 г. карабин, привезенный Т.Ф.Ганом, испытывался на Волковом поле и признан был очень удачной системой, но от дальнейших испытаний неожиданного отказались, т.к. она была сконструирована под металлический патрон, производство которых находилось в России еще в стадии разработки и направлено было на изготовление 4-х линейных патронов к винтовке Горлова и Гуниуса. К переделочной системе предлагалось применить патроны бумажные. Именно об этом писал военный министр Д.А.Милютин Великому Князю Николаю Николаевичу¹⁰.

В июне 1867 г. русский военный агент во Франции полковник Витгенштейн сообщил, что в Венской стрелковой школе на полигоне испытывалась винтовка барона Гогенбрюка, обратившая на себя внимание простотой и дешевой переделкой из дульнозарядных винтовок. Чертежи, присланные Витгенштейном, подтвердили, что это та самая винтовка, которую привез полковник Т.Ф.Ган. В конце сентября — начале октября 1867 г., во время визита Сильвестра Крнка в Россию, Оружейная комиссия вновь убедилась в идентичности его винтовки с оружием, привезенным Т.Ф.Ганом и чертежами, присланными Витгенштейном из Парижа, но никакого решения не приняла. Тогда 23 января 1869 г. Т.Ф.Ган подал военному министру Д.А.Милютину записку о системе Крнка, в которой рекомендовал ее как простую и удобную для переделки старых дульнозарядных винтовок¹¹. Учитывая сомнения, внушаемые металлическим патроном винтовки, Т.Ф.Ган в этой же записке предлагал принять изобретенный им патрон. Этот патрон был прост по устройству и мог изготавливаться в самих войсках, снабженных специальными машинами для их производства стоимостью 150 рублей каждая. Именно этот аргумент произвел впечатление на Оружейную комиссию. колебания Оружейной комиссии в вопросе о металлическом патроне вполне понятны, т.к. она должна была исходить из реального состояния русской промышленности вообще, а в частности, из положения патронного производства. Отдавая ей должное, необходимо еще раз напомнить, что к выводу о преимуществе металлического патрона она пришла еще в 1864 г.

После рапорта Т.Ф.Гана комиссия всерьез заинтересовалась винтовкой Сильвестра

Крнка. Сразу же Главное Артиллерийское управление отдало приказ инспектору оружейных заводов генералу Нотбеку приступить к испытаниям винтовок С.Крнка. Переделка винтовок по системе С.Крнка стоила 6 рублей, а по системе Н.М.Баранова 7 рублей 50 копеек. Цена новых, а не переделочных винтовок С.Крнка на Сестрорецком оружейном заводе равнялась 20 р. 03 к., на Тульском — 19 р. 93 к. и на Ижевском — 20 р.¹² В Главном Артиллерийском управлении считали, что к 1 марта 1870 г. армия и флот должны получить не менее 450—500 тыс. винтовок С.Крнка и около 250 тыс. винтовок Н.М.Баранова. Технические и финансовые соображения восторжествовали, Оружейная комиссия отдала предпочтение винтовке С.Крнка, не отвергая и винтовку Н.М.Баранова, хотя за нее горой стоял наследник престола, будущий император Александр III. Комиссия потребовала, чтобы патрон к винтовке С.Крнка и винтовке Н.М.Баранова был один и тот же. Добиться полной унификации патрона к обеим винтовкам оказалось не так просто. Оба конструктора были противниками свернутых составных гильз, так как хотя они и требуют меньше металла, но изготавливать их сложнее и к тому же они менее надежны. Дело в том, что военное начальство требовало возможности изготовления патронов для 6-ти линейных винтовок в войсках, где имелись только ручные станки. Цельно тянутые гильзы таким способом изготавливать невозможно и поэтому Оружейная комиссия остановилась на составном патроне. В изобретенный Т.Ф.Ганом составной металлический патрон С.Крнка внес некоторые изменения, после чего он получил название патрон Гана—Крнка, но производство цельнотянутых патронов, имеющих огромные преимущества, вскоре было налажено и они быстро вытеснили составные¹³.

Для винтовки Н.М.Баранова приняли патрон с гильзой из красной меди, а для винтовки С.Крнка с гильзой из латуни. Наружные размеры эти гильзы имели разные и оружие приходилось приспособливать¹⁴. Сильвестр Крнка и Н.М.Баранов были вызваны в Петербург 7 марта 1869 г. для участия в генеральных испытаниях своих винтовок. Испытания велись на Волковом поле, в учебном батальоне в Ораниенбауме и на стрельбище Оружейной комиссии. Из каждой винтовки было сделано 2000 выстрелов, после которых винтовки были в удовлетворительном состоянии. Практиче-

ская скорострельность винтовок была примерно равной и составляла около 9 выстрелов в минуту. Винтовка Сильвестра Крнка испытывалась вместе с винтовками Альбини, Герсена, Баранова и показала лучшую кучность боя¹⁵. Ввиду этого производство винтовок Баранова было приостановлено, а уже изготовленные 9872 шт. были направлены на флот. Сам военный министр Д.А.Милютин внимательно следил за ходом испытаний и отдавал предпочтение винтовке Крнка. Некоторые опасения вызывала бронзовая коробка этой винтовки, поэтому были произведены испытания на усиленное давление. При нормальном заряде стреляли сразу тремя пулями, после чего никаких повреждений в коробке обнаружено не было¹⁶. Н.М.Баранов энергично запротестовал решение приспособливать его винтовки под патрон С.Крнка, мотивируя тем, что рассверливание патронника приведет к ослаблению казенной части. Кроме того он указывал на разные типы пуль для его винтовки и винтовки С.Крнка, так как первая была с пульей Вельтищева, а вторая с пульей Минье и патрон ее стоил 1,5 раза дороже. В качестве еще одного аргумента он привел факт существования в армии пяти различных типов патронов; все патроны, за исключением четырехлинейного, были временными¹⁷.

Генеральные испытания выявили одно существенное преимущество винтовок С.Крнка. Затвор винтовки Н.М.Баранова открывался вперед, что затрудняло стрельбу вверх, так как затвор приходилось во время заряжения придерживать пальцами, чтобы под действием своей тяжести не закрывался патронник, а затвор винтовки С.Крнка открывался вверх и влево. Опытная комиссия в общем признала обе винтовки равноценными и было принято решение изготавливать переделочные по той и по другой системе, тем более, что такая работа уже началась (по системе Баранова) на Путиловском заводе. Это давало возможность выиграть время — перевооружаться надо было как можно скорее. Оружейная комиссия по-прежнему энергично настаивала на едином патроне и в создавшейся тогда обстановке это было справедливо. 18 марта 1869 г. Александр II утвердил систему С.Крнка для переделки дульнозарядных винтовок. В качестве вознаграждения за свое изобретение Сильвестр Крнка получил 25 тыс. рублей, а Николай Михайлович Баранов — 10 тыс. рублей¹⁸. В винтовку С.Крнка внесли затем некоторые улучшения,

а в частности, в экстрактор, сделав его с прямым скосом на головке¹⁹.

Переделочная пехотная винтовка системы С.Крнка характеризовалась следующими данными: калибр — 15,24 мм, 4 нареза, длина ствола 902,9 мм, длина винтовки без штыка — 134 см, вес без штыка — 4,5 кг, начальная скорость пули — 305 м/сек. Прицел остался тот же, что и на винтовках образца 1856—1860 гг., т.е. на пехотной до 600 шагов (ок. 427 м) и на стрелковой до 1200 шагов (ок. 854 м). Опять сказалось традиционное мнение о вредности стрельбы нижних чинов пехоты на дальнее расстояние. 8 августа 1870 г. был утвержден и драгунский вариант винтовки Крнка, переделанный из капсюльной казнозарядной винтовки системы Терри-Норшала.

В советской литературе высказывались различные точки зрения о достоинствах систем С.Крнка и Н.М.Баранова.

Большой знаток истории огнестрельного оружия и занимавшийся сам конструированием оружия В.Е.Маркевич отмечает, что система Н.М.Баранова была совершенней, чем сходные с ней, но уступала винтовке С.Крнка²⁰. Другой выдающийся конструктор и историк оружия В.Г.Федоров считает, что винтовка Н.М.Баранова отличалась от своих предшественников — систем Альбини, но уступала винтовке Сильвестра Крнка, хотя преимущества последней были незначительны²¹. П.А.Зайончковский подчеркнул, что система Н.М.Баранова имела некоторые недостатки и принятию ее на вооружение во флоте и лейб-гвардии Семеновском полку немало способствовал наследник Александр Александрович, который “решил идти на пролом и не останавливаться

ни перед кем”, считая всех оружейников, от которых зависело перевооружение армии “поклонниками и подлизами”. Иной точки зрения придерживается А.В.Федоров. Он одобрительно относился к настойчивости цесаревича, а неприязненное отношение Д.А.Милютин к Баранову и Путилову, на заводе которого изготавливались винтовки Баранова, считал необоснованными. А.В.Федоров полагал, что Д.А.Милютин играл весьма неприглядную роль, стараясь во всем вредить Н.М.Баранову, но оставаясь в тени, и выбор для вооружения армии винтовки Сильвестра Крнка объяснен тем, что конструктор являлся иностранцем²². Мнение Л.Г.Бескровного о том, что винтовка Крнка хуже винтовки Баранова является и вовсе необоснованным²³.

Выше названным авторам, которые критически относились к винтовке С.Крнка, следовало внимательнее относиться к первоисточникам, где вполне компетентная комиссия испытывавшая обе системы, приводит убедительные доводы за и против каждой из них и обосновывает решение о принятии винтовки Крнка на вооружение. Нет никаких данных и о том, что цесаревич и его окружение являлись знатоками стрелкового оружия, тогда как авторитет военного министра Д.А.Милютин и его эрудиция в области оружейного дела совершенно очевидны. Это понимал Александр II, который сделал своему “энергичному” сыну “вроде выговора” и потребовал, чтобы тот “не вмешивался в оружейное дело”, так как этим он “мешает успешно действовать”²⁴.

Винтовка Сильвестра Крнка по праву заняла свое место в вооружении русской армии.

Примечания

¹ Encyclopedia of Firearms. Edited by Harold L.Peterson. New-York, 1964. P.225.

² Оружейный сборник. 1867. № 4. С.13—15; 1870. № 1. С.23.

³ Оружейный сборник. 1867. — 4. С.13—15; Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (АВИМАИВС). Ф.ГАУ. Оружейной комиссии. Д.399. П.1,10. Д.50. Л.12.

⁴ Оружейный сборник. 1869. № 1. С.77—78; Шкидревич В. Санкт-Петербургская мастерская металлических патронов // Русский инвалид. 1869. № 23.

⁵ Там же. С.60—61, 74—77.

⁶ Оружейный сборник. 1867. № 4. С.33; 1868. № 2. С.18.

⁷ АВИМАИВС. Ф.4. Артиллерийский комитет. Оп.44/1. Д.7. Лл.5—10; Оп.46. Д.589. Лл.118—129.

⁸ Там же.

- ⁹ Центральный Государственный архив Военно-морского флота. Ф.410. Артиллерийское отделение. Оп.2. Д.5865. Лл.58—59, 75—76, 104—107.
- ¹⁰ АВИМАИВС. Ф.ГАУ. Распорядительная комиссия. Д.55. Лл.44—45.
- ¹¹ Там же. Ф.ГАУ. Комиссия по перевооружению армии. Д.6. Л.1.
- ¹² Там же. Ф.ГАУ. Исполнительная комиссия по перевооружению армии. Д.7. Л.9.
- ¹³ Потоцкий Н., Шкляревский В. Курс обучения для пехотных кавалерийских и казачьих юнкерских училищ. Вып.3. СПб., 1873. С.383—384; Федоров В.Г. Эволюция стрелкового оружия. Ч.1. М., 1838. С.101—102. Фиг. 90, 114.
- ¹⁴ ЦНАВМФ. Морской технический комбинат. Артиллерийское отделение. Оп.2. Д.108. Лл.19—19об.
- ¹⁵ Маркевич В.Е. Ручное огнестрельное оружие. Т.1. Л., 1937. С.329.
- ¹⁶ Там же. С.330.
- ¹⁷ ЦГАВМФ СССР. Ф.410. Канцелярия Морского министерства. Артиллерийское отделение. Оп.2. Д.5971. Ч.1. Лл.186, 191—191об.
- ¹⁸ АВИМАИВС. Ф.ГАУ. Распорядительная комиссия по перевооружению армии. Д.11. Л.157.
- ¹⁹ Оружейный сборник. 1870. № 1. С.46—49; Объяснение начал, на которых устроена экстракция в системе Крнка, причин, имеющих на нее вредное влияние и средств к их устранению. Оружейный сборник. 1870. № 3. С.51—60.
- ²⁰ Маркевич В.Е. Указ. соч. С.327—331.
- ²¹ Федоров В.Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1914. С.202—312; Эволюция стрелкового оружия. Ч.1. М., 1938. С.98—101.
- ²² Федоров А.В. Русская армия в 50—70 гг. XIX в. Л., 1959. С.152—157.
- ²³ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С.303.
- ²⁴ Зайончковский П.А. Перевооружение русской армии в 60—70-х годах XIX века. Исторические записки. Вып.36. М., 1957. С.96.

Карабин Мосина образца 1907 г.

В отечественной и зарубежной историографии оружия утвердился термин “карабин Мосина обр. 1907 г.” Он всегда представлялся несколько загадочным, если принять во внимание, что С.И.Мосин скончался в 1902 г. Объяснение, что карабин был сконструирован раньше, а название дано по году принятия на вооружение, также оставляет ощущение неполноты, т.к. не дает ответа на вопрос, когда собственно был создан этот образец.

Уже сказанное показывает, что вопрос о карабине обр. 1907 г. не совсем разработан и история принятия его на вооружение не до конца ясна. Какова же она?

Как известно, винтовка Мосина образца 1891 г. была принята на вооружение в трех модификациях: пехотная, драгунская и казачья, отличавшихся друг от друга длиной, наличием или отсутствием ствольной накладки и конструкцией ложевых колец. Карабин на вооружение не принимался, т.к. считалось, что эти модификации полностью обеспечивают все потребности армии. Дело в том, что к концу XIX в. кавалерия, на вооружении которой карабин в основном и находился, довольно резко меняет свою роль на поле боя. Она утрачивает функцию главного ударного средства, все более превращается в ездящую пехоту. В этих условиях основным видом боя для нее становится огневой, а использование холодного оружия (шашка, сабля, палаш) — вспомогательным. Поэтому и принимается решение вооружить ее в качестве огнестрельного оружия не карабином, а винтовкой, обладающей значительно лучшими баллистическими характеристиками.

Но к началу XX в. положение меняется. Увеличение номенклатуры различных специальных частей в армии (связистов, саперов, авиаторов, расчетов тяжелой артиллерии, пулеметных команд и т.п.), военнослужащие которых не вели огневой бой с противником, при-

водит к необходимости возвращения к карабину, т.к. в силу специфики боевых задач бойцов этих подразделений и пехотная, и драгунская винтовки были для них слишком тяжелы. Естественно, что карабин для специальных частей не должен был радикально отличаться от штатной винтовки по патрону и конструкции. Таким оружием и стал “трехлинейный карабин образца 1907 г.”, названный так по аналогии с винтовкой и году принятия на вооружение. Но спроектирован он был значительно раньше, еще в годы развертывания массового производства винтовок. Произошло это в 1894 г. Автором конструкции был Николай Иванович Юрлов (1862—1920), видный военный администратор, близкий сотрудник С.И.Мосина, автор ряда наставлений и описаний по содержанию и использованию трехлинейной винтовки, а также автор ряда трудов по истории создания этой винтовки¹.

Работая в Комиссии для выработки образца малокалиберного ружья, в 1894 г. капитан Н.И.Юрлов представил в Исполнительную комиссию по перевооружению армии свою систему. Комиссия распорядилась переделать на Сестрорецком оружейном заводе 11 драгунских винтовок в карабины по системе Юрлова. Они предназначались для испытания баллистических свойств данной конструкции². Конструктивно карабин Юрлова отличался от образца, взятого за основу (драгунской винтовки) тем, что ствол укорачивался и обтачивался по всей длине, ставился новый прицел и мушка, ложа укорачивалась, тоньше делались приклад и цевье, жолоб доводился до новых габаритов ствола. Новыми были уступы для ложевых колец и наконечника, стальная накладка также изготовлялась новой, затыльник окопировывался, а шомпол укорачивался. Весил карабин 7 фунтов 85 золотников (3 кг 227 г)³.

Заказ на изготовление 11 карабинов был выполнен, и 25 сентября 1895 г. 11 “трехлиней-

ных драгунских винтовок укороченного типа (казацких карабинов)» были получены в Ораниенбауме делопроизводителем Комиссии для выработки образца малокалиберного ружья капитаном Филатовым⁴.

Этот образец и был принят на вооружение в 1907 г. Производство их было развернуто на Ижевском оружейном заводе. На Тульском заводе их первоначально не делали, а на Сестрорецком лишь переделали 1569 казацких и драгунских винтовок в карабин для вооружения нижних чинов Отдельного корпуса жандармов. Причем, эти карабины конструктивно отличались от образца Юрлова. Для удешевления переделки на заводе отказались от обтачивания ствола, изменения ложи и замены прицела,

просто опилив его площадки по результатам пристрелки до дистанции в 2000 шагов. Этот карабин был на 300 грамм тяжелее конструкции Юрлова.

Карабин Н.И.Юрлова оставался на вооружении до модернизации в 1938 г., когда конструкция его была изменена в целях большей взаимозаменяемости со штатной винтовкой образца 1891/30 гг. По сути, это была конструкция Сестрорецкого завода 1907 г. Ствол лишь укорачивался, его диаметры и размеры ложи и ствольной накладки оставались прежними, прицел той же конструкции, что и у винтовки. В 1944 г. к нему добавился неотъемный штык. В таком виде он и просуществовал доснятия его с вооружения в 1949 г.

Примечания

¹ Военно-исторический журнал. 1975. № 1. С.199.

² Ленинградский Государственный Исторический Архив Санкт-Петербурга (ЛГИА СПб). Ф.1290. Оп.1. Д.2715. Л.6.

³ ЛГИА СПб. Ф.1290. Оп.1. Д.199. Л.27.

⁴ Там же. Д.3609. Л.19.

Ударные части в русской армии (весна и лето 1917 г.)*

В предыдущем нашем очерке, посвященном попытке создания революционной армии весной 1917 г., мы указывали, что “революционные батальоны волонтеров тыла” были лишь одним из видов новообразований в русской армии, возникших с целью вернуть войскам боеспособность и желание воевать. Другим видом были ударные части, часто также называемые “батальонами смерти”. Правда в первое время не было четкого разграничения между “революционными” и “ударными” батальонами, и современные документы отражают определенную путаницу не только в терминологии, но и фактическом положении вещей. В послефевральской России по инициативе людей с самыми разными целями и убеждениями возникали различные проекты и начинания, без всякой связи и координации, и армия не избежала общей ситуации. Личная инициатива стала в ней проявляться от самого низкого до самого высокого уровня, принимая порой весьма причудливые формы. К разряду последних можно, например, причислить проект верховного комиссара Временного правительства при Ставке В.Б.Станкевича, который предлагал, по свидетельству ген. Деникина, “создание новой стратегии и новой армии путем радикального сокращения ее «до 15—20 корпусов, избранного состава, наполовину состоящих из офицеров, прекрасно снабженных и вооруженных»”.

Ударные части формировались, главным образом, из так называемых “третьих дивизий”, созданных ген. В.И.Гурко в то время, когда он замещал заболевшего ген. М.В.Алексеева на должности начальника штаба Верхов-

ного главнокомандующего (окт. 1916 — февр. 1917)**. Эти части, недавно сформированные и состоящие из большого количества недостаточно обученных солдат и офицеров, стали разлагаться раньше других. Служащие в них патристически настроенные офицеры и низшие чины, потерявшие какое-либо влияние на разбушевавшуюся солдатню, рады были возникшей возможности создавать особые, ударные части, в составе которых они надеялись продолжать борьбу с врагом.

Инициатором ударных фронтовых частей, как официально одобренных и организованных воинских единиц, стал главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген. А.А.Брусилов, поддержанный в своем начинании такими деятелями как подполк. В.К.Мананин и кап. М.А.Муравьев. Поддерживал Брусилова и Комитет Юго-Западного фронта.

“При многих полках, — пишет ген. Деникин, — организовались свои ударные команды, роты, батальоны. Туда уходили все, в ком сохранилась еще совесть, или те, кому просто опостылела безрадостная, опошленная до крайности, полная лени, сквернословия и озорства полковая жизнь. Я видел много раз ударников и всегда — сосредоточенными, угрюмыми. В полках к ним относились сдержанно и даже злобно. А когда пришло время наступления, они пошли на колючую проволоку, под убийст-

* Окончание. (Начало в № 1 «Нового Часового»). Первая публикация материалов Н.Г.Росса состоялась в журнале «Грани» №№ 144, 146.

** Здесь и ниже: все даты по старому стилю.

венный огонь, такие же угрюмые, одинокие, пошли под градом вражьи пули и зачастую... злых насмешек своих "товарищей", потерявших и стыд, и совесть. Потом их стали посылать бесценно изо дня в день и на разведку, и в охранение, и на усмирения — за весь полк, так как все остальные вышли из повиновения" (Деникин. Очерки... Т.1. Вып.2. С.138).

Ударные батальоны были успешно использованы командованием для усмирения нескольких крупных военных мятежей: например, на Румынском фронте они обезвредили бунтующие войска 163-й пехотной дивизии, создавшие, под руководством прапорщика Филиппова, независимую "социалистическую республику" со столицей в г.Калуге. На Юго-Западном фронте они разгромили мятеж VII Сибирского корпуса.

Получив некоторое развитие, ударное движение все же сильно тормозилось рядом неблагоприятных обстоятельств. При условиях углубляющейся разрухи на фронте становилось почти невозможно в законном порядке обеспечить новосозданному "батальону смерти" материальную часть. Приходилось прибегать к мерам, граничащим с партизанщиной. К тому же выделение из армии самых здоровых ее элементов и сосредотачивание их в особые, отгородившиеся от прочих части, само по себе ускоряло процессы общего развала.

Официальные документы позволяют оценить распространение ударных частей в армии. В приложении к приказу Верховного главнокомандующего № 634 от 15 июня 1917 (ниже: док. № 7), перечислены "части смерти", объявившие о себе к этому числу. Среди них 4 корпуса целиком (2 гвардейских и 2 кавалерийских), 5 дивизий, 32 полка, артиллерийские бригады и дивизионы (артиллерийских частей — большинство), 53 батальона, батареи, роты, эскадроны и один военный корабль (крейсер «Адмирал Макаров»). По данным приказа № 759 от 5 августа 1917 г. количество корпусов и дивизий, ставших "ударными", не изменилось, но полков, артиллерийских бригад и дивизионов стало уже 73, батальонов, батарей, рот, эскадронов и пр. — 168, а к крейсеру «Адмирал Макаров» присоединилась канонерская лодка «Храбрый». Хотя рост количества ударных частей продолжался и позже, они до захвата власти большевиками так и не составили значительного процента многомиллионной российской армии.

Наиболее известной и долговечной ударной частью оказался Корниловский ударный полк, после Октябрьского переворота перешедший в белый стан, в котором он провёл всю гражданскую войну, вплоть до эвакуации из Крыма в ноябре 1920 г. (летом 1919 г. полк вернулся в дивизию).

В мае 1917 г. ген. Л.Г.Корнилов был назначен командующим 8-й армией на Юго-Западном фронте. Он вполне сочувственно отнесся к мысли помощника старшего адъютанта Разведывательного отделения штаба 8-й армии капитана ген. штаба М.О.Неженцева о создании ударного отряда, который при ожидающемся наступлении мог бы показать пример армии и увлечь ее за собой. Приказом от 19 мая 1917 г. по 8-й армии ген. Корнилов разрешил формирование «1-го Ударного отряда при 8-й армии». Кап. Неженцев смог вызвать с фронта шесть опытных офицеров-добровольцев, но основной офицерский костяк отряда составили только что окончившие обучение прапорщики. Первой была сформирована пулеметная команда, и когда она обросла полновесными ротами, ген. Корнилов согласился дать отряду свое шефство. К середине июня формирование было закончено: отряд состоял из двух батальонов по тысяче штыков в каждом, трех пулеметных команд (600 человек), команды пеших разведчиков (сформированной из пленных добровольцев — чехов) и сотни донских казаков для конных разведок.

Боевое крещение Корниловский ударный отряд получил 25 июня у деревни Павелече, во время наступления 8-й армии. В бою отряд показал себя превосходно и взял у неприятеля много трофеев. Его стали посылать на особо угрожаемые участки фронта. Но началось отступление русских частей, быстро перешедшее в паническое бегство. Общая обстановка повлияла и на отряд: одна из его рот отказалась выступить в поддержку 47-й дивизии, главным образом по причине того, что корниловцам, как уже бывало, вероятно пришлось бы не только выручать русские части, но и крутыми мерами заставлять их возвращаться в бой.

22 июля Корниловский отряд стал на отдых в г.Проскурове и приступил к развертыванию в полк. К этому времени он усилился двумя более мелкими частями: Пермским батальоном чести пор. Канышевского и Легионом смерти пор. Кондратьева. Назначенный Верховным главнокомандующим 19 июля, ген.

Корнилов подписал 11 августа приказ о переформировании отряда в четырехбатальонный полк (см. ниже док. № 9). Таким образом родился последний полк Российской армии и первый — армии Добровольческой.

За несколько дней до отрешения Временным правительством ген. Корнилова, предпринявшего попытку военной силой водворить в России сильную власть, Корниловский полк получил приказание спешно переброситься на Северный фронт. По пути его эшелоны прибыли в Могилев, где находилась Ставка, и 25 августа ген. Корнилов провел смотр полку. На другой день разразился конфликт между генералом и правительством и полк вынужденно

остался в Могилеве. Но при Ставке тогда находился будущий президент Чехословацкой республики Томаш Масарик, занятый формированием Гуситского корпуса, который должен был состоять из пленных чехов и словаков. Благодаря его посредничеству, опальный полк приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего от 10 сентября 1917 г. был переименован в 1-й Российский ударный полк и прикомандирован к 1-й Чехословацкой стрелковой дивизии, находящейся на Юго-Западном фронте. Приказом от 30 сентября он был переименован в Славянский ударный полк, с сохранением всех своих отличий и эмблем, включая надпись «Корниловцы»...

Главные использованные источники

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963.

Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т.2. Париж, 1939.

Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Часть 1. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Рига, 1937.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т.1. Крушение власти и армии (Февраль—Сентябрь 1917). Париж, 1922.

Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. М.Н.Левитов. Париж, 1974.

Ниже приведенные документы №№ 1 и 2 публикуются по изданию: Разложение армии в 1917 г. / Подг. к печати Н.Е.Какурин. М.;Л., 1925. Они обозначены под №№ 45 и 51.

Документы №№ 3—9, хранящиеся в Центральном Государственном военно-историческом Архиве в Москве, публикуются впервые (поскольку нам известно).

№ 1

Телеграмма ген. Деникина¹ военному министру и его помощнику Секретно, срочно

Военмин² в бытность Каменце изъявил согласие генералу Брусилову³ принять меры формирования на юзфронте ударных батальонов из охотников ее. Главковерх просит сделать распоряжение о допущении делегации Черноморского флота во главе с юнкером Баткиным⁴ посетить все запасные полки петроградского гарнизона и ближайших окрестностей, а затем московского гарнизона и после горячего призыва вызвать желающих поступить в эти батальоны⁵. Охотники должны быть выделены по возможности скорее, сведены в батальоны и отправлены в распоряжение генерала Брусилова эшелонами в возможно скором времени. Делегация отправляется 18 или 19 мая в Петроград. Желательно приступить к действию до возвращения военмина, ибо каждый день дорог.

18/V 1917 г., № 3743.

Деникин

№ 2

**Телеграмма начальнику штаба Ю.-З. фронта.
Копия наштаверху**

Оперативная. Комкор 2 гвардейского донес, что на призыв верховного главнокомандующего по созданию ударных частей положен добрый почин; вчера 3 гвардейский стрелковый полк дал комкору слово, что он с гордостью оденет красно-черный шеврон⁶. Комкор сам считает счастьем одеть такой шеврон, когда все части славного 2-го гвардейского корпуса пойдут на призыв своего верховного вождя, в чем комкор глубоко уверен.

28/V 1917 г., № 7649, г.Кременец.

Федотов

№ 3

Приказ Верховного Главнокомандующего

27 июня 1917 г.

№ 547

Ввиду недоразумений, возникающих на почве смешения ударных частей (рот и батальонов смерти), формируемых в действующих войсковых частях и революционных батальонах, формируемых из волонтеров тыла и тоже иногда именуемых батальонами смерти, приказываю к руководству следующее:

1) Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка.

В пехотном полку формируется от одной ударной роты до батальона, за исключением случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью.

Ударные части остаются в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения своего долга для остальной части полка и идти на штурм в голове своего полка.

В особых случаях боевой обстановки ударные роты могут временно сводиться в особые батальоны при своих дивизиях, причем от каждого полка может быть назначено не больше одной роты.

Люди этих рот по-прежнему остаются в составе своих полков.

Снабжение ударных рот всем необходимым имуществом производится за счет и из средств данного полка и без особых отпусков от казны.

В случаях расформирования по какому-либо поводу ударных рот люди их возвращаются обязательно в те же роты полка, из которых они были выделены.

Отличительной формой для личного состава частей смерти устанавливается КРАСНО-ЧЕРНЫЙ шеврон на правом рукаве и, вместо существующей кокарды на фуражке, АДАМОВА ГОЛОВА со скрещенными костями⁷.

В тех случаях, когда весь полк записывается в "полк смерти", — все части полка нашивают шеврон и надевают вновь установленный знак на фуражке.

2) Революционные же батальоны формируются согласно моего приказа от 13 июня 1917 г. за № 439⁸ из волонтеров, юнкеров, солдат запасных полков и прочих тыловых частей Центра России и фронтов, и формирование этих частей отнюдь нельзя смешивать с ударными частями, формируемыми в составе частей действующей армии.

Подписал: Генерал от кавалерии

Брусилов

№ 4

Приказ Верховного Главнокомандующего

8 июля 1917 г.

№ 578

В изменение приказа Верховного Главнокомандующего сего года № 547⁹ в части, касающейся формы одежды, установленной для личного состава частей смерти (ударным частям, формируемым в действующей армии), присвоить таковым форму согласно прилагаемому чертежу¹⁰ на все время войны:

1) Вместо ранее установленной на фуражке адамовой головы со скрещенными костями — адмову голову, увенчанную лавровым венком, со скрещенными мечами.

2) На правом рукаве красно-черный шеврон, нашиваемый углом книзу вершиной у сгиба локтя.

Форма одежды революционных батальонов, формируемых из волонтеров тыла и также именуемых батальонами смерти, остается указанная в приказе Верховного Главнокомандующего от 13 мая сего года за № 439 (§ 8)¹¹, т.е. “обмундирование общеармейское, с черным трафаретом на погонах защитного цвета, в виде черепа и двух скрещенных костей”.

Подписал: Генерал от кавалерии

Брусилов

№ 5

Приказ Верховного Главнокомандующего

12 июля 1917 г.

№ 611

При образованиях в войсковых соединениях “частей смерти” приказываю руководствоваться следующим:

1. Если в “части смерти” записалось одно или несколько целых административных подразделений какого-либо войскового соединения (например: пятая рота № — полка, третий и четвертый эскадроны № — гусарского полка, вторая батарея № — артиллерийской бригады), то формировать вместо них новые подразделения не следует.

Записавшиеся части, получив название «ЧАСТЕЙ СМЕРТИ», сохраняют за собой также и основное свое наименование. Все чины этих частей удовлетворяются всеми видами довольствия, полагающиеся [так!] им и ранее по штатам, за исключением тех случаев, когда записываются в число “частей смерти” целые батальоны, командиры коих удовлетворяются, как командиры “ударных революционных батальонов” (приказ — 439)¹².

2. Если в данном войсковом соединении (полку, артиллерийской бригаде...) не нашлось ни одной, более мелкой, входящей в ее состав единицы (подразделения), пожелавшей целиком записаться в «ЧАСТИ СМЕРТИ», но имеются отдельные люди в разных подразделениях (ротах, эскадронах, батареях...), то из этих людей формируется соответствующее количество (смотря по числу записавшихся людей) новых подразделений, причем:

а) в пехоте все чины вновь сформированных батальонов или рот, являющихся уже сверхштатными, удовлетворяются всеми видами денежного довольствия применительно к “временному штату ударного революционного батальона из волонтеров тыла”, объявленному в приказе моем от 13 июня 1917 г. № 439;

б) в коннице и артиллерии новых (сверхштатных) подразделений (эскадронов, батарей) не формируется, а все чины, записавшиеся в “части смерти”, переводятся в то из подразделений данной части, в котором окажется большинство желающих, с заменой их не пожелавшими примкнуть к своим героям-сотоварищам.

3. Для присвоения войсковой единице (или ее подразделению) названия “части смерти” необходимо, чтобы все части выразили на то свое желание, а не только один комитет ее.

Подписал: Генерал от Кавалерии

Брусилов

№ 6

Приказ Верховного Главнокомандующего

15 июля 1917 г.

№ 634

Меньше месяца тому назад — 18 июня — по почину славной 7-й КОННО-Артиллерийской батареи, Исполнительное бюро по организации Всероссийского Военного Съезда и Союза, с моего утверждения, обратилось к войскам с призывом записываться в «ЧАСТИ СМЕРТИ». Моими приказами №№ 547 и 578¹³ выяснено назначение этих частей и установлены внешние знаки и отличия.

Объявляя при сем список доблестных могучих частей славной революционной Русской армии, записавшихся в «ЧАСТИ СМЕРТИ», своими революциями постановивших принять на себя ответственный, тяжкий, но почетный долг умереть за родину, не зная сомнений и колебаний в борьбе с жестоким врагом, — присваиваю им название «ЧАСТЕЙ СМЕРТИ» и как Верховный Главнокомандующий в их лице вижу и приветствую героизм всего народа Свободной России.

Низко Вам кланяюсь, богатыри Свободной России.

Стойте твердо на страже права, правды, свободы и чести Великой России. Не знайте сомнений! Помните — с Вами помыслом своим и работой весь народ, вся страна.

Славные имена Ваши история занесет на свои скрижали, и, вечным светом осеянные, они с благоговением будут вспоминаться Вашими далекими потомками.

Слава же Вам, герои родные.

Подписал: Генерал от Кавалерии

Брусилов

№ 7

СПИСОК № 1

войсковых соединений и отдельных частей, коим присвоено наименование «ЧАСТЕЙ СМЕРТИ»

А. КОРПУСА

2-й Гвардейский

Гвардейский Кавалерийский со всеми входящими в них частями

6-й Кавалерийский

7-й Кавалерийский

Б. ДИВИЗИИ

4-я Пехотная

35-я Пехотная

155-я Пехотная

6-я Сибирская стрелковая

7-я Кавалерийская

В. ПОЛКИ, АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ БРИГАДЫ И ОТДЕЛЬНЫЕ ДИВИЗИОНЫ

71-й пехотный Белевский полк

200-й пехотный Кроншлотский полк

222-й пехотный Краснинский полк

279-й пехотный Лохвицкий полк

15-й Особый пехотный полк

21-й Сибирский стрелковый полк

23-й Сибирский стрелковый полк
3-й Чешский Яна Жижки стрелковый полк
15-й Гусарский Украинский полк
16-й Гусарский Иркутский полк
17-й Пограничный Томашевский конный полк
3-й Кавказский Пограничный полк
5-я Артиллерийская бригада
18-я Артиллерийская бригада
25-я Артиллерийская бригада
111-я Артиллерийская бригада
4-я Стрелковая Артиллерийская бригада
1-я Туркестанская Стрелковая Артиллерийская бригада
5-й Сибирский Стрелковый Артиллерийский дивизион
5-й Легкий Мортирный Артиллерийский дивизион
6-й Легкий Мортирный Артиллерийский дивизион
20-й Мортирный Артиллерийский дивизион
6-й Сибирский Мортирный Артиллерийский дивизион
2-й Сибирский тяжелый Артиллерийский дивизион
3-й Сибирский тяжелый Артиллерийский дивизион
138-й Отдельный Артиллерийский дивизион
1-й Отдельный полевой тяжелый Артиллерийский дивизион лит. "М"
9-й Броневой Автомобильный дивизион
10-й Броневой Автомобильный дивизион
12-й Броневой Автомобильный дивизион
1-й Конно-Горный Артиллерийский дивизион
10-й Сибирский Горный Артиллерийский дивизион

Г. БАТАЛЬОНЫ, БАТАРЕИ, РОТЫ, ЭСКАДРОНЫ, ОТРЯДЫ И КОМАНДЫ

Штурмовой батальон 28 пехотной дивизии
Штурмовая рота 21 пехотного Муромского полка
1-я, 4-я и 11-я роты 97 пехотного Лифляндского полка
Штурмовая рота 274 пехотного Изюмского полка
Пулеметная команда 274 пехотного Изюмского полка
Штурмовая рота 276 пехотного Купянского полка
2-я, 3-я, 4-я, 10-я, 11-я роты 100 пехотного Островского полка
1-я и 2-я Пулеметные команды 100 пехотного Островского полка
Саперная команда 100 пехотного Островского полка
3-й эскадрон 3 Прибалтийского конного полка
4-й эскадрон 11 уланского Чугуевского полка
Отряд Особого назначения 1-й Кавалерийской дивизии
Отряд Особого назначения 15-й Кавалерийской дивизии
6-я батарея 6-й Артиллерийской бригады
4-я и 6-я батареи 16-й Артиллерийской бригады
1-я батарея 17-й Артиллерийской бригады
1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я батареи 31 Артиллерийской бригады
1-я батарея 110 Артиллерийской бригады
5-я батарея 112 Артиллерийской бригады
6-я батарея 2 Сибирской Стрелковой Артиллерийской бригады

6-я батарея 4 Сибирской Стрелковой Артиллерийской бригады
 1-я батарея 1 Кавказской Гренадерной Артиллерийской бригады
 1-я батарея 137 Отдельного Легкого Артиллерийского дивизиона
 1-я батарея 186 Отдельного Артиллерийского дивизиона
 2-я и 3-я батареи 5 Отдельного Тяжелого Артиллерийского дивизиона
 1-я батарея 2 Отд. полев. тяжелого Артиллерийского дивизиона батарей "Б"
 1-я батарея 2 Мортирного Артиллерийского дивизиона
 1-я батарея 26 Мортирного Артиллерийского дивизиона
 3-я батарея 43 Мортирного Артиллерийского дивизиона
 1-я батарея 18 Отдельного Тяжелого Артиллерийского дивизиона
 8-я Отдельная тяжелая батарея лит. "Г"
 2-я Отдельная бронированная батарея для стрельбы по воздушному флоту
 8-я Отдельная автомобильная батарея для стрельбы по воздушному флоту
 7-я Конно-Артиллерийская батарея
 16-я Конно-Артиллерийская батарея
 23-я Конно-Артиллерийская батарея
 2-й Кавказский Авиационный отряд
 5-й Армейский Воздухоплавательный отряд

Д. ФЛОТ

Крейсер «Адмирал Макаров»

Подписал: Дежурный Генерал
 при Верховном Главнокомандующем,
 Генерал-Майор *Кортацци*

Скрепил: Штаб-офицер для
 делопроизводства и поручений,
 Генерального Штаба,
 подполковник *Грейн*

№ 8

Утверждаю
 Верховный Главнокомандующий
 Генерал от Инфантерии
 КОРНИЛОВ¹⁴
 31.07.1917 г.

Проект

Описание формы корниловского ударного полка

Во изменение формы пехотных полков

1. Форма Г.г. офицеров. Прибор белый.
 - а) Фуражка с белым кантом, вместо кокарды — череп.
 - б) Зимняя черная фуражка с белым кантом, околыш — верхняя половина черная, нижняя — красная.
 - в) Каска — вместо орла — череп.
 - г) Китель с белым кантом.
 - д) Брюки с белым кантом.
 - е) Погоны с серебряным галуном, черной выпушкой и черно-красным просветом: на погоне буква "К" и череп с костями по цвету прибора.

ж) Офицерские петлицы — верхняя половина черная, нижняя красная. Петлица с белым кантом.

2. Форма солдат.

а) Фуражка защитного цвета, вместо кокарды — череп.

б) Каска.

в) Погоны из двух половин — верхняя черная с черепом, нижняя красная с буквой “К”.

г) Петлицы на шинелях по образцу офицерскому.

Эмблема КОРНИЛОВЦЕВ.

Эмблема носится на левом рукаве, на два пальца ниже погона.

Командир Корниловского
ударного полка капитан *Неженцев*¹⁵
Полковой адъютант поручик *кн. Ухтомский*¹⁶

№ 9

Приказ Верховного Главнокомандующего

11 августа 1917 г.

№ 796

Корниловский ударный отряд считаю переформированным в четырех батальонный полк с 1 августа с.г. Впредь до выработки особого штата, содержать Корниловский ударный полк по временному штату, объявленному в приказе Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего 1916 г. № 716 с последовавшими изменениями и дополнениями, а также следующими изменениями:

I. а) учебную команду;

б) команду конных разведчиков;

Исключить

в) команду траншейных орудий.

II. а) вместо пулеметной команды содержать пулеметную роту из 4-х—8-ми пулеметных команд; должность командира пулеметной роты в отношении прав и довольствий (всех видов) приравнять к должности командира строевой роты;

б) вместо команды конных разведчиков при полку содержать отдельную сотню из добровольцев казаков 30 Донского Казачьего полка, по штату № 9, Донской Казачьей Отдельной сотни, книги III Свода Штатов Военно-Сухопутного ведомства, издания 1910 г.

III. В штат штаба добавить:

а) должность помощника начальника хозяйственной части, военного чиновника, присвоив ему права и все виды довольствия, установленные для казначея полка.

§ 2

Распоряжением Штаба Главнокомандующего Армиями Юго-Западного фронта сформировать при 21 Запасной бригаде запасной батальон 4-х ротного состава по штату, утвержденному 16 августа 1915 г.

§ 3

Корниловский ударный полк и запасной батальон его комплектовать исключительно из добровольцев тыла, запасных частей и частей, не входящих в состав корпусов (последних, с согласия их начальников).

Вступивших в полк добровольцев тыла считать принятыми на действительную военную службу.

Подписал: Генерал от Инфантерии
Корнилов

Примечания

¹ *Ген. Антон Иванович Деникин* (1872—1947), сын крепостного крестьянина, дослужившегося до майорского чина, в Мировую войну командовал знаменитой «Железной» стрелковой дивизией, затем — 8-м корпусом. Временное правительство назначило его начальником штаба Верховного Главнокомандующего. В мае 1917 г. он получил Западный фронт, а вскоре — Юго-Западный. За поддержку выступления ген. Корнилова Деникин был заключен вместе с ним в Быховскую тюрьму. После Октябрьского переворота он бежал на Дон, прошел 1-й Кубанский поход Добровольческой армии и возглавил ее в апреле 1918 г., после смерти Корнилова. В 1920 г. Деникин передал командование Вооруженными силами Юга России ген. Врангелю. В эмиграции он написал ценные воспоминания.

² 2 мая 1917 г. А.Ф.Керенский сменил А.И.Гучкова на должности военного министра.

³ *Ген. Алексей Алексеевич Брусилов* (1853—1926) с начала Первой мировой войны командовал VIII армией, с марта 1916 г. — Юго-Западным фронтом, где был совершен в мае—июне 1916 г. известный «Луцкий прорыв» фронта неприятеля. Сумевший снискать популярность у новых правителей России, Брусилов был назначен Верховным Главнокомандующим 22 мая 1917 г., но смещен ген. Корниловым после неудачи наступления на Юго-Западном фронте. В мае 1920 г. Брусилов вступил в Красную армию, опубликовав воззвание к русским офицерам о поддержке советской власти.

⁴ В первом издании Большой Советской Энциклопедии (т.5. М., 1930. Столб.63) о Баткине указано следующее: «*Баткин Федор*, "матрос" с.-р., в дни Февральской революции поступил добровольцем в Черноморский флот. Был избран в комитет Черноморского флота. "Матрос" Баткин деятельно агитировал за наступление на фронте, пользовался покровительством Керенского и находился на службе у ставки, выполняя ее агитационные задания. В январе 1918 г. Баткин был агитатором в Добровольческой армии ген. Корнилова, стремившегося, в подражание большевикам, создать свой "политический отдел". Позже Баткин исчез с политической арены.

⁵ Здесь имеются в виду "революционные батальоны из волонтеров тыла".

⁶ См. док. № 3.

⁷ По церковному преданию череп Адама — прародителя рода человеческого, за свои согрешения изгнанного из рая, — был захоронен на Голгофской горе, у подножья Креста Господня. Кровь из ран Спасителя омыла землю, в которой он покоился, ознаменовав, таким образом, спасение человечества (и самого Адама) от смерти, вошедшей в мир из-за его греха. Поэтому "Адамова голова" не только символ смерти, но и утверждение надежды воскресения.

⁸ См. док. № 8 в нашем очерке в «Гранях» № 144.

⁹ См. док. № 3.

¹⁰ Этот чертеж в настоящем издании опускается.

¹¹ См. док. № 9 в нашем очерке в «Гранях» № 144.

¹² См. док. № 8 в нашем очерке в «Гранях» № 144.

¹³ См. док. №№ 3 и 4.

¹⁴ *Ген. Лавр Георгиевич Корнилов* (1870—1918), сын отставного хорунжего Сибирского казачьего войска, прославился как командир исключительной храбрости, командуя 48 дивизией в Мировой войне. В апреле 1915 г., тяжело раненный, он был взят в плен. В 1916 г. бежал из плена. После Февральской революции Корнилов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа, затем командовал 8-й армией, Юго-Западным фронтом. 19 июля 1917 г. Корнилов был назначен Верховным главнокомандующим, 27 августа — уволен и затем заключен в Быховскую тюрьму. Пробравшись на Дон, Корнилов возглавил Добровольческую армию и был убит 31 марта в бою под Екатеринодаром.

¹⁵ *Капитан Ген. Штаба Митрофан Осипович Неженцев*, создав Корниловский ударный полк, командовал им (в чине полковника) во время 1-го Кубанского похода Добровольческой армии. Он был убит в бою под Екатеринодаром 30 марта 1918 г.

¹⁶ *Поручик князь Николай Павлович Ухтомский* был адъютантом полка и во время 1-го Кубанского похода. В эмиграции он постригся в монахи и был одно время настоятелем храма-памятника на Шипке, на горе Святого Николая в Болгарии.

Я.А.Трушнович

Русские в Югославии и Германии, 1941—1945 гг.

Русская колония накануне войны — Русский Корпус ген.-майора М.Ф.Скородумова — НТСНП и союзная работа — русские эмигранты в оккупированном Белграде — Четники, “ушати” и льотичевцы — офицерская школа Вооруженных Сил КОНР ген.-майора М.А.Меандрова в Мюнзингене — свидетельства о бригаде Б.В.Каминского — конец войны и спасение от насильственной репатриации в СССР.

Трушнович Ярослав Александрович, родился в Эссентуках 16 апреля 1922 г. Отец — словенец, перешедший во время Первой мировой войны к русским и сражавшийся в русских частях Сербской добровольческой дивизии, офицер Ударного ген. Л.Г.Корнилова полка. Мать — из Екатеринослава, медсестра. Жил с родителями в ст. Приморско-Ахтырской, в Кулябе, Пархаре (Таджикистан). Отец скрывался под чужой фамилией — Александр Гостиша, как иностранец, бывший австрийский военнопленный. В феврале 1934 г. как “сын иностранно-подданого” с родителями выехал в Люблян (Словения), где жила семья деда. В 1942 г. закончил Русско-сербскую мужскую гимназию в Белграде. Являлся членом югославского, а затем русского «Сокола». В 1938 г. вступил в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП, позднее НТС). Участвовал в подпольной союзной работе в оккупированном немцами Белграде. Осенью 1944 г. — сначала в группе НТС, готовившейся к переходу в Россию, а затем — в офицерской школе ВС КОНР. Выпущен из школы в мае 1945 г. в чине поручика. После 1945 г. участвовал в работе НТС по спасению советских граждан от насильственных репатриаций. С 1950 г. по 1962 г. — на закрытой союзной работе; встречи с советскими гражданами, работа на радиостанции «Свободная Россия». С 1962 по 1984 г. — в редакции «Посева». Председатель Высшего Суда Совести и Чести НТС. Проживает во Франкфурте-на-Майне (Германия).

К.М.Александров

В Югославии, или правильнее — Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, перед войной было много русских эмигрантов, главным образом, военных, которые эвакуировались из Новороссийска и Крыма в 1920 г. Очень многие из представителей белой военной эмиграции мечтали о “весеннем походе”. Общее настроение было таковым: все ожидали краха Советской власти. Но не в результате восстания или революции русского народа, а в первую очередь в связи с тем, что большевики не могли, якобы, нормально хозяйствовать, не могли управлять экономикой, и Советский Союз должен был постигнуть крах. О революционном развитии событий никто, кроме НТСНП¹, не думал. Военная эмиграция рассчитывала так-

же и на интервенцию какого-либо государства, которое осознает опасность СССР, причем осознает, исходя лишь из своих эгоистических побуждений, инстинкта самосохранения перед распространением советского влияния. Такова была общая атмосфера.

О Советском Союзе, о жизни под Советской властью белая эмиграция знала очень мало, фактически, почти ничего не знала. Князь Енгальчев², очень милый и порядочный человек, у которого я снимал комнату и который хоть и был князем, не чурался никакой работы (в частности, варил “тянучки”, продавал сыр), в 1941 г. считал, что в России до сих пор власть Советов Солдатских, Рабочих и Крестьянских депутатов. Утрированно настроения можно

было выразить фразой: там, “за чертополохом”³, осталась одна Совдепия, а вся Россия выехала за границу. И вот к этой атмосфере четко прибавилось осознание подавляющего большинства военной эмиграции: “Драться”. Генерал Скородумов, основатель и создатель Русского корпуса⁴, запомнился мне следующим. Когда в 1934 г. мы эмигрировали из СССР, то поселились в Белграде и стали знакомиться с местными политическими деятелями, различными русскими организациями, которых было минимум 80, включая Союз рыболовов в 16 человек, который тоже считался политической организацией. И генерал Скородумов⁵, возглавлявший организацию «Ополчение», во время выступления в русском клубе сказал при мне моему отцу, что он подал прошение королю Королевства СХС Александру⁶ о предоставлении ему четырехорудийной полевой батареи и как только такая батарея будет предоставлена, он готов начать боевые действия против Советского Союза. Но генерал Скородумов и очень хорошие, важные дела сделал. Он, например, собрал останки русских воинов, павших на Салоникском фронте в Великую войну 1914—18 гг., и организовал их захоронение на Старом кладбище в Белграде. У меня сохранилось впечатление, что до войны политически Скородумов был связан с немцами, во всяком случае, кто-то его финансировал. Он устраивал очень большие собрания в Русском Доме, организация которых стоила недешево, выступал всегда в черной форме, с портупеей и пересказывал свои статьи... Об НТС он отзывался, как о “беспризорных мальчиках и дефективных девочках”. И так, кстати, к НТСНП относилось большинство, может быть, чуть с усмешкой, снисходительно. Правда, НТСНП сам себя часто вел “по-комсомольски”⁷... Один из наших старших ребят, разговаривая с какой-то графиней, демонстративно чесал себе живот, чтобы показать, что он плюет на все титулы, звания и т.д. И графиня вела себя соответствующим образом, произнося примерно следующее: “Я не люблю чернь... но Вы мне нравитесь”. Сейчас мы часто идеализируем первую эмиграцию, но хочу заметить, что те, кто делал что-то полезное для России, — они работали, занимались делом, а на поверхности плавала часто карикатурная публика.

В Белграде численность русской колонии к 1941 г. составляла минимум 10 000 человек⁸. Сербь, — главным образом, народ крестьян-

ского происхождения, ибо подавляющее большинство сербской знати погибло в борьбе с турками в XVIII—XIX вв., очень хорошо относились к русским. До Великой войны 1914—18 гг. среди сербов было всего лишь около 3000 преподавателей, которые бы могли преподавать в Высших учебных заведениях, после 1918 г. их осталось чуть меньше 1500 человек. Русская эмиграция в Сербии в межвоенный период сыграла колоссальную роль. Университеты, театры, железная дорога — всюду были русские. Если вы в сельской местности могли видеть землемеров, то вы могли подойти к ним и смело заговаривать по-русски, так как хоть один из этой группы, но обязательно был русским. (В землемеры русские шли довольно охотно, и их было большинство, так как профессия эта не пользовалась особой популярностью). Профессуры было много русской, летчики... В частности, летчик-истребитель Байдак⁹, летчик-истребитель Никита Дурново¹⁰, сестра которого погибла как член НТСНП при переходе советской границы в 1938 г.

Войну в Европе, которая началась в сентябре 1939 г., ожидали, к ней морально готовились. Имелись настроения пронемецкие, хотя пакт Молотова-Риббентропа 23 августа 1939 г. сильно их подорвал. Но помощи от немцев в борьбе с большевиками ожидали. Не все, конечно. Были и антинемецкие настроения, которые толкали какую-то часть эмигрантов в советскую сторону, и среди последней имелась советская агентура. Из политических организаций среди русской диаспоры самым большим авторитетом пользовался РОВС¹¹, в одну из групп РОВСа я ходил на гимнастические занятия, пользовавшиеся популярностью у молодежи. Активно действовали скауты НОРС¹² и разведчики НОРП¹³. Я скаутом не был, я по семейной давней традиции был соколом¹⁴, поэтому я знал лишь тех скаутов, в основном это НОРС Пантюхова¹⁵, которыми руководили скаутмастера, состоявшие в НТСНП. Это были Ростислав Полчанинов¹⁶, Слава Пелипец¹⁷, Борис Мартино¹⁸ и др. Тогда старостой всего «Русского Сокола» был полковник Дрейлинг¹⁹, участник русско-японской войны 1904—1905 гг. Он был большим патриотом, с солидной раздвоенной бородой и очень высокого роста. Несмотря на свой возраст, за штык винтовку он поднимал достаточно спокойно. Старостой «Русского Сокола» в Югославии был знаменитый генерал Ткачев²⁰, командовавший авиа-

цией в Русской армии генерал-лейтенанта П.Н.Врангеля²¹, очень седой и необыкновенно красивый.

В «Русском Соколе» существовали разные группы: чисто гимнастическое отделение и военная подготовка в той группе, где я занимался. Мы сдавали экзамен на командира отделения. Руководителем нашей сокольской группы являлся полковник Александр Рудольфович Ган²², во время Великой войны 1914—18 гг. воевавший на Кавказском фронте во главе команды пеших разведчиков и первым вошедший в Эрзерум; вместе с ним работал полковник Матвеев²³. Картографию нам преподавал полковник Генерального штаба, фамилию которого я не помню, бывший также офицером югославской армии. Все эти преподаватели были и офицеры, и учителя — Дай Бог! Впоследствии, в Мюнзингене, в офицерской школе РОА²⁴, мы картографию и топографию знали не хуже, а иногда и лучше советских офицеров, которые чаще всего в Красной Армии оканчивали ускоренный курс, но к стати знания у них были великолепные..., но об этом ниже.

После оккупации немцами Югославии она перестала существовать: Хорватская республика стала самостоятельной, Словения оказалась под итальянской оккупацией и туда было невозможно проехать. Например, когда умерла там находившаяся моя мать, отца не пустили даже на похороны. Далмация тоже оказалась под итальянской оккупацией, какая-то часть страны попала под болгарскую, венгры заняли Новый Сад и неизвестно зачем повесили в витринах магазинов их хозяев, вообще венгерская оккупация была самой жестокой. А немцы были очень разные. Нормальные немцы, в основном военнослужащие Вермахта, вели себя вполне прилично: они или в казармах находились, или иногда спекулировали чем-нибудь, а заложников брало только Гестапо. Хуже немцев были русские, которые сотрудничали с Гестапо, НСДАП и т.д. Или карательные отряды, подразделения, в которых были русские, батальон СС «Варяг»²⁵, или русские сотрудники СД. У нас один гимназист смог вступить в «Варяг» — рекордсмен по метанию диска, чемпион по плаванию. Туда брали только здоровенных.

Уже после начала германо-советской войны немцам понадобились охранные части. Здесь интересно бы выслушать и немецкую точку зрения, ибо с нашей, русской точки зре-

ния, немцы нас обманули. Первоначально немцы обещали Скородумову, что корпус пойдет драться с большевиками в Россию, на Восточный фронт. Генерал Скородумов написал приказ № 1, который оканчивался словами: «Я поведу вас в Россию!»²⁶, — сразу появилось огромное количество добровольцев; народ туда валом повалил. Я тоже хотел, но отец, Александр Рудольфович Трушнович²⁷, бывший офицер Корниловского полка категорически запретил, сказав: «Я тебя к сумасшедшим не пущу», подразумевая не рядовых и офицеров, а Скородумова. Отец считал, что Скородумов находился либо в полной зависимости от определенных немецких кругов, либо принимал желаемое за действительное. В Корпус пошли очень многие. Из моего класса пошел такой Николай Назимов²⁸, татарин, князь. Он был поручиком и погиб. Тех, кто в Корпус не пошел, мобилизовали на различные работы или чинить железную дорогу, подорванную партизанами. И ведь в Югославии существовала еще последняя воинская часть Русской Императорской Армии — казачья часть под русским флагом генерала Зборовского²⁹. Казаки целиком вступили в Корпус. Генерал Зборовский погиб за пулеметом во время боя с партизанами. В первых же боях наши корпусники отличились. Они блестяще себя вели, поразив даже немцев. Во-первых, у них был уже опыт Гражданской войны, во многом партизанской, а во-вторых, они все-таки были русскими офицерами и юнкерами. О первом бое корпусников я знаю следующее: наступал батальон титовских партизан³⁰, а наши сидели в каком-то овраге и обедали. Немецкие офицеры связи, бывшие при каждом батальоне, начали бегать, кричать: «Огонь! Огонь!», а наши спокойно продолжают обедать. Потом спокойно разобрали винтовки и стали ждать. Немцы уже подумали, что это предательство, потому что наши по-прежнему не стреляли. В конце концов корпусники подпустили титовцев на 50—100 метров и двумя-тремя залпами уничтожили весь батальон. Второй бой был в котловине, который вела юнкерская рота. Их поместили в простреленные бараки, потому что только что партизаны уничтожили там немецкую часть. Командовал юнкерами полковник Гордеев-Зарецкий³¹. Когда началась стрельба во время очередного нападения партизан, юнкера закричали «ура», выскочили из барачков и бросились в атаку в гору на 600 метров и разбили этот батальон. Член

НТСНП Рытиков³², участвовавший в этой атаке, рассказал после: “Когда я добежал до вершины, я увидел, что на мне даже патронташа нет, а только те пять патронов, которые были в винтовке”. В той же атаке участвовал такой доктор Шауб³³ — он был первым раненым, пуля попала в легкое. Об этом сражении я знаю со слов участников обеих сторон. Комиссар титовского партизанского батальона позднее стал одним из лучших наших энтэсовских пропагандистов, так получилось. После 1945 г., вместе с Николаем Дурново, комиссар попал в советские лагеря и отбыл там десять лет. После освобождения в 1955 г. этот комиссар приехал в Вену и активно участвовал в акциях по распространению нашей литературы и всякой антисоветчины среди моряков Дунайской флотилии, которые выезжали на Запад. Ну а поскольку он являлся еще и бывшим комиссаром, язык у него подвешен хорошо, и он так обрабатывал моряков, что помполиты-сопроводители никак не могли ему возражать. К сожалению, я забыл его имя. Так он говорил, что когда партизаны стали обстреливать казармы, они полагали, что там немцы. И когда услышали русское “ура”, он сказал командиру: “Ну вот, теперь мы пропали, это русские”.

Корпус дрался всю войну героически. В плен практически никто не сдавался. Почти все корпусники говорили по-сербски и партизаны делали с пленными и ранеными черт знает что. И корпусники честно выполняли свой долг.

Александр Казанцев³⁴ в своей книге «Третья сила»³⁵ пишет, что мы, НТС и власовцы, вообще русские в Югославии, встречались, общались, поддерживали контакты с представителями четников³⁶ генерала Драже Михайловича³⁷. Это ошибка. Нужно точно сказать, четники — это банда. Они люди XIX в. Полковник Драже Михайлович (генералом он стал позже) монархист, уже пожилой, полуслепой человек, летом 1941 г. собрал остатки частей бывших формирований югославской армии и попытался организовать какое-то сопротивление. Югославская армия весной 1941 г. вообще была небоеспособна. Хорваты, точнее Павелич³⁸ и вся эта клика, которая поддерживалась Берлином и Ватиканом, открыли границу немцам. Большинство сдавалось, но кое-кто и не хотел. Я сам видел такую сцену в селе, где мы жили, так как отец в нем работал врачом. В селе жили цыгане, сербы, хорваты, немцы и все жили дружно, правда у хорватов уже была

ячейка “усташей”³⁹. И вот эти “усташи” стояли на мосту и отбирали оружие для своих каких-то целей у отступавших сербов. Вдруг все они от моста разбежались. Навстречу им шел здоровенный босниец, держа винтовку наперевес довольно угрожающе, и они разбежались, а он ушел в сторону горного перевала, погрозив им еще своим оружием. Вот из таких и набирались четники. Четники в XIX в. сыграли большую роль в борьбе против турок. “Чета”, по-сербски, это воинская часть, рота. У них была своя организация, самооборона. С 1941 г. они стали воевать против всех — и против немцев, и против болгар, и против хорватов, и против Тито⁴⁰.

Немцы тоже вели себя странно: то они выдавали оружие четникам, то они давали награду за голову Драже Михайловича. Четники были, скорее всего, сербскими партизанами, с некоторой антикоммунистической направленностью. Этим объясняется их непримиримая вражда с титовцами. Мирное население называло их бандитами, и они с ним соответственно обращались. У четников при каждом батальоне, например, был свой палач и т.д. В общем, с четниками мы дела не имели. Мы имели дело и тесный контакт с организацией «ЗБОР»⁴¹ — югославской организацией, во главе ее стоял Лютич⁴², серб, из традиционной сербской семьи. Лютич — одна из самых светлых личностей, которых я вообще когда-либо знал. Образованный, интеллигентный, необыкновенный человек с потрясающей интуицией, Его организацию не жаловали и в королевской Югославии, потому что он говорил правду, критиковал монарха, правительство и всех. В организации у него состояли сербы, хорваты, словенцы, — в общем, настоящая югославская организация. Они часто заседали в нашем клубе, а мы в их, их песня звучала на тот же мотив, что и «Бьет светлый час...»⁴³ Лютичевцы имели четыре полка. Именно благодаря лютичевцам, этим четырем полкам, титовских партизан в Сербии практически не было, они их не пускали. Когда эсэсовцы из латышской дивизии СС одну нашу группу НТС сильно потрепали, Роман Николаевич Редлих⁴⁴ ушел в горы и какое-то время находился при частях «ЗБОРа». По-моему, только в полках Лютича была утренняя и вечерняя молитва. Титовцы их особенно ненавидели, больше всех. Сам Лютич упал в пропасть, а брата Лютича уже после войны задушили в Мюнхене. Откуда впослед-

ствии был контакт между РОА и Лютичем? Мой отец как раз кроме членства в НТС являлся членом «ЗБОРа» и он очень хорошо был знаком лично с Лютичем. Я присутствовал при их разговорах, когда Лютич рассказывал, как он беседовал с немецким командованием. Он смеется: “Я говорю: Ваша политика в России неправильна, она безумна... Они говорят: ‘Господин Лютич, мы говорим о Сербии’, а я говорю: Говоря о России, я и говорю о Сербии, потому что мы с Россией одно и то же”.

Я не был посвящен в подробности, но точно мне известно, что Лютич весной 1945 г. пригласил армию генерала Власова⁴⁵ к себе, в горные массивы Сербии, как запасной вариант спасения и сохранения РОА. Лютич, как и Власов, стал союзником “поневоле” для немцев. Оружия у лютичевцев не было, снабжения не было, Сербия оккупирована, и никто, кроме Вермахта, Лютичу в борьбе с коммунистами Тито помочь не мог. Если бы в Сербии были бы китайцы, Лютич наладил бы отношения и с ними. Титовцы называли лютичевцев “газетчиками”, потому что они единственные, кто, кроме оружия, имели свою пропагандистскую литературу, антимарксистскую, антикоммунистическую по сути. Корпус, конечно, с лютичевцами не дрался. Сам Лютич, как и Михайлович, был монархист, но убежденный югославянин, сторонник единой югославской федерации или конфедерации, считал себя югославом, а не сербом. В будущую балканскую федерацию должна была войти и Болгария, считал Лютич, и он даже вел переговоры на эту тему с какими-то болгарскими организациями. Со всеми русскими антикоммунистическими организациями, и с Русским Корпусом у Лютича сохранялись самые дружественные отношения.

НТСНП, с момента формирования Русского Корпуса, отдал секретный приказ по своим отделам, суть которого сводилась к тому, чтобы в Корпус не идти, так как нет никакой гарантии, что он будет послан в Россию. И это был довольно опасный приказ, фактически наперекор немецким решениям. Конечно, корпусники дрались героически, за Россию, как они считали, и поэтому они могут осуждать НТСНП за этот приказ своим членам. Однако Корпус всю войну воевал с Тито, а в 1944 г., когда немцы отступали из Греции, Русский Корпус взвалил на себя всю тяжесть боев в арьергарде. Скаутмастер Сева Селивановский⁴⁶,

талантливый художник, рассказывал, что на Сремском фронте против корпусников Тито мобилизовал гимназистов старших классов. А у чинов Корпуса имелось очень мало патронов; они забрасывали этих ребят гранатами, потом шли в штыки и собирали боеприпасы. Потом я видел часть этой героической юнкерской молодежи из Корпуса в Мюнзингене, в офицерской школе РОА — 56 человек, прошедших три с половиной года самой тяжелой войны. Это были прекрасные, замечательные ребята. С другой стороны, идти-то все-таки туда не надо было. Надо было устраиваться в какие-то фирмы, перебрасываться в Россию и работать там и против немцев, и против Сталина.

Почему о четниках у меня больше отрицательное впечатление, чем положительное?.. “Усташи” — это вообще палачи и убийцы, и четники, правда, с ними воевали. Ведь в Хорватии запретили православное богослужение. Но эти банды “ушастей” уничтожали также и хорватскую интеллигенцию. Нам в Белграде запрещали купаться, потому что по Саве все время плыли трупы. Однажды “ушасты” накрыли у себя одну сербскую свадьбу. Так они и священника, и сватов, и жениха с невестой прибили гвоздями к храму... То, что сейчас происходит в бывшей Югославии, — это ведь частично отголосок 1941—45 гг., ибо ни в одной боснийской семье нет не пострадавших от этих бандитов. А четники, конечно, так не свирепствовали и даже защищали сербов от этих “ушастей”, но они просто грабили.

В 1941 г. после оккупации Югославии я находился в Среме, в селе, где отец работал врачом, и это становилось небезопасно. Поскольку отец был югославянского настроения, ему стреляли в окно, неизвестно кто. Однажды к нему пришли два “ушасты” и сказали, что где-то рядом, в лесочке, лежит раненый, ему нужна помощь, и они увели отца. Отец был вооружен, я думаю, что он от “ушастей” отстрелялся бы, но они конечно взяли его, чтобы убить. В это время в село въехали танкисты Вермахта и отец, идя под конвоем “ушастей”, подошел к немецкому лейтенанту (он окончил немецкую гимназию, немецкий университет, по-немецки говорил превосходно) и спросил, есть ли в том лесочке, через который проезжали немцы, какие-либо раненые. Лейтенант сказал, что нет, отец повернулся и ушел домой. Затем отец пошел к своим немецким пациентам в этом селе и рассказал, что приходили “ус-

таши”, которые хотели его убить. Тогда немцы, которых он лечил, пошли к “ушашам” и сказали им, что если с доктором что-нибудь случится, “ушаша” будут иметь дело с ними. Но опасность покушений со стороны “ушашей” все-таки осталась и отец срочно уехал в Белград, а мы с мамой чуть позже. И в Белграде отец до 1944 г. был врачом в одном из военных госпиталей Вермахта.

Я доучивался в гимназии и в 1942 г. окончил ее. Поскольку с 1938 г. мы с Юрой Жедилягиным⁴⁷ работали в НТСНП, мы и в Белграде продолжали работу, только уже нелегально, поскольку НТСНП стала запрещенная немцами организация. Руководителем моего звена НТСНП как раз и являлся Юра Жедилягин, пока он не отправился “по зеленой дорожке”⁴⁸ в Россию. Мы с Юрой, как я говорил, в Корпус не пошли, а очень многие члены НТСНП в Корпус все-таки вступили: Козорез⁴⁹, казак, в 1945 г. был выдан «СМЕРШу» и 10 лет провел в ГУЛАГе, и другие ребята. После 1942 г. члены НТСНП из Югославии начинают перебрасываться в Германию, где находилась огромная масса русских. Я тоже хотел в Берлин, пошел к руководителю союзной сети в Белграде Кириллу Вергуну⁵⁰ и сказал, что я тоже хочу на союзную работу в Германию... У русских в Белграде в то время положение по сравнению с сербами было, можно сказать, привилегированное. Оккупационные власти назначили председателем русской колонии в Югославии генерала фон Крейтера⁵¹ Владимира Владимировича, русского гусара, но имевшего немецких родственников, хорошо говорившего по-немецки. Генерал Крейтер был очень порядочный и приличный человек. Он был также и мужественный человек, так как совершал те поступки, которые могли заинтересовать Гестапо и серьезно его скомпрометировать в глазах властей. Однажды на наше союзное звено поступил донос в Гестапо. И гестаповцы, поскольку отец все-таки был районным врачом, пошли к генералу Крейтеру. Произошел такой разговор: “Вы знаете, что у молодежи бывают какие-то собрания? — Да-да, я в курсе, они постоянно мне докладывают. — И о чем они говорят? — Ну, о победах Германии, обсуждают положение на фронте и т.д.” А мы на самом деле занимались критикой марксизма и национал-социализма, обсуждали будущее России, явно не в немецком духе, пытались разрабатывать какие-то программы и т.д.

В Белграде подпольно работали и русские скауты, так как НОРС была запрещена нацистами как русская организация⁵². Из моего звена НТСНП активным скаутмастером был Лева Гижицкий⁵³. И они довольно смело продолжали свою работу, проводили занятия с детьми, устраивали походы и все в таком духе. Многие скаутмастера переехали в Польшу, где под видом НОРМ⁵⁴ устроили целый скаутский поселок под Варшавой. НТСНП иногда там проводил свои нелегальные собрания, для выступлений туда ездил Виктор Михайлович Байдалаков⁵⁵. В Германию на работу по линии НТСНП Вергун меня не отпустил, так как надо было налаживать работу Союза в Белграде, создавать новые группы, и в 1943 г. меня устроили воспитателем младших классов в русскую гимназию, где как раз работал с детьми скаутмастер Гижицкий. Лева устраивал скаутские походы за город и я, как воспитатель, их сопровождал. А в походах они поднимали бело-синие-красный флаг, пели наши песни, что, естественно, могло вызвать крупные неприятности. Как-то раз меня вызвал к себе директор гимназии, полковник Генерального штаба Сергеевский Борис Николаевич⁵⁶ и таким суровым басом сказал: “Ну, ты там ходишь с ребятами? — Хожу, Борис Николаевич. — Ты знаешь, что это все запрещено? — Я это знаю, Борис Николаевич. — Так вот, если что, — ссылайся на меня”. Он, таким образом, взял всю ответственность на себя и покрывал нас. Ходили мы с детьми на так называемый 7-й километр, в лес, сидели у костра, играли, пели самые “неприличные” для немцев песни, но Бог нас миловал и от немцев, и от титовцев. Так и жили.

В 1944 г., когда и Красная Армия, и Национально-Освободительная Армия Югославии подходили к Белграду, встал вопрос об эвакуации. Наша семья к этому времени переехала в Русский Дом Белграда, где жило много русских семей. Дело в том, что к концу войны титовцы в Белграде нарочно очень часто совершали покушения на немцев, и немцы в отместку расстреливали за каждого убитого 50—100 заложников, вызывая ненависть у населения. А отец работал в военном госпитале, что могло иметь последствия со стороны титовцев. С эвакуацией все обстояло сложно, ибо из Белграда вывозили, в первую очередь, немцев и вообще только немцев. Кто-то из НТС принес 300 “маршфебелей” — пропусков на проезд, кото-

рые были или фальшивые, или краденые. Мы могли вывезти немецким поездом из Белграда 300 человек, но многие не хотели уезжать, желая остаться в Югославии. В это время в Белграде распространился слух, что красных здесь не будет, а в Белград вот-вот войдут англичане. Мне кажется, это специально сделали, чтобы какая-то часть белых русских осталась и попала в руки «СМЕРШа». Мы выехали через Венгрию и приехали в Силезию. Здесь руководство НТС пыталось осуществить заброску какого-то количества людей через линию фронта, чтобы они обустроились в России и там продолжали союзную работу. Этой работой занимался Игорь Юнг⁵⁷. В Австрии создали лагерь, в котором стали собирать членов НТС, находившихся на нелегальном положении, например, Роман Николаевич Редлих, бежавший от Гестапо, и других. В лагере собралось около 100 человек. Среди них были и не члены Союза, в частности, такой «капитан Белов», которого сразу же расшифровали как советского разведчика. Интересно, что знаменитый Абель⁵⁸ работал в тылу у немцев под псевдонимом «Белов». Раскрыла его наша знаменитая подпольщица Ариадна Евгеньевна Ширилкина⁵⁹, и он сбежал из лагеря. Отец мой был очень недоволен тем местом, которое было выбрано для лагеря, он поехал в Берлин. А как раз в это время, осенью 1944 г., активно шло формирование частей и подразделений РОА. Отцу предложили вступить в РОА и возглавить при штабе санитарный отдел. Он согласился и в чине капитана возглавлял санитарный отдел штаба Вооруженных Сил КОНР⁶⁰. Он заставил меня, прислав записку, забрать группу ребят и приехать к нему. Отец говорил так: «В РОА рядовой состав отличный, до поручика — можете не сомневаться, до майора — надо очень-очень смотреть, так как есть некоторые большевики наоборот...» В Берлине мы передали еще одному руководителю НТС Мамукову⁶¹, который жил прямо в центре Берлина на Бюлловштрассе, 8, а все руководство НТС с июня 1944 г. уже сидело⁶², «Схемы НТС»⁶³, напечатанные в Словакии, и сало для заключенных и отправались к отцу. Отец послал нас в штаб РОА, откуда мы были направлены в Мюнзинген, в офицерскую школу РОА. Бывший советский танкист, здоровый такой, симпатичный мужик, выдал нам новые документы военнослужащих РОА, улыбнулся и сказал: «Ну, а теперь нехай вас Гестапо ищет».

В Мюнзингене, на полигоне, где формировалась раньше 1-я дивизия РОА⁶⁴, существовала унтер-офицерская и офицерская школы. Я попал в офицерскую школу, окончил ее довольно успешно и получил чин поручика РОА, командира взвода. Самое интересное в моем производстве было то, что приказ о производстве вышел уже после капитуляции Германии, что мы расценивали, как одно из доказательств нашей независимости от немцев. Школа была очень толковая, умело созданная и работающая. Были преподаватели, которые преподавали в Высших военно-учебных заведениях РККА, были очень толковые преподаватели, были и такие, как наш командир роты капитан Коновалов⁶⁵. Про него говорили, что он гад, служа в батальоне в Трубчевске, хватал людей, которых немцы выпускали. Но таких, как Коновалов, было меньше, очень много было хороших людей и среди курсантов и среди преподавателей. Гестапо или СД подослало в школу своего осведомителя. В лагере для военнопленных этот осведомитель черпаком для раздачи баланды убил Бог знает сколько пленных. Но его в школе распознали, арестовали, судили и расстреляли. Немцы спасти его не смогли. В школе были ребята из Корпуса, а были еще и каминцы-добровольцы из бывшей «бригады Каминского», о которой обязательно нужно сказать отдельно и написать книгу...⁶⁶

Это было в Брянщине в 1941 г. Немцы там окружили огромное количество частей Красной Армии, захватили даже штабной автобус армии, очень много оружия, боеприпасов, питания и т.д. А население в том районе в 1929—30 гг. очень мучительно пережило советскую коллективизацию. И те, кого угнали, посадили, раскулачили, те, кто выжил, они свои 10 лет отбыли и к 1940—41 гг. вернулись назад. Естественно, что отношение к Советской власти у них было соответственное. Инженер Воскобойников⁶⁷, бывший политссыльный, организовал там из местного населения самооборону, вооружившись найденным оружием, и они сидели в тылу у немцев, контролируя огромный район. Против него был послан большой партизанский отряд, и когда началась стрельба, он выскочил из землянки с ручным пулеметом и закричал: «Прекратить огонь, я Воскобойников», думая, что это перестрелка со своими, его тут же и расстреляли. Говорят, что Воскобойников был прекрасный человек, и если бы остался в живых, история этой бригады по-

шла бы по-другому. Вместо него самооборону принял Каминский⁶⁸, тоже бывший сосланный. Он был фигура сложная, во всяком случае, не совсем годный для командования такой необычной частью. В районе Локоть немцев не было совсем. Связь с Каминским поддерживал лично генерал Шмидт⁶⁹, который еще в 1938 г. связался с антигитлеровским заговором. Это была целая Локотская республика, самооборона стала называться Русская Освободительная Народная Армия (РОНА), численностью в 20 000 человек. РОНА партизан к себе в район не пускала. Некоторые партизаны переходили на их сторону, один партизанский отряд шел к Каминскому около 100 километров, избегая каких-либо встреч с немцами. В Локте устроили самоуправление, сразу же поднялся уровень жизни, так как колхозы распустили. Однажды расстреляли двух солдат Вермахта, что-то укравших у крестьян, и немцы это стерпели. К Советской власти население испытывало лютую ненависть. Конечно, это была не регулярная армия, а вольница, или, как я говорю: “неки смешны белоруссы...”. Ну и потом, когда фронт был прорван, весь этот район: и РОНА, и семьи, и животные — все двинулись на запад с отступавшим Вермахтом.

Когда началось Варшавское восстание 1944 г., немцы потребовали от Каминского, чтобы он бросил РОНА против поляков. Каминский отказывался. Один из разговоров Каминского с немцами переводил Редлих, и Редлих рассказывал, как ругался Каминский и какие выражения он при этом использовал. Он кричал, что он поляк и против своих не пойдет... В конце концов в Варшаву отправилась не бригада, а всего 300 человек-добровольцев. Вели себя они там безобразно — пьянствовали, грабили и т.д. Каминский в Варшаве постоянно не находился, а пару раз туда ездил. Сведения о том, что его расстреляли, — абсолютно неверные. Он попал в засаду в Карпатах, которую устроили словацкие партизаны. Засаду устроили на подъеме и повороте; вместе с Каминским уничтожили и две машины с немецкой охраной.

Вот как раз некоторые их “офицеры”—каминцы попали в офицерскую школу РОА. Среди них были даже малограмотные. Но мне с курсантами повезло, у нас во взводе и в роте были отличные ребята. Командиром моего взвода оказался бывший учитель, поручик Васькин⁷⁰, очень порядочный и честный чело-

век, кстати, образованный. Когда мы попали в школу, ею командовал “полковник Койда”⁷¹. Фамилия, очевидно, выдуманная потому что Койда — это селение около Архангельска. Но вскоре его перевели командовать запасной бригадой, а начальником школы стал генерал-майор Михаил Алексеевич Меандров⁷², тоже член НТС. Он не был военным по натуре, очень благородный, интеллигентный человек, но не военный. Мы с ним беседовали несколько раз, когда он просил курсантов — членов НТС сделать что-то по линии НТС. Случались и курьезы. Однажды приехал генерал Трухин⁷³ и заметил, скажем так, “непорядок в обмундировании”. Стоял наш взвод, а во взводе был парень из моего союзного звена Юра Лукьянов⁷⁴. Он был худой, как жердь, и шинель на нем висела невообразимо. Генерал его вызвал и на глазах всего плаца стал заправлять шинель... Федор Иванович производил также очень хорошее впечатление, особенно на тех, кто с ним общался из членов НТС. Нехорошее впечатление производил Тензорев⁷⁵, особист, очень мрачная фигура. Полковник Кромиади⁷⁶ был очень хороший человек, мы с ним уже после войны много общались. Андрея Андреевича Власова я ни разу не видел, издали еще видел Боярского⁷⁷.

День в школе был построен как в нормальном военном училище. Подъем в 6 утра, отбой в 23.00. Тесно было, койки трехэтажные. Занятий очень много и самые разные: подъем, зарядка, завтрак, занятия на ящике с песком, в классах, теория, топография, маневры, бой в населенном пункте. Стреляли боевыми из минометов. Настроение было бодрым, приподнятым. Мы думали, что немцы увидят, что дело их плохо, и наконец-то допустят существование настоящей Русской Армии, массовой и обученной. Отец мне рассказывал, что прошений в РОА в конце войны от остарбайтеров и военнопленных было столько, что можно было развернуть 20 дивизий⁷⁸. Когда 1-я дивизия выходила из Мюнзингена, в ней насчитывалось 10 000 человек, а к началу мая уже 18 000⁷⁹. Отношение к немцам отсутствовало вообще какое-либо, или просто: “дураки”. Громко, конечно, такого не говорили, но настроения существовали. Сами немцы вели себя уже тогда довольно кучно.

В апереле 1945 г. мы выстроились, и вся школа походом пошла на юг, так как был план стянуть все силы РОА — казаков, доброволь-

цев и других — в один кулак и пробиваться в Сербию. Ночевали мы около Мюнхена, дошли до Лиенца и пошли на Прагу, по шоссе Лиенц—Прага. Мы перешли чешскую границу и остановились, тут нас и застало известие о конце войны. Здесь мы увидели состав с заключенными из концлагерей, которых везли куда-то дальше от советского фронта, и узнав, что там есть русские, наши побивали замки с вагонов и стали выпускать заключенных. Охрана состояла из СС, они пробовали сопротивляться, но их быстро уgomонили, правда, никого не убили. Очень скоро мы увидели за лесом клубы дыма, пыли, а это двигался «СМЕРШ», который в окрестностях Праги ловил власовцев. Меандров нас распустил и мы рванули в американскую зону, которая оказалась рядом. Американцы нас держали в крепости Кругллов под Влтавой. Там мы охраняли Меандрова, боялись, что его выдадут Советам, вокруг него всегда держались вооруженные члены НТС. Вместе с ним был еще генерал Ассберг⁸⁰, очень малопривлекательная личность, за которым я таскал его портфель с золотом. Но скоро меня Меандров вызвал вместе с Юрой Ширококовым⁸¹ и сказал: «Я выдал вас американцам за артистов из Сербии, они разрешили вас выпустить». Он послал нас искать руководство НТС. Юру — в Кассель, а меня — под Мюнхен; выдали нам велосипеды и мы поехали. После разных приключений в Фюссене я отыскал несколько десятков членов НТС во главе с Байдалаковым, там были также Александр Николаевич Артемов⁸², его жена Анастасия Николаевна и многие другие.

Я передал послание Байдалакову от Меандрова, в котором было сообщено, что впервые после окончания Гражданской войны удалось собрать большое, обученное подразделение антикоммунистов, которое ни в коем случае нельзя расформировывать, а надо сохранить любой ценой. Всем добровольцам в Вермахте и власовцам надо переходить к американцам, которые народ культурный, скоро рассорившись со Сталиным, вновь вооружат РОА для борьбы с большевиками и у них будет готовая армия. Меандров также писал, что власовцы готовы были принять участие в борьбе против Японии, как противника США, лишь бы сохранили наши кадры. Байдалаков прочитал, помрачнел и сказал мне следующее: «Садись на велосипед, немедленно жми обратно и скажи Меандрову, чтобы быстро разбегались кто куда может, так как американцы будут всех выдавать Советам». Наши «фальшивомонетки» сделали мне липовый пропуск, подчистив букву «Ф», заменив ее буквой «М» и допечатав слово «сдорф». Получился «Мюссенсдорф», которого вообще в природе не существует. И по этому пропуску я ездил еще два года. Но к Меандрову я не попал, не успел, и мне пришлось ехать в Зальцбург, где я встретился с отцом и где была довольно большая группа членов НТС, и там уже началась наша союзная работа в условиях послевоенной Европы, которая была связана, в первую очередь, со спасением от насильственной репатриации власовцев, добровольцев, «остов» и всех советских граждан.

Примечания

¹ НТС — *Народно-Трудовой Союз российских солидаристов* (в 1930—31 гг.: Национальный Союз Русской Молодежи (НСРМ), в 1932—36 гг.: Национальный Союз Нового Поколения (НСНП), в 1936—1943 гг.: Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП), в 1943—1957 гг.: Национально-Трудовой Союз, с 1957 г. по настоящее время: НТС) — политическая организация России.

Во второй половине 20-х гг. под покровительством ген. П.Н.Врангеля создается ряд кружков «национально-мыслящей» молодежи. 01—04.07.1930 г. они объединяются на съезде в Белграде в НСРМ, который возник из-за неудовлетворенности широких кругов молодежи Зарубежья борьбой белых организаций (РОВС, БРП и др.) с Советской властью. Изначально деятельность НТС направлена на Россию, на организацию «национальной, антисталинской революции». Члены НТС активно занимались самообразованием, принимали участие в культурно-просветительной деятельности в Зарубежье, искали пути нелегального проникновения в Россию. В 30-е гг. около 20 членов НТС пытались пройти в Россию для создания опорных точек, из них 12 погибли на границе. После разоблачения агентуры ОГПУ—НКВД в РОВСе (ген. Скоблин и др.), НТС ищет свои пути и прерывает связь с РОВС. В 1938 г. в Россию благополучно проходят А.Колков и Г.Околович. С 1938 г. подполье НТС постоянно присутствует на

территории СССР. В 1941—45 гг. НТС, запрещенный нацистами, активно пытается играть роль “третьей силы”, ведя нелегальную работу, направленную на создание подпольных групп в Европе и в России. В НТС вливается большое число бывших советских граждан. НТС принимает участие во Власовском движении, создании и разработке политических документов. На территории России Гестапо преследует НТС. Летом 1944 г. перед разгромом заговора Штауффенберга, участники которого поддерживали связи с НТС, в Европе проходят аресты членов НТС. Около 200 человек было арестовано, около 60 было расстреляно Гестапо и погибло в концлагерях. В 1945—46 гг. члены НТС, обосновавшись в Западной Германии, ведут работу по спасению участников ОДНР, “остов” и советских граждан, не жалеющих быть выданными СССР. Окончательно оформляется идеология НТС, основанная на философских идеях И.А.Ильина, С.А.Левитского, С.Л.Франка и др. Ведется активная пропагандистская работа: издаются журналы «Посев», «Грани», «Мысль», работает радиостанция «Свободная Россия» (до 1972 г.), с 1945г. начинает действовать издательство «Посев». В 50-е г., опираясь на финансовую помощь и техническое содействие англо-американцев, НТС для развертывания работы в СССР забрасывает в СССР несколько групп парашютистов, которые арестованы КГБ по сообщению К.Филби и расстреляны. Подполье НТС на территории СССР формируется за счет попавших в СССР во время войны и вступивших самоприемом (Б.Г.Врангель, О.С.Поляков, Д.М.Завжалов, Ю.Т.Галансков и др.). В 50—60-е гг. КГБ осуществляет ряд террористических актов против НТС, включая взрывы и убийства ряда членов (А.Р.Трушнович и др.). С конца 50-х гг. НТС устанавливает широкие связи с интеллигентскими кругами в России, начинающимся правозащитным, диссидентским и освободительным движениям, оказывает им помощь, вывозит и печатает самиздат. Тогда же проводит ряд крупных зарубежных мероприятий. Широкую известность получают «Посевские конференции» с участием видных деятелей русской эмиграции. НТС становится самой активной организацией русской эмиграции на Западе и в России. Члены НТС активно участвовали в событиях в 1953 г. в Берлине, в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. в Чехословакии, в 80-е гг. в Польше. В период Афганской войны 1979—1989 гг. членам НТС неоднократно удалось спасти несколько советских военнопленных из плена муджахитдинов. Опасность НТС неоднократно подчеркивал председатель КГБ СССР Ю.В.Андропов в 60—70-е гг. В 70—80-е гг. НТС разработал ряд серьезных альтернативных политических документов, предвосхитивших многие “перестроечные” документы и материалы. В 1982—83 гг. в России открытыми членами НТС объявили себя В.А.Сендеров и Р.Б.Евдокимов. С конца 80-х гг. в России начался процесс становления открытых организаций НТС. С 1991 г. НТС действует в России как легальная организация. НТС принимал участие в организации выставок, собраний, других мероприятиях культурно-просветительского характера в Зарубежье и России. Членами НТС являлись ген. Ф.И.Трухин, историк С.Г.Пушкарев, поэт А.А.Галич, диссидент и правозащитник Ю.Т.Галансков и др. Председателями НТС в разные годы были В.М.Байдалаков, А.Н.Артемов, Е.Р.Романов. Уникальный архив, собранный НТС по истории Русского Зарубежья, находится во Франкфурте-на-Майне.

² *Князь Енгальцев* — данных не обнаружено (на октябрь 1994 г.).

³ *“За чертополохом”* — эмигрантское словосочетание, означавшее Россию под Советской властью, огражденную от всех “чертополохом”. Более поздний синоним — “железный занавес”. Особую популярность словосочетание получило после выхода в 1928 г. в Риге одноименного романа ген. от кавалерии, военного писателя П.Н.Краснова.

⁴ *Русский Корпус* (12.09.1941 г. — Отдельный Русский Корпус, с 02.10.1941 г. — Русский Охранный Корпус, с 18.11.1941 г. — Русская Охранная Группа, с 30.11.1942 г. — Русский Охранный Корпус в составе Вермахта, с 10.10.1944 г. — Русский Корпус в Сербии, с 31.12.1944 г. — Русский Корпус, с февраля 1945 г. — Русский Корпус в составе Вооруженных Сил КОНР, с 01.11.1945 г. — Союз бывших чинов Русского Корпуса). Формирование Корпуса началось 12.09.1941 г. в Белграде генералом М.Ф.Скородумовым, согласно приказу от начальника штаба Главнокомандующего Вермахта на Юго-Востоке полковника Кевиша. Кадрами для Корпуса полсужили чины Русской Императорской Армии, участники Белого движения и национально настроенная молодежь Зарубежья, увидевшие возможность продолжения борьбы за Россию против большевиков. Первоначально были сформированы 1-й, 2-й и 3-й полки. Однако германское командование не исполнило своего обещания отправить Корпус в Россию, возложив на него задачу борьбы с просоветскими формированиями в Сербии. Части Корпуса были разбросаны небольшими группами по населенным пунктам, в районе которых отмечалось появление просоветских партизан. При отсутствии связи, часто в изоляции, корпусники доблестно несли службу, зачастую необходимую для поддержания мирной и нормальной жизни местного населения. В сентябре 1941 г. ген. Скородумов был смещен со своей должности нацистами, и Корпус принял начальник штаба генерал-лейтенант Б.А.Штейфон, командовавший Корпусом до своей кончины 30.04.1945 г., после которой командование принял полковник А.И.Рогожин. В конце 1942 г. Корпус получил пополнение 5000 человек из Бессарабии и района Одессы (добровольцы), за счет коих были пополнены 1—3-й полки, развернуты 4-й и 5-й полки. Корпусники

активно помогали сербскому населению, защищая его от террора “ушастей”; так летом 1942 г. 1-м полком РК через р.Дрина было переброшено и спасено 12 000 православных беженцев, в районе Зворника в 1943 г. спасено более 1500 человек, летом 1944 г. через р.Дрина перевезено свыше 1000 сербских детей и размещено в Бане Ковиляче. В сентябре 1943 г. боевая численность Корпуса составляла 4769 человек, к лету 1944 г. — более 12 000 человек (за счет добровольцев-эмигрантов и бывших советских военнопленных), к апрелю 1945 г. — около 4000 человек. Всего через ряды РК за период с 12.09.1941 по 12.05.1945 г. прошло 17 090 человек. Вооружение чинов РК составляли: винтовки «Маузер», итальянские винтовки, пулеметы «Шош», «Зброевка», легкие бомбометы, тяжелые пулеметы «Виккерс», «Максим», «Шварцлезе», гранатометы «Школа», орудия 75-мм Шнейдера, орудия 37-мм «Шкода». Полки имели 3-х батальонный состав с отдельными взводами (в полках численность — от 2211 человек до 2183 человек). Форма — до 1944 г. — бывшей югославской армии с петлицами на отложном воротнике, с русскими погонами на плечах, не имевшими служебного значения, в 1944 г. чинов РК переодеты в форму Вермахта. РК имел свою корпусную и полковые церкви, офицерские кадры готовились в 1-м Русском Великого Князя Константина Константиновича кадетском корпусе. С осени 1941 г. до весны 1944 г. РК нес охранную службу в отдельных районах, с весны до сентября 1944 г. — период активной борьбы с частями НОАЮ И.Б.Тито в Сербии и с осени 1944 г. — период фронтовой службы, принимал участие в боях под Чачаком с частями 65-й советской армии. В феврале 1945 г. РК изъявил желание подчиниться генерал-лейтенанту А.А.Власову и войти в состав ВС КОНТ, но не смог соединиться с силами КОНР и 12.05.1945 г. сдался англичанам под Клагенфуртом. В ноябре 1945 г. РК был реорганизован в Союз Чинов Русского Корпуса.

⁵ *Генерал-майор Михаил Федорович Скородумов (?—1963, США)*. Окончил 1-й кадетский корпус и Павловское военное училище. В 1912 г. в чине подпоручика был выпущен в Лейб-Гвардейский Павловский полк. В июле 1914 г. вместе в полком выступил на Великую войну 1914—1918 гг. 27.08.1914 г. при выполнении разведывательного задания у окопов противника был ранен, но задание выполнил. За совершенный подвиг был представлен к ордену Св. Георгия 4-й степени, но получил орден Св. Владимира 4-й степени. После выздоровления был признан негодным к строевой службе, но добился отправки на фронт. 22.07.1915 г., командуя батальоном и прикрывая отход 2-й гвардейской дивизии, был вторично тяжело ранен и, пролежав 2 дня на поле боя, подобран немцами. Единственный, кто был награжден в плену орденом Св. Георгия 4-й степени за всю Великую войну. Трижды неудачно бежал из плена. Был обменян из плена как выдающийся офицер хлопотами полка и Великой Княгини Марии Павловны. 25.02.1917 г. прибыл в Петроград. Состоял участником конспиративной офицерской организации; после раскрытия оной бежал на Юг России. Будучи протезным инвалидом прошел весь путь Добровольческой Армии. В конной атаке при взятии Киева был снова ранен в ногу в 1919 г. Прodelал Днестровский поход в Польшу, где был интернирован. Вернулся в Крым на Перекоп. Просидел год в Галлиполи (1920—1921), а затем прибыл в Болгарию. Будучи комендантом г. Ловеч, был вместе с ген. А.П.Кутеповым выслан в Болгарию, но по дороге бежал в Королевство СХС. В Югославии активно работал против большевиков в рядах РОВСа. В 1930 г. построил единственный в мире памятник Славы Русским воинам. Весной 1941 г. после оккупации Югославии немцами был назначен шефом русской эмиграции в Югославии. В июне 1941 г. предложил сформировать русскую дивизию на Восточном фронте, но получил отказ. Во время коммунистического восстания в сентябре 1941 г. отдал приказ о формировании Отдельного Русского Корпуса. Был арестован Гестапо и просидел 3 недели. После освобождения из под ареста демонстративно занимался сапожным ремеслом. В 1944 г. вступил в Русский Корпус рядовым, проделал весь босанский поход от Белграда до Чачака и от Чачака до Славянского Брода в строю. Из Славянского Брода уехал спасать семью от наступавших большевиков. Скончался в США в 1963 г.

Помимо русских наград в 1930 г. был награжден Королем Югославии Александром I орденом Св. Саввы 3-й степени на шею.

⁶ *Александр I, из династии Карагеоргиевичей (17.12.1888—09.10.1934, Марсель)*. Король Королевства Сербов, Ховатов и Словенцев (Югославии) в 1924—34 гг. Сын сербского короля Петра. В 1904 г. в С.-Петербурге окончил Пажеский корпус. В период балканских войн 1912—13 гг. командующий 1-й сербской армией. В июне 1914 — декабре 1918 г. — принц-регент Сербии. В период Великой войны 1914—1918 гг. главнокомандующий Вооруженных Сил Сербии. В декабре 1918 — августе 1921 г. — принц-регент Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев. С 17.08.1921 г. — король Королевства СХС. Во внешней политике ориентировался на Францию. Был сторонником традиционного сербско-русского единения, обеспечил благоприятный режим для чинов Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля и многочисленных русских эмигрантов после эвакуации белых из Крыма в 1920 г. В результате переворота 06.01.1929 г. предотвратил распад страны и гражданскую войну, став наследным монархом. Убит вместе с министром Иностранных дел Франции Баргу в Марселе ушастыми террористами в 1934 г.

⁷ В 30-е гг., по свидетельствам В.Д.Поремского, Я.А.Трушновича, Е.Р.Миркович, иногда совместные дискуссии между членами НТСНП и малороссами заканчивались драками и свалкой, в которых невозможно было установить виновных.

⁸ По данным В.Д.Поремского, приведенным на расширенном редакционном заседании журнала «Посев» 12.09.1954 г., численность русских беженцев в Королевстве СХС-Югославии составляла: в 1922 г. — 43 000 чел., в 1930 г. — 34 000 чел., в 1937 г. — 27 000 чел. и к 1941 г. эта цифра снизилась до 23 000 человек. (Цит. по Поремский В.Д. Политическая миссия российской эмиграции // Посев. 1954. С.4—5.

⁹ *Полковник авиации Байдах Леонид Гаврилович* (Иванович—?). Участник Белого Движения на Юге России в 1917—1920 гг. Русский эмигрант, проживал в Королевстве СХС. Проходил службу в ВВС Королевства Югославии, командовал авиационным полком. В конце 1941 г. вступил в Русский Корпус на Балканах. С октября 1944 г. возглавлял русскую часть штаба полковника Бауэра для вступления в ряды ВС КОНР в Карлсбаде. В члены КОНР не попал. В ноябре 1944 г. прислан начальником штаба ВС КОНР генерал-майором Ф.И.Трухиным в распоряжение ВВС ВС КОНР в Эгер, возглавлял учебную часть авиационного центра. В декабре 1944 г. назначен командиром 1-го авиационного полка ВВС ВС КОНР; с января 1945 г. — начальник гарнизона полка в Эгере. 20.04.1945 г. выступал с колонной ВВС ВС КОНР из Мариенбада в Ноерн. 26.04.1945 г. вместе с майором Климовичем и начальником отдела пропаганды майором Альбовым исчез из Ноерна, очевидно, опасаясь будущей выдачи Советам. Дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁰ Летчик-истребитель *Никита Дурново* — известный офицер Русского Зарубежья, участник Белого Движения 1917—1920 г. Более полных данных не обнаружено.

¹¹ *Русский Обще-Воинский Союз (РОВС)* — образован 01.09.1924 г. приказом № 35 Главнокомандующего Русской Армией генерал-лейтенанта барона П.Н.Врангеля с целью “объединить русских воинов, сосредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов российской Императорской Армии”, а также для сохранения боевого кадра с целью возобновления, при возможности, дальнейшей борьбы с большевиками. В 1924—1927 гг. штаб РОВСа размещался в г. Сремска-Карловцы (Королевство СХС), в 1927 г. переехал в Париж. Для управления РОВСом было создано 5 отделов по территориально-географическому признаку плюс 2 отдела в США. Председателями РОВСа в различный период являлись: генерал-лейтенант барон П.Н.Врангель (1924—04.1928), генерал А.П.Кутепов (04.1928—01.1930), генерал-лейтенант Е.К.Миллер (01.1930—09.1937), генерал-лейтенант Ф.Ф.Абрамов (09.1937—03.1938), генерал-лейтенант А.П.Архангельский (03.1938—01.1957), генерал-майор А.А. фон Лампе (01.1957—1967), генерал-майор В.Г.Харжевский (1967—1979), капитан М.П.Осипов (1979—1984), войсковой старшина В.И.Дьяков (1984—1985), поручик П.А.Калиниченко (1985—1986), капитан Б.М.Иванов (1986—1988), сотник Н.И.Иович (06.1988—08.1988), поручик Владимир Владимирович Гранитов с августа 1988 г. по настоящее время.

В конце 20-х гг. численность РОВСа достигала 100 000 человек; РОВС являлся самой массовой антикоммунистической организацией Русского Зарубежья. Чинами РОВСа было запрещено вступать в политические организации эмиграции, за исключением НТСНП в 1934—1938 гг. РОВС уделял большое внимание пополнению своих рядов молодежью в качестве кандидатов, развитию молодежных организаций, таких, как НОРР, НСРМ, Русская стрелковая дружина и др. В 1926—1930 гг. при РОВСе существовала Боевая Организация под руководством ген. А.П.Кутепова (32 чел.), осуществляющая боевые операции внутри СССР, против которых возражал ген. Врангель. ОГПУ СССР вело против РОВСа яростную борьбу, высоко оценивая его опасность для Советской власти. В этой борьбе ОГПУ удалось добиться некоторых успехов (операция «Трест» и др.), но и РОВСу удалось ряд операций (взрыв партклуба в Ленинграде на наб. р.Мойки в 1927 г. и т.д.). ОГПУ-НКВД похитили и уничтожили генерала А.П.Кутепова и генерал-лейтенанта Е.К.Миллера, пытаясь обезглавить РОВС, благодаря предательству бывшего начальника Корниловской дивизии Русской Армии ген. Скоблина, который был разоблачен в 1936—1937 гг. Какому-то количеству агентов ОГПУ-НКВД удалось проникнуть в контрразведку РОВСа «Внутреннюю линию», но дезорганизовать работу РОВСа они не смогли. В июле 1937 г. из РОВСа вышел бывший начальник Дроздовской дивизии Русской Армии генерал-майор А.В.Туркул с большим количеством дроздовцев, которые образовали Русский Национальный Союз Участников Войны (РНСУВ). В 1936—1939 гг. около 70 чинов РОВСа приняли участие в Гражданской войне в Испании на стороне ген. Франко, рассматривая ее как продолжение борьбы с большевиками; многие из них получили награды за храбрость (ген. А.Фок и др.).

В Германии и оккупированных странах Европы отделы и филиалы РОВСа как национальной организации были либо закрыты, либо самораспущены, либо замаскированы под иные структуры (как в Германии, генерал-майор А.А. фон Лампе стал начальником Объединения Русских Воинских Союзов в сентябре 1939 г.). В январе 1940 г., используя советско-финляндскую войну 1939/40 гг., чины РОВСа

пытались формировать добровольческие части из пленных РККА для борьбы против Советского государства. Накануне июня 1941 г. позиция РОВСа была следующей: "...борьба против большевиков за русское дело в союзе с их врагами, не теряя при этом независимости. Если же враги большевиков будут чужды русскому делу и России, готовить самостоятельную русскую силу..." В 1941—45 гг. многие члены РОВСа сражались в русских добровольческих частях Вермахта; РОВС фактически сформировал Русский Корпус ген. Скородумова — ген. Штейфона; на Северном участке фронта РОВС создал полк № 1001 (или Северная группа, «Зондердивизия Р», 1-я национальная армия ген. Смысловского). В частях ВС КОНР к чинам РОВСа отношение было сдержанно-терпимое, хотя РОВС и принимал участие в ОДНР. После 1945 г. в Зарубежье РОВС принимал активное участие в сохранении культурно-исторического наследия Белой военной эмиграции, занимался просветительской деятельностью. В 1992—1994 гг. РОВС по мере сил в России занимается воссозданием кадетских корпусов. (Например, в 1993 г. начал действовать Кадетский Корпус Его Императорского Величества Александра III в Новочеркасске).

¹² *Национальная Организация Русских Скаутов-Разведчиков — НОРС-Р* — одна из ветвей русского скаут-разведческого движения в Русском Зарубежье. Во время Гражданской войны 1917—1922 гг. большинство русских скаутов и скаутмастеров поддерживали Белое движение и вместе с ним ушли в эмиграцию. В 1918/19 гг. началась русская скаутская работа на территории государств, получивших независимость от Советской России (Прибалтика, Финляндия и пр.). В России единой скаутской организации не было. И лишь в 1920 г. Старший Русский Скаут гвардии полковник О.И.Пантюхов предпринял шаги по объединению всех русских скаутских дружин и единиц. В 20-е гг. названия организации часто менялись, чаще других употреблялись: Организация Русских Скаутов заГраницей, а с конца 20-х гг. — НОРС. В 1926 г. Международный Бойскаутский Комитет признал организацию Пантюхова как организацию русских скаутов в изгнании. В конце 20-х гг. НОРС пережила ряд расколов, из нее выделились витязи, НОРР. В 30-е гг. многие молодые скаутмастера НОРС Б.Б.Мартино, С.Пелипец, О.С.Поляков серьезно реорганизовали работу НОРС: была разработана национальная символика и терминология, система Курсов для Вожаков, расширена система специальностей и разрядов. Скм. Агапов-Таганский и скм. В.Темномеров фактически заново разработали звеновую систему русского скаутинга. В 30-е гг. НОРС занимала третье место по численности среди детских и молодежных организаций Русского Зарубежья. Центром работы НОРСа стала Югославия, где размещалась Инструкторская часть НОРСа, во главе которой стоял скм. Агапов-Таганский. После оккупации Югославии в 1941 г. нацисты запретили НОРС как "антинемецкую организацию". Нелегальную работу НОРСа в Европе возглавил скм. Б.Б.Мартино — «Старый Волк». В Европе и Германии нелегальная работа НОРСа проходила под видом Национальной Организации Русской Молодежи — НОРМ, где сотрудничали и скауты, и разведчики, и витязи. В 1943 г. скм. Р.В.Полчанинов создал нелегальный скаутский отряд в оккупированном Пскове. Активно шла работа в Белграде, Варшаве, Будапеште, Праге. В 1942 г. в Праге и Брно в НОРС вступили две дружины "витязей" РСХД. Около 100 скаутмастеров и старших скаутов погибли в результате репрессий Гестапо и СМЕРШа. После войны центром работы НОРСа стали беженский лагерь «Ди-Пи» Германии. В ноябре 1945 г. из НОРСа выделилась Организация Российских Юных Разведчиков — ОРЮР, а центром НОРСа осталась Франция и Париж. После войны численность НОРСа была весьма малочисленной.

¹³ *НОРР — Национальная Организация Русских Разведчиков* — одна из ветвей национального скаут-разведческого движения в Русском Зарубежье. Создана в 1928 г. в результате личного конфликта со Старшим Русским Скаутом гвардии полковником О.И.Пантюховым начальник Французского отдела Национальной Организации Русских Скаутов (НОРС) полковник Павел Николаевич Богданович вышел из НОРСа. Вместе с ним из НОРСа вышел почти весь Французский отдел и ряд дружин и отдельных единиц из дальневосточной русской эмиграции. После отказа в признании со стороны Международного Бойскаутского Комитета в Лондоне (МБК признавал от русских скаутов в изгнании лишь НОРС Пантюхова), полковник Богданович создал собственную детско-молодежную организацию — НОРР. В 30-е гг. НОРР была самой крупной по численности детской организацией Русского Зарубежья, носила ярко выраженный монархический характер. Пользовалась покровительством со стороны Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). В НОРР большое внимание уделялось строевой и военной подготовке, члены НОРР считали себя преемниками "потешных" полков Петра I. Официально нацисты не запрещали НОРР, но фактически препятствовали ее деятельности в 1939—45 гг. В Берлине, ставшим во время войны одним из центров русской нелегальной скаутской работы, члены НОРР входили вместе с другими представителями национальных распущенных или запрещенных детских организаций в НОРМ. После 1945 г. НОРР постепенно прекратил свою деятельность и перестал существовать как единая организация. В настоящее время НОРР имеет свою землю под Нью-Йорком, где летом иногда проводятся детские лагеря.

14 *Сокольство* — национальное славянское спортивно-гимнастическое движение. Основано в 1862 г. в Праге Мирославом Тыршем. Созданное по примеру немецких гимнастических обществ, оно стремилось противостоять австро-венгерскому давлению на славян и защищаться от денационализации в Австро-Венгрии. Оно выработало свой особый вид вольных движений и гимнастическую терминологию. Первые сокольские общества в России были основаны в 70-е гг. XIX в. проживавшими там чехами. Национальный Русский Сокол возник в 1907—12 гг. под девизами: «В мышцах сила, в сердце — отвага, в мыслях — Родина», «Ни корысти, ни славы», и др. Будучи по преимуществу мужской организацией и движением юношей, Русский Сокол понес очень большие потери в Великую войну 1914—18 гг. В 1922 г. в Советской России сокольские общества были запрещены, разгромлены ОГПУ, а сокольские старосты — репрессированы. За границей русские сокола вначале появились в США, затем после отступления белых из России — во Франции, на Балканах, в Прибалтике, в Китае. Значительный процент русских соколов составляли кадровые офицеры — участники Белого движения (такие, как, например, ген. Ткачев). Военные курсы, стрелковое дело входили в программу военных занятий. В 30-е гг. Русский Сокол был самой массовой юношеской и взрослой организацией (в США на сокольские слеты съезжалось более 20 000 соколов). Во время Второй мировой войны 1941—45 гг. многие сокола участвовали в движении Сопротивления во Франции, вступили добровольцами в Русский Корпус, партизанские отряды, воевали в составе частей, входивших в Вооруженные Силы КОНР (РОА), и также понесли большие потери. После войны деятельность соколов постепенно сошла на нет, остались лишь 3 сокольских общества — в США, Австралии и во Франции. С 1992 г. сокола вернулись в Россию, сокольские общества существуют в Москве, Московской области, в Сибири.

15 *Гвардии полковник Пантюхов Олег Иванович* (25.03.1882, Киев — 25.10.1973, Ницца) — Старший Русский Скаут (с 1919 г.), основатель русского скаут-разведческого движения. Отец — врач, служил в Главном Медицинском Управлении С.-Петербурга (с 1886 г.). После переезда с семьей в Тифлис в 1889 г. поступил в 1890 г. в 1-ю Тифлисскую гимназию, затем — в Тифлисский кадетский корпус, который окончил в 1899 г. Осенью 1899 г. поступил в Павловское военное училище в С.-Петербурге. В августе 1901 г. после производства в офицеры был выпущен в 1-й стрелковый Лейб-Гвардии Его Императорского Величества батальон, размещавшийся в Царском Селе. Был фельдфебелем роты Его Величества Государя Императора Николая II. В 1908 г. женился на Н.М.Добровольской, весной 1910 г. родился сын Олег. Увлечшись методикой скаутской педагогики, будучи в чине штабс-капитана, 30.04.1909г. в Царском Селе создал первый в России отряд скаутов-разведчиков, который позднее вырос в Царскосельскую дружину. С августа 1914 г. — начальник учебной команды запасного батальона 1-го стрелкового Его Императорского Величества полка. В том же 1914 г. создал общество «Русский скаут» для содействия становлению скаутских отрядов в России. В мае 1915 г. прибыл на фронт. За бой у Мейшагола в сентябре 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 4 ст. В сентябре 1916 г. был тяжело контужен и отправлен в госпиталь в Царское Село, а затем в Ялту. В ноябре 1916 г. был избран председателем Ялтинского отдела Союза Георгиевских кавалеров. В мае 1917 г. вновь прибыл на фронт: первоначально был назначен командиром 21-го стрелкового сибирского полка, а с июня 1917 г. — командиром 29-го стрелкового сибирского полка 5-го Сибирского Армейского Корпуса. В августе 1917г. назначен начальником Московской школы прапорщиков. Принимал участие в защите Кремля от большевиков в боях 28.10—01.11.1917 г. После поражения юнкерского восстания уехал в Ялту. Деятельно и жертвенно работал со скаутами и скаутмастерами. В мае 1919 г. вступил во ВСЮР, вследствие двух контузий был зачислен на службу в ОСВАГ ВСЮР ген. А.И.Деникина. В октябре 1919 г. на скаутском съезде в Новочеркасске избран Старшим Русским Скаутом (подтверждено скаутским съездом в Челябинске). В феврале 1920 г. эвакуировался на о.Принкипо.

В русском Зарубежье в начале 20-х гг. создал Национальную Организацию Русских Скаутов-Разведчиков (НОРС-Р). В период Второй мировой войны 1939—45 гг. жил в США, затем во Франции. Автор книги «О днях былых» (хроника семейной жизни Пантюховых), 1969 г.

16 *Полчанинов Ростислав Владимирович* (27.01.1919, Новочеркасск). Из семьи полковника Русской Императорской Армии, участника Белого Движения. Окончил русскую 4-х классную начальную школу в Сараево, учился в местной гимназии и на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 г. вступил в НОРС, в 1934 г. — в общество «Русский сокол», в 1936 г. — в НТСНП. В 1943 г. в Пскове, под видом работы с псковской молодежью при Православной миссии, создал подпольный разведческий отряд НОРС. Был одним из главных руководителей подпольной работы НОРС в Европе в 1941—45 гг.

После прихода американцев в Нидерзахсверфен (Германия), легализовался и 28.04.1945 г. провел первый сбор дружины НОРС. Скаутмастер ОЮОР. В октябре 1951 г. прибыл с семьей в Нью-Йорк, где работал рабочим на фабрике. В 1967—1983 г. работал на радио «Свобода», в 1983 г. вышел на пенсию. Осенью 1937 г. начал преподавать в Сараево в русской воскресной школе, преподавал в русских

приходских школах до 1979 г. Некоторое время был заместителем школьного инспектора Синода Русской Православной Церкви (заграницей). Для школ составил ряд учебников по истории и географии России, история Русской Америки и русских в Америке и по истории русского искусства. В июне 1965 г. возглавил Историческую комиссию ОРЮР (ныне Сектор истории ГК ОРЮР). Издает бюллетени «Страницы истории» и «В помощь руководителю». Автор ряда лекций для руководительских курсов и составитель сборников конспектов для XIX Курсов начальников отрядов и II Курсов Начальников Кругов. В августе 1968 г. начал как внештатный сотрудник публиковать в НРС — «Новом Русском Слове» — «Уголок коллекционера». В 1988 г. издательство «Заря» выпустило сборник статей «Заметки коллекционера». В июле 1987 г. возобновил издание журнала «Пути русского сокольства». Выпустил несколько номеров бюллетеня «Летопись русских зарубежных периодических изданий». В июне 1992 г. принимал участие во 2-х КНЕ ОРЮР в России. Проживает в Нью-Йорке, оказывает помощь всем, кто занимается различными аспектами истории Русского зарубежья и коллекционирования.

¹⁷ *Пелипец Святослав Владимирович* (16.08.1916, Харьков — 15.09.1946, Менхегоф). Из семьи офицера Добровольческой Армии. Окончил сербскую начальную школу и 3 класса гимназии в г. Свилайнац, гимназию в Сараево и агрономический факультет в Земуне (Королевство СХС — Югославия). В 1931 г. вступил в НОРС, был скаутмастером. 09.04.1938 г. основал 4-й Белградский отряд генерал-майора М.Г. Дроздовского НОРС. С 1934 г. являлся также членом общества «Русский Сокол», в 1937 г. вступил в НТСНП. Осенью 1940 г. был призван в югославскую королевскую армию, в 1941 г. воевал против Вермахта, попал в плен, бежал, был переброшен в Россию, в Смоленск, где находился центр работы НТС на оккупированной территории, возглавляемый Г.С. Околовичем. Работал в городском самоуправлении, был очень отзывчивым и добрым человеком, старавшимся всегда помочь попавшим в беду. После обнаружения Пражского Манифеста 14.11.1944 г. поступил в Гражданское Управление КОНР. В 1945 г. оказался в Менхегофе, где принял активное участие в работе местной дружины ОРЮР.

¹⁸ *Мартини Борис Борисович — «Старый Волк»* (05.06.1917, Кронштадт — 22.07.1962, Мюнхен). Окончил русскую 4-классную начальную школу в Сараево (Королевство СХС), учился в местной гимназии и на юридическом факультете Белградского университета. В 1931 г. вступил в Национальную Организацию Русских Скаутов, в 1937 г. — в НТСНП. Работал в Инструкторской части НОРС скм. Агапова-Таганского. В 1941 г., после оккупации Югославии, возглавил ИЧ НОРС и подпольную разведческую работу в Европе. В 1943 г., направляясь на нелегальную работу в Россию по каналам НТС, тяжело заболел, фактически став инвалидом. После Пражского Манифеста 14.11.1944 г. поступил в Гражданское управление КОНР, работал в молодежной организации КОНР — Боевой Союз Молодежи Народов России (БСМНР). В 1945 г. был избран заместителем Старшего Русского Скаута полковника О.И. Пантюхова в Европе, а в 1946 г. — Старшим Скаутмастером Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР), на посту которого находился до смерти. В 1949—53 гг. был преподавателем в «зеленом лагере» НТС в Бад-Гомбурге (ФРГ), где готовили парашютистов для заброски в Россию. До 1955 г. был членом Высшего Суда Совести и Чести НТС. В 1955 г., в результате раскола и выхода из НТС группы В.М. Байдалакова, вышел из НТС и сосредоточился на работе в ОРЮР. Был автором ряда педагогических и исторических статей в печати ОРЮР. Являлся талантливым педагогом и руководителем. Умер после тяжелой болезни.

¹⁹ *Генерального штаба полковник Дрейлинг Роман Николаевич* (1887, С.-Петербург — 1954, лагерь № 86 МВД СССР, Приполярный Урал). Окончил Пажеский Корпус 2-м в выпуске, являлся пажем Государыни Императрицы Александры Федоровны. Затем поступил в Николаевское кавалерийское училище, вышел в конно-гвардейский полк. Поступил в Академию Генерального штаба, но в 1904 г. ушел добровольцем на русско-японскую войну. В 1905 г. вновь поступил в Академию и по ее окончании оставлен при ней помощником Начальника Академии. Специализировался в области военной психологии, подготовив соответствующую диссертацию. Вышел на Великую войну 1914 г., перенес тяжелое заражение крови. По выздоровлению отправлен квартирмейстером на Кавказ. В Добровольческой Армии с декабря 1917 г., участник Ледяного прохода. Преподавал в юнкерском училище в Екатеринодаре. При отступлении был брошен в тифу, но подобран санитарной летучкой. В 1922 г. из Константинополя переехал в Королевство СХС, где работал в Военном Министерстве Королевской армии. Автор труда «История Мировой войны». В 1922—1940 гг. активный деятель «Русского Сокола», в 1922 г. — один из основателей сокольского общества в Земуне, в 1924—32 гг. — староста соколов в Белграде, с 1932 г. — Староста Союза Русского Сокольства, возглавлял весь Всезарубежный «Русский Сокол». В октябре 1944 г. не смог эвакуироваться из Белграда и был арестован СМЕРШем. Приговорен к 25 годам лагерей и погиб в ГУЛАГе.

²⁰ *Ткачев* — Генерального штаба генерал-майор. Один из первых русских военных летчиков. В 1920 г. командовал авиацией в Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля. С Русской армией эвакуировался в Галлиполи, потом в Королевство СХС. Был старостой «Русского Сокола» в Югославии.

²¹ *Врангель Петр Николаевич* (15.08.1878, Петербургская губерния — 25.04.1928, Брюссель). Из потомственных дворян. По гражданской специальности — горный инженер (окончил Горный институт в С.-Петербурге). Выдержал испытание на корнета гвардии при Николаевском кавказском училище, окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. На службу вступил вольноопределяющимся в Лейб-Гвардейский Конный полк 01.09.1901 г. Добровольцем пошел на русско-японскую войну 1904—05 гг., воевал в рядах 2-го Аргунского полка Забайкальского Казачьего войска. В 1905 г. произведен в подьесаулы. В Великую войну 1914—18 гг. вступил ротмистром, за взятие германской батареи под Каушем награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. С 24.12.1916 г. — командир 2-й бригады Уссурийской конной дивизии. После октября 1917 г. оставил службу, жил в Крыму и в январе 1918 г. вступил в Добровольческую Армию в чине генерал-майора. В начале 1919 г. назначен командующим Кавказской Добровольческой Армией. Осуществил ряд блестящих операций, впервые с успехом применил крупные массы конницы. В своем тылу беспощадно боролся с мародерами и дезертирами. Из-за разногласий с Главкомом ВСЮР ген. А.И.Деникиным по поводу стратегии и тактики Белой борьбы в январе 1920 г. уволен в отставку. В марте 1920 г. назначен Главкомом ВСЮР. Обладая блестящими военными, организаторскими и политическими способностями, коренным образом реорганизовал ВСЮР в Русскую Армию, пытался бороться с большевиками политическими методами, провел в Крыму ряд реформ. Несмотря на частичные успехи Русской Армии, в ноябре 1920 г. был вынужден начать эвакуацию в Турцию, во время которой было спасено 145 693 человек. В Зарубежье сохранил кадры армии, спас ее от выдачи в СССР. Обладал непрекращаемым авторитетом в кругах правой и белой военной эмиграции, из-за чего ВЧК-ОГПУ несколько раз пыталось его убить. 01.09.1924 г. приказом № 35 реорганизовал армию в Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), протестовал против деятельности в рядах РОВСа Боевой Организации ген. А.П.Кутепова. Последние годы работал по гражданской специальности. 25.04.1928 г. скоропостижно скончался, есть данные, что был отравлен агентами ОГПУ СССР. Похоронен в русской церкви в Белграде, сохраненной в годы просоветского режима сербами и русскими кадетами.

²² *Полковник Ган Александр Рудольфович* (29.12.1889, Тифлис — 15.02.1950, беженский лагерь Шлейсхем под Мюнхеном). Закончил Тифлисский кадетский корпус, Киевской Военное училище и Офицерскую Гимнастическо-Фехтовальную школу в С.-Петербурге. Вышел в 154-й пехотный Бакинский полк. В Великую войну 1914—18 гг. командовал разведывательной ротой на Кавказском фронте. Кавалер Георгиевского оружия. В период Гражданской войны 1917—1920 гг. — начальник Кавказского Военного Округа ВСЮР. В ноябре 1920 г. вместе с чинами Русской Армии ген. Врангеля эвакуировался в Турцию. В эмиграции работал на лесозаготовительных работах в Хорватии, преподавал гимнастику в Донском кадетском корпусе в г. Билече. Затем перешел с корпусом в г. Горажде и позднее — в Белую Церковь. Заведовал в корпусе мастерской сапожного ремесла. Преподавал гимнастику в 1-й русско-сербской мужской гимназии в Белграде до ее эвакуации в сентябре 1944 г. От имени Лиги Наций вел учет русских беженцев в Югославии. Деятельно включился в национальную работу «Русского Сокола», являлся Начальником (заведующим строевой и гимнастической деятельностью) Краевого Союза Русского Сокольства в Югославии. После 1945 г. участвовал в сокольской работе в лагерях «Ди-Пи» в Баварии.

²³ *Полковник Матвеев* — данных не обнаружено.

²⁴ *Офицерская школа Вооруженных Сил КОНР*. Возникла на базе курсов подготовки молодых офицеров при 1-й пехотной дивизии ВС КОНР в ноябре 1944 г. на полигоне в Мюнзингене. Начальниками школы являлись: декабрь 1944 г. — январь 1945 г. — полковник С.Т.Койда, январь 1945 г. — февраль 1945 г. — генерал-майор В.Г.Ассберг (Арцезо), с 15.02.1945 г. — генерал-майор А.М.Меандров. Начальник штаба школы — полковник Климов. В январе 1945 г. к школе была присоединена «школа для командиров народов Востока» полковника Киселева, в феврале 1945 г. — школа при штабе ген. добровольческих войск Кестринга. В штабе школы имелось 3 отдела (учебный, хозяйственный и санитарный). Школа имела батарею орудий кал. 75 мм и минометы. Кадровый состав: 18 штабных, 42 строевых офицера, 120 унтер-офицеров и рядовых. Преподаватели: 6 полковников, 5 подполковников, 4 майора и капитана. Курсы: с 03.11.1944 г. по февраль 1945 г. (244 слушателя), февраль 1945 г. — 09.05.1945 г. (605 слушателей). 18.04.1945 г. школа выступила маршем на юго-восток и 09.05.1945 г. в Будевице (Чехословакия) сдалась американцам.

РОА — Русская Освободительная Армия — неправильное терминологическое определение Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России (ВС КОНР) и ряда добровольческих частей из народов России, сражавшихся в Вермахте и в Ваффен-СС в 1941—45 гг. Как правило, никакой РОА никогда в истории не существовало. Уже в июне 1941 г. на Восточном фронте, по инициативе начальника оперативного отделения германских армий «Центр» полковника Х. фон Треско была создана 1-я русская часть полковника Сахарова. К лету 1943 г. на стороне Германии с оружием в руках сражалось около 1 000 000 бывших советских граждан в качестве «хивисвиллинге» (добровольных помощников), военнослужащих на штатных должностях частей Вермахта (например, 134 пехотная дивизия была на 40%

укомплектована русскими и др.), сил вспомогательной полиции (около 70 000 чел.), формирований типа "взвод-рота-батальон", а также в составе организованных частей: Русской Национальной Народной Армии (10 000 чел.), Русской Освободительной Народной Армии (20 000 чел.), бригады СД «Дружина» (8000 чел.), 600-й полк донских казаков (3000 чел.), запасной полк «Центр» (4000 чел.), 1-я казачья дивизия, 3 отдельных казачьих полка, Калмыцкий кавкорпус, 1001-й гренадерский полк абвера (более 6000 чел.), многочисленные национальные формирования Восточных легионов, а также национальные дивизии войск Ваффен-СС 14-я (укр.), 15-я (лат.), 20-я (эст.), 37-я (турк.), а также несоветских, таких как белый Русский Корпус на Балканах. В составе Вермахта находилось 176 общевойсковых и 38 строительно-охранных батальонов к лету 1943 г. Все попытки участников немецкого Сопротивления (полк. Штауффенберг, ген. Треско, полк. Гелен, полк. Лорингофен и др.), которые выступали защитниками и покровителями этого движения, добиться изменения "ост-политик" и создания правительства, армии и т.д. пресекались нацистами. Летом 1943 г. все русские добровольческие формирования получили особые элементы формы и погон и шеврон РОА на правый рукав, хотя РОА не существовало, и эти части по-прежнему подчинялись полевым командирам Вермахта и СС. Генерал-лейтенант А.А.Власов, находившийся под домашним арестом с 08.06.1943 г., также не имел никакого влияния на эти части. Лишь после создания КОНР и провозглашения Пражского Манифеста возникла возможность формирования Вооруженных Сил КОНР, которые часто историки и путают с РОА, т.к. власовцы тоже носили шеврон РОА с ноября 1944 г. В состав ВС КОНР вошли далеко не все добровольческие формирования. На конец апреля 1945 г. генерал-лейтенант А.А.Власов имел в своем подчинении Вооруженные Силы в следующем составе: 1-я дивизия генерал-майора С.К.Буныченко (22 000 чел.), 2-я дивизия генерал-майора Г.А.Зверева (13 000 чел.), 3-я дивизия генерал-майора М.М.Шаповалова (не вооруженная, имелся лишь штаб и 10 000 добровольцев), зап. бригада полковника С.Т.Койды (7000 чел.), Военно-Воздушные Силы (5000 чел.), дивизион ПТО, офицерская школа, вспомогательные части, Русский Корпус генерал-майора Б.А.Штейфона (4500 чел.), казачий стан генерал-майора Т.И.Доманова (8000 чел.), группа генерал-майора А.В.Туркула (5200 чел.), 15-й казачий кав. корпус генерал-лейтенанта Х. фон Паннвица (более 40 000 чел.), Казачий резервный полк ген. А.Г.Шкуро (более 10 000 чел.) и несколько мелких формирований численностью менее 1000 чел.; всего более 130 000 чел., однако они не были сведены в один район и были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, что стало одним из главных факторов их трагической судьбы.

²⁵ Батальон (с 1943 г. — полк) «Варяг» — добровольческое подразделение войск Ваффен-СС из русских белых эмигрантов и частью — советских военнопленных под командованием полковника Русской Императорской Армии М.А.Семенова. Начал свое формирование в конце 1941 — начале 1942 г. в Сербии. В течении войны на советском фронте не был, вел боевые действия против югославских партизан советской и коммунистической ориентации. В 1943 г., за счет постоянного пополнения русских из эмиграции и значительного числа добровольцев из лагерей военнопленных, батальон развернулся в полк. В отличие от Русского Корпуса, «Варяг» с самого начала подчинялся командованию полевых частей СС. Чины «Варяга» сражались отчаянно храбро, но часто проявляли жестокость по отношению к мирному населению в зонах операций партизан. Численность полка колебалась от 2000 до 2500 человек. После вступления в ноябре 1944 г. в ВС КОНР генерал-майора Туркула полковник М.А.Семенов присоединился в районе Люблян к группе Туркула, заявив о вхождении своей части в ВС КОНР. После капитуляции Германии чинам «Варяга», в т.ч. и советским гражданам, удалось, по-видимому, избежать выдачи и остаться на Западе.

²⁶ Из приказа генерал-майора, основателя Русского Корпуса М.Ф.Скородумова:

«...Сегодня, в День Св. Благоверного Князя Александра Невского — Покровителя многострадальной Земли Российской, исполнились заветные желания русских людей начать службу своей Родине в Русской Армии.

12 сентября сего года мною получено распоряжение германского командования за № 1 с согласия сербских властей о призыве русской эмиграции в Сербии для формирования Отдельного Русского Корпуса.

Призываю гг. офицеров, унтер-офицеров, урядников, солдат и казаков к выполнению своего долга, ибо ныне открывается новая страница Русской истории. От нас зависит, что будет записано на этой странице. Если возродится Русская Армия, то возродится и Россия.

С Божьей помощью, при общем единодушии и выполнив наш долг в отношении нас приютившей страны, я приведу вас в Россию». (Цит. по: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941—45. Нью-Йорк, 1963. С.37—38).

²⁷ Трушнович Александр Рудольфович (до перехода в православие Рудольф Рудольфович), (14.12.1893, Постояна — 13.04.1954 (?), Восточный Берлин). Окончил немецкую гимназию в Горице, учился на литературном факультете во Флоренции, затем на медицинском в Инсбруке и в Вене. В августе 1914г

призван в армию Австро-Венгрии. В июне 1915 г. по национальным мотивам переходит к русским. Вступает в 1-ю сербскую добровольческую дивизию. Участник боев в Добруджу. Ранен, в госпитале знакомится со своей будущей женой Э.Казакевич. Летом 1917 г. вступает в Корниловский Ударный полк. В Быхове нес личную охрану ген. Корнилова, Деникина и др. «быховцев». В 1918 г. вступает в Добровольческую армию, был командиром пулеметной роты 3-го Корниловского полка. Под Ставрополем ранен. Весной 1920 г. пленен у ст. Елизаветинской, спасен от расстрела сербами, служащими в РККА. После неудачных попыток пробраться к ген. Врангелю скитается, прячется от ЧК. Неоднократно объявлялся в розыск, был приговорен к расстрелу. С 1922 г. живет с семьей под чужой фамилией в Краснодаре. С 1927 г. работает врачом в ст. Приморско-Ахтырская. В 1931 г. переезжает с семьей в Таджикистан, готовясь к уходу в Афганистан нелегально. В феврале 1934 г. через посольство Польши выезжает в Югославию, в Белград. В 1941 г. вступает в НТСНП, работает в Сербии, устанавливает личные контакты с Лютичем и «ЗБОРОМ». В декабре 1944 г. — капитан, помощник начальника санитарного управления Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова. В 1945 г. уезжает в Сербию, где пытается организовать эвакуацию РОА. С лета 1945 г. — в Касселе. С 1946 г. — член Совета НТС. В сентябре 1950 г. переезжает в Западный Берлин, где руководит работой Комитета помощи русским беженцам, занимается журналистикой, выступает с докладами в ряде западных государств. В 1952 г. избирается председателем Высшего Суда Совести и Чести НТС.

Вечером 13.04.1954 г. на квартире советского агента А.Глезке похищен агентурой КГБ СССР, вывезен в Восточный Берлин и убит.

²⁸ *Назимов Николай Владимирович* — лейтенант Вермахта (подпоручик), начальник учебной команды 5-го полка Русского Корпуса. Добровольцем вступил в Корпус в сентябре 1941 г. Возглавив штыковую контратаку учебной команды, погиб в бою в долине реки Лашвы 22.02.1945 г.

²⁹ *Генерал-майор (оберст Вермахта) Зборовский Виктор Эрастович*. Казак ст. Ладожской Кубанского Казацкого войска, родился в 1889 г. По окончании 1-го Московского кадетского корпуса поступил в сотню Николаевского кавалерийского училища, в котором блестяще учился. При переводе на старший курс был назначен вахмистром сотни.

В 1909 г. производится в хорунжи и выходит в Отдельный Кубанский конный дивизион (Варшавский). В 1912 г. переводится в Собственный Его Императорского Величества Конвой и назначается младшим офицером Лейб-Гвардии 1-й Кубанской сотни, в составе которой в чине сотника осенью 1915 г. выезжает на фронт. В разведке был тяжело ранен в грудь. Эвакуированный в Царское Село, лечился в Федоровском лазарете Великих Княжен. Был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом.

По реформировании Конвоя назначен адъютантом Кубанского Гвардейского дивизиона и вместе с ним прибывает в Екатеринодар. Участник Белого движения на Юге России. С весны 1919 г., произведенный в полковники, командует Гвардейским дивизионом в Каменно-угольном районе и на царцынском направлении. В июле 1919 г. назначен временно командующим бригадой дивизии ген. Крыжановского, а в декабре 1919 г. — начальником Кавказской горской дивизии. С февраля 1920 г. — в Конвое Главкома ВСЮР ген. А.И.Деникина, эвакуируется с ним в Севастополь, с марта 1920 г. — начальник Конвоя. В августе 1920 г. в составе штаба дивизии ген. Бабиева участвует в десанте на Кубань, где тяжело ранен. В ноябре 1920 г. эвакуируется на о. Лемнос, где вновь принимает Кубанский дивизион. Летом 1921 г. с переброской Кубанского корпуса в Сербию, принимает командование переформированного в Кубанскую дивизию корпуса, с производством в генерал-майоры. В сентябре 1941 г. вступает в Русский Корпус ген. Скородумова и назначается командиром 1-го полка. Жертвенно командовал частями полка, всегда будучи примером для казаков и юнкеров 1-го полка. 26.09.1944 г. в перестрелке в районе Лешницы-Ново Село ранен в третий раз. После операции в г. Шабац награжден Железным Крестом. Эвакуирован в Грац (Австрия), но по дороге скончался от открывшейся раны. Похоронен в Граце. Приказом от 06.02.1945 г. 1-й полк получил новое наименование: «1-й Казачий генерала Зборовского полк».

³⁰ *Титовские партизаны*. Имеются в виду бойцы Национально-Освободительной Армии Югославии (НОАЮ) И.Б.Тито, оперировавшие, в первую очередь, в Хорватии. В Сербии их было очень незначительное количество.

³¹ *Полковник Гордеев-Зарецкий М.Т.* 26.09.1941 г. назначен командиром 1-й роты стрелкового полка Русского Корпуса (гауптман Вермахта). 08.10.1941 г. эта рота была названа юнкерской и включена в состав 1-го юнкерского батальона Свободного полка. Весной 1943 г. в Бору занял должность младшего офицера 7-й роты. 15.02.1944 г. назначен командиром 6-го батальона 5-го полка Корпуса. Прошел весь боевой путь Корпуса.

³² *Рутиков*, член НТСНП, вступивший в Русский Корпус. Данных не обнаружено.

³³ *Доктор Шауб* — данных не обнаружено.

³⁴ *Казанцев Александр Степанович* (1908—1963). Родился в Челябинске. Вместе с кадетским корпусом, в котором учился, попал в эвакуацию: во Владивосток, в 1922 г. — в Шанхай, в 1924 г. — в Югославию. Окончил юридический факультет Белградского университета. В 1930 г. вступил в Национальный Союз Русской Молодежи (НТС). Был редактором журнала «Огни» и центрального органа НТСНП «За Россию». В 1941 г. вместе с членами НТСНП в Югославии перешел на нелегальную работу Союза. Отправлен в Берлин, где с 1943 г. принимает участие во Власовском движении. С ноября 1944 г. по февраль 1945 г. — фактически редактор газеты КОНР «Воля народа». Подписывал Пражский манифест 1944 г. После 1945 г. — на союзной работе, член Руководящего Круга НТС. В 1952 г. издательство «Посев» выпустило его книгу «Третья сила. К истории одной попытки». Переиздана в 1974 г.

³⁵ См.: Казанцев А.С. Третья сила // Посев. Франкфурт-на-Майне, 1952 и 1974.

³⁶ *Четники* (от сербского «чета» — отряд, рота) — участники монархического, национально-освободительного движения на Балканах в 1941—45 гг. под руководством ген. Д. Михайловича. Считали себя преемниками освободительного четнического движения XVIII—XIX вв., направленного против Порты.

Возникли летом 1941 г. в районе Равной Горы под Валевом (Сербия) под руководством бывших офицеров югославской королевской армии, подчинившись югославскому правительству в изгнании и получив статус «Королевской армии на Родине». Оперировали в Сербии, Боснии и Герцеговине. До декабря 1941 г. четники сохраняли лояльное поведение по отношению к формированию КПЮ И.Б.Тито и принимали участие в совместных операциях против Вермахта. Однако жесткая ориентация Тито и его формирований на Москву, курс на осуществление социальной революции и советизацию Югославии после войны привели к разрыву с четниками, считавшими законным правительство правительства Петра II в изгнании. С начала 1942 г. отряды четников начинают военные действия против коммунистических формирований и частей Вермахта одновременно. В октябре 1941 г. в штаб ген. Михайловича прибыла военная миссия Великобритании во главе с капитаном Хадмоном, которая поддерживала связь с Управлением Особыми операциями (SOE) в Каире. В декабре 1941 г. англичане передали четникам 6 радиостанций, около 100 тонн военных материалов, были выделены 3 радиопередатчика. Правительство Ф.Рузвельта предоставило правительству Петра II заем в 100 000 долларов. В феврале-апреле 1942 г. четники капитана Байо Станишича оттеснили отряды Тито из Черногории. В течении 1942 г. англо-американцы оказали большую помощь четникам, передав им огромное количество боеприпасов, оружия, около 100 000 долларов, 76 000 фунтов стерлингов, 23 мил. 600 тыс. динаров и т.д. Четниками в 1942—44 гг. было спасено около 500 летчиков ВВС США, сбитых над Югославией. Политика четников не отличалась единообразием: ряд четнических командиров самостоятельно заключали и расторгали соглашения с полевыми командирами НОАЮ Тито и офицерами Вермахта о проведении частных операций против немцев, или титовцев, но четники соблюдали нейтралитет по отношению к отрядам «ЗБОРа» Д.Льотича и частями Русского Корпуса. 24.07.1942 г. последовало совместное заявление Ф.Рузвельта и Петра II об успехах и героизме четников. Но большинство успехов четников в борьбе против Вермахта было отнесено на счет НОАЮ. В мае 1943 г. англичане направили своих эмиссаров в штаб НОАЮ. Главную роль в дезинформации об истинном положении дел в Югославии правительства Великобритании и общественности сыграли SOE, M-16 и BBS. Активную пропаганду против четников вело также правительство СССР. В конце 1943 г. англичане прекратили оказывать помощь четникам, переключившись на помощь НОАЮ Тито. США поддерживали четников до конца 1944 г. В августе 1944 г. в штаб четников прибыла миссия США полковника Мак-Дауэлла, обещавшая поддержку четникам в послевоенной Югославии. Сообщения отдельных англо-американских офицеров в Каир о борьбе четников и о целях НОАЮ в Каире не принимали всерьез. Тем не менее, можно утверждать, что четники также, как и Армия Крайова в Польше, сыграли значительную роль в борьбе против Германии на Балканах в 1941—45 гг. Четники принимали активное участие в борьбе с усташами и защите сербского населения от павелического геноцида. В 1945 г. четники перешли к партизанской борьбе против режима И.Б.Тито. В эмиграции четники образовали политические организации «Сербская народная оборона» М.Сеферовича, «Равна Гора» М.Джуича и др., активно действовавшие против режима в Югославии и за рубежом.

³⁷ *Михайлович Драголюб* (Драга, Драже — встречается) (27.04.1893—17.07.1946, Белград) — один из участников европейского движения Соппротивления в 1939—1945 гг., пытавшегося бороться против нацистов и коммунистов, организатор движения четников на Балканах в 1941—45 г., генерал.

В 1925 г. окончил Высшую Военную Академию в Белграде. В 1925—28 гг. — офицер Генерального штаба Вооруженных сил Королевства СХС. В 1928—34 гг. — заместитель начальника и начальник дивизии. В 1934—36 гг. — военный атташе в Софии, с 1936 г. — в Праге. В 1941 г. — полковник югославской королевской армии. После оккупации Югославии, признав королем Югославии короля Петра II, с лета 1941 г. приступил к организации вооруженного Соппротивления (четников) в Сербии, Боснии и Герцеговине. В декабре 1941 г. королем Петром произведен в чин генерала. С января 1942 г. — военный министр

югославского правительства в изгнании. 19.09.41 г. встречался с И.Б.Тито и договорился о лояльности между четниками и отрядами КПЮ. Но в декабре 1941 г. ген. Михайлович отказался от союза с "бойцами за социальную революцию и свержение монархии". В 1942—44 гг. ген. Михайлович, будучи почти слепым, руководил партизанскими действиями против Вермахта, НОАЮ, усташей на территории Сербии, Боснии и Герцеговины. Оккупационные власти назначили награду за голову Михайловича в 100 000 рейхсмарок. В 1945 г. награжден президентом США Г.Трумэном медалью «За храбрость» секретным порядком. В 1945 г. отказался покинуть Югославию и пытался бороться против коммунистов и ОЗНА. После упорных боев схвачен, пленен. Несмотря на протесты мировой общественности и американского «Комитета по обеспечению справедливого суда над ген. Михайловичем» сенатора Д.Мартина, установившего невинность арестованного, закрыто осужден и расстрелян "за измену Родине" в Белграде.

³⁸ *Павелич Анте* (14.07.1889—1959). В 1915—1929 гг. являлся секретарем Хорватской партии права, в 1915—1927 гг. — депутат Загребского магистрата. С 1927 г. — депутат Народной Скупщины Королевства СХС. В 1929—1941 гг. — в эмиграции, в Италии. Основатель и "поглавник" военно-террористической организации «Усташи», носившей расистский характер. В 1941—45 гг. — "поглавник" Хорватского, союзного Германии, государства. Организатор и идеолог геноцида против сербского населения. В 1945 г. — бежал в Австрию, скрывался в Австрии, Италии, Аргентине, Испании. В эмиграции руководил деятельностью хорватских организаций, которые вели нелегальную деятельность на территории послевоенной Югославии.

³⁹ *Усташи* (в пер. "повстанец") — военно-политическая хорватская организация. Создана в январе 1929 г. секретарем Хорватской партии Анте Павеличем (1889—1959). Ставила своей целью создание независимого Хорватского государства на Балканах, во главе с "поглавником" А.Павеличем. С 1929 г. как диверсионно-террористическое подразделение («Секретная революционная организация усташей» — ТРУП) входила в Движение за освобождение Хорватии. Базы ТРУПа дислоцировались в Италии, Австрии, Венгрии и Бельгии. В 1934 г. усташи убили короля Югославии Александра I и министра Иностранных дел Франции Баргу. В 30-е гг. поддерживали организационные контакты с Абвером, позже — с VI управлением РСХА Германии. Отличались шовинистической идеологией и применением массового террора против инакомыслящих и нехорватского населения Балкан. В 1941—45 гг. на территории Хорватского государства (Хорватия, Босния и Герцеговина) являлись главными проводниками политики геноцида А.Павелича против сербского населения. Использовались некоторыми католическими кругами Ватикана в борьбе против православия на Балканах. После 1945 г. из ТРУП выделились Хорватское революционное братство Б.Орловича, Тайное движение усташей Р.Медича и др. группировки, проводившие активную деятельность в эмиграции и в подполье на территории СФРЮ до конца 60-х гг.

⁴⁰ *Тито Иосип Броз* (25.05.1882, Загреб — 04.05.1980, Белград). Из семьи крестьянина. Окончил начальную школу и 2 класса гимназии. В 1907 г. ушел на заработки. В 1910 г., будучи рабочим-металлистом, вступил в Социал-демократическую партию Хорватии и Словении. В начале Великой войны 1914—18 гг. арестован австро-венгерскими властями за пораженческую пропаганду, отправлен на фронт. В 1915 г. ранен, попал в русский плен. В июне 1917 г. прибыл в Петроград, принял участие в большевистском путче 3 июля 1917 г., арестован и выслан за Урал. В октябре 1917 г. вступил в Омске в Красную гвардию, в 1918—20 гг. принимал участие в боях против частей Сибирской армии адмирала А.В.Колчака. В сентябре 1920 г. возвратился к Королевству СХС и вступил в Коммунистическую партию Югославии (КПЮ). В 1921—27 гг. работал на различных предприятиях. Вел нелегальную коммунистическую деятельность. С 02.1928 г. — секретарь Загребского комитета КПЮ. В феврале 1928 г. арестован, приговорен к 5 годам каторжных работ. В 03.1934 г., после освобождения, приступил к нелегальной работе в Хорватии. В декабре 1934 г. избран членом ЦК и Политбюро ЦК КПЮ. В 1935—36 гг. в Москве работал в Коминтерне, участник VII Конгресса. В 1936 г. нелегально вернулся в Югославию. В октябре 1940 г. избран Генеральным Секретарем КПЮ, переизбран им в 1948 г. В 1941—45 гг. возглавлял югославское сопротивление коммунистической ориентации, Верховный Главнокомандующий НОАЮ. 30.11.1943 г. избран Председателем Национального комитета освобождения Югославии. С 1943 г. — маршал Югославии. С 11.1944 г. — народный герой Югославии. С 03.1945 г. — Председатель Совета Министров, Министр Обороны и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами ФНРЮ. С 08.1945 г. — Председатель Народного фронта ФНРЮ. В ноябре 1945 г. возглавил правительство ФНРЮ. В 1948 г., в результате личного конфликта с И.В.Сталиным, порвал отношения с СССР, и с тех пор Югославия заняла особое место в странах соцлагеря. В 1953—63 гг. — председатель Союзного Исполнительного Вече Югославии. В ноябре 1952 г. избран Генеральным Секретарем Союза Коммунистов Югославии, с октября 1966 г. — его председатель. С февраля 1953 г. — Президент страны и Верховный Главнокомандующий. С 1971 г. — Председатель Президиума СФРЮ. С мая 1972 г. — дважды Народный герой Югославии.

Был награжден: орденом Ленина (1972), орденом Победы (1945), орденом Суворова 1-й ст. (1945), с 1977 г. — трижды Народный герой Югославии, орденом Октябрьской революции (1977).

⁴¹ «ЗБОР» — югославянская военно-политическая организация. Создана адвокатом Дмитрие Лютичем (Летичем) в ноябре 1935 г. Оперировала и действовала в Сербии. Идеология «ЗБОРа» сводилась к созданию сильного, монархического югославского государства на Балканах, защите сербского населения. «ЗБОР» пресекал деятельность сепаратистских организаций, выступал за активное сотрудничество с белой русской эмиграцией. Поддерживался православной церковью. После оккупации Югославии в апреле 1941 г. перешел на нелегальное положение, после создания правительства ген. М.Недича 29.08.1941 г. свои отношения с Вермахтом определял как независимо-союзнические. К концу 1942 г. вплоть до 1945 г. численность «ЗБОРа» насчитывала три полных пехотных полка с серьезной дисциплиной и организацией. Подчинялась Д.Лютичу. В 1942 г. очистила почти всю Сербию от коммунистических формирований И.Ю.Тито и усташей А.Павелича. В 1945 г. «ЗБОР» заявил о своей готовности подчиниться Вооруженным Силам КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова. «ЗБОРу» подчинялась Сербская гвардия. После 1945 г. в эмиграции с центром в ФРГ насчитывалось около 2000 членов «ЗБОРа», активно действовавшие за рубежом и в подполье на территории Сербии. В 1948 г. руководитель «ЗБОРа» Я.Лютич, брат Д.Лютича, был задушен в Мюнхене агентами госбезопасности СФРЮ (ОЗНА).

⁴² *Лютич* (встречается написание *Летич*) *Дмитрие* (? — 1945) — югославянский политический деятель. Работал адвокатом в Смедереве. В январе 1929 г. — апреле 1932 г. входил в состав правительства ген. Живковича. Занимал пост министра юстиции. Лидер военно-политической организации «ЗБОР». Выступал за сохранение единой монархической Югославии. Будучи убежденным сторонником русско-сербского единения считал, что в борьбе с потенциальной опасностью со стороны левых сил и коммунистов Сербия должна опираться на внутренние добровольческие силы. Активно сотрудничал с белой военной эмиграцией. В августе 1941 г. — октябре 1944 г. входил в сербское правительство ген. Недича. Занимал пост министра народного просвещения. При контактах с представителями Вермахта ориентировался на противников “Восточной политики” А.Розенберга и участников Сопrotивления генерала Л.Бека — полковника К.Штауффенберга. С 1942 г. во главе отрядов «ЗБОРа» вступил в борьбу с коммунистическими формированиями, пресекая геноцид и со стороны усташей. С 1943 г. пытался готовить единое антисоветское подполье на Балканах при приближении Красной Армии. В 1944 г. вступил в контакт с представителями Вооруженных Сил КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова, был автором “сербского плана” спасения русских добровольческих частей Вермахта и РОА. Погиб, сорвавшись в пропасть при невыясненных обстоятельствах.

⁴³ “*Бьет светлый час...*” — первые строчки гимна НТС “Бьет светлый час за Русь борьбы последней...”, появившегося в 1938 г. и исполнявшегося на мотив популярного в СССР «Марша Авиаторов».

⁴⁴ *Редлих Роман Николаевич* (1911, Москва). В 1929 г. окончил среднюю школу, работал слесарем на железной дороге, затем младшим научным сотрудником в госинституте психологии, педологии и психотехники (ГИППП) в 1932—33 гг. В 1933 г. вместе с семьей эмигрировал в Германию. В 1940 г. окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. В 1940 г. вступил в нелегально действующий на территории Германии НТСНП. В 1942—43 гг. работал в пропагандистском лагере Вустрау, в январе 1944 г. отправлен из-за угрозы ареста под Лиду, в бригаду Б.В.Каминского. Был одним из руководителей идеологического сектора бригады, в мае 1944 г. организовал печатание союзной Схемы НТС. Вел прием в НТС из числа местного населения и военнослужащих бригады. В мае 1944 г. ездил связным в Далем к генерал-лейтенанту А.А.Власову. В июле 1944 г. при эвакуации в Польшу покинул бригаду и, находясь в розыске Гестапо и СД “за антинемецкую деятельность” под именем “капитан Воробьев”, уехал в Австрию. В 1946 г. избран в Совет НТС. Неоднократно избирался в Исполнительное Бюро НТС. Занимался литературной, научной и педагогической деятельностью. В 1947—55 гг. возглавлял группу по изучению положения в СССР, курсы по подготовке членов НТС. В 1955—58 гг. вел радиопередачи НТС с Дальнего Востока на Россию (Тайбей, Манила, Сеул). Автор философских работ «Сталинщина как духовный феномен» («Посев», 1971), «Советское общество» (1972), «Солидарность и свобода» (1984). Автор большого количества статей в журналах «Посев», «Грани», «Наши дни», «Мысль» и радиопередач р/с «Свободная Россия». С 1992 г. проживает в Москве, преподает философию в Независимом философском университете.

⁴⁵ *Власов Андрей Андреевич* (01.01.1901, с. Ломакино, Покровской волости, Сегачерского уезда, Нижегородской губ. — 01.08.1946, Бутырская тюрьма, Москва) — генерал-лейтенант, Председатель Комитета Освобождения Народов России, Главнокомандующий Вооруженными Силами КОНР.

Из семьи крестьянина. Обучался в духовном училище и в Нижегородской духовной семинарии. В 1919 г. закончил 1-й курс аграрного факультета Государственного Нижегородского университета. 17.05.1920 г. вступил в РККА. По окончании 24-х Нижегородских пехотных курсов отправлен на фронт. В должности комвзвода 14-го Смоленского стрелкового полка 2-й стрелковой дивизии участвовал в боях на Южном фронте, а также против повстанцев Махно, Блоха и др.

С 1922 по 1928 г. проходил службу в 5-м петроградском полку и в 26-м петроградском полку 9-й Донской дивизии в должностях: помощник командира роты, командир роты, начальник полковой школы. В 1928 г. отправлен на высшие стрелковые курсы им. Коминтерна, по окончании их — командир батальона в указанном полку. Член ВКП(б) с 1930 г. С декабря 1930 г. — преподаватель тактики в Ленинградской школе тактики им. В.И.Ленина. В 1933 г. окончил высшие курсы комсостава «Выстрел». С 1933 г. — в штабе ЛенВО, в котором проходил службу до 1937 г. в должностях: помощник начальника 1-го сектора 2-го отдела, помощник начальника 2-го отдела, помощник начальника отдела боевой подготовки. С января 1936 г. — майор (приказ НКО СССР № 0391). С августа 1937 г. — исполняющий должность командира 133-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии. С 19.02.1938 г. — командир полка; он добивается, чтобы полк был лучшим в дивизии. С 22.04.1938 г. — помощник командира 72-й стрелковой дивизии. С августа 1938 г. — полковник (приказ НКО СССР № 01378). Осенью 1938 г. направляется в Китай под псевдонимом «Волков». Первоначально занимал пост начальника штаба ГСВС комдива А.И.Черепанова в феврале-мае 1939 г., а также пост советника при генерале Янь Си-Шане. С мая 1939 г. — и.о. главного военного советника. Был награжден Чан Кай Ши орденом Золотого Дракона и золотыми часами.

В ноябре 1939 г. вернулся в Москву. С 10.01.1940 г. — командир 99-й стрелковой дивизии. С 29.02.1940 г. — комбриг (приказ НКО СССР № 081). Из худшей дивизии КОВО 99-я стрелковая дивизия становится лучшей дивизией округа. 05.06.1940 г. постановлением Совнаркома комбригу А.А.Власову присваивается звание генерал-майора. За прекрасную выучку дивизии награжден орденом Ленина 23.02.1941 г. и золотыми часами. В октябре 1940 г. 99-я стрелковая дивизия признана лучшей дивизией КОВО и РККА. В декабре 1940 г. генерал-майор А.А.Власов выступает на декабрьском совещании высшего комсостава РККА в Москве. С 17.01.1941 г. — командир 4-го механизированного корпуса КОВО в районе Львова. В боях 27.06—04.07.1941 г. вывел корпус из окружения и 09—16.07.1941 г. участвовал с ним в успешной контратаке под Бердичевом. С 23.07.1941 г. — командующий 37-й армией Юго-Западного фронта. Защищал Киев, являясь комендантом города и командующим КиУРом. 19.09.1941 г. начал выход из окружения. После выхода из окружения — заместитель командующего Юго-Западным направлением. 20.11.1941 г. после приема у Сталина назначается командующим 20-й армией Западного фронта, которой командует до 08.03.1942 г. Под его командованием 20-я армия играет одну из главных ролей в декабрьском наступлении под Москвой, освобождает Волоколамск и Солнечногорск. 03.01.1942 г. ген. Власов награжден орденом Боевого Красного Знамени, 24.01.1942 г. ему присвоено звание генерал-лейтенанта. С 09.03.1942 г. — заместитель командующего Волховским фронтом, с 16.04.1942 г. — командующий 2-й Ударной армией в окружении, которая попала туда в результате бездарных действий Ставки Главного Командования. 24.06.1942 г. отдал приказ пробиваться к своим мелкими группами. 12.07.1942 г. в дер.Туховечи был выдан местным старостой армейскому патрулю 28-го пехотного корпуса 18-й армии Вермахта. Приказом Главного Управления Кадров НКО СССР № 0870 от 05.10.1942 г. объявлен пропавшим без вести. Содержался в Винницком особом лагере 2-го отдела Генштаба Вермахта, созданного подполк. К.Ш. фон Штауффенбергом. В конце июля 1942 г. под влиянием капитана В.К.Штрик-Штрикфельда соглашается возглавить русское антисталинское движение.

Автор меморандума, подписанного 03.08.1942 г. вместе с полковником В.И.Боярским, о создании РОА, гарантий России и формировании русского антисталинского правительства, союзного Германии. С сентября 1942 г. — в Берлине в отделе пропаганды Вермахта. Позволил немцам использовать свое имя в ряде антисоветских листовок. 27.12.1942 г. подписывает так называемую Смоленскую декларацию, в которой впервые излагаются цели Власовского движения. В середине апреля 1943 г. генерал-лейтенант Власов посещает Ригу, Псков, Гатчину, Остров, где выступает перед жителями оккупированных районов. За независимый характер выступлений 08.06.1943 г. по приказу Гитлера посажен под арест в Далеме, под Берлином. 16.09.1944 г. он встречается с рейхсфюрером Г.Гиммлером, который дает согласие на создание КОНРа, провозглашение Манифеста и формирование ВС КОНР. 14.11.1944 г. в Праге провозглашается Пражский Манифест, главный программный документ Власовского движения, возглавляет КОНР и формирующиеся Вооруженные Силы. Все попытки наладить контакты с англо-американцами успеха не имеют. В марте 1945 г. дает согласие на использование в боях 1-й дивизии на Одере. 27.04.1945 г. отверг предложение испанских дипломатов ген. Франко эмигрировать в Испанию. Находился со своим штабом в Северной группе ВС КОНР. 11.05.1945 г. сдался американцам в замке Шлюссельбург и 12.05.1945 г. захвачен в штабной колонне сотрудниками «СМЕРШа» 162-й танковой бригады 25-го танкового корпуса. На следствии, которое велось с мая 1945 г. по апрель 1946 г., дал обширные показания о своей деятельности, но виновным себя в измене Родине не признал. Это его поведение, а также некоторых других власовцев не позволили провести над ними открытый судебный процесс. 30.07—01.08.1946 г. судим ВК ВС СССР во главе с генералом юстиции В.В.Ульрихом и казнен в ночь на 01.08.1946 г. По некоторым данным, останки захоронены в Москве на Донском кладбище.

⁴⁶ *Селивановский Всеволод Владимирович* (15.05.1925, Белград — 23.01.1988, Монтерей, Калифорния, США). Скаутмастер ОРЮР. В 1944 г. окончил в Белграде 1-ю русско-сербскую гимназию (последний выпуск). В 1937 г. вступил в НОРС. В годы немецкой оккупации Югославии в 1941—44 г. был начальником подпольного Сербского отдела НОРС. В НТС вступил в 1943 г. В зависимости от места жительства занимал должности начальника отделов ОРЮР: Австрийского, Баварского, Северо-Американского и другие должности в ОРЮР. В декабре 1949 г. прибыл в США, где вскоре устроился преподавателем русского языка в Военной школе языков в Монтерее, где работал до самой смерти. Был талантливым педагогом, художником и карикатуристом. Некоторое время редактировал журналы ОРЮР «Свисток» (Мюнхен) и «Скаут-разведчик» (Нью-Йорк).

⁴⁷ *Жедалиягин Юрий Петрович* (25.06.1921, Королевство СХС). Из семьи офицера Русской армии ген. Врангеля. Окончил кадетский корпус и Белградский университет. Член НТСНП с 1938 г. В 1942—43 гг. — на нелегальной работе в России, Вязьма, Орловская область, Белоруссия. После войны — на союзной работе. Проживает во Франции.

⁴⁸ «Зеленая дорожка» — термин, родившийся в тот момент, когда в 1931—32 гг. члены НСНП-НТСНП стали пытаться нелегально переходить через границу в Россию. Буквально означает «нелегальный переход». Первыми нелегально перешедшими из Польши в СССР и пробывшими там полгода были в 1938 г. Г.Околович и А.Колков. В 1941—45 гг. так называлась переброска кадров Союза в оккупированные области, запрещенные для посещения эмигрантами.

⁴⁹ *Козорез Николай Сергеевич* (06.08.1898, Кременчуг, Полтавской губ. — 04.04.1972, Дармштадт, ФРГ). Окончил Полоцкий Кадетский корпус, Павловское военное училище (Петроград). В 1916 г. ушел на фронт Великой войны 1914—18 гг. конным артиллеристом. В 1918—20 гг. служил в рядах ВСЮР, Русской Армии, командир бронепоезда. В 1920 г. эвакуировался из Крыма в Грецию, затем в Королевство СХС. Был в составе казачьего полка, превращенного в рабочие команды по строительству железнодорожных путей. Окончил Белградский университет (факультет путей сообщений). Работал интендантом по строительству и содержанию железных дорог. В 1941—45 гг. — преподаватель в юнкерском училище Русского Корпуса и 15-го казачьего кавказского корпуса генерала Х. фон Паннвица. Член НТСНП с 1938 г. В 1945 г. выдан Советам англичанами в Лиенце (Австрия). В 1945—56 гг. — в советских концлагерях на Севере. В 1956 г. выпущен как несоветский гражданин в Австрию, откуда переехал в ФРГ. Во Франкфурте-на-Майне работал в Институте по изучению СССР при НТС, затем в издательстве «Посев», сотрудничал в журналах «Посев», «Грани». Был Председателем Суда Совести и Чести Франкфуртской группы и всей западногерманской организации НТС. С 1966 г. на пенсии. Умер после долгой сердечной болезни.

⁵⁰ *Вергун Кирилл Дмитриевич* (1907—12.04.1945, Пильзен). Из семьи профессора чешского университета и председателя русских соколов в Чехии. Член НСРМ с 1930 г., член Исполбюро с 1936 г. Председатель Пражского отдела НТСНП. Перед войной возглавлял отдел пропаганды и печати в Белграде. Окончил Пражский университет, по образованию инженер-конструктор. Один из руководителей нелегальной союзной работы в Европе в 1941—44 гг. В июне 1944 г. арестован Гестапо вместе с руководством НТС. Содержался в одиночной камере в Берлине, в концлагере Заксенхаузен. Освобожден по настоянию генерал-лейтенанта А.А.Власова в апреле 1945 г. Убит во время бомбежки состава поезда 12.04.1945 г. на станции Пильзен англо-американской союзной авиацией.

⁵¹ *Генерального штаба генерал-майор Владимир Владимирович фон Крейтер*. Первым окончил кадетский корпус, Николаевское Кавалерийское училище и Академию Генерального штаба. Выдающийся офицер Русской Императорской армии и Вооруженных Сил Юга России ген. Деникина. С 1941 г. — начальник гражданского управления русской эмиграции в Сербии. Оказывал огромную помощь русским и евреям в оккупированной немцами Сербии, спас от Гестапо несколько десятков человеческих жизней, постоянно покрывал нелегальную деятельность русских молодежных организаций.

⁵² *НОРС в подполье* — с приходом к власти нацистов в Германии были закрыты все скаутские организации Германии, в т.ч. и НОРС. С захватом европейских государств Германией прекращали свое существование все русские политические и культурные организации, носившие национальный характер. С лета 1941 г. работу НОРС в подполье возглавила Инструкторская часть во главе со ском. Б.Б.Мартино. Скаут-разведческая работа велась под видом НОРМ (Германия), гимназических лагерей (Югославия), открыто (Венгрия), в виде кружков (Рига) и даже на оккупированной территории в России (Псков), где скаутизм был запрещен еще Советами. Работа сводилась к изучению разрядов, проведению курсов и лагерей. В 1942—44 гг. в НОРС вступили витязи при РСХД в Праге и Брно и ст. разведчиков стали называть витязями. НОРС понес большие потери в подпольной работе от Гестапо, «СМЕРШа», голода, бомбежек. Общее число павших скаутмастеров и руководителей составило около 100 человек.

⁵³ *Гижицкий Лев Михайлович* (05.02.1925, Королевство СХС). В 1933—41 гг. — обучался в белградской гимназии. Член НТСНП в 1939—72 гг. Член НОРС с 1932 г., организации «Русский Сокол» в 1936—39 гг. В 50-е гг. был начальником дружины ОРЮР в США. По образованию строитель. Проживает в США.

⁵⁴ *НОРМ — Национальная Организация Русской Молодежи*. Для контроля за эмигрантской молодежью нацистами в Берлине в 1939 г. была создана НОРМ. Ее начальником стал С.В.Таборицкий. Он поручил вести практическую деятельность НОРМ начальнику штаба организации И.Мелких.

В Лодзи и в др. городах русские скауты тоже стали создавать отделения НОРМ, чтобы продолжать свою запрещенную нацистами деятельность. Аналогичную работу проводили витязи в Праге и Брно.

В 1941 г. в Берлин из Белграда приехал скм. О.С.Поляков, который договорился с И.Мелких о подпольной разведческой работе под названием «Ушкуйное Войско разведчиков» в рамках НОРМ.

⁵⁵ *Байдалаков Виктор Михайлович* (01.05.1900—17.07.1967). Родом из Области Войска Донского. Окончив среднюю школу в 1918 г., пробрался на Дон, где служил добровольцем в 1-м Верхне-Донском казачьем и в 11-м гусарском Изюмском полку ВСЮР. Был ранен, за боевые заслуги произведен в офицерский чин. После эвакуации в Галлиполи работал чернорабочим в Константинополе и в Сербии. В 1923 г. поступил на химическое отделение Белградского университета, которое закончил в 1929 г. Автор двух научных монографий по химии. Со второй половины 20-х гг. принимает активное участие в деятельности национальных кружков русской молодежи. Осенью 1928 г. был избран председателем Союза Русской Национальной Молодежи, 1—4.07.1930 г. был одним из организаторов съезда национальных организаций русской молодежи, на котором был создан Национальный Союз Русской Молодежи (НТС). В 1930—55 гг. возглавлял НТС на посту председателя Исполнительного Бюро и Председателя Союза. Был ярким организатором дела Союза, автор идеи о замене деятельности, построенной на уговорах, призывом к служению, жертвенности и борьбе. В 1934—38 гг. сумел обеспечить самостоятельность НТСНП от РОВСа, избежать проникновения советской агентуры в Союз. 22.02.1939 г. на большом собрании в Белграде прочел доклад «Иллюзии и действительность», лейтмотивом которого стала мысль: «ни со Сталиным, ни с иноземными завоевателями, а со всем русским народом», заслужившим одобрение и полную поддержку И.А.Ильина. В 1941—45 гг. — один из организаторов и руководителей подпольной работы НТС в Европе. В июле 1944 г. «за антинемецкую деятельность» арестован Гестапо, во время бомбежки был ранен в Пильзене. После войны сыграл существенную роль в отстройке и активизации НТС. В конце 40-х гг. в НТС начал назревать серьезный кадровый кризис, который В.М.Байдалаков не смог предотвратить. В январе 1955 г., вопреки Уставу Союза, В.М.Байдалаков распускает Исполбюро и формирует новое. После отказа подчиниться Съезду Совета он, 2 члена Совета и 3 члена Руководящего Круга НТС исключаются из Союза. Вместе с ними ушло более 130 человек (от общей численности Союза в 1500 человек в 50-е гг.). В 1957 г. создал свою организацию — Революционный Национально-Трудовой Союз, который не получил развития. В начале 60-х гг. уехал из Европы в США, политикой не занимался. Скоропостижно скончался в 1967 г.

⁵⁶ *Генерального штаба полковник Сергеевский Борис Николаевич* (27.02.1883, Санкт-Петербург — 31.05.1976, Лос-Анджелес). Сын заслуженного профессора уголовного права Санкт-Петербургского университета. В 1901 г. с золотой медалью окончил классическую Ларинскую гимназию в С.-Петербурге, а затем Константиновское Артиллерийское училище с дополнительным курсом. За блестящее окончание училища его фамилия была занесена на мраморную доску (1904). Начал службу в Лейб-Гвардии Стрелковом Артиллерийском Дивизионе. Окончил Николаевскую Военную Академию Генерального Штаба с дополнительным курсом в 1908—1911 гг. В последующие два с половиной года командовал 9-й ротой в 145-м Новочеркасском Императора Александра III Пехотном полку в С.-Петербурге. 15.07.1914 г. переведен в Генеральный штаб с назначением обер-офицером для поручений при штабе 22-го Армейского Корпуса в Гельсингфорсе. С началом Великой войны 1914—18 гг. перешел в его составе в рядах 3-й Финляндской стрелковой бригады государственную границу с Восточной Пруссией в августе 1914 г. Впоследствии написал книгу «Пережитое» (Белград, 1933). В течение войны исполнял поручения офицера Генерального штаба и занимал должности в штабах 22-го и 40-го Армейских корпусов. В Карпатах получил Георгиевское оружие за личную храбрость и инициативу при создании заслона из обозных ополченцев и остановке германского прорыва к переправе на р. Стрый. 18.02.1917 г. назначен начальником службы связи Действующей Армии в Управлении генерал-квартирмейстера в Ставке Государя Императора. Автор книги «Отречение — 1917 г.» (Нью-Йорк, 1969). После захвата Ставки большевиками в ночь с 19/20.11.1917 г. бежал в Закавказье. Воевал с большевиками в должности начальника штаба 1-й Русской стрелковой дивизии в Армении. В сентябре 1918 г. вступил в Добровольческую армию. Являлся начальником штаба 5-й дивизии, в 1919 г. — начальник службы связи ВСЮР ген. А.И.Деникина. В 1920 г. — профессор Константиновского военного училища. Участник Кубанской десантной операции августа 1920 г. и боев на Перекопе. В ноябре 1920 г. эвакуировался вместе с чинами Русской Армии

ген. П.Н.Врангеля в Турцию. В декабре 1922 г. переехал в Королевство СХС. Служил библиотекарем в Донском Институте для благородных девиц в г.Великая Кикинда. Переведен на должность преподавателя русской истории в Донской Кадетский корпус в г.Горажде, а затем — в 1-ю мужскую русско-сербскую гимназию в Белграде. Заведовал мужским интернатом при гимназии. Многие годы читал лекции на Высших Военно-Научных Курсах ген. Головина. В начале 30-х гг. вступил в «Русский Сокол», читал идеологические доклады и пятиминутки, к 1938 г. стал первым заместителем Воспитателя всего Союза Русского Сокольства. В 1943 г. был назначен директором мужской гимназии в Белграде.

В 1944 г. вместе с гимназией эвакуировался в Германию. После 1945 г. открыл в лагере «Ди-Пи» русскую гимназию под Мюнхеном. В 1951 г. переехал в США. В Сан-Франциско преподавал и был инспектором классов в русской православной приходской школе Св. Скорбящего Собора в 1951—1954 гг. Являлся воспитателем Лос-Анджелесского сокольского общества. Вел русский исторический кружок. В 1954 г. для детей написал учебник по истории «Прошлое Русской Земли». Автор более сотни статей в русской зарубежной печати.

⁵⁷ *Юнг Игорь Леонидович* (29.08.1914, Ташкент — ?). Из семьи русского эмигранта. В НТСНП вступил во второй половине 30-х гг. В 1941—45 гг. — на нелегальной союзной работе в Германии и Австрии. Летом 1944 г. был арестован Гестапо, но скоро освобожден. В суматохе последних военных месяцев пропал без вести.

⁵⁸ *Абель Рудольф Иванович* (наст. Фишер Вильям Генрихович, оперпсевдоним “Марк”; 11.07.1903, Ньюкасл-на-Тайне, Англия — 15.11.1971, Москва) — профессиональный советский разведчик-нелегал. Из семьи революционеров, высланной из России в 1902 г. Учился в средней школе, работал учеником чертежника в КБ. В 1919 г. сдал экзамен в Лондонский университет, но в 1920 г. семья вернулась в Москву. В 1924 г. поступил на индустриальное отделение Института Востоковедения им. Н.Нариманова в Москве, в 1925 г. призывается в РККА, служил в 1-м радиотелеграфном полку МВО. В 1926 г. поступил в НИИ ВВС РККА. Был женат на Е.Лебедевой. С 1927 г. — в органах госбезопасности ОГПУ СССР по рекомендации МГК ВЛКСМ. В 1927—31 гг. — помощник уполномоченного центрального аппарата ОГПУ. В 1932—38 гг. — в оперативных командировках, на нелегальной работе ряда европейских государств. В 1938 г. присвоено звание лейтенанта ГБ. В 1939 г. освобожден от работы в органах ГБ, до 1941 г. работал во Всесоюзной Торговой Палате. В сентябре 1941 г. вновь в органах ГБ. Занимался организацией разведывательно-диверсионных групп и отрядов в тылу противника, в 1944—45 гг. — на территории Венгрии, Югославии, Чехословакии. В 1945—47 гг. — на учебе в разведшколе для разведчиков-нелегалов. В ноябре 1948 г. под псевдонимом “Марк”, по легенде Голдфус Эмиль Роберта, выехал на оперативную работу в США, работал в Нью-Йорке, Вашингтоне. Действовал в составе советской разведсети по добыче информации, касающейся производства атомного оружия, осуществляющей вербовку военнослужащих ВС США. В 1955 г. находился на отдыхе и переподготовке в Москве в ПГУ КГБ при СМ СССР. В мае 1957 г. в Нью-Йорке по доносу перешедшего на сторону США нелегала Хэйханена был арестован сотрудниками ФБР. 15.11.1957 г. Федеральным судом США осужден на 30 лет лишения свободы “за атомный и военный шпионаж в пользу СССР”. 10.02.1962 г. в Западном Берлине обменян на пилота ВВС США Ф.Г.Пауэрса, сбитого над территорией СССР 01.05.1959 г. После 1962 г. — в Москве, в Центральном аппарате Внешней разведки (ПГУ КГБ), на преподавательской работе. Был награжден орденом Ленина, 3 орденами Боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями. Скончался в клинике онкологии после тяжелой болезни, похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

⁵⁹ *Ширинкина Ариадна Евгеньевна* (01.12.1917, Харьков — 18.07.1990, Франкфурт-на-Майне). В 1920 г. была увезена родителями в эмиграцию. В 1935 г. закончила русско-сербскую гимназию в Белграде и начала учиться на медицинском факультете Белградского университета, но из-за тяжелого материального положения семьи и войны не смогла закончить образование. Вступила в НТСНП в 1936 г. и посвятила всю жизнь делу Союза. Участвовала в работе белградской группы Союза, была членом правления Югославского отдела НТСНП. В 1942 г. выехала с рабочим транспортом в Германию, откуда с помощью польского Сопротивления в Варшаву и в апреле 1942 г. нелегально в Смоленск. В 1942—44 гг. — на союзной работе в России: привлекала в Союз молодежь, организовывала печатание и распространение союзных листовок. Работала в Смоленске, Орле, Брянске, Могилеве, Минске. В феврале-сентябре 1943 г. — под арестом Гестапо “за антинемецкую деятельность”. В апреле-июне 1944 г. — вторичный арест, выпущена военными. Летом 1944 г. эвакуирована в Вену, потом в Баварию, где формировалась офицерская школа РОА. В 1945 г. попала в американский плен, освобождена, принимала активное участие в спасении советских граждан от насильственной выдачи. В 1947—51 гг. — на работе в Бельгии. С 1951 г. до начала 60-х гг. — на оперативной работе по связи с советскими гражданами за рубежом. Затем — до 1975 г. — в “закрытом” секторе НТС по работе с подпольем в России. С 1975 г. была в Секретариате Исполбюро, членом правления Германского отдела НТС, организовала встречи с представителями “третьей волны” эмиграции. Скончалась от тяжелой болезни.

60 *Комитет Освобождения Народов России — КОНР*. Создан в Праге 14.11.1944 г., хотя подбор кандидатур начался ранее. Фактически пытался играть функции общего собрания или правительства. Структура КОНР была близка к правительственной. Программой КОНР являлся «Манифест КОНР» от 14.11.1944 г. Руководящим органом КОНР был возглавляемый генерал-лейтенантом А.А.Власовым Президиум КОНР в составе генерал-майора Ф.И.Трухина, генерал-майора В.Ф.Мальшикина, генерал-майора Д.Е.Закутного, генерал-лейтенанта Г.Н.Жиленкова и генерал-лейтенанта Е.И.Балабина, проф. Ф.П.Богатырчука, проф. Н.Н.Будзиловича и проф. С.М.Руднева. Президиум имел 2 кандидатов в члены. Сам КОНР состоял из 50 членов и 12 кандидатов. К нему присоединились также некоторые национальные комитеты в Германии (Украинская Рада, Белорусская Рада и др.). Для практической работы образовались штаб ВС КОНР и ГУ казачьих войск и 4 управления с подотделами (организационное, гражданское, пропаганда и безопасности). Несмотря на несомненную зависимость от немцев, КОНР и его управления зачастую смогли действовать самостоятельно. Им удалось сформировать свои Вооруженные Силы, частично улучшить положение оstarбайтеров и военнопленных, наладить службу родственных поисков, обеспечить духовное окормление верующих и т.д. Через управление безопасности велись попытки установить связь с союзным командованием. При КОНРе активно работало большое количество представителей интеллигенции, действовал Красный Крест. Основное давление на КОНР и торможение его деятельности оказывало ГУ СС; оно же пыталось вербовать свою агентуру через русский отдел Берлинского Гестапо. Какое-то количество лиц, работавших в КОНР, как например, генерал-лейтенант Г.Н.Жиленков, сотрудничали с немцами, но было бы неверно представлять весь КОНР как «сборище подонков, предателей и агентов Гестапо».

Всего состоялось 3 полномочных заседания КОНР; на последнем — 27.03.1945 г. в Карлсбаде — было принято решение о выводе ВС КОНР в Югославию. Нужно считаться с тем, что на историю КОНР наложили неотразимый отпечаток то время и те условия, в которых он возник и работал. Но несомненно, что документы КОНР и его работа активно поддерживалась очень большим количеством наших соотечественников: Русской Зарубежной Православной Церковью, военными кругами эмиграции, добровольческими частями и значительной частью военнопленных, беженцев и оstarбайтеров.

61 *Мамуков Евстафий Игнатьевич* (25.09.1894, ст. Александра Невского, Терской обл. — 01.02.1976, Мюнхен). Окончил гимназию, военно-топографическое училище в Петербурге. Участвовал в Великой войне 1914—18 гг., затем в Гражданской — в рядах ВСЮР. В 1920 г. вместе с Русской армией ген. Врангеля эвакуировался в Турцию, переехал в Королевство СХС. Работал военным топографом, одновременно учась на архитектурном факультете Белградского университета. Получил звание архитектора-строителя. Член НТСНП с 1932 г. В 1938—42 гг. — председатель Югославянского отдела НТСНП. В 1942—43 гг. возглавлял нелегальную союзную работу на Украине и Юге России. После начала арестов в 1944 г. возглавлял запасной союзный центр. После 1945 г. возглавлял союзные участки работы в Германии, работал в союзном центре. Был председателем Аргентинского отдела НТС, вернулся в Германию, был членом Руководящего Круга НТС, членом Совета. В 1955 г. поддерживал оппозиционную группу В.М.Байдалакова и был исключен из Союза, однако до самой смерти сохранял корректные отношения с НТС.

62 После поражения Вермахта на Курской дуге в июле 1943 г. действия подпольных групп, существовавших более чем в 54 населенных пунктах России, НТС начнет принимать все более антинемецкий характер. Распространяются союзные листовки под лозунгами «За свободную Россию без немцев и большевиков!», «Покончим с Гитлером, возьмемся за Сталина!» и т.д. На оккупированной территории начинаются аресты членов НТС Гестапо и СД, в результате которых погибло более 30 членов Союза. С начала 1944 г. Гестапо и СД получают доказательства существования заговора полковника К.Штауффенберга-генерала Л.Бека, многие участники которого прикрывали деятельность НТС. 12.06.1944 г. Гестапо приступает к массовым арестам известных ему членов Союза: 44 человека были арестованы в Силезии, около 50 в Берлине, общее число арестованных превысило 150 человек. Были арестованы Председатель НТС В.М.Байдалаков, Исполнительное Бюро (Д.В.Брунст, К.Д.Вергун, В.Д.Поремский), 13.09.1944 г. Гестапо разгромило запасное Исполбюро в составе Е.Р.Романова-Островского, М.Л.Ольгского и Г.С.Околовича. В вину руководству НТС была поставлена «антинемецкая деятельность, руководство нелегальной организацией, связь с партизанами». Еще в декабре 1943 г. Гестапо в Варшаве убило на улице А.Э.Вюрглера, руководившего переброской кадров в Россию с помощью Армии Крайовой. Члены НТС сидели в тюрьмах в Берлине, концлагерях Бухенвальде, Дахау, Заксенхаузене и др., в которых погибло 54 человека. Лишь 04.04.1945 г. Председателю КОНР генерал-лейтенанту А.А.Власову удалось добиться освобождения из тюрьмы на Александрплац в Берлине тех, кто там находился. Тем членам НТС, которые были освобождены англо-американцами, удалось попасть на Запад, те, кто были освобождены советскими войсками, попали в «СМЕРШ» и погибли (как Генеральный секретарь НТС М.А.Георгиевский и др.).

⁶³ *Схема Национально-Трудового строя* — наброски и варианты политической программы НТС, которой до войны, в строгом смысле, не существовало. С конца 1941 г. в группах НТС на оккупированной территории в Европе, в лагерях типа Вустрау, вырабатываются части будущей союзной программы. Но структурная система проекта была разработана на нелегальном Идеологическом семинаре НТС в Берлине под руководством К.Д.Вергуна — члена Исполбюро Союза. 26—28.11.1942 г. подпольный съезд Совета НТС утвердил проект как Схему НТС — предварительный набросок. Проект вылился в шесть разделов, которые охватывали около 40 глав (философия, историософия, социология, правопедение, экономика, социальная политика, культура, стратегия и тактика борьбы с большевиками). Громоздкость Схемы была обусловлена влиянием значительной части “советских” членов НТС, некоторые из которых в СССР принадлежали к комсомольско-партийной, советской номенклатуре и требовали, чтобы программа отвечала буквально на все экономические, философские и политические вопросы, давала четкие и ясные определения, подобно программе ВКП(б). В Схеме была сделана попытка сочетания умеренного этатизма и элементов либерализма, в первую очередь, в области организации судебной власти и защиты личных политических и гражданских прав. Схема не обсуждала будущее политическое устройство России (монархия или республика), но считала необходимой существование твердой национальной власти, стоящей над партиями и классами при сильном местном самоуправлении. Единственным неудачным местом проекта, бросившим тень на идеологию Союза, стал пункт о том, что евреи “могут покинуть Россию без права вывоза капитала или проживать в специальной области...” — национально-культурной автономии, в Биробиджане или Крыму. Но Власовское движение, на которое НТС оказал решающее идеологическое влияние, отказалось снабжать Пражский манифест подобными установками, и в положениях НТСНП до войны, и тем более уже в 1945 г., какие бы то ни было тезисы, ущемляющие право наций и народностей в чем-либо, категорически отсутствовали. Сами идеологи НТС рассматривали этот сюжет как “досадную ошибку, не отвечающую облику и делу Союза”. Схема НТС была напечатана в Дятлово, в бригаде Б.В.Каминского в мае 1944 г., но основной ее тираж погиб в эвакуации.

⁶⁴ *1-я дивизия Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России*. По немецкой терминологии 600-я пехотная дивизия (русская). 23.11.1944 г. организованный отдел Генштаба ОКХ отдал приказ о формировании 1-й русской дивизии. Дивизия формировалась в Мюнзингене, на учебном полигоне (Вюртембург, V военный округ). Командир дивизии — полковник С.К.Буняченко (с февраля 1945 г. — генерал-майор ВС КОНР). Командиры полков: 1601-й пехотный полк, он же 1-й полк, — полковник А.Д.Архипов-Гордеев, 1602-й пехотный полк, он же 2-й полк, — подполковник В.П.Аргемьев, 1603-й пехотный полк, он же 3-й полк, — подполковник Александров-Рыбцов. 16.04.1945 г. к дивизии присоединился 1604-й, он же 4-й пехотный полк, полковника И.К.Сахарова. 1600-й артиллерийский полк, он же артиллерийский полк 1-й дивизии, — подполковник В.И.Жуковский, 1600-й полк снабжения, он же полк снабжения 1-й дивизии, — подполковник Герасимчук; запасной полк, сформированный из присоединившихся добровольцев на марше, — подполковник Максаков. Начальник штаба дивизии — подполковник Н.П.Николаев. Численность дивизии: в декабре 1944 г. — 13 000 человек, 05.05.1945 г. — около 22 000 человек.

Дивизия имела также 1600-й разведывательный отряд майора Костенко, 1600-й истребительно-противотанковый дивизион, 1600-й саперный батальон, 1600-й отдел связи и др. вспомогательные мелкие части.

На комплектование дивизии были обращены следующие части и добровольческие подразделения: отдельные части 30-й гренадерской дивизии Ваффен-СС «Зиглинг», 308-й, 601-й, 605-й, 618-й, 621-й, 628-й, 630-й, 654-й, 663-й, 666-й, 675-й и 681-й русские добровольческие батальоны, 582-й и 752-й русские артиллерийские дивизионы. Вопреки утверждениям советских исследователей о том, что 1-я дивизия состояла из “эсэсовцев бригады Каминского”, стоит заметить, что из 29-й гренадерской дивизии Ваффен-СС (бр. Каминского — РОНА) в 1-ю дивизию было взято 3500 человек рядовых и каждый десятый офицер, что составило всего 17% от численности дивизии. Незначительное количество личного состава было набрано из военнопленных.

Дивизия располагала 12 САУ (ягдпанцер 38), 10 танками «Т-34», большим количеством автоматического стрелкового оружия и артиллерией. 10.02.1945 г. вместе со 2-й дивизией ВС КОНР генерал-майора ВС КОНР Г.А.Зверева дивизия официально была передана немцами генерал-лейтенанту А.А.Власову. 25.03.1945г. дивизия прибыла на Одерский фронт в районе Нейцелле и Даммендорфа и разместилась в полосе действий 391-й охранной дивизии Вермахта и 5-го горнопехотного корпуса СС 9-й немецкой армии ген. Бруссе. 13.04.1945 г. дивизия приняла участие в бою за плацдарм «Эрленгоф», продемонстрировав хорошие боевые качества. Тогда же она была выведена из боя и 15.04.1945 г. выступила на юг, в Богемию, фактически перестав подчиняться приказам немецкого командования. Все попытки разоружить дивизию окончились неудачей. 29.04.1945 г. штаб дивизии разместился в районе Козоед, и 02.05 подавляющее большинство старших офицеров дивизии высказались за участие в Пражском восстании. В боях 05—07.05.1945 г. 1-я дивизия спасла жизни тысяч пражан, а Прагу от разрушения. При этом

ее потери составили около 300 человек убитыми. К вечеру 07.05.1945 г. ген. Буняченко вывел дивизию из боя и поспешил в американскую зону. Однако американцы не дали согласия пропустить дивизию, и перед лицом захвата дивизии частями 25-го танкового корпуса ген. Фоминых в 12.00 12.05.1945 г. дивизия была распущена. Большинство ее личного состава была захвачено «СМЕРШем» или выдано американцами советской стороне. Значительное число чинов 1-й дивизии были расстреляны в 162-й танковой бригаде полковника Мищенко 12—13.05, в пражских госпиталях оказались расстрелянными все раненые власовцы после занятия Праги частями Советской Армии.

⁶⁵ *Капитан ВС КОНР Коновалов* — данных нет. Судя по Трубчевску — из 29-й пехотной штурмовой бригады СС «РОНА».

⁶⁶ *Бригада Каминского (РОНА — Русская Освободительная Народная Армия)*. В результате боев на Брянском фронте 30.09—06.10.1941 г. 24-м, 47-м и 8-м танковыми корпусами 2-й танковой армии Вермахта оказались разгромлены и рассеяны в районах Севск, Суземка, Локоть, Навля части 13-й армии генерал-майора А.М.Городнянского Брянского фронта (более 10 дивизий и т.д.). В большинстве своем окруженцы рассеялись по Локотскому и Навлинскому районам. Район Локтя стал тылом 2-й танковой армии генерал-полковника Шмидта. В ноябре 1941 г. инженер К.Воскобойник стал организовывать отряд самообороны с центром в Локте. Генерал-полковник Шмидт предоставил, вскоре, полное самоуправление Локотскому району, взамен жители должны были сами защищать себя и тыл 2-й ТА от партизан и обеспечивать продуктами. Самоуправляющийся район разросся, включив в себя 6 районов и получив негласное название «Локотской республики». В районе были распущены колхозы, возник значительный меновой рынок и т.д. Некоторые партизанские отряды перешли на стороны «самообороны». Немцев в Локте, действительно, фактически не было, за исключением связи и нескольких засекреченных команд авбера и СД. После гибели Воскобойника, командование «самообороной» принял его заместитель Б.Каминский. Каминский являлся полноправным, жестким и независимым хозяином Локтя. В конце декабря 1942 г. «самооборона», развернутая в бригаду и получившая наименование РОНА, насчитывала 13 батальонов численностью около 10 000 человек, вооруженных подобранным оружием. Комплектовалась бригада за счет раскулаченных, вернувшихся из лагерей после отсидок к 1941 г., бывших окруженцев и мобилизуемой молодежи Локотско-Навлинского районов. В начале 1943 г. РОНА была развернута в 5 пехотных полков с артдивизионом и др. частями численностью около 20 000 человек и как иррегулярное соединение переформирована немцами в 29-ю штурмовую бригаду СС «РОНА». В конце февраля-начале марта 1943 г. оперировала на фронте против частей 65-й армии Центрального фронта. Командование бригады осуществлял бригадный генерал Бронислав Каминский, его заместителем по внутренним делам являлся лейтенант Г.Белай (бывший мл.политрук РККА), начальником штаба — подполковник Шавыкин (бывший капитан РККА), заместителем начальника штаба — майор Фролов (бывший капитан РККА), начальником разведки — капитан Ф.Капкаев (бывший капитан РККА) и др. В Бронедивизионе имелось 7 танков и 12 автомашин. В полках насчитывалось от 3500 до 4000 человек. 4-й полк бригады почти целиком погиб при обороне Севска 29.08—01.09.1943 г. В конце 1943 г. бригада эвакуировалась в Лепель под Лиду, затем — в начале 1944 г. — в Дятлово. Вместе с бригадой отступали семьи, беженцы, сотрудничавшие с немцами и т.д. Всего около 50 000 человек. С января по июнь 1944 г. бригада размещалась в пос. Дятлово, беспощадно борясь с партизанами. С отрядами Армии Крайовой Каминский отказался драться. В июне 1944 г. началась эвакуация в Польшу. В начале августа 1944 г. бригадный ген. Б.В.Каминский получил приказ бросить бригаду на подавление Варшавского восстания. Из состава всей бригады была сформирована лишь усиленная рота добровольцев в 300 человек, которая и участвовала в боях в Варшаве. Вели они там себя безобразно. В августе 1944 г. Каминский погиб при полутанкострельных обстоятельствах. Первоначально немцы хотели переформировать бригаду в 29-ю гренадерскую дивизию Ваффен-СС, но отказались и в ноябре 1944 г. предоставили бригаду в распоряжение ВС КОНР. Для пополнения 2-го полка 1-й дивизии было взято около 4000 человек. Семьи и беженцы, а также незачисленные в ВС КОНР были эвакуированы в Южную Германию.

⁶⁷ *Воскобойник Константин Павлович* (1895, м.Смела Черкасского уезда Киевской губ. — 08.01.1942, пос. Локоть). Украинец. Из семьи железнодорожника. В 1900 г. вместе с родителями переехал в Саранск, впоследствии — в Нижний Новгород. В 1915 г. поступил на юридический факультет МГУ, в 1916 г. добровольцем ушел на фронт. В 1919—1920 гг. служил в РККА, в 1920 г. демобилизован по ранению. В 1920 г. женился на Колокольцевой А.В. В 1921 г. переехал с семьей в Хвалынский, где работал секретарем районного военного комиссариата. Весной 1921 г. вступил в повстанческий отряд эсера Попова, занявшего Хвалынский. После его разгрома частями ЧОНА с подложными документами на имя И.Я.Лошакова скрывался от органов ГПУ в Астрахани, Сызрани, Нижнем Новгороде. В 1924 г. переехал в Москву и работал инструктором охотоведения в Народном комиссариате земледелия, учился на электромеханическом факультете Института Народного хозяйства им. Г.В.Плеханова. По окончании Института в конце 20-х гг. работал начальником электроизмерительных мастерских при Всесоюзной палате Мер и Весов. В 1931 г.

арестован органами ОГПУ СССР, осужден к 3 годам лагерей. В 1931—35 гг. в заключении. После освобождения работал в строительных организациях Кривого Рога, в 1935—37 гг. работал в Орске сменным инженером организации химвоенного завода «Орскхимстрой». В 1938 г. переезжает в пос. Локоть Брасовского района Орловской области. В 1938—41 гг. работал преподавателем физики в Лесохимическом техникуме.

16.11.1941 г., спустя месяц после занятия Локотского района частями 2-й танковой армии Вермахта, возглавил местное волостное самоуправление. По его указаниям, самоуправление приступило к раздаче колхозных земель, организации налогообложения, созданию сил самообороны из числа местных жителей, военнопленных и окруженцев и т.д.

08.01.1942 г. убит во время налета партизан Сабурова на Локоть.

⁶⁸ Каминский Бронислав Владиславович (1899, Полоцкий уезд Витебской губ. — 1944, Варшава (?), шоссе через Карпаты (?). Поляк, из мещан. В 1917 г. — студент Петроградского политехнического института. В 1918 г. добровольно вступил в РККА, демобилизовался в 1921 г. По демобилизации учился в Петроградском химико-технологическом институте. Работал на химвоенном заводе «Республика». От первого брака имел 4 детей. В 1930 г. вновь направляется на учебу в химико-технологический институт, по окончании которого получает диплом инженера-технолога. В 1935 г. исключен из ВКП(б) за критику коллективизации сельского хозяйства. В 1937 г. арестован органами НКВД. Отбывал срок в Шадринске, где работал в «шарашке» технологом по спиртопроизводству. В начале 1941 г., освободившись, переехал в Локоть, где работал инженером на Локотском спиртовом заводе. Организовал летом-осенью 1941 г. эвакуацию имущества завода и рабочих, но сам остался в Локте. В конце октября 1941 г., после занятия Локтя немцами, вошел в местное волостное самоуправление и стал заместителем К.П.Воскобойника. После его гибели 08.01.1942 г. возглавил силы самообороны и Локотский самоуправляющийся округ, к которому в 1942/43 гг. были присоединены новые районы. В конце 1942 г. перестроил силы самообороны в 29-ю штурмовую пехотную бригаду Ваффен-СС «РОНА», с которой в январе-феврале 1943 г. принимал участие в боях против войск 65-й армии. Отличался жестким, своенравным, независимым характером, отказавшись использовать бригаду в боях против партизан Армии Крайовой. Осенью 1943г. организовал эвакуацию в Лепель, с 01.1944 г. — в Дятлово. В июне 1944 г. начал эвакуацию численностью более 50 000 человек в Польшу. Под давлением немцев выделил усиленную роту добровольцев для участия в борьбе против польских повстанцев в Варшаве в августе 1944 г. В августе 1944 г., по данным А.М.Некрича, был расстрелян немцами «за безобразия и мародерство» в Варшаве, по данным капитана В.К.Штрик-Штрикфельда, был убит немцами, «так как стал неудобен и неуправляем»; по данным начальника разведки бригады Ф.Капкаева, убит словацкими партизанами в Карпатах.

⁶⁹ Шмидт Рудольф — генерал-полковник Вермахта. В 1938 г. прикнуд к заговору ген. Л.Бека, в момент поездки А.Гитлера в Мюнхен должен был ввести танки своей дивизии в Берлин. В 1941 г. командующий 2-й танковой армией группы армий «Центр». По соглашению с руководителями сил самообороны, Каминским и Воскобойником, предоставил Локотскому району право на самоуправление, взамен на обещание охранения тылов армии от советских партизан. Шмидт всячески поддерживал меморандумы некоторых офицеров Вермахта, советских военнопленных и интеллигенции, в которых подчеркивалась необходимость введения широкого русского самоуправления, создания русского антисталинского правительства, РОА, гарантия независимости России в границах 1938 г. и т.д., за что в 25.08.1943 г. был отстранен от командования 2-й ТА и переведен в резерв ОКХ. По некоторым данным, принял участие в заговоре полковника Штауффенберга-генерала Л.Бека, был арестован и казнен в 1944г.

⁷⁰ Поручик Васькин — данных не обнаружено.

⁷¹ Койда Самуил Трофимович (05.05.1901, ст.Елизаветинская Краснодарского края — ?). Из крестьян, русский. В 1915 г. окончил сельскую школу ст. Елизаветинская. В Красной Армии с июня 1920 г. В 1920—21 гг. участвовал в боях с повстанческими группами на Северном Кавказе, в 1921 г. — с дашнаками. В 1921—22 гг. служил красноармейцем с 176-м стрелковым полку Закавказского Военного Округа, в 1922—23 гг. — в 175-м стрелковом полку. В 1923—26 гг. — в 8-м кавказском полку на должности командира отделения. В 1928 г. окончил пехотную школу в Тифлисе. С декабря 1928 по июнь 1935г. служил в 65-м стрелковом полку Северо-Кавказского Военного Округа на должностях: командир взвода, командир взвода полковой школы, помощник политрука роты, начальник клуба, командир роты. В 1935—37 гг. служил в 282 стрелковом полку Сибирского Военного Округа на должности командира роты, в 1937 г. — в 280-м полку: командир и начальник штаба батальона, в 213-м полку — начальник полковой школы до сентября 1939 г. В 1938 г. присвоено звание майора, приказ НКО СССР № 252/11. С сентября 1939 г. последовательно командовал 735-м стрелковым полком, 457-м стрелковым полком 222-й стрелковой дивизии. 26.03.1941 г. приказом НКО СССР №0782 присвоено звание подполковника, 19.05.1942г. — приказ № 04077 — полковника с назначением на должность командира 184-й стрелковой

дивизии. Шифротелеграммой Воронежского фронта от 23.01.1943 г. отстранен от командования, 27.02.1943г. шифротелеграммой № 903 Военного Совета фронта восстановлен в командовании 184-й дивизией. В марте 1943 г. пропал без вести. Как пропавший без вести исключен из кадров Красной Армии приказом ГУК НКО № 0959 от 27.08.1943 г. Содержался в ряде лагерей для военнопленных, в 1944 г. добровольно присоединился к Власовскому движению.

В ноябре 1944 г. непродолжительное время командовал офицерскими курсами при 1-й дивизии ВС КОНР — офицерской школой, затем, с декабря 1944 г., — командир запасной бригады ВС КОНР, задачей которой была подготовка личного состава из добровольцев-военнопленных и «остарбайтеров». Численность бригады — 7000 человек. Вместе с бригадой совершил марш в Чехословакию из Мюнзингена. Сдался с бригадой американцам. Благодаря коменданту г. Фридберга, выписавшему пропуски для всей бригады, сумел с подчиненными избежать выдачи. После войны принимал деятельное участие в различных власовских организациях: Антибольшевистский Центр Освобождения Народов России, Союз Борьбы за Освобождение Народов России, Союз Воинов Освободительного Движения. Автор рукописи «Учебная и запасная бригады», и др.

⁷² *Полковник (генерал-майор ВС КОНР) Меандров Михаил Александрович* (1894, Москва — 01.08.1946, Бутырская тюрьма, Москва). Из семьи священника, настоятеля церкви Св. Харитона, погибшего в ссылке в 1924 г. В 1913 г. закончил Алексеевское пехотное училище. В РККА с 1918 г. Последняя должность в Красной Армии — начальник штаба 6-й армии, полковник. 06.08.1941 г. пленен под Уманью. Содержался в лагерях военнопленных в Виннице, Замостье, с июля 1942 г. — в Хаммельбурге (Оф. Лаг. XIII-Д). По рекомендации генерал-майора Е.Будыхо вступил в Русскую Трудовую Народную Партию военюриста 3-го ранга С.А.Мальцева (РТНП). После знакомства с комбригом И.Г.Бессоновым вступает и активно работает в Политическом Центре Борьбы с большевизмом (ПЦБ). В сентябре 1942 г. вместе с комбригом Бессоновым выехал в Бухенвальд, где с октября 1942 г. приступил к формированию десантно-добровольческого корпуса для выброски в район северных советских лагерей с целью поднять антисталинское восстание в ГУЛАГе. Являлся «командующим северной зоны десанта». После ареста Гестапо комбрига Бессонова в мае 1943 г. возглавил остатки ПЦБ. С июля 1943 г. командовал добровольческим отрядом в Острове, затем переведен в Радом и лагерь под Бреславлем. В Бреславле был помощником коменданта лагеря. Осенью 1943 г. вступил в НТСНП. В декабре 1943 г., по заданию В.М.Байдалакова, председателя НТСНП, вступает в РОА и переводится в Дабендорф. В Дабендорфе — инспектор по пропаганде среди советских военнопленных, до апреля 1944 г. читал лекции, сотрудничал в газетах «Заря», «Доброволец». С апреля 1944 г. редактировал офицерский бюллетень РОА и «Пропагандист Восточного фронта». С мая по октябрь 1944 г. работал в Летценом лагере по отбору кадров в формирования РОА. В октябре 1944 г. возглавил оргкомитет по созыву КОНР. Член КОНР, заместитель начальника Управления пропаганды КОНР. С ноября 1944 г. по февраль 1945 г. — начальник пропагандного отдела штаба ВС КОНР. В феврале 1945 г. произведен в генерал-майоры ВС КОНР и назначен начальником офицерской школы ВС КОНР. 18.04.1945 г. возглавил марш школы на юго-восток, 09.05.1945 г. в Чехословакии у Будевице сдался со школой американцам. В мае 1945 г. в американском плену принял на себя руководство КОНР и кооптировал в него ряд новых членов. Произвел последний выпуск офицерской школы, встречался с представителями НТСНП. Наивно рассчитывал на защиту американцев и, желая сохранить кадры ВС КОНР, категорически воспретил чинам ВС КОНР беги из плена, что привело к тому, что очень многие, кто мог убежать, но не убежал, были выданы советской администрации. Автор письма «Почему я не бегу из американского плена» и ряда обращений к союзному командованию. В августе 1945 г. переведен в лагерь Покинг с рядом старших офицеров ВС КОНР, в октябре 1945 г. — в Платтлинг и в январе 1946 г. — в Ландсхут. 06.02.1946 г. пытался покончить с собой, перерезав себе горло осколком стекла, затем предпринял вторую попытку самоубийства в американском лазарете. 14.02.1946 г. передан советским представителям. На следствии и процессе виновен в «измене Родине» себя не признал и был одним из тех, чье поведение сорвало открытый процесс. Судим на процессе 30.07—01.08.1946 г. ВК ВС под председательством генерала юстиции В.В.Ульриха и повешен в ночь на 01.08.1946 г. во дворе Бутырской тюрьмы. По некоторым данным, был захоронен на Донском кладбище с другими казненными власовцами.

⁷³ *Генерального штаба генерал-майор Трухин Федор Иванович* (29.02.1896, Кострома, Ярославской губ. — 01.08.1946, Бутырская тюрьма, Москва). Потомственный дворянин. Из семьи предводителя дворянства. В 1916 г. окончил 2 курса юридического факультета МГУ и 2-ю Московскую школу прапорщиков. Последний чин в Русской армии — прапорщик, выборный командир батальона 181-го пехотного полка ЮЗФ. В РККА с 1918 г. Принимал участие с боях на Юго-Западном фронте с петлюровцами, поляками и различными повстанческими отрядами с декабря 1919 г. по февраль 1921 г. в рядах 363-го, 362-го и 361-го стрелковых полков ЮЗФ в должностях: командира роты, командира батальона, командира полка. В 1924 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1925 г. окончил Военную Академию РККА. По ее

окончании проходил службу в должностях начальника штаба 133-го стрелкового полка 45 стрелковой дивизии УВО, начальника штаба 7-й стрелковой дивизии УВО, начальника штаба 12-го стрелкового корпуса ПриВО с августа 1925 по февраль 1932 г. С февраля 1932 г. — преподаватель и начальник кафедры методики боевой подготовки Военной Академии им. М.В.Фрунзе. С октября 1936 г. — слушатель Академии Генерального штаба. С 1935 г. — полковник (приказ НКО СССР № 251). С ноября 1939 г. по август 1940 г. — старший преподаватель кафедры оперативного искусства АГШ. 05.06.1940 г. постановлением СНК СССР присвоено звание генерал-майор. С августа 1940 г. — начальник 2-го отдела в Управлении Боевой подготовки РККА. С 28.01.1941 г. — заместитель начальника штаба и начальник оперативного отдела ПриБВО. С 28.06.1941 г. попал в плен, был ранен. 06.10.1941 г. приказом ГУК НКО СССР № 090 исключен из списков Красной Армии. Содержался в лагере Шталурене, затем — в Хаммельбурге (Оф. Лаг. XIII-D). В октябре 1941 г. дал согласие на борьбу против Советской власти, предложив сформировать союзную Германии Русскую армию. Вступил в Русскую Трудовую Народную Партию военюриста 3-го ранга С.А.Мальцева. Являлся начальником ее военного отдела. В ноябре 1941 г. переведен в лагерь Вааль, где дал согласие работать в лагерях для пропагандистов. С 15.03.1942 г. — в Вустрау, с 24.04.1942 г. — комендант Циттенхорстского лагеря. В июле 1942 г. выезжал в Варшавскую разведшколу, где составил 3 конспекта по организации общевойсковой разведки. В сентябре 1942 г. официально освобожден из плена и назначен преподавателем в Циттенхорст. С октября 1942 г. — член НТСНП. В феврале 1943 г. при встрече с В.М.Байдалаковым познакомился с генерал-лейтенантом А.А.Власовым. В марте 1943 г. переведен в Дабендорф, до августа 1943 г. — начальник учебной части Дабендорфских курсов, с августа 1943 по октябрь 1944 г. — их начальник. Организовал 12 выпусков офицерских кадров для будущих ВС КОНР. В 1944 г. редактировал «Схему Национально-Трудового строя» НТС, автор глав «Внешняя политика», «Оборона страны» и некоторых др. С ноября 1944 г. — заместитель Главнокомандующего ВС КОНР генерал-лейтенанта А.А.Власова и начальник штаба ВС КОНР. Фактически организовал и создал ВС КОНР. В апреле 1945 г. возглавлял Южную группу ВС КОНР, 05.05.1945 г. выехал для связи с Северной группой, в районе Пршибрама захвачен чешскими советскими партизанами и передан «СМЕРШ». На следствии и процессе вел себя стойко, виновным в «изменен Родине» себя не признал. Был одним из тех, чье поведение испортило готовящийся открытый процесс над власовцами. Судим 30.07—01.08.1946 г. на процессе ВК ВС СССР под председательством генерала юстиции В.В.Ульриха. Повешен в ночь на 01.08. 1946 г. во дворе Бутырской тюрьмы. По некоторым данным, похоронен на Донском кладбище с другими казненными власовцами.

⁷⁴ *Лужьянов Георгий Васильевич* (Юрий) — из семьи белого офицера. Родился в 1927 г. в Югославии. Учился в русских учебных заведениях. С осени 1944 по май 1945 г. учился в офицерской школе ВС КОНР. После войны окончил среднее учебное заведение в Германии, окончил курсы руководителей ОРЮР. Участвовал в различных акциях НТС, в который вступил во время войны. В 1951 г. переехал в США, где продолжал работать в ОРЮР и НТС. Окончил физико-математический факультет Колумбийского университета. В 1989 г. создал сектор в ОРЮР — «Лицом к России», поставивший своей целью возвращение ОРЮР на Родину. В 1990—92 гг. практически возглавлял работу в России по возрождению разведческих отрядов. Скаутмастер ОРЮР, проживает в Нью-Йорке.

⁷⁵ *Тензорев Н.В. (наст. Ветлугин)* — данные об этой личности противоречивы и неполны. Известно, что до войны был физиком, сотрудником одного из НИИ Харькова. В РККА не служил, после оккупации Харькова предложил свое сотрудничество военной комендатуре в местном самоуправлении, как значительное число советской интеллигенции на оккупированной территории. Чин подполковника получил уже в ВС КОНР. Возглавил управление безопасности КОНР, в котором первоначально были сосредоточены и гражданская и военная разведка-контрразведка. Управление безопасности КОНР было укомплектовано бывшими сотрудниками Особых Отделов и структур НКВД (майор М.А.Калугин, майор А.Ф.Чикалов и др.). В феврале 1945 г. военная разведка и контрразведка выделилась в самостоятельную службу ВС КОНР, главной задачей УБ КОНР стало установление контактов с англо-американскими союзниками. По некоторым данным, Тензорев-Ветлугин был членом НТС и играл заметную роль в первые послевоенные годы. Ему удалось скрыться на Западе и избежать насильственной выдачи.

⁷⁶ *Полковник Кромиади Константин Григорьевич*. Офицер Русской Императорской Армии, участник Белого движения. В сентябре-декабре 1941 г. в составе комиссии Восточного министерства объезжал лагерь для военнопленных. Весной 1942 г. организовал формирование и возглавил русскую экспериментальную часть в Осинторфе — Русскую Национальную Народную Армию численностью 10 000 человек (6 пехотных батальонов, 1 саперный батальон и 1 артдивизион). В августе 1942 г. отстранен от командования РННА за независимый характер командования. В 1943 г. пытался через генерал-майора С.Н.Краснова установить связь между генерал-лейтенантом А.А.Власовым и генералом от кавалерии, Донским атаманом П.Н.Красновым. Позднее — один из ближайших сотрудников ген. Власова, начальник его личной канцелярии. После мая 1945 г. — в американском плену, затем — активный участник ряда

власовских послевоенных организаций. Работал начальником отдела кадров радио «Свобода». Автор книги «За землю, за волк» (Сан-Франциско, 1980).

⁷⁷ *Полковник Боярский Владимир Ильич* (наст. Баерский Владимир Гелярович), генерал-майор ВС КОНР (10.12.1901, с.Бродецкое Бердичевского уезда, Киевской губ. — 05.05.1945, Пршибрам, Чехословакия). Из семьи рабочего. По профессии — слесарь, в 1926 г. окончил экономический факультет института.

В РККА с 20.08.1920 г. Член ВКП(б) с 1941 г. Начал службу красноармейцем 55-го стрелкового полка 7-й стрелковой дивизии. С апреля 1922 г. по сентябрь 1924 г. обучался на 4-х пехотных курсах во 2-й Тифлисской пехотной школе; в августе 1924 г. окончил курсы «Выстрел». Затем проходил службу в 3-м стрелковом полку 37-й стрелковой дивизии в должностях: командир роты, помощник командира батальона, помощник начальника штаба, начальник полковой школы до лета 1932 г. С июня 1932 г. — помощник комполка и далее в.р.и.д. комполка в 27-й Витебской стрелковой дивизии (80-й стрелковый полк). В 1934 г. поступил в Военную Академию им. М.В.Фрунзе, которую окончил в 1937 г. по 1-й категории. В 1937 г. присвоено воинское звание майор (приказ НКО СССР № 3418). В 1937—38 гг. — преподаватель тактики на курсах «Выстрел». В сентябре 1938 г. приказом НКО СССР № 01621 уволен в запас в звании майора. В марте 1939 г. назначен помощником начальника штаба 3-й стрелковой дивизии. В июле-августе 1940 г. — заместитель начальника штаба 18-го стрелкового корпуса Дальневосточного фронта, с января 1941 г. — начальник оперативного отдела штаба корпуса. 26.03.1941 г. назначен начальником штаба 31-го стрелкового корпуса. 21.01.1942 г. приказом № 077 ПриВО назначен командиром 41-й стрелковой дивизии. Вместе с ней убыл на фронт. Пропал без вести в июне 1942 г. Объявлен пропавшим без вести приказом ГУК НКО СССР № 0627—43 (отменен в 1952 г.)

Содержался в лагере Генштаба в Виннице. 03.08.1942 г. вместе с генерал-лейтенантом А.А.Власовым составил докладную записку командованию Вермахта о необходимости гарантий России, формировании РОА и создании антисталинского правительства. С начала 1943 г. — офицер штаба по обучению и руководству восточными войсками при 16-й армии Вермахта. Снят в июле 1943 г. ген.-фельд. Бушем за антинемецкие высказывания в период инспекционных поездок по добровольческим формированиям. С ноября 1944 г. — заместитель начальника штаба ВС КОНР генерал-майора Ф.И.Трухина. С февраля 1945 г. — генерал-майор ВС КОНР. В апреле 1945 г. находился в составе Южной группы ВС КОНР. 05.05.1945 г. выехал вместе с генерал-майором Ф.И.Трухиным на связь с Северной группой, в районе Пршибрама захвачен чешскими просоветскими партизанами. Советский капитан Смирнов назвал генерал-майора Боярского «грязным предателем», в ответ на это Боярский дал Смирнову пощечину. По приказу капитана Смирнова генерал-майор В.И.Боярский был тут же повешен.

⁷⁸ После обнародования Пражского Манифеста 14.11.1944 г. в Праге и 18.11.1944 г. в Берлине действительно выявилась активная тенденция и стремление к поддержке Вооруженных Сил КОНР (РОА) в среде «остарбайтеров», военнопленных и в значительной части русской эмиграции. В последующие дни в ноябре-декабре 1944 г. поступило в общей сложности обращений от 300 000 человек, которые просили о зачислении в ВС КОНР (Стеенберг С. Власов. Мельбурн, 1974. С.180; данные Й.Хоффманна, В.К.Штрик-Штрикфельда и др.). Об аналогичных настроениях у автора имеются свидетельства от ряда русских эмигрантов: А.Н.Артемова, Е.Р.Миркович и др. В любом случае, недооценивать влияние Манифеста на значительное количество русской диаспоры на оккупированной территории в 1944—45 гг. было бы неправильно.

⁷⁹ Уже в декабре 1944 г. 1-я дивизия насчитывала 13 000 человек. Присоединение 4-го пехотного полка (1604-й русский) выводило численность дивизии за ее штатную численность. Во время марша на Одерский фронт в марте 1945 г. к дивизии присоединилось большое количество «остарбайтеров», из которых сформировали несколько запасных батальонов. В апреле 1945 г. численность дивизии составила 18—20 000 человек, а в период марша в Чехословакию достигла 22 000 человек. Потери в боях за Прагу 1-й дивизии составили около 300 человек (безвозвратные).

⁸⁰ *Полковник Ассберг Владимир Гаврилович* (он же Арцезов, он же Асбьяргас; настоящая фамилия Арцезо), генерал-майор ВС КОНР (25.06.1898, Таганрог — 10.02.1947, Москва).

В 1916 г. окончил Астраханскую гимназию и прошел ускоренный курс Константиновского военного училища. В чине подпоручика проходил службу в 156-м пехотном полку. В РККА с 04.06.1919 г. Принимал участие в Гражданской войне на Юго-Восточном фронте в 7-й кавалерийской дивизии в должностях адъютанта полка, начальника канцелярии ветлазарета, был ранен; командовал отдельным лыжным батальоном XI-й армии, являлся помощником командира 3-го полка 2-й стрелковой дивизии по строевой части в период с лета 1919 г. по ноябрь 1920 г. В 1920—22 гг. служил старшим адъютантом коменданта г. Баку. В 1923 г., являясь адъютантом 2-й Кавказской стрелковой дивизии, принимал участие в боях по подавлению Дагестанского восстания. В 1924—30 гг. принимал участие в борьбе с повстанческим басмаческим движением в Ферганской области в рядах указанной дивизии, занимая должности: начальник

разведотдела штаба войск области, командир батальона 4-го Кавказского полка, начальник административной части штаба дивизии, старший помощник начальника оперативной части штаба дивизии, командир сводного кавалерийского дивизиона. В 1926—27 гг. обучался на Академических курсах старшего и высшего комсостава РККА по разведывательной службе. С 19.01.1930 г. — начальник оргмоботдела штаба БВО. В 1932 г. оканчивает Бронетанковые Курсы Усовершенствования Командного Состава в Ленинграде. Служил в БКУКС РККА в должностях: командир-руководитель, начальник курса, помощник начальника курса по маттехобеспечению. Приказом НКО СССР № 343 в 1936 г. присваивается звание майора, в 29.11.1939 г. приказом НКО СССР № 04843 — звание полковника. Участвовал в советско-финляндской войне 1939/40 гг. в должности начальника автобронетанкового снабжения 15-й армии СЗФ. С 26.04.1940 г. — начальник автобронетанковых войск АрхВО. С 28.06.1941 г. — начальник отдела автобронетанковых войск ПУ 28-й армии. С 10.08.1941 г. аналогичную должность занимает в ПУ 43-й армии, а с 22.10.1941 г. — в ПУ 57-й армии. В 1942 г. был назначен заместителем командующего по тылу 57-й армии. 25.05.1942 г. попал в плен у ст. Лозовая. Исключен из списков Красной Армии приказом ГУК НКО СССР №028326 от 04.10.1942 г.

В 1942 г. содержался в различных лагерях для военнопленных. В 1943 г. в Мариамполе организовал офицерскую школу добровольческих войск Вермахта, летом 1943 г. эвакуировался со школой в Конфлянс (Франция), инспектировал русские добровольческие батальоны РОА, служил в штабе генерала добровольческих войск Кестринга. В декабре 1944 г., после приема у генерал-лейтенанта А.А.Власова, назначен начальником отдела боевой подготовки штаба ВС КОНР. Принимал активное участие в боевой подготовке частей ВС КОНР, руководил инспекторскими проверками. Разработал и издал уставы по боевой подготовке. Участвовал в приеме от ген. Кестринга офицерской школы в январе 1945 г., осуществлял общее руководство ее работой. С февраля 1945 г. — генерал-майор ВС КОНР. В апреле 1945 г. находился вместе со штабом в составе Южной группы ВС КОНР. 04.05.1945 г. в Райнбахе вместе с полковником В.В.Поздняковым вел переговоры с командованием 11-й танковой дивизии 3-й американской армии о сдаче Южной группы. 09.05.1945 г. вместе с группой сдался под Каплице и Крумау.

Содержался в американских лагерях: Кладенска Ровна-Фридберг (11.05—26.05.1945), Ландау (26.05—07.08), Регенсбург (07.08—29.10), Платглинг (29.10—04.11.1945), с ноября 1945 г. — в Ландсхуе. В январе 1946 г. составил вместе с генерал-майором М.А.Меанровым и генерал-майором А.Н.Севостьяновым обращение к союзному командованию с просьбой о предоставлении политического убежища. 14.02.1946 г. выдан советским представителям. Казнен 10.02.1947 г. по приговору ВК ВС СССР.

⁸¹ *Широбоков Юрий Николаевич*, член НТСНП. Более полных данных не обнаружено.

⁸² *Старший лейтенант Красной Армии Артемов (наст. Зайцев) Александр Николаевич* (1909, Рязанская губ.). Из семьи служащего. Окончил среднюю школу в Рязани, бухгалтерские курсы в Ростове-на-Дону. В 1930 г. исключен из ВЛКСМ за критику коллективизации. После призывной воинской службы на Дальнем Востоке окончил МГУ и поступил в аспирантуру АН СССР; специализировался по промышленной микробиологии, автор научного труда. В сентябре 1939 г. как лейтенант запаса участвовал в походе в Польшу. В 1941 г. в августе в Эстонии захвачен в плен. Содержался в различных лагерях военнопленных, с февраля 1942 г. — в Вустрау, в лагере для пропагандистов. Вступил в НТСНП. В марте 1943 г. назначен старшим преподавателем Дабендорфских курсов, читал лекции по идеологическим вопросам. В октябре 1944 г. стал одним из авторов Пражского Манифеста 1944 г. С ноября 1944 г. — член КОНР. Избегав насильственной выдачи, после 1945 г. избран в Совет НТС, руководил идеологическим и программным творчеством. Занимался редакционной работой в издательстве «Посев», некоторое время редактировал журнал «Посев». Автор ряда работ в области политической публицистики. В НТС был членом Исполнительного Бюро, Председателем ИБ НТС, Председателем Идеологической и Политической комиссий Совета НТС, в 1972—84 гг. — председатель НТС. Проживает во Франкфурте-на-Майне.

Автор комментариев выражает свою глубокую признательность и искреннюю благодарность Кире Владимировне Брюно — заведующей Архивом Народно-Трудового Союза российских солидаристов (Франкфурт-на-Майне, Германия), Ростиславу Владимировичу Полчанинову — скаутмастеру Организации Российских Юных Разведчиков (Нью-Йорк, США), Андрею Борисовичу Сергеевскому (Лос-Анджелес, США) и Николаю Николаевичу Протопопову — редактору журнала Союза Чинов Русского Корпуса «Наши Вести» (Санта-Роза, США) за деятельное участие и помощь в составлении ряда биографических справок.

К.М.Александров

**Протокол допроса генерал-лейтенанта
Лукина Михаила Федоровича,
командующего 19-ой, 32-ой, 20-ой и 24-ой
армиями Западного фронта (октябрь 1941 г.)**

**Публикация доктора Йоахима Хоффманна
(Научный Центр военной истории, Фрайбург, ФРГ)**

Предлагаемый вниманию читателя документ интересен уже тем, что он фактически никогда широко не освещался. В 1941 г. со специальным курьером он был отправлен в Берлин через рейхсминистра А.Розенберга и представлен для ознакомления А.Гитлеру. Текст документа напечатан на специальной машинке с крупным шрифтом, на которой печатались все материалы для Гитлера, ввиду его ослабленного зрения. То, что он сохранился лишь в западногерманском архиве во Фрайбурге после войны, никогда и нигде не был опубликован и не использовался отделом пропаганды ОКВ Вермахта, дает основание предполагать, что документ подлинный, а не фальсификация. В подлинности документа убежден и автор публикации доктор Й.Хоффманн.

Члены Редакционного совета журнала хотели бы особо акцентировать то обстоятельство, что они ни в коей мере не ставят под сомнение мужество и высокий патриотизм Героя России генерал-лейтенанта М.Ф.Лукина.

14.12.1941

Генерал Лукин, тяжело раненный, был взят в немецкий плен. С ним уже несколько раз беседовали, но говорили немного, вследствие его тяжелого состояния. Теперь же генерал-лейтенант Лукин сказал следующее:

— Если Вы хотите, чтобы я ответил на Ваш вопрос: “Почему русский народ, несмотря на всю свою ненависть к Сталину и советской системе, продолжает их защищать?” — то могу ответить таким образом, чтобы быть очень честным в разговоре с Вами. Вы говорите об освобождении народов России от большевистской системы и о новом порядке для будущей Евро-

пы, но одновременно Вы говорите, что только русские являются носителями большевизма, а украинцы, например, нет. Это ерунда. Большевизм также чужд русскому народу, как и украинцам. Вообще, это интернациональное учение. Большевики смогли победить в России только потому, что сельское хозяйство было ужасно запущено после 1-ой мировой войны. Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим — фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ниче-

го. В лучшем случае, колхозник в Сибири получает 4 кг хлеба в день, а средняя зарплата рабочего 300 — 500 рублей в месяц, на которую он ничего не может купить. Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то конечно, русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима. Только очень высокие представители советского партийного аппарата сносно живут. Командир стрелковой дивизии, по сравнению с ними, живет плохо. Но я все равно не верю в то, что в нынешних условиях, внутри СССР может произойти народное, антисталинское восстание. Слишком много крови пролили большевики за 20 лет своей власти, и все, кто бы мог поднять такое восстание, уже уничтожены. И даже если существует, к примеру, такой командир или генерал, который бы думал о таком восстании и о новой России, он все равно ничего не мог сделать, так как вокруг него слишком много комиссаров и чекистов. Даже если этот генерал только поговорит об этом со своими друзьями, он все равно ничего не сможет сделать, так как даже в среде военных очень много доносчиков и никому нельзя верить. Поэтому для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. Вы, немцы, можете сокрушить систему, но Вы не должны думать о том, что народ может это сделать сам, несмотря на свою ненависть к режиму. И Вы не должны упрекать или наказывать русских за то, что они не восстают.

Вы говорите об освобождении народов. Но мы ничего не слышали об освобождении Украины или Белоруссии, захваченных Вами, и у нас говорят, что и для России свободы не будет. Это порождает сопротивление агрессору. Конечно, партийный аппарат и чекисты это не друзья, но вторгнувшийся враг — это агрессор, и с ним надо бороться. Начиная с сентября этого года, на Волге и восточнее Волги формируется 150 новых стрелковых дивизий, а возможно и больше, но никак не меньше 150. Мы должны были сами отдавать из своей армии некоторых командиров и комиссаров для этих новых дивизий. Через 4—5 месяцев эти дивизии или закончат свое формирование, или уже будут на фронте. У них будут и танки. Один мой друг сказал мне, что ежедневно строятся 60 танков, позднее это число будет доведено до 80. Это, включая заводы Ленинграда и те заводы, которые были эвакуированы на Восток страны. Основные типы строящихся танков «Т-34» и

«КВ». Так же строятся около 20 самолетов в сутки разных типов, но артиллерии и пистолетов-пулеметов будет немного. СССР помогают США и Великобритания, но я не думаю, что их помощь будет значительна. Нефти и нефтяных запасов не так много, чтобы полностью удовлетворить потребности, и если Вермахт дойдет до Кавказа, то их будет еще меньше».

Здесь генерал-лейтенант Лукин задал вопрос собеседнику о том, что не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина, допрашивающий ответил, что создание такого правительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей, русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам.

Лукин сказал: «Может быть, это и правда. В этом году Вы создали Министерство по делам Восточных территорий, которое помогает только Вам. Однако если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России и, в-третьих, они увидят, что на Вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Такое правительство может стать новой надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любит коммунизм, но они сегодня ничего другого сделать не могут, как поддерживать его».

На вопрос допрашиваемого, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернатив, Лукин ответил:

«Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны — это Буденный и Тимошенко. Буденный это человек из народа, в 1938 г. Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Буденный и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Буденный, и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы

выступать, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в Ваших силах, а не в наших. Жуков и Шапошников не являются такими популярными, но они очень хорошие солдаты. Правда, я не думаю, что новые сформированные дивизии смогут вести наступательные действия; они могут только хорошо обороняться. Очень многие не хотят воевать, и при наступлении наших наступающих часто брали в плен очень легко. В районе южнее Ярцево Вы имели 50 орудий на 1 км фронта, но наша пехота все равно должна была наступать три раза. Было очень много убитых, и очень многие не желали прорываться из окружения, а сдавались. Все-таки, потери составили не менее 10.000 человек.

На фронт начинают поступать новые реактивно-пусковые установки, которые раньше имелись лишь у армий, но теперь будут и у дивизий. До сих пор существовал такой порядок, что ни одна установка не должна была быть захвачена Вами, и я сам отдавал приказ об их уничтожении, если они были в опасности. Сейчас их появиться очень много. Если появится возможность более точной организации их стрельбы, то их значение резко возрастет. Поскольку они просты в изготовлении, то и на фронте установки появятся скоро. Вы должны обратить на них внимание.

Я не думаю, что Красная Армия начнет вести химическую войну. Теперь я прошу Вас, чтобы Вы знали, что все это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья”.

*Из личного архива доктора
Хоффманна.*

Манифест Комитета освобождения народов России

Соотечественники! Братья и сестры!

В час тяжелых испытаний мы должны решить судьбу нашей Родины, наших предков, нашу собственную судьбу.

Человечество переживает эпоху величайших потрясений. Происходящая мировая война является смертельной борьбой противоположных политических систем.

Борются две силы империализма во главе с плутократами Англии и США, величие которых строится на угнетении и эксплуатации других стран и народов. Борются силы интернационализма во главе с кликой Сталина, мечтающего о мировой революции и уничтожении национальной независимости других стран и народов. Борются свободолюбивые народы, жаждущие жить своей жизнью, определенной их собственным историческим и национальным развитием.

Нет преступления большего, чем разорять, как это делает Сталин, страны и подавлять народы, которые стремятся сохранить землю своих предков и собственным трудом создать на ней свое счастье. Нет преступления большего, чем угнетение другого народа и навязывание ему своей воли.

Силы разрушения и порабощения прикрывают свои преступные цели лозунгами защиты свободы, демократии, культуры и цивилизации. Под защитой свободы они понимают завоевание чужих земель. Под защитой демократии они понимают насильственное навязывание своей политической системы другим государствам. Под защитой культуры и цивилизации они понимают разрушение памятников культуры и цивилизации, созданных тысячелетним трудом других народов.

За что же борются в эту войну народы России? За что они обречены на неисчислимые жертвы и страдания?

Два года назад Сталин еще мог обманывать народы словами об отечественном, освобо-

дительном характере войны. Но теперь Красная армия перешла государственные границы Советского Союза, ворвалась в Румынию, Болгарию, Сербию, Хорватию, Венгрию и заливал кровью чужие земли. Теперь очевидным становится истинный характер продолжаемой большевиками войны. Цель ее — еще больше укрепить господство сталинской тирании над народами СССР, установить это господство во всем мире.

Народы России более четверти века испытывали на себе тяжесть большевистской тирании.

В революции 1917 года народы, населявшие Российскую империю, искали осуществления своих стремлений к справедливости, общему благу и национальной свободе. Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решившиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги.

Не вина народа в том, что партия большевиков, пообещавшая создать общественное устройство, при котором народ был бы счастлив и во имя чего были принесены неисчислимые жертвы, — что эта партия, захватив власть, завоеванную народом, не только не осуществила требований народа, но, постепенно укрепляя свой аппарат насилия, отняла у народа завоеванные им права, ввергла его в постоянную нужду, бесправие и самую бессовестную эксплуатацию.

Большевики отняли у народов право на национальную независимость, развитие и самобытность.

Большевики отняли у народа свободу слова, свободу убеждений, свободу личности, свободу местожительства и передвижения, свободу промыслов и возможность каждому человеку занять свое место в обществе сообразно со своими способностями. Они заменили эти свободы террором, партийными привилегиями и произволом, чинимым над человеком.

Большевики отняли у крестьян завоеванную ими землю, право свободно трудиться на земле и свободно пользоваться плодами своих трудов. Сковав крестьян колхозной организацией, большевики превратили их в бесправных батраков государства, наиболее эксплуатируемых и наиболее угнетенных.

Большевики отняли у рабочих право свободно избирать профессию и место работы, организовываться и бороться за лучшие условия и оплату своего труда, влиять на производство и сделали рабочих бесправными рабами государственного капитализма.

Большевики отняли у интеллигенции право свободно творить на благо народа и пытаются насилем, террором и подкупом сделать ее оружием своей лживой пропаганды.

Большевики обрекли народы нашей родины на постоянную нищету, голод и вымирание, на духовное и физическое рабство и, наконец, ввергли их в преступную войну за чуждые им интересы.

Все это прикрывается ложью о демократизме сталинской конституции, о построении социалистического общества. Ни одна страна в мире не знала и не знает такого низкого жизненного уровня при наличии огромных ресурсов, такого бесправия и унижения человеческой личности, как это было и остается при большевистской системе.

Народы России навеки разуверились в большевизме, при котором государство является всепожирающей машиной, а народ — ее бесправным, обездоленным и неимущим рабом. Они видят грозную опасность, нависшую над ними. Если бы большевизму удалось хотя бы временно утвердиться на крови и костях народов Европы, то безрезультатной оказалась бы многолетняя борьба народов России, стоившая бесчисленных жертв. Большевизм воспользовался бы истощением народов в этой войне и окончательно лишил бы их способности к со-

противлению. Поэтому усилия всех народов должны быть направлены на разрушение чудовищной машины большевизма и на предоставление права каждому человеку жить и творить свободно, в меру своих сил и способностей, на создание порядка, защищающего человека от произвола и недопускающего присвоения результатов его труда кем бы то ни было, в том числе и государством.

Исходя из этого, представители народов России, в полном сознании своей ответственности перед своими народами, перед историей и потомством, с целью организации общей борьбы против большевизма создали Комитет Освобождения Народов России.

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной государственности без большевиков и эксплуататоров.

Воснову новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1) Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность.

2) Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3) Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4) Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5) Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительно права на свободный труд, создающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6) Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользова-

ния. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7) Установление неприкосновенности частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8) Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9) Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10) Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11) Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собрания, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12) Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждениям или вынужденно.

13) Восстановление разрушенного в ходе войны народного достояния — городов, сел, фабрик и заводов за счет государства.

14) Государственное обеспечение инвалидов войны и их семей.

Уничтожение большевизма является неотложной задачей всех прогрессивных сил. Комитет Освобождения Народов России уверен, что объединенные усилия народов России найдут поддержку у всех свободолюбивых народов мира.

Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено:

а) наличием опыта борьбы, большего, чем в революцию 1917 года;

б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, Украинского Вызвольного Войска, Казачьих войск и национальных частей.

в) наличием антибольшевистских вооруженных сил в советском тылу;

г) наличием растущих оппозиционных сил внутри народа, государственного аппарата и армии СССР.

Комитет Освобождения Народов России главное условие победы над большевизмом видит в объединении всех национальных сил и подчинении их общей задаче свержения власти большевиков. Поэтому Комитет Освобождения Народов России поддерживает все революционные и оппозиционные Сталину силы, решительно отвергая в то же время все реакционные проекты, связанные с ущемлением прав народов.

Комитет Освобождения Народов России приветствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих чести и независимости нашей родины. Эта помощь является сейчас единственной реальной возможностью организовать вооруженную борьбу против сталинской клики.

Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения.

Офицеры и солдаты освободительных войск! Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей. У нас общая цель. Общими должны быть и наши усилия. Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе. Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России. Освободите их!

Соотечественники, братья и сестры, находящиеся в Европе! Ваше возвращение на родину полноправными гражданами возможно только при победе над большевизмом. Вас мил-

лионы. От вас зависит успех борьбы. Помните, что вы работаете теперь для общего дела, для героических освободительных войск. Умножайте свои усилия и свои трудовые подвиги!

Офицеры и солдаты Красной армии! Прекращайте преступную войну, направленную к угнетению народов Европы. Обращайте оружие против большевистских узурпаторов, поработивших народы России и обрекших их на голод, страдания и бесправие.

Братья и сестры на родине! Усиливайте свою борьбу против сталинской тирании, против захватнической войны. Организуйте свои силы для решительного выступления за отнятые у вас права, за справедливость и благосостояние.

Комитет Освобождения Народов России призывает вас всех к единению и борьбе за мир и свободу!

Прага, 14 ноября 1944 года.

Список членов Комитета освобождения

Власов Андрей Андреевич (Предс. К-та)
 Абрамов Ф. ген.-лейт. (член К-та)
 Алексеев Г. Общ. деятель
 Андреев С. Проф.
 Ануфриев Г. Проф.
 Балабин Е. ген.-лейт.
 Балинов Шамба. Журналист
 Богатырчук Ф. Проф. (член Президиума)
 Болховской С. артист (член Президиума)
 Боярский В. полк.
 Гордиенко Г. рабочий
 Джалалов А. лейт.
 Жиленков Г. ген.-лейт. (член Президиума)
 Закутный Д. ген.-майор (член Президиума)
 Зяблицкий Д. капитан
 Жеребков Ю. Общ. деят.
 Буняченко С. полк.
 Меандров М. полк.
 Зайцев А. доцент
 Карпинский А. Проф.
 Ковалев Н. Проф.
 Лисовский А. журн.
 Малышкин В. ген.-майор (член Президиума)
 Мамедов И. фельдфебель
 Москвитинов И. Проф.
 Музыченко Ю. литератор (канд. в члены Президиума)

Подлазник Н. рабочий
 Руднев С. Проф. (член Президиума)
 Саакян С. унтер-офицер
 Тензоров Е. доцент
 Трухин Ф. ген.-майор (член Президиума)
 Цагол А. Проф.
 Цымбал Х. крестьянин
 Чачух И. капитан
 Чулик Ибрагим. врач
 Шлиппе Ф. Общ. деят.
 Янушевская Ф.
 Иванов Н. Проф. (канд. в члены Президиума)
 Будзилович Н. Проф. (член Президиума)

Кандидаты

Дубовец В. поручик
 Егоров В. рабочий
 Казанцев А. Журналист
 Лумин П. Инженер
 Левицкий Д. Общ. деятель
 Родный Я. рабочий
 Семенов П. инженер
 Смирнов Л. профессор
 Стальмаков В. профессор
 Татаринцов В. профессор
 Тельников И. майор
 Щеглов А. солдат

(Фамилии некоторых Членов и Кандидатов Комитета Освобождения Народов России не публикуются в связи с их пребыванием на территории СССР или в целях их личной безопасности).

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ДОКУМЕНТУ

Попытка источниковедческого анализа

Наверное, ни одна тема в российской историографии не вызвала такого количества споров и дискуссий, как вопрос о широкомасштабном сотрудничестве с Германией советских граждан в 1941—1945 гг. Особенностью этих споров является то, что только сейчас появилась возможность без цензурно-идеологического давления взглянуть на события 50-летней давности, когда появился предлагаемый вниманию читателя Пражский Манифест — политическая декларация Власовского движения. Существование этого, бесспорно, *политического* документа, существенно обостряет спор между теми, кто считает Власовское движение “движением, которого не было”, “сборищем кучки предателей под эгидой гитлеровских спецслужб” и теми, кто пытается по-другому взглянуть на это явление, не имеющее прецедентов в мировой военной истории. Автору не хотелось бы в кратком послесловии рассматривать вопрос о причинах, механизмах и истории возникновения и развития того, что на Западе историки называют Освободительным Движением Народов России (ОДНР). Хотелось бы лишь взглянуть на историю и значение Пражского Манифеста 14 ноября 1944 г. в исследовательском контексте.

Все советские историки и подавляющее большинство российских, пишущих на различные темы в рамках ОДНР¹, формулируют свою позицию однозначно: “Манифест — отвратительный гибрид власовщины и белогвардейщины”, “удивительная смесь национал-социализма... черносотенных лозунгов, близких по духу лозунгам недоброй памяти «Союза Михаила Архангела», “программа белоэмигрантского НТС”, “гнусный, гитлеровский документ”². Парадоксально, но за малым исключением, советская оценка Манифеста очень близка к действительности, что только укрепляет ее в историческом рассмотрении; хотя, конечно, надо учитывать “особенности” советских исторических оценок. Манифест, наверное, *стал выражением настроений антибольшевистского лагеря в условиях и под неизбежным влиянием событий Второй мировой войны 1939—1945 гг.*

Чтобы правильно и объективно оценить его значение, необходимо принять аксиому, с которой должен согласиться любой историк — даже тот, который стоит на просоветских позициях. Гражданская война 1917—1922 гг. не закончилась с эвакуацией Белого Крыма и Белого Приморья. Образовался и активно действовал огромный антибольшевистский лагерь всех “расцветок”, который существовал в Русском Зарубежье. В Советской России произошли серьезные антисоветские выступления тех общественных слоев населения, которые не только не поддержали Белое Движение, но часто и боролись против него — это, в первую очередь, кронштадтские матросы и повстанцы крестьянских армий А.С.Антонова. Начало Второй мировой войны и позднее — войны Германии с СССР, *не ослабило и не могло ослабить* противостояния между советской властью, сталинским режимом и их врагами. Поэтому, после 22 июня 1941 г., когда СССР открыто вступил во Вторую мировую войну, существование значительного антибольшевистского лагеря ни в коем случае нельзя игнорировать.

Логически развивая эту аксиому, не трудно прийти к выводу о том, что в специфических военных условиях, усугубленных “заключением союзом” с Германией, *должен был возникнуть* документ или платформа, которая бы выразила и свела воедино те общие программные положения, которые имелись у любых представителей Русского Зарубежья — от социалистов до монархистов. Неожиданным фактором, который серьезно нарушил “баланс сил” и “пропорциональное представительство” всех идей разноликого Русского Зарубежья, стало активное участие в событиях и, соответственно, в претензиях на отражение своей позиции в таком документе, “подсоветских” людей, то есть тех, кто волею обстоятельств смог выразить свой критицизм по отношению к советской власти за 20 лет и кто смог сформулировать альтернативу ему, оказавшись на несоветской территории. Это вмешательство в лохранившееся в 1939—1945 гг. противостояние между “советчиками” и антисоветчиками кардинально изменило облик и будущую программу *общего антибольшевистского лагеря* именно в усло-

виях войны. Наконец, на весь этот лагерь не мог не оказать влияния вопрос о том, допустимо ли (и если да, то в какой мере?) заключать союз с внешним врагом? Естественно, что надо было найти понятные и простые объяснения своих поступков... В результате перечисленных автором факторов и появился Пражский Манифест 14 ноября 1944 г. Вряд ли стоит уделять серьезное внимание дате — он мог появиться и раньше, если не вследствие сомнительного “поумнения” розенберговской “опполитик”, то хотя бы вследствие успеха той борьбы, которую вела с национал-социалистическим режимом оппозиция ген. Л. Бека — полк. К.Ш. фон Штауффенберга³. Истории известны и предыдущие попытки программно-идеологического творчества тех антибольшевистских и антисталинских сил в период войны, которые решились заключить тактический союз с Германией в 1941—1945 гг. 26—28 ноября 1942 г. появилась первая редакция «Схемы национально-трудового строя» — чернового наброска программы НТСНП⁴. В последующем она несколько раз уточнялась и видоизменялась. Проект состоял из 6 разделов (более сорока глав)⁵. Известно, что несколько глав к «Схеме» написал будущий начальник штаба ВС КОНР генерал-майор Ф.И. Трухин⁶. Еще в октябре 1941 г. в офицерском лагере в Хаммельсбурге (Оф. Лаг. XIII-Д) появилась программа РТНП⁷, составленная создателем РТНП военюристом 3-го ранга С.А. Мальцевым и бывшим актером МХАТа С.Н. Сверчковым⁸. В декабре 1942 г. была опубликована «Смоленская декларация» — первый документ Власовского движения. «Декларацию Русского Комитета» подписали генерал-лейтенант А.А. Власов, генерал-майор В.Ф. Малышкин, бригадный комиссар Г.Н. Жилецов, генерал-майор И.А. Благовещенский, майор М.А. Зыков и бургомистр Смоленска, юрист Б.Г. Меньшагин⁹. Примечательно, что последние два документа составлялись исключительно “подсоветскими” людьми, а в обсуждении «схемы НТС» они принимали более, чем активное участие. (В частности, пункт о том, что все евреи будущей России будут поселены в Крыму, в «Схему НТС» был внесен по настоянию именно “подсоветского” автора, несмотря на возражения эмигрантов)¹⁰. Творчество правого крыла эмиграции в годы войны было представлено пылкими речами и попытками пропагандистских акций, например, сор-руководителя РИ-

СО¹¹ Н.И. Сахновского, который будучи капитаном 55-ой добровольческой штурмбригады Ваффен-СС «Валлония» («Валлонский легион»), в январе-феврале 1944 г. под Корсунью пытался создать монархическое Российско-Народное Ополчение (РНО) под девизом «За Веру, Царя и Отечество»¹² из местных крестьян.

На оккупированной территории очень близким по духу Пражскому Манифесту стал Манифест НСПР¹³, подписанный “Инженером Земля” (К.П. Воскобойником), тоже “подсоветским” человеком, в Локотском районе под Брянском в конце 1941-начале 1942 г.

Таким образом, является фактом то, что с конца 1941 г. в самых различных местах, оккупированных Германией, предпринимались попытки создать какой-то глобальный, антисталинский документ. Это были программно-творческие попытки очень раздробленного и неоднородного лагеря, который продолжал видеть в советской власти главного врага. Манифест в Праге явился лишь квинтэссенцией всех указанных стремлений, и навряд ли следует его представлять “продуктом германских спецслужб”.

В силу объективных причин Власовское движение смогло четко обозначить себя лишь осенью 1944 года, и только тогда, когда в генерал-лейтенанте А.А. Власове большая часть антибольшевистского зарубежного лагеря и антисталинского, “подсоветского” признала главного лидера, встал вопрос о выработке декларации, которая бы смогла удовлетворить всех. В связи с тем, что такая задача казалась невозможной, ибо с 1917 г. антибольшевистский лагерь так и не смог выработать какую-то общую программу, построенную не только на отрицании очевидных изъянов большевистского режима, было решено сделать акцент на явно бесспорной вещи, отраженные в 14 пунктах Манифеста. Это — *равенство всех народов, восстановление частной собственности и передача земли в частную собственность тем, кто ее обрабатывает, восстановление гражданских, политических прав и свобод*. Сам Манифест, если его оценивать политологически, бесспорно производит впечатление умеренно-социалистического. Некоторые исследователи полагают, что он продолжает линию народническо-эсеровских документов, лозунгов кронштадтских матросов и антоновских повстанцев 1921 года. Манифест явился продуктом и выразителем настроений, в пер-

вую очередь, “подсоветских” людей, и с этим пришлось смириться правой эмиграции, подержавшей ОДНР¹⁴. Г.Гиммлер настаивал на включение в Манифест пункта «о борьбе против евреев», однако А.А.Власов сообщил ему, что Манифест “гарантирует в будущей России равенство всем народам, ее населяющим” и вопрос был снят. Противоречивость программных установок, духа власовского документа с национал-социалистическим режимом подчеркивала нейтральная демократическая швейцарская пресса в декабре 1944 г.¹⁵ Очень интересен тезис Манифеста о том, что КОНР приватствует помощь Германии на условиях, не затрагивающих честь и независимость России. Во всяком случае, то о чем говорилось между собой еще в 1941—42 гг., в 1944 г. появилась возможность закрепить программно: уже поэтому можно спорить, “продался” ли генерал Власов “германским фашистам” или, все-таки, такая формулировка — советский пропагандистский штамп?

Из множества сообщений об авторстве документа ясно, что Манифест — плод коллективного труда. Полагаю, что серьезными авторами Пражского Манифеста 14.11.1944 г. являются украинский журналист Н.В.Ковальчук, московский биолог А.Н.Зайцев (Артемов), бригадный комиссар Г.Н.Жиленков, и, отчасти, старший лейтенант Н.А.Нарейкис (Яковлев). Причем, Г.Н.Жиленков, главным образом, редактировал, а не составлял документ¹⁶. Составителем основных 14 пунктов явился А.Н.Зайцев (Артемов). Он и свидетельствует о том, как создавался Пражский Манифест: “Генерал Жиленков, который осуществлял общее руководство работы, нам сообщил, что, во-первых, Андрей Андреевич хотел бы, чтобы этот документ был не Декларацией, а Манифестом, во-вторых, имел серьезное такое философско-историческое вступление, в-третьих, обязательно положительную программу и заключительную призывную часть. Жиленков взял на себя общую редакцию, Николаю Васильевичу поручил написать введение, мне — программную часть, а Николаю Александровичу — заключение... Разъехались до следующего утра. Схема мне была общая ясна, но я думал о своей задаче. Я внимательно смотрел, чтобы в тексте нашло отражение, что мы пользуемся поддержкой Германии, но чтобы нигде не было слов о военном союзе, чтобы не подставиться Западу, и изо

всех сил напирал на мир для России и наших народов. Свои 14 пунктов я разработал слишком интеллигентски-научно: я выделил главные положения, потом их практическую реализацию, наконец — текст о пенсиях, восстановление фабрик и заводов и т.д. В результате, у меня получилась некая научная таблица, а не пропагандистский документ. Я не мог как-то отражать роль НТС во всем этом деле и написал такую формулировку расплывчатую, о том, что будущее России — это национально-трудовой строй, при котором положение человека в обществе будет определяться не его партийной принадлежностью, происхождением, а моральными, деловыми качествами и трудом, а государство будет служить интересам нации, ее благосостоянию. Наутро мы сдали свои наработки Жиленкову, совместного разбора и чтения не было. Жиленков это все забрал и больше до 12 ноября 1944 г. мы своих работ не видели, когда за 2 дня до создания КОНРа Жиленков обсуждал текст на широком пленуме. И для пропагандистского документа Жиленков всю программную часть очень хорошо преобразовал в знаменитые 14 пунктов. Он сократил мою формулу о национал-трудовом строе, ту ее часть, которая говорила о человеке, сославшись на то, что второй пункт слишком длинный. Наконец, когда я выступил с вопросом, зачем мы упоминаем о всяких “плутократах”, когда наша задача — это Россия, и нам, мол, незачем выступать против Запада, меня поддержал в данном вопросе профессор Богатырчук. Тут Жиленков не выдержал и сказал: “Это должно остаться”. Здесь мы все поняли и никаких вопросов больше задавать не стали...”¹⁷

Совершенно справедливо, на взгляд автора, утверждение А.М.Некрича о том, что “власовское движение — ...возникло в исключительно неблагоприятных исторических обстоятельствах, что наложило на него неизгладимый отпечаток”.¹⁸ В какой-то степени это относится и к той части Манифеста, о которой спорил А.Н.Зайцев (Артемов) с Г.Н.Жиленковым, хотя, еще раз подчеркнем, что Манифеста из всех политических документов антибольшевистского лагеря 1941—1945 гг. менее всего коснулось какое-либо германское влияние, что благоприятно, ибо Манифест все-таки явился основным таким документом. Какую же, все-та-

ки роль сыграл Пражский Манифест 14.11.1944 г. и в чем его значение?

Как видится автору, возникновение Манифеста 1944 г. стало первой серьезной попыткой антибольшевистского лагеря с 1917 г. разработать программу, которая бы смогла привлечь широкие массы. Большую часть Манифеста составило не очевидное отрицание изъятий режима, а позитив, попытка что-то предложить взамен. Вследствие этого, Манифест зажил самостоятельной жизнью, без связи с вооруженной борьбой, и пережил 1945 г. Он лег в основу программы СБОНР¹⁹, крупной эмигрантской организации послевоенного периода, отчасти — в послевоенную программу НТС. Наконец, уже рассмотренные автором главные установки Манифеста — *равенство народов, свобода частной собственности, гражданская и политическая свобода* стали главными идейными посылками оппозиции внутри СССР после 1945 года, многих партий и союзов

периода 1988—1991 гт. Положительно оценивают Манифест английский историк Роберт Конквест, американский историк Л.Шапино и др.²⁰ Но, наверное, более полную и точную оценку Манифеста дал публицист и лидер меньшевиков в эмиграции Б.И.Николаевский, полагавший, что важнейшей особенностью Власовского движения было не формирование армии для борьбы против Сталина, а попытка создания движения на базе общероссийской, федералистской программы²¹.

Независимо от оценок ОДНР и Власовского движения, Пражский Манифест, который однозначно поддержали десятки тысяч людей, выразившие свою поддержку мешками писем в адрес КОНРа²², является серьезным политическим документом антибольшевистского лагеря 1917—1991 гт. и заслуживает самого пристального изучения историками, политологами и социологами.

К.М.Александров

Примечания

¹ В первую очередь это — Л.Решин, А.Колесник и др.

² См.: Тишков А. Предатель перед советским судом // Советское государство и право. 1973. №2. С. 97—99.

³ Уже в августе участники радикального крыла заговора пришли к мысли о необходимости ликвидации А.Гитлера и установления военной диктатуры Вермахта. С конца 1942 г. начались попытки покушений.

⁴ *НТСНП* — Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Создан в июле 1930 г., в Белграде под названием Национальный Союз Русской Молодежи. С 1957 — Народно-Трудовой Союз российских солидаристов (НТС).

⁵ Архив Федеральной Службы Контрразведки Российской Федерации. Н-18766, Следственная часть по особо важным делам МГБ СССР, том 2, конверт «Схема Национально-Трудового Строя», 1944 г.

⁶ Точнее — «Общие положения о национальной политике», «Внешняя политика», «Оборона страны» и др. // Архив ФСК РФ. Т.2. Лл.194—196

⁷ *РТНП* — Русская Трудовая Национальная Партия. Создана в октябре 1941 г. в Оф. Лаге XIII-Д бывшими командирами Красной Армии. Просуществовала до апреля 1942 г.

⁸ Архив ФСК РФ. Т.2. Л.147. На документе стоят лишь подписи ген. Власова и ген. Малышкина. Почему немцами были сняты остальные подписи — неизвестно.

⁹ Там же. Л.66.

¹⁰ Личный фоноархив автора. Интервью с А.Н.Артемовым в окт. 1993 г., Франкфурт-на-Майне.

¹¹ *РИСО* — Российский Имперский Союз (с 1936 г. — Союз-Орден). Создан в Париже в марте 1929 г.; памятный день — 8 октября.

¹² «РИСО. Юбилейный сборник». Нью-Йорк, 1959. С.13—23.

¹³ *НСПР* — Народная Социалистическая Партия России. Создана в Локте политссыльным К.П.Воскобойником. Манифест НСПР есть в архиве автора.

¹⁴ Кроме тех, кто ген.-л. А.А.Власова не поддержал. Таких, как ген.-от кав. П.Н.Краснов, ген.-м. Б.А.Хольмстон-Смысловский и некоторые др.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- 15 Хоффманн Й. История власовской армии //Имка-Пресс. Париж, 1990. С.319.
- 16 Интервью с А.Н.Артемовым; Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение, Лондон, ОРІ, 1990. С.174—175.
- 17 Интервью с А.Н.Артемовым.
- 18 Геллер М., Некрич А. Утопия у власти, Лондон, ОРІ, 1986. С.479.
- 19 СБОНР — Союз Борьбы за Освобождение Народов России, создан в мае 1946 г., в Германии, на базе власовского Боевого Союза Молодежи Народов России.
- 20 Хоффманн. Ук. соч. С.319—320.
- 21 Николаевский Б.И. О “старой” и “новой” эмиграции //Социалистический вестник. 1948. №2. С.33.
- 22 Архив ФСК РФ. Т.11. Лл.162—165.

А.С.Семенов

Атаман Семенов: малоизвестные факты биографии

*Гражданская война в России
дала много Пожарских, но
очень мало Мининых.*

Г.Семенов

Личность Григория Михайловича Семенова, пожалуй, одна из самых ярких, интересных и крайне противоречивых в ряду выдающихся деятелей белоэмиграции. Оценки фигуры Семенова самые различные. Сегодня одни ревностно чтут его память, создавая образ героя без страха и упрека, сражавшегося за Россию во время 1-й мировой войны, затем покрывшего себя неувядаемой славой в боях с большевиками в Восточной Сибири и, наконец, руководившего Белым движением на Дальнем Востоке. Другие утверждают, что атаман был одним из самых отталкивающих персонажей, выдвинутых на первый план Революцией, и приписывают ему довольно много грехов, начиная с мародерства и заканчивая саботажем и массовыми убийствами. Цельданной статьи — попытаться уйти от стереотипов и, руководствуясь прежде всего фактами, а не эмоциями, рассмотреть наименее известные страницы жизни Григория Михайловича, подробно остановившись на эмигрантском периоде его жизни.

Григорий Михайлович Семенов родился 13 (25) сентября 1890 г. в казачьей семье, в карауле Куранжи, Дурулгуевской станицы, Забайкальской области. Осенью 1908 г. он поступает в Оренбургское казачье училище и в 1911 г. успешно его заканчивает. После окончания училища Г.М.Семенов служил до 1914 г. в двух полках Забайкальского Казачьего войска и был прикомандирован ко 2-й казачьей ба-

таре. На войну в 1914 г. он вышел в рядах 1-го Нерчинского полка Забайкальского Казачьего войска. 11 ноября 1914 г. Семенов совершил подвиг — спас полковое знамя. В декабре 1914 г. с разъездом в 11 казаков он снял баварскую пехотную заставу, взяв в плен 65 человек. В Карпатах Семенов отличился при защите одного из ущелий, где с полуэскадром сдерживал четырехкратную атаку Баварской пехотной дивизии.

В 1914 г. за геройское участие в сражениях 1-й мировой войны Григорий Михайлович был награжден орденом святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени и личным георгиевским оружием¹.

Довольно противоречивы сведения относительно того, где был и чем занимался Семенов в 1917 г. Так, П.Балакшин утверждает, что в 1917 г. Семенову было поручено с помощью двух военных училищ захватить Таврический дворец и арестовать членов Петроградского Совета, включая Ленина, но эта авантюра закончилась неудачей². По другим данным, в начале 1917 г. сотник Г.М.Семенов был на Персидском фронте и участвовал в походе в Месопотамскую долину, далее, в мае, находясь на Персидском фронте, Семенов подал рапорт с просьбой разрешить ему сформировать строевую часть из монголов и бурят. Это было разрешено, и Семенов выехал в Забайкалье, где его в октябре 1917 г. и застала революция.

Вернувшись в Забайкалье, Семенов возглавил движение, получившее характерное название “Семеновщины”. По поводу возникновения этого движения существует несколько версий, так, ознакомившись с автобиографической книгой Г.Семенова «О себе», можно сделать вывод, что он сам организовал отряд для борьбы с большевизмом. Примерно такой же точки зрения придерживается и П.Балакшин в своем объемистом труде «Финал в Китае». Американский же историк Д.Стефан в работе «Русские фашисты»³ утверждает, что это Временное правительство поручило Семенову набрать воинское соединение для отправки на германский фронт, чем Григорий Михайлович и занимался (видимо, довольно успешно), но затем передумал и создал собственное войско, которое назвал «Особый Маньчжурский отряд» (к январю 1918 г. отряд насчитывал около 500 туземцев и 150 русских кавалеристов, а к весне 1918 г. — более трех тысяч человек). Отряд обосновался в Чите, создав там самостоятельное военное правление. Следует отметить, что еще весной 1918 г. Совещание Старших Начальников в районе Забайкалья наградило Семенова званием Атамана. В октябре 1918 г. он был последовательно избран на Войсковых Кругах Походным Атаманом Амурского и Уссурийского Казачества, Войсковым и Походным Атаманом Забайкальского Казачьего Войска, занимая должность командира 5-го Приамурского Корпуса, в чине полковника⁴. Несмотря на некоторый налет анархии, атаман Семенов пытался создать какое-то подобие “государства в государстве”, так, в Чите имели хождение собственные деньги, т.н. “голубки”. Кроме того, войска “маньчжурского отряда” останавливали воинские эшелоны, идущие на фронт, что вызывало справедливый гнев сражающегося с большевиками адмирала Колчака.

Приказом № 67 Колчак в октября 1918 г. объявил Семенова изменником и отрек от всех занимаемых должностей с преданием военному суду. В вину атаману ставилась задержка боевого снаряжения и вооружения, идущих с востока на сибирский фронт, и бунт против государственного строя страны⁵.

Необходимо отметить, что данный приказ практически не отразился на положении Семенова и его войска. 4 января 1920 г., незадолго до своей гибели, Главнокомандующий Вооруженными Силами Дальнего Востока и Иркут-

ской области адмирал Колчак подписал приказ о передаче Семенову всей полноты верховной власти на территории Российской Восточной Окраины.

Несмотря не довольно ощутимую поддержку Японией, и, в частности, генералом Танакой, перечислившим в период с декабря 1918 по февраль 1920 г. 21 110 000 йен непосредственно атаману⁶, после поражения Колчака Семенов остался практически один перед надвигавшейся Красной Армией. Тем не менее, атаман продержался еще почти год, и лишь к 20-му ноября 1920 г. все части дальневосточной армии ушли в Маньчжурию.

Григорий Михайлович довольно удачно устроился в местечке Кахакаши, неподалеку от Дайрена, где лично исператором ему были подарены две дачи.

В период с 1920 по 1933 г. наблюдается снижение политической активности атамана. Так, имя Григория Михайловича на страницах эмигрантской печати в период с 1920 по 1933 г. появлялось всего 2 раза: в 1923 г., когда Семенов предлагал генералу Чжан Цзо-лину создать казачьи формирования⁷, но безрезультатно, далее, в 1928 г. в Токио успешно для Семенова завершилась судебная тяжба о праве на золотые слитки, оцениваемые в 1 млн. 600 тыс. йен, между атаманом и генерал-майором Подтягиным⁸. Правда, не совсем понятно происхождение этого миллиона. И, наконец, с 1934 г. наблюдается возобновление активности.

По свидетельству американских авторов М.Сейерса и А.Кана⁹, из проживающих в Маньчжурии белоэмигрантов была сформирована хорошо оснащенная армия, насчитывающая 150 тысяч человек. Во главе находился генерал-лейтенант Г.Семенов. Однако, учитывая время написания последней упоминающейся книги (1942 г.), можно предположить, что американцы несколько преувеличили.

Семенов действительно пользовался популярностью среди забайкальских казаков, расселившихся на севере и востоке Маньчжурии. Однако, он находился довольно далеко от Харбина, где скопилась большая часть русского населения. И, что особенно важно, японские секретные службы считали Семенова импульсивным, капризным и отставшим от времени человеком и, конечно, не позволили бы ему сформировать под своим началом огромную армию¹⁰.

Кстати, о звании “генерал-лейтенант”. Из признаний самого Семенова, данных в его книге «О себе», следует, что это звание Григорий Семенов присвоил себе сам, правда, по просьбе подчиненных, среди которых были люди с генеральскими лампасами. Любопытно было узнать и другие “титулы” атамана: кавалер ордена Святого Магомета (это звание было пожаловано ему Высшим Арабским Сенатом в Аравии), рыцарь Святого гроба Господня (посвящен в рыцари Иерусалимским патриархом Дамианом), гожалованный шкурой Белого Бобра и грамотой — т.е. равный среди монгольских князей¹¹.

Вернемся, однако, к политической деятельности атамана. Григорий Семенов с 1934-го г. тесно сотрудничал с Российской Фашистской Партией (Харбин) и непосредственно с ее руководителем Константином Родзаевским. В письме Родзаевского председателю Всероссийской Фашистской организации Анастасию Вонсяцкому (США) первый выражает желание “достичь соглашения с атаманом, чтобы он вошел в организуемую нами Всероссийскую фашистскую партию со всеми своими казачьими организациями и взял бы на себя руководство будущей фашистской армией...”¹².

Необходимо все же заметить, что сотрудничество Союза казаков, официально возглавляемого генералом Бакшеевым и фактически атаманом Семеновым, и РФП осуществлялось под довольно сильным нажимом японских военных кругов, так как ни те, ни другие не питали друг к другу слишком теплых чувств. Кроме ненависти к коммунистам, у них было очень мало общего. Семенов осуждал фашистскую доктрину Родзаевского, как неоправданное и бесперспективное увлечение итальянской и немецкой модой.

Вот как он отзывался о фашизме и нацизме: “... фашизм в Италии и национал-социализм в Германии не подлежат копировке, ибо в целом ни то, ни другое в отношении России не применимо. Мы можем и должны взять от них лишь то, что полезно, но ни в коем случае не должны слепо подражать иностранным образцам... Фашизм гениально придуман, но только для Италии с ее однообразным, в отношении племенном и расовом, населением. То же можно сказать и про национал-социализм Германии”¹³, — вполне аргументированно, на наш взгляд. Джон Стефан¹⁴, правда, выдвигает еще одну причину разногласий двух вождей, а

именно, он утверждает, что “Семенов грезил расчленением СССР и созданием в Забайкалье независимой казацкой республики”, что, естественно, не могло устроить Родзаевского. Но, на наш взгляд, это утверждение американского историка, мягко говоря, бездоказательно; по крайней мере, совершенно непонятно, на основании каких источников сделал такой вывод уважаемый автор. Так же вызывает сомнение утверждение Петра Балакшина¹⁵ о том, что у Григория Михайловича “настолько была сильна вера в непогрешимость Гитлера, что все, что бы он ни делал, рассматривалось через призму национализма... ради установления нового порядка в мире и искоренения коммунизма...” В дальнейшем мы постараемся обосновать эти сомнения.

Григорий Михайлович, пожалуй, до самого интернирования в Советский Союз надеялся и верил, что когда-нибудь его “пригласят” обратно в Россию, если не “на царство”, то на видную руководящую роль. Надо признать, что и у части эмиграции с Семеновым были связаны довольно большие надежды, так, полковник царской армии Н.В. Колесников в своем журнале «Армия и флот» писал: “... Атаман Семенов — это авангард империи и сзади его войск на очищенную землю русскую, на ее залитые кровью и слезами поля вступит Император Всероссийский, угасшая слава и величие земли русской...”¹⁶.

Время от времени атаман ронял слова, что кто-то с ним уже вел переговоры и что эти “кто-то” могли быть только из Советского Союза. Но, очевидно, это были только мечты. Правда некоторые представители японских военных кругов планировали Семенова в правители прогнозируемого марионеточного государства на территории Советской Сибири — Сибир-Го.

Как утверждает российский историк Л.К. Шкаренков, “...еще в 1926 г. генерал Танака говорил Семенову, что направит деятельность японского правительства, когда станет премьером, на осуществление намеченного им плана отторжения Восточной Сибири от Советского Союза и добьется создания на этой территории “буферного государства”. Танака обещал тогда Семенову пост руководителя будущего дальневосточного правительства”¹⁷. Но планы остались лишь планами.

Можно утверждать, что у атамана были разработанные планы создания единого анти-

коммунистического фронта вместе с “дружественной” Японией.

В эти планы входило:

1) создание при нанкинском правительстве особого японо-китайско-маньчжурско-русского антикоммунистического департамента, национального Союза главных представителей наций, утверждающих “новый порядок” в Восточной Азии;

2) создание японо-китайско-маньчжурско-русского отдела политической пропаганды;

3) курсов военно-экономической разведки при китайской военной академии;

4) курсов военной администрации в китайско-русском департаменте.

Кроме того, Семенов утверждал, что в его распоряжении довольно значительные силы, такие, как монгольская бригада из 3-х полков; 2 бригады забайкальских казаков; 2 военных училища; полицейские пограничные отряды в Маньчжоу-Го; охранные отряды на концессиях и приисках; Тяньцзиньский русский волонтерский корпус; военные курсы; кадры пехотных и кавалерийских полков и артиллерийских батарей¹⁸. В качестве малоизвестного факта, можно добавить, что в январе 1945 г. генерал-лейтенант Г.М.Семенов заявил о подчинении своего 60-тысячного корпуса вооруженным силам Комитета Освобождения Народов России и генерал-лейтенанту А.А.Власову. Начальник штаба ВС КОНР генерал-майор Ф.И.Трухин даже утверждает в своем дневнике, что посылал к Семенову на Дальний Восток несколько офицеров с “секретными миссиями”¹⁹. Однако, пока не удалось найти достоверных фактов существования этого корпуса и, тем более, его участия в военных действиях в составе армии Власова.

Со временем к проектам атамана перестали прислушиваться, он стал вызывать раздражение, и особенно ярко это проявлялось с приближением конца войны.

Прзволим себе привести свидетельство некоего Жукова, служившего в 1944-м г. в японской жандармерии в Дайрене²⁰: “...японцам невыгодно давать атаману окрепнуть в материальном отношении, они предпочитают держать его на полуголодном существовании около себя, они его, конечно, подкармливают, но без их ведома он сделать ничего не может... — Атаман серьезного значения у японцев не имеет... Атаману последнее время не везет. От него уже

около года отвернулись японцы, перестали верить ему, а тут он еще совсем недавно подорвал к себе доверие беседой на вокзале с советским консулом Петровым, который подошел к нему выразить соболезнование по случаю смерти его жены... Это был пробный шар со стороны Петрова, а потом стало заметно, что около атамана стали появляться люди, замешанные в работе с советскими... Одним словом, карьера Семенова при японцах закончилась”.

Прежде чем остановиться на последней, самой печальной странице жизни Григория Михайловича Семенова, рассмотрим подробнее его политические взгляды, а также мысли атамана о государственном устройстве и управлении Россией, которые он надеялся воплотить в жизнь.

Семенов, безусловно, отдавал должное как Муссолини, так и Гитлеру, но явно не призывал слепо копировать фашизм или нацизм при построении нового российского государства. “...Как Муссолини, так и Гитлер пришли к власти не революционным путем, а были выдвинуты на свои посты абсолютным большинством наций... когда нация объединена одним стимулом — выйти на путь своего благополучия, она не является партией, а единым национальным фронтом, базисом государственного благополучия... Несомненно, полезно использовать фашизм, хотя бы в измененном виде, и другим странам, организм которых требует некоторого обновления и укрепляющих средств на пути их нормального развития. Но это уже не будет фашизмом, как таковым, ибо перенесенный на чуждую почву, он изменяет свои формы, будучи приспособлен к национальным особенностям заимствующей его нации”²¹. Как пример, атаман приводит факты различия в государственном устройстве Италии и Германии: “Национал-социалистические принципы Германии... имеют некоторое сходство с итальянским фашизмом, но лишь в конечных целях их стремлений, глубоко отличаясь от него, как в сути их тактики, так и в основах государственного устройства, которые в корне различны в обеих странах”²².

Атаман был трезвомыслящим человеком и прекрасно понимал, что ни фашизм, ни национал-социализм неприемлемы для России по многим причинам, и основная из них — нетерпимость к представителям другой расы, другой нации. Семенов, выросший в Забайкалье, свободно владеющий бурятским и монгольским

языками, долгое время сражавшийся и затем живущий среди представителей разных национальностей, не мог принять идею о превосходстве одной нации над другой.

В конце концов, на то были чисто прагматические причины: атаман получал немалую помощь от японцев, и сражаясь с большевиками, и живя в эмиграции. Основная идеология новой Российской государственности, по мнению Григория Михайловича, должна была сочетать в себе “узаконенность расово-племенного объединения всех народов, входящих в состав государства. Все эти народы должны иметь общий источник равных прав и обязанностей...”²³. Свою доктрину Семенов называет россизмом. Основные положения этой концепции несколько размыты и иногда противоречат друг другу (так, сначала атаман категорически отрицает “партийные интересы” в государственном управлении страной, отвергая существование политических партий в России, в дальнейшем же, говоря о россизме, он допускает существование политических партий в государстве, но в рамках строгой законности), но, рассмотрев их, становятся понятны основные идеи, с помощью которых Григорий Михайлович собирался “перестроить” Россию. Вот эти идеи:

а) Россизм противопоставляется коммунизму.

б) Россизм не стирает расовых и племенных граней между народами, за коими признает право на национально-культурную и территориальную автономию.

в) Россизм как государственная доктрина объединяет в себе все автономные части населения России в единое государственное целое, под единой верховной Российской властью.

г) Россизм признает права религиозной, личной и идеологической свободы, а также право частной собственности каждого гражданина.

д) Церковь должна пользоваться полным покровительством власти, и авторитет церкви должен стоять выше всякого земного авторитета²⁴.

Изучив данную доктрину, можно сделать вывод, что россизм, пожалуй, ближе к демократической форме правления, чем к тоталитарной. Ведь в самом деле, разве можно представить себе гитлеровскую Германию с национально-культурными автономиями, с религиозной, личной и, особенно, с идеологической

свободой; и, наконец, с непрекаемым авторитетом церкви?

Очевидно, что в тоталитарном государстве фашистского типа может быть лишь один авторитет — авторитет Вождя, что мы и наблюдаем в фашистской Италии и нацистской Германии. Единственное, что явно объединяло три доктрины, — это стремление к уничтожению советской власти, причем в трудах Семенова это проявляется даже ярче, что, очевидно, не требует объяснений. Григорий Михайлович видел в Гитлере человека, способного уничтожить большевиков в России, но вряд ли атаман осознавал, что вместе с большевиками может быть уничтожена и сама Россия.

Когда Семенов это понял, он круто изменил свои взгляды. Судьба атамана Семенова после входа советских войск в Маньчжурию достаточно трагична. Он захвачен специальным отрядом в местечке Кахакаши, на своей даче, и переправлен в Москву.

Существует несколько версий его ареста. По одной из них, наиболее достоверной, Семенов был захвачен 19 августа 1945 г. парашютистами из отряда СМЕРШ²⁵. По другой, менее реальной, но более романтической, атаман сам вышел навстречу отряду чекистов в полной парадной форме, представился, сказал, что документы его в полной сохранности, и пригласил гостей позавтракать (арест происходил утром).

После тщательного обыска полковник, командовавший отрядом, принял приглашение. Семенов поднял тост за победу российского оружия над Германией и сказал, что “отдает себя Сталину на суд, но не считает себя виновным, так как всегда был движим любовью к Родине”²⁶. После завтрака полковник объявил, что атаман арестован, и повез его на аэродром для отправки в Москву.

Суд над Григорием Михайловичем Семеновым, а также над другими деятелями дальневосточного белоэмигрантского движения, состоялся почти через год, 26 августа 1946 г. Вместе с атаманом судили двух его сподвижников — генерал-лейтенанта Бакшеева и генерал-майора Власьевского, лидера Российской Фашистской партии Родзаевского и его секретаря Охотина, монархиста Шепунова, советника японской военной разведки в Маньчжурии Михайлова, и, наконец, князя Ухтомского.

Семенов, безусловно, был главной фигурой процесса. Помимо фактов своей безжалостной борьбы с большевиками до эмиграции,

атаман сообщил, что японцы предложили ему 20 миллионов йен за согласие возглавить восстание в СССР²⁷ (он отверг сделку, посчитав, что цена слишком низкая). Во время войны он организовывал шпионские школы и вместе с командованием Квантунской армии вынашивал планы захвата азиатской части России. В заключение, он выразил радость по поводу победы СССР над Германией. Вероятно, здесь мы можем наблюдать тот редкий случай, когда карательным органам не нужно было выбивать фальцифицированные показания из подсудимого. Большая часть этих показаний была правдой. Интересно, что в последнем слове все подсудимые признали себя виновными, но лишь Семенов попросило милосердия. 29 августа был вынесен приговор. Семенова «как злейшего врага советского народа»²⁸ приговорили к смертной казни через повешение с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Остальных, кроме Ухтомского и Охотина, приговорили к расстрелу. Князя же и секретаря фашистского лидера осудили на 25 и 15 лет каторжных работ. 30 августа 1946 г. генерал-лейтенанта Григория Михайловича Семенова не стало.

Подведем итоги. Личность атамана Семенова, безусловно, очень противоречива, и именно поэтому у разных исследователей портреты Григория Михайловича тоже получаются разными.

Задача данной статьи была, абстрагировавшись от эмоциональных оценок, попробовать окинуть более или менее беспристрастным взглядом личность этого неординарного человека, рассмотреть историю трагедии умного, инициативного, в чем-то резкого и безрассудного, в чем-то авантюрного и наивного, но, очевидно, порядочного и благородного гражданина той, прошлой России, о возрождении которой он мечтал до самого трагического конца своих дней.

Семенов ненавидел коммунистов, для борьбы с ними он делал все, что было в его силах, но вряд ли окончательной и главной целью атамана был царский трон в России (хотя, конечно, в какой-то мере вождистские настроения присутствовали).

Будем надеяться, это удалось доказать. Как писал Семенов в своей автобиографической книге, «я всегда был сторонником демократической федерации...»²⁹

Примечания

- ¹ Семенов Г. О себе: воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938. С.124.
- ² Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Т.1 Сириус, Сор. 1958. С.283.
- ³ Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925—1945. М., 1992. С.54.
- ⁴ Денисов С.В. Генераль Семенов // Белая Россия. Нью-Йорк, 1937. С.124.
- ⁵ Балакшин П. Указ. соч. С.302.
- ⁶ Балакшин П. Указ. соч. С.308.
- ⁷ Балакшин П. Указ. соч. С.238.
- ⁸ Шанхайская заря. 1928. № 35. С.4.
- ⁹ Сейерс М., Кан А. Тайная война против Америки. М., 1947. С.93.
- ¹⁰ См.: Стефан Д. Указ. соч. С.89.
- ¹¹ См.: Балакшин П. Указ. соч. С.284.
- ¹² Стефан Д. Указ. соч. С.185.
- ¹³ Семенов Г. Указ. соч. С.207.
- ¹⁴ Стефан Д. Указ. соч. С.215.
- ¹⁵ Балакшин П. Указ. соч. С.303.
- ¹⁶ Колесников Н.В. Зарницы // Армия и флот. 1933. № 11. С.66.
- ¹⁷ Шкаренков Л.К. Агония русской эмиграции. М., 1987. С.146.
- ¹⁸ Данные И.Т.Карнауха, цит. по: Балакшин П. Указ. соч. С.306.
- ¹⁹ Личный архив К.Александрова. Дневник генерал-лейтенанта Ф.И. Трухина, записи за январь 1945г.

- 20 Цит. по: Балакшин П. Указ соч. Т.2. С.323.
- 21 Семенов Г. Указ соч. С.205.
- 22 Семенов Г. Указ соч. С.206.
- 23 Семенов Г. Указ соч. С.208.
- 24 Семенов Г. Указ соч. С.209.
- 25 Балакшин П. Указ. соч. Т.2. С.141.
- 26 Стефан Д. Указ. соч. С.396.
- 27 Правда. 1946. 28 августа.
- 28 Неотвратимое возмездие. По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок. М., 1979. С.157.
- 29 Семенов Г. Указ соч. С.281.

Адмиралы Военно-Морского Флота СССР

Редакция журнала продолжает публикацию биографий «Адмиралы Военно-Морского Флота СССР», в которую входят получившие адмиральское звание в годы Великой Отечественной войны и, начиная от “вице-адмирала”, — в послевоенный период.

Абашвили Георгий Семенович

25.12.1909—8.01.1910 г. Тифлис —
26.09.1982 Ленинград.

Грузин. Вице-адмирал (08.08.1956). На военной службе в ВМФ с 1927 г. Кандидат воен.-мор. наук (1971), доцент (1965), член партии (1943). Окончил Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе (08.1927—10.1931), курсы командиров эсминцев (1938), академические курсы офицерского состава при Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова (11.1948—10.1949). После окончания училища продолжил службу на БФ командир БЧ-1 ЭМ ЭМ «Володарский» (10.1931—08.1932), «Ленин» (08.1932—01.1934), дивизионный штурман СКР СКР (01.1934—04.1935), помощник командира УК «Ленинградсовет» (04.1936), командир СКР «Пурга» (03.1936—03.1938), командир ЭМ ЭМ «Сметливый» (03.—09.1938), «Гневный» (09.1938—02.1939), командир дивизиона СКР СКР ОВРа БФ (02.1939—03.1940). Участник советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Командир дивизиона ЭМ (03.1940).

В Великой Отечественной войне участвовал с июня 1941 г. в составе ОЛС БФ в активных минных постановках в Ирбенском проливе и Рижском заливе, в сентябре 1941 г. — в высадке десанта в Петергофе как командир отряда высадки. Командир МЗ «Марта» (10.1941—01.1942). В ноябре 1941 г. проводил в эвакуацию гарнизона ВМБ Ханко в Ленинград. Командир УК «Ленинградсовет» (01—06.1942), командир КЛ «Зея» (06—12.1942), командир лидера ЭМ «Ленинград» (12.1942—09.1943). В 1942—1944 г. в качестве командира дивизиона

ЭМ ЭМ эскадры БФ участвовал в битве за Ленинград. Дивизион периодически был задействован в подавлении батарей противника, обстреливавших город, в прорыве блокады и арт-поддержке.

После окончания войны находился в служебной командировке в Германии по приему немецких кораблей (11.1945—01.1946), в составе эскадры СБФ продолжал командовать дивизионом ЭМ ЭМ. Командир КР КР «Максим Горький» ЮБФ (03.1946—11.1948), «Чапаев» (10.1949—02.1951), начальник штаба (02—06.1951), командир эскадры (06.1951—02.1957) 4 ВМФ, БФ, командир Восточно-Балтийской флотилии (02.1957—08.1960), 1-й заместитель командующего БФ (08.1960—04.1963). Во время Карибского кризиса командовал отрядом кораблей, входивших в состав группы советских войск на о-ве Куба (04.08.1963). Начальник Балтийской группы Государственной приемки кораблей ВМФ (01—05.1964), начальник Высших специальных офицерских классов (05.1964—12.1970). Контр-адмирал (27.01.1951). С апреля 1971 г. в запасе.

Награжден: орденом Ленина (1953), 4 орденами Красного Знамени (1944, 1947, 1956, 1963), орденом Нахимова 2 ст. (1945), Трудового Красного Знамени (1962), 2 орденами Красной Звезды (1940, 1944) и медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище.

Авраамов Георгий Николаевич

18.01.1928 г. Севастополь. Русский. Вице-адмирал (29.10.1984). На военной службе в

ВМФ с 1946 г., член партии с 1950 г. Окончил Ленинградское военно-морское подготовительное училище (Баку, 1943—1946), Высшее военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (08.1946—08.1950), артиллерийский класс (10.1952—07.1953), класс командиров эсминцев (10.1958—07.1959) Высших офицерских специальных классов ВМФ, командный факультет Военно-морской академии заочно (09.1963—07.1966).

Родился в семье морского офицера. В начале Великой Отечественной войны — боец отряда МПВО Ленинградского гарнизона БФ (1941—1943), награжден медалью «За оборону Ленинграда».

После окончания училища направлен на Балтику. Командир группы ЭМ «Сторожевой», «Стойкий» (10.1950—10.1951). Командир БЧ-2 ЭМ «Солидный» (09.1953—12.1954). Ст. пом. командира ЭМ «Стерегущий», «Свободный» (12.1954—10.1958), ст. пом. командира (09.1959—09.1960), командир ЭМ «Степennyй» (09.1960—07.1961). Командир ПЛК-9 (07.1961—03.1963) СФ. На БФ офицер отдела БП штаба флота (03.1963—09.1965), командир БРК «Неуловимый» (09.1965—12.1967), начальник штаба (12.1967—04.1970), командир бригады десантных кораблей, начальник штаба Лиепайской ВМБ (12.1971—04.1974), начальник БП — зам. начальника штаба флота по БП (04.1974—09.1977), зам. командующего БФ (09.1977—08.1981).

Принимал участие в маневрах «Север-68», «Океан-70», «ЮГ-71». «За особые отличия, мужество, самоотверженность и высокое мастерство, проявленные при подготовке и проведении маневров «Запад-81», награжден орденом Нахимова 2 ст.

Начальник Черноморского высшего военно-морского училища им. П.С.Нахимова (03.1981—11.1987). В запасе с 1987 г. Контр-адмирал (05.05.1976). В настоящее время ст. научный сотрудник Центрального военно-морского музея.

Награжден: орденом Нахимова 2 ст. (1981), Отечественной войны 1 ст. (1986), Трудового Красного Знамени (1978), медалями, в т.ч. иностранной.

Акимов Владимир Ильич

08.09.1924 г. с.Купава Ногинского р-на Московской обл. Русский Вице-адмирал

(29.10.1976). На военной службе в ВМФ с 1942г. Член партии с 1949 г. Окончил 1-ю Военно-морскую спецшколу в Москве (1941), подготовительный (02—11.1942), два курса Высшего военно-морского училища им. М.В.Фрунзе (11.1942—06.1944), Каспийское высшее военно-морское училище (05.1946), Высшие специальные офицерские курсы (12.1951—10.1952), Военно-морскую академию (09.1958—06.1961). После окончания училища командир БЧ ТЩ бригады т раления. С июня 1947 г. — помощник командира, командир ТЩ. Ст. пом. командира ЭМ «Отважный» (10.1952) ЧФ. Ст. пом. командира (11.1952—10.1954), командир (10.1954—09.1958) ЭМ «Суровый» БФ. Окончив командный факультет академии, назначен командиром ПЛ ПЛ (07.1961—12.1963), начальник штаба-зам. командира (12.1963—10.1965), командир БПЛ (10.1965—01.1966), командир ПЛА (04—11.1966), командир БПЛ (02.1969—07.1972), зам. командира (07.1972—03.1974), командир (07.1974—07.1977) эскадры, начальник штаба — 1-й заместитель командующего ЧФ (07.1977—06.1980). Заместитель начальника Гл. управления навигации и океанографии МО СССР (06.1980—06.1984). В запасе с 06.1984 г.

Награжден: орденом Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 ст. и медалями.

Александров Александр Петрович

21.06.1900 г. Орел — 18.01.1946 г. Таллин.

Еврей, контр-адмирал (21.07.1944). Член партии с 1917 г. На военной службе в ВМФ с 1918 г. Окончил Военно-морскую академию (1927), армейское отделение курсов усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М.В.Фрунзе (1929). Красногвардеец Одесской Красной Гвардии. В Гражданскую войну — командир 1-го морского коммунистического батальона ОН, комиссар полка кавбригады, воевавшей против частей ВСЮР ген. А.И.Деникина и СЗ ДА ген. Н.Н.Юденича. С апреля 1920 г. — военком радиостанции Гл. Управления службы связи Черного и Азовского морей. С мая 1920 г. — военный следователь, член коллегии ревтрибунала Западного побережья Черного и Азовского морей, зав. следственным отделом, председатель

ревтрибунала Херсонского р-на ЧМ, следователь-докладчик ревтрибунала войск Крыма. С июля 1927 г. стажировался на БФ — вахтенный начальник ЛК, начальник штаба дивизии ЛК, ст. пом. командира ЭМ. С окт. 1928 г. — на преподавательской работе в Военно-морской академии им. К. Е. Ворошилова, адъюнкт, преподаватель кафедры стратегии. С апреля 1931 г. — командир и военком крейсера «Аврора». С января 1932 г. — начальник кафедры стратегии и оперативного искусства, с марта 1934 г. — начальник штаба, с апреля 1936 г. одновременно исп. должность начальника и военкома ВМА. С апреля 1937 г. — военный советник при командующем флотилии республиканского флота во время гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. По прибытии на Родину в декабре 1937 г. уволен со службы, в феврале 1938 г. репрессирован, содержался в Лентюрье УГБ УНКВД ЛО. В феврале 1940 г. реабилитирован и восстановлен в кадрах ВМФ. С июня 1940 г. — командир Новороссийской ВМБ.

В начале Великой Отечественной войны — командир Новороссийской ВМБ. С июля 1941 г. — командующий Азовской военной флотилией. В октябре от должности отстранен и направлен в распоряжение Командного Управления ВМФ и в январе 1942 г. направлен начальником Отделения Исторического отдела ГМШ. С июля 1942 г. — начальник штаба Ленинградской ВМБ. Участвовал в подготовке и высадке десанта в Усть-Тосно, наступательной операции с форсированием Невы у Невской Дубровки. С декабря 1942 г. — начальник штаба Ладожской военной флотилии. Штаб под руководством А. выполнил основную задачу флотилии — обеспечение перевозок в Ленинград по Ладожскому озеру, как на период обороны, так и в ходе подготовки стратегических наступательных операций по прорыву блокады в январе 1943 г. и полному освобождению города от блокады и разгрому фашистских войск под Ленинградом. С февраля 1944 г. — командир Лужской, с июня — командир Ленинградской ВМБ, которая непосредственно боевых действий не вела, выполняла задачи по тралению, формированию и отправке караванов.

С сентября 1944 г. — пом. председателя СКК по морской части в Финляндии. С апреля 1945 г. — начальник штаба БФ. Направляясь в

служебную командировку в Берлин, погиб в авиакатастрофе.

Награжден: орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1943, 1944, 1945), орденом Нахимова 1 ст. (1945), Отечественной войны 1 ст. (1944) и медалями.

Похоронен в Ленинграде на Серафимовском кладбище.

Соч.: Критика теории владения морем. Л., 1930.

Противодесантная операция. Оперативный очерк. Л., 1933.

Операции на морских сообщениях. Оперативный очерк. Л., 1934.

Алексеев Владимир Николаевич

08.09.1912 г. село Кимельтий, ныне Иркутской обл.

Русский. Адмирал (06.11.1970). Герой Советского Союза (05.11.1944). На военной службе с 1933 г. Член партии с 1941 г. Окончил Ленинградский морской техникум (1932), Специальные классы комсостава ВМС РККА (11.1933—02.1935), Военно-морскую академию им. К.Е. Ворошилова (1942—1943), Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова с золотой медалью (1951—1954).

После окончания техникума матрос, 3-й пом. капитана теплохода Совторгфлота. С февраля 1935 г. — штурман ПЛ «Щ-122», штурман дивизиона ПЛ ПЛ, флагштурман бригады ТКА ТОФ. В августе 1938 г. репрессирован, в феврале 1939 г. восстановлен в кадрах ВМФ. Командир звена, отряда, начальник штаба дивизиона ТКА ТОФ.

Великую Отечественную войну встретил в штабе на СФ после окончания ВМА. С мая 1944 г. — командир дивизиона БТКА. В этой должности показал высокие боевые качества моряка-катерника. Первый морской бой провел 28.06.1944 г. и одержал блестящую победу. А. возглавил группу катеров, в условиях полярного дня при полной видимости пошел на сближение с противником, группа вошла в дымовую завесу, отыскала караван противника, сблизилась с ним и на предельно короткой дистанции и во взаимодействии с авиацией потопила 2 транспорта и тральщик. Все катера благополучно вернулись в базу. 15.07.1944 г., имея в подчинении 8 ТКА, А. вошел в море с целью перехвата и разгрома конвоя в Варангер-фиорд. В составе конвоя свыше 30 ТР ТР и кораб-

лей охранения, в условиях пониженной видимости в р-не Стуре-Эккерей катера А. встретили немецкие ТР ТР и пошли на сближение с ними. В этом бою было потоплено 3 транспорта и несколько боевых кораблей противника. Особо отличился в октябре 1944 г. в ходе Петсамо-Киркенесской операции. За время боевых действий дивизион БТКА под командованием А. потопил 17 вражеских кораблей, отмечался в приказах ВГК. За героизм и мужество, проявленные в дерзких торпедных атаках, А. присвоено звание Героя Советского Союза. С апреля 1945 г. — начальник штаба бригады ТКА. 24 июня 1945 г. участвовал в Параде Победы в Москве начальником штаба сводного полка моряков. Командир ОВРа Беломорского морского р-на (1946—1947), командир БТКА (09.1947—1951). Командир Лиепайской ВМБ БФ (12.1953—11.1956), ст. преподаватель кафедры оперативного искусства и тактики высших соединений ВМФ Военной Академии Генштаба (12.1956—09.1957). Начальник штаба БФ (09.1957—07.1962), ст. преподаватель кафедры военно-морского факультета Военной АГШ (07.1962—11.1963). Пом. представителя ГК Объединенных ВС по ВМФ в Румынской армии (11.1963—11.1965). Зам. начальника ГШ ВМФ по оргвопросам (12.1965—06.1967), 1-й зам. начальника ГШ ВМФ (06.1967—1976), консультант Военной академии Генштаба ВС (1976—1986). За «Атлас океанов» — лауреат Госпремии (1980). С октября 1986 г. в отставке.

Награжден: орденом Ленина, Октябрьской революции, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1 ст., орденом Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 ст., медалями.

Алексеев Николай Васильевич

10.12.1901 г. Москва — 24.10.1950 г. Ленинград.

Русский. Инженер-контр-адмирал (24.07.1943). На военной службе в РККА с 1919 г., в ВМФ с 1921 г. Член партии с 1927 г. Окончил кораблестроительное отделение Военно-морского инженерного училища им. Ф.Э.Дзержинского (1928). В Гражданскую войну — санитар, телефонист на Южном фронте. Ученик Учебного отряда подводного плавания БФ, в арктическом плавании на ПЛ ПЛ «Ерш», «Леопард», мл. помощник предпо-

давателя спецпредметов УОПП. После окончания училища получил право выбора и на третий месяц службы в Комиссии по наблюдению (комнаб) за постройкой военных судов на Николаевском судостроительном заводе получил самостоятельное заведование — наблюдение за постройкой первых советских ПЛ ПЛ «Революционер», «Гарибальди», «Якобинец». По окончании постройки первых трех лодок и успешных заводских испытаний переведен в Ленинград. С марта 1931 г. — мл. приемщик комнаба на Балтийском заводе — участие в постройке, испытаниях и приемке ПЛ «Декабрист». Член комиссии И.Ф.Тевосяна в Англии по закупке судов (1934). Ст. военпред Ленинградского КПК (1934—1937). С августа 1937 г. — начальник 2 отдела, ведавшего вопросами строительства ПЛ ПЛ Управления кораблестроения ВМФ.

В Великой Отечественной войне — зам. начальника Гл. Управления кораблестроения ВМФ по подводным лодкам (с окт. 1940). Обеспечивал постройку ПЛ ПЛ и их переброску составными частями по речным и железнодорожным путям в действующие флоты. Так, под руководством А. были переброшены осенью 1942 г. малые ПЛ ПЛ из Черного моря на Север, весной 1944 г. — с Каспийского моря по Шекснинской системе, рекам Сухоне и Северной Двине в Архангельск 6 ПЛ ПЛ. С 1944 г. — начальник Научно-Технического комитета ВМФ, в сентябре 1946 г. реорганизованный в Центральный Научно-исследовательский институт военного кораблестроения. В 1945 г. работал в тройственной военно-морской комиссии по разделу бывшего германского флота — уполномоченный представитель СССР. Зам. начальника Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (1950). Госпремия (1943).

Награжден: 2 орденами Ленина (1935, 1945), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1950), орденом Отечественной войны 1 ст. (1945), Красной Звезды (1944) и медалями.

Похоронен на Серафимовском кладбище:

Аликов Иван Федорович

28.09.1925 г. х.С.Кондраши Солодчинского р-на Вологодской обл.

Русский. Вице-Адмирал (01.11.1980). На военной службе в КА с 1943 г., в ВМФ с 1947 г. Член партии с 1948 г. Окончил Военно-мор-

ское политическое училище им. А.А.Жданова (08.1947—08.1950), Военно-политическую академию им. В.И.Ленина (08.1954—08.1958), основной факультет Военной академии ГШ ВС (08.1966—06.1968), академические курсы при ВПА (1973).

Курсант 3-го военно-пехотного училища (Орджоникидзе, 1943), санинструктор 11 гв. вдбр (04.1943—01.1945), старшина роты 346 гвсп 104 гвсд 9 гв (01.1945—08.1947). А. принял участие в Великой Отечественной войне с 01.1945 г. После окончания училища — секретарь комсомольской организации УК «Комсомолец» (12.1950—04.1952), пом. по комсомольской работе начальника ПО бригады подводных лодок (04.1952—07.1954), пом. начальника ПО по работе среди комсомольцев дивизиона учебных кораблей ПЛ Кронштадтской ВМБ (07—08.1954).

После окончания академии — зам. по политчасти командира дивизиона опытовых ПЛ ПЛ бригады, строящихся и ремонтирующихся ПЛ ПЛ Беломорской ВМБ (08.1958—10.1960), зам. по политчасти командира ПЛ отд. бригады ПЛ (10.1960—04.1962). Инспектор отдела ПУ (04.1962—07.1965), 1-й зам. начальника ПО флотилии ПЛ ПЛ (07.1965—08.1966), начальник ПО — зам. по политчасти командующего эскадры кораблей СФ (07.1968—01.1973). Зам. начальника ПУ ЧФ (01.1973—10.1973), 1-й зам. начальника ПУ ЧФ (02.1975—12.1979). Начальник ПУ — член ВС БФ (12.1979—12.1985). В распоряжении ГК ВМФ (12.1985—05.1986). Контр-адмирал (08.05.1972). С мая 1986 г. в запасе.

Амелько Николай Николаевич

09(22).11.1914 г. Петроград.

Русский. Адмирал. На военной службе в ВМФ с 1931 г. Кандидат военно-морских наук (1965). Член партии с 1944 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (1931—1936), Высшую военную академию им. К.Е.Ворошилова (1954—1956). После окончания училища направлен в Разведуправление ГМШ. В январе 1938 г. репрессирован, в марте 1939 г. восстановлен в кадрах ВМФ. Командир электронavigационной группы (03.1939—04.1940), пом. командира (04.1940—02.1941) и с 08.02.1941 г. — командир УК «Ленинградсовет». Участник Советско-финляндской войны.

Великую Отечественную войну встретил в должности командира корабля «Ленинградсовет», на котором участвовал в переходе из Галлина в Кронштадт в августе 1941 г. Благодаря умению управлять кораблем, мужеству командира корабля и его личного состава ни одна бомба противника не попала в судно, выдержавшее более 100 налетов бомбардировщиков. Командир дивизиона сетевых заградителей ОВРа гл.базы БФ (01—09.1942), командир дивизиона катеров-тральщиков (09.1942—04.1943), командир дивизиона сторожевых катеров, катеров-тральщиков (04.1943—04.1945).

В послевоенный период — начальник штаба бригады траления (04.1945—04.1949). За этот период были очищены от мин значительные морские площади, уничтожено 545 плавающих мин, планы траления выполнены полностью, в чем большая заслуга и штаба бригады, руководимого А. Командир бригады ОВРа (04.1949—01.1952), начальник штаба (01.1952—09.1953), командир дивизии ОВРа 4 ВМФ (09.1953—11.1954). Начальник штаба (11.1956—06.1952), командующий ТОФ (06.1962—03.1969). Зам. ГК ВМФ по противолодочным силам — начальник противолодочных сил ВМФ (03.1969—03.1978). Помощник (03.1978—02.1979), заместитель (02.1979—1986) начальника ГШ ВС по ВМФ. Один из руководителей маневров «Запад-81». «За особые отличия, мужество, самоотверженность и высокое мастерство, проявленные при подготовке и проведении маневров», награжден орденом Нахимова 1 ст. С 1986 г. — в группе ген. инспекторов. Депутат Верховного Совета СССР 7—8 созывов. Ленинская премия (1980). Контр-адмирал (31.05.1954), вице-адмирал (10.05.1961).

Награжден: 3 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Нахимова 1 и 2 ст., орденами Отечественной войны 1 и 2 ст., Трудового Красного Знамени, 3 орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 ст., медалями, а также иностранными орденами и медалями.

Андреев Владимир Александрович

13(26).12.1904 г. станция Бухэду Восточно-Китайской железной дороги — 01.04.1994 г. Москва.

Русский, адмирал (27.01.1951), на военной службе в ВМФ с 1922 г. Член партии с 1925 г. Окончил Военно-морское подготовительное училище (1923—1924), Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (1924—1927), штурманский класс Специальных курсов командного состава ВМС РККА (1929—1930), командный факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова с отличием (10.1939—04.1941). Курсантом участвовал в первых Загранпоходах КР «Аврора» и УК «Комсомолец» (1924, 1925), слушателем СККС в плавании п/х «Волховстрой» вокруг Европы из Балтийского в Черное море (1930). С мая 1927 г. — командир взвода 2-го БФЭ, флаг-секретарь начальника МСБМ, с сентября 1930 г. — мл. штурман ЛК «Марат». С декабря 1932 г. — флагштурман бригады заграждения и траления, с декабря 1933 г. — командир МЗ «Теодор Нетто», с марта 1937 г. — начальник штаба, с мая 1938 г. — командир бригады траления и заграждения, с августа 1939 г. — командир ОВРа гл. базы ТОФ. Участвовал в боевых действиях против Японии в р-не оз. Хасан в 1938 г.

В Великой Отечественной войне с июня 1941 г. — начальник штаба эскадры кораблей ЧФ. Под его руководством штабэскадры разработал и провел первую крупную операцию по высадке морского десанта в с. Григорьевку в ночь на 22.09.1941 г. А. принимал непосредственное участие в высадке морского десанта в Феодосию в ночь на 30.12.1941 г. в качестве командира отряда кораблей артподдержки (2 крейсера, 3 эсминца), обеспечил прорыв в порт Феодосия и высадку десантников непосредственно на причалы и мол. В январе 1942 г. — командир отряда кораблей при высадке десанта в р-не Судака для поддержки осажденного Севастополя. С марта 1943 г. — зам. начальника Оперативного управления ГМШ. С апреля 1943 г. — командующий Северной Тихоокеанской флотилии. Участник советско-японской войны. 16.08.1945 г. во взаимодействии с войсками 16-й армии 2-го Дальневосточного фронта флотилия под непосредственным командованием В. вступила в боевые действия с противником. С освобождением Южного Сахалина моряки флотилии перебрасывали войска на о-ва Курильской гряды и 01.09 десант, высаженный на о-в Кунашир, завершил освобождение Курил от японских войск.

После окончания войны — командующий Сахалинской военной флотилией (11.1945—06.1946). Начальник штаба ЮБФ (12.1946—03.1947), командующий 4 ВМФ (03.1947—08.1952), заместитель (05.1953—12.1954), 1-й заместитель начальника ГМШ (12.1954—03.1955). Исп. должность командующего ЧФ (11—12.1955). Адмирал-инспектор ВМФ Гл. инспекции МО СССР (01.1956—01.1957). Начальник Военно-морской академии (02.1957—11.1960). Начальник тыла ВМФ (11.1960—04.1967). Контр-адмирал (1943), вице-адмирал (1944). С марта 1968 г. в отставке.

Награжден: орденом Ленина (1948), 3 орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1953), орденом Ушакова 1 ст. (1945), Нахимова 1 ст. (1944), Отечественной войны 1 ст. (1985), Красной Звезды (1984) и медалями.

Соч.: Моря и годы. М., 1982.

Антонов Леонид Иванович

29.07(11.08).1898 г. г. Белый ныне Смоленской обл. — 11.08.1948 г. Ленинград.

Русский, инженер-контр-адмирал (04.06.1940), доцент (20.04.1938). На военной службе в Русском флоте с 1914 г., в ВМФ с 1918 г. Окончил Петербургский электротехнический институт (1907—1914), Морское инженерное училище экстерном (1915), минный офицерский класс (1916). С 1915 г. — мл., ст. минный офицер на крейсерах «Громобой», «Россия», электротехник Северного р-на службы связи Балтийского моря. После Октябрьской революции ст. минный специалист ЛК «Гангут» (02.1918—05.1920), пом. флагманского механика Шлиссельбургской базы (05—11.1920), ст. минный специалист ЛК «Гангут» (11.1920—05.1921), флагманский электромеханик штаба МСБМ (05.1921—11.1923). С ноября 1923 г. — на преподавательской работе в Высшем военно-инженерном училище им. Ф.Э.Дзержинского. Штатный преподаватель (11.1923—05.1924; 10.1925—12.1932), пом. начальника учебного отдела (05.1924—10.1925), начальник кафедр электромеханики (12.1932—10.1939), электротехники (11.1939—02.1940). Зам. начальника училища по УНР (02.1940—10.1943), по учебно-строевой части (10.1943—01.1946), по УНР (01.1946—08.1948). В отставке с 08.1948 г.

Награжден: 2 орденами Ленина (1939, 1945), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1947) и медалями.

Автор учебников «Электротехнические измерения» (1925), «Синхронные машины» (1937).

Антонов Неон Васильевич

06(19).01.1907 г. село Красное ныне Люберецкого р-на ныне Московской обл. — 24.10.1948 г. Хабаровск.

Русский. Контр-адмирал (08.07.1945). На военной службе в ВМФ с 1926 г. Герой Советского Союза (14.09.1945). Член партии с 1941 г. Окончил Военно-морское училище им. М.В.Фрунзе (10.1926—04.1930), командный факультет Военно-морской академии им. К.Е.Ворошилова досрочно (01.1940—06.1941). После окончания училища направлен на Дальний Восток в морскую пограничную охрану. Вахтенный начальник посыльного судна (05.1930—02.1932), штурман (02.1932—09.1933), исп. должность командира «Воровский» (09—12.1933) 62 погранотряда. Пом. начальника штаба Амурской Краснознаменной военной флотилии (12.1933—04.1936). Командир СКР «Воровский» (04.1936—01.1940).

В Великой Отечественной войне воевал на Балтике. Командир дивизиона канлодок шхерного отряда (06.1941—01.1942). В августе

1941 г. — командир четвертого конвоя, предназначенного для перевозки войск, гражданского населения и грузов при переходе из Таллина в Кронштадт. Начальник штаба ОВРа флота (01—06.1942), начальник штаба отряда вновь строящихся кораблей (06—08.1942), начальник штаба Онежского отряда кораблей (08.1942—01.1943), начальник штаба (01.1943—01.1944), командующий Онежской военной флотилией (01—08.1944). А. лично проводил набеговые операции, флотилия отличилась при освобождении Петрозаводска. Начальник штаба Рижского морского оборонительного района (08—09.1944), командир ВМБ Порккала-Удд (09.1944—06.1945).

А. принял участие в советско-японской войне (1945). Командующий Амурской Краснознаменной военной флотилией (06.1945—10.1948), участвовавшей под его командованием в Маньчжурской операции, содействуя войскам 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов в боях на речных рубежах Амура, Уссури, Сунгари и оз. Хасан. А. дважды отмечен в приказах ВГК.

Трагически погиб.

Награжден: орденом Ленина (1945), 2 орденами Красного Знамени (1943, 1944), орденом Ушакова 2 ст. (1945), Красной Звезды (1940) и медалями.

Список сокращений

ЭМ — эсминец

СКР — сторожевой катер

ОВР — охрана водного района

БФ — Балтийский флот

ОЛС — отряд легких сил

МЗ — минный заградитель

УК — учебный корабль

ВМБ — военно-морская база

КЛ — канонерская лодка

СБФ — Северо-Балтийский флот

ЮБФ — Юго-Балтийский флот

ВМФ — Военно-Морской флот

БЧ — боевая часть

ПЛК — противолодочный корабль

БП — боевая подготовка

ТЩ — тральщик

ПЛ — подводная лодка

ПЛА — атомная подводная лодка

МО СССР — Министерство обороны СССР

ВСЮР — Вооруженные Силы Юга России

ДА — Добровольческая армия

СЗ — Северо-Западный

УГБ УНКВД ЛО — Управление государственной безопасности Управления Нарокомата Внутренних Дел по Ленинградской области

ГМШ — Главный Морской Штаб

СКК — Союзная Контрольная Комиссия

РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия

ТКА — торпедный катер	ЧФ — Черноморский флот
ТОФ — Тихоокеанский флот	ГК — Главнокомандующий
ВМА — Военно-морская академия	СККС — специальные курсы командного состава
БТКА — бригада торпедных катеров	МСБ — Морские Силы Балтийского моря
ТР — транспорт	УНР — учебная и научная работа
ВГК — Верховное Главнокомандование	КР — крейсер
АГШ — Академия Генерального Штаба	МПВО — местная противовоздушная оборона
ГШ — Главный штаб	ОН — особого назначения
УОПП — Учебный отряд подводного плавания	КПК — Комиссия по приемке кораблей
ПО — политический отдел	ПУ — политуправление
СФ — Северный флот	

Автор настоящей публикации считает необходимым внести дополнения к биографиям, опубликованным в первом номере журнала:

К биографии П.С.Абанькина:
после фамилии “Г.А.Степановым” следует “Л.М.Галлером”.

К биографии В.А.Алафузова:
“Похоронен на Серафимовском кладбище”.

В третьем номере публикация будет продолжена. Одновременно мы начнем давать биографии военно-морских атташе до 1945 г.

РУССКИЙ СКАУТЪ

Хроника, факты, сообщения

Гл. редактор — начальник 38-го сводного отряда Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского ОРЮР инс. Кирилл Александров — «Львенок»

Организация Российских Юных Разведчиков — ОРЮР

Центрально-Российский отдел
Северо-Западный район
(с 21.08.94 г. — Северо-Западный отдел ОРЮР)

С 18 по 29.06.1994 г. на Ладожском озере на о.Коневец прошел лагерь 1-й Санкт-Петербургской дружины «Санкт-Петербург», в котором приняли участие 35-й сводный отряд Св. Бл. Ксении Петербургской, 37-й сводный отряд Белого Генерала Михаила Скобелева, 39-й сводный отряд Св. Апостола Андрея Первозванного и отряд морских скаутов скм. А. Траппера. Численность лагеря более 50 чел.

С 03 по 19.07.1994 г. на плато Караби в Крыму силами 1-й дружины ОРЮР «Санкт-Петербург» прошел еще один лагерь, в котором принимали участие более 30 чел. вышеуказанных отрядов. Руководители лагеря — инс. Петр Тищенко, инс. Андрей Клочко и др.

С 29.06 по 11.07.1994 г. на берегу Ладожского озера прошел объединенный лагерь 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крым» и 3-й Санкт-Петербургской дружины «Павловск», численностью около 40 чел. Были представлены 40-й сводный отряд Генералиссимуса А.В.Суворова, 18-й сводный отряд адм. А.В.Колчака, звено ген. Дроздовского 8-го сводного круга ген.-губ. М.А.Милорадовича. Руководители лагеря: шин. Александр Пашехонов и шин. Юрий Звягин.

С 20.07 по 06.08.1994 г. в заповеднике Малый Утриш под Анапой прошел юбилейный слет, посвященный 85-летию русского скаутизма (1909—1994 гг.). Участвовало более 600 человек, включая представителей ОРЮР из Русского Зарубежья (США, Австралия). От С.-Петербурга участвовали представители 1-й дружины (42 чел.), 2-й дружины (3 чел.), 3-й

дружины (более 25 чел.). Руководители слета: инс. Юрий Носенко, Ст.скм. ОРЮР Михаил Данилевский, скм. Алексей Захарьин, шин. Александр Пашехонов, инс. Андрей Клочко, инс. Наталья Полякова и многие другие.

С 31.07 по 19.08.1994 г. у пос. Соколиное под Севастополем в Крыму прошел 9-й отрядный лагерь 38-го сводного отряда Генерального штаба ген.-м. М.Г.Дроздовского «Дроздовъць» (2-я Санкт-Петербургская дружина «Крым»). В лагере принял участие 27-й сводный отряд Е.И.В., флигель-адъютанта, кап. 1 р. А.И.Казарского 1-й севастопольской дружины ОРЮР «Севастополь»; Численность лагеря более 60 чел. Руководители лагеря: инс. Кирилл Александров, вит. Александр Миронов, шин. Сергей Ревин, вит. Максим Королев и др.

С 11 по 20.08.1994 г. под С.-Петербургом прошел 1-й Всероссийский Курсы для Руководителей под руководством Ст. Скм. ОРЮР Михаила Данилевского. В КДР приняло участие 25 чел.

С 03 по 09.11.1994 г. в Введенооятском монастыре под Волховом прошел лагерь 1-й Санкт-Петербургской дружины «Санкт-Петербург». Численность лагеря — 30 чел. Руководитель лагеря — инс. Петр Тищенко.

С 03 по 08.11.1994 г. в пос. Можайское под Красным Селом прошел 10-й отрядный лагерь 38-го сводного отряда Генерального штаба ген.-м. М.Г.Дроздовского «Можайское». В лагере приняло участие звено ген. Дроздовского 8-го сводного круга ген.-губ. М.А.Милорадовича. Численность лагеря — более 30 чел. Ру-

ководители: инс. Кирилл Александров, шин. Юлия Ефимова и др.

20.11.1994 г. в С.-Петербурге прошел съезд руководителей СЗО ОРЮР. Начальником СЗО ОРЮР избран инс. Андрей Клочко — «Ястреб». «Русский скаутъ» поздравляет его и желает успешной работы.

26.11.1994 г. исполнилось 3 года со дня рождения в Санкт-Петербурге 38-го сводного отряда Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского. За три года дроздовцы провели самостоятельно 9 лагерей, 9 биваков, ведут постоянную активную работу в городе. Благодаря руководителям Дроздовского отряда возникли несколько других единиц ОРЮР.

25.11.1994 г. в помещении подросткового клуба «Искра» состоялось празднование 3-й годовщины Дроздовского отряда ОРЮР. На юбилей собрались почти все дроздовцы, которых тепло поздравляли представители других единиц и соединений Санкт-Петербурга и области. Праздник завершился большим песенным кругом и торжественным общим исполне-

нием гимна Дроздовского отряда ОРЮР — марша 2-го офицерского стрелкового ген. М.Г.Дроздовского полка.

С 04 по 09.01.1995 г. в Новгороде прошел 10-й отрядный лагерь «НОВГОРОДЪ» 38-го сводного отряда Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского, 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крымъ» ОРЮР (начальник лагеря — инс. Кирилл Александров — «Львенок»). Общее количество участников — около 30 человек. В программе лагеря — занятия по 3-му и 2-му разряду ОРЮР, БРИ, празднование Рождества Христова, помощь в становлении новгородского отряда ОРЮР.

На Рождественских каникулах 1995 г. в Волхове прошел Рождественский разведческий фестиваль ОРЮР, организатором которого выступил 40-й отряд Генералиссимуса А.В.Суворова, 3-й Санкт-Петербургской дружины «Павловск». В фестивале приняли также участие представители 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крымъ». Руководитель фестиваля — инс. Александр Пашехонов — «Балу».

Примечание: штаб-инструктор Юрий Звягин (с 19.08.1994 — инструктор ОРЮР) — «Большой Лохматый Пес», с 14.01.1994 г. является начальником 2-й Санкт-Петербургской дружины «Крымъ» ОРЮР.

«РУССКИЙ СКАУТЪ»

обращается с просьбой ко всем руководителям и членам ОРЮР, НОРС, НОВ, «Русского Сокола» и др. национальных неполитических организаций присылать информацию о своей текущей работе для публикации. Принимаются также бесплатные объявления, сообщения, краткие исторические очерки.

Верные своему обещанию, данному в № 1 «Нового Часового», мы начинаем рассказ и о других национальных организациях культурно-воспитательного характера России и Русского Зарубежья. Сегодня мы публикуем материал Р.В.Полчанинова, касающийся истории русского сокольства (см. биографическую справку о скм. Р.Полчанинове в комментариях к воспоминаниям Я.А.Трушновича)

Русский Сокол

Ростислав Полчанинов

К истории русского сокольства в США

Гонимые за океан экономическими причинами, а зачастую преследуемые за свои прорусские убеждения, русины попадали по прибытии в США на самые тяжелые работы, главным образом на шахты и в сталелитейную промышленность. Это было в середине 1870-х гг., когда американские законы были на стороне в первую очередь хозяев, в не рабочих.

На помощь русинам — так именовали тогда и карпатороссов, и галичан, — пришла на помощь греко-католическая церковь (униатская). В 1884 г. в США прибыл о.Иван Воланский, который энергично взялся за национальную и церковно-общественную работу. Повсеместно стали создаваться общества взаимопомощи, называвшиеся братствами. В 1892 г. в

Уилкс–Барре в Пенсильвании состоялось объединение этих прицерковных обществ в Соединение греко–католических русских братств. Расширение и углубление культурно–просветительной деятельности в Чикаго способствовало тому, что в июне 1910 г. на XI съезде Соединения было решено создать для членов последнего в возрасте от 14 до 30 лет «Угро–русский сокол».

Основателем «Американского русского сокола Соединения», как эта организация вскоре стала именоваться, был Петр Мачков. По случаю 25–летия русского сокольства в США П. Мачков написал статью в «Календаре Американского русского сокола Соединения» за 1936 г. Статья была напечатана на русском языке, но латинскими буквами, по словацкой орфографии, с примесью русинских слов и оборотов. В ней было сказано (цитирую с сохранением орфографии):

“Братья соколы и сестры соколки! 1935–го года, мисяца юния, исполнилося 25 лит от основания Сокольского отделения Соединения греко–католических русских братств в Америке. Мы, соколы–соколки с великой радостью отпраздновали наш серебряный (25–литний) юбилей... Мисяц юний будет нашему русскому сокольству в Америке навсегда радостным и памятным, по той причине, что мисяца юния 1910–го года в свитовом городе Чикаго, Илл., заложилоса наше Сокольское отделение Соединения, с той целью, чтоб нашего американского карпато–русского народа дити не сталися в Америке добычей чужих организаций–ассекураций [организаций взаимопомощи. — Р.П.], и таким способом не были нишчителями [уничтожателями. — Р.П.] всего того, что было и есть русскому народу родным, милым и святым!”

Под “чужими организациями–ассекурациями” П. Мачков имел в виду не только организации украинских сепаратистов, с которым русины–русофилы вели упорную постоянную борьбу, но и словацкие организации взаимопомощи, которые по чисто экономическим причинам привлекали русинов в свои члены.

Вскоре после основания Сокольского отделения официальный орган Соединения греко–католических русских братств — «Американский русский вестник» — стал выходить со специальным сокольским приложением. В 1910 г. было основано 12 обществ с общим числом членов 262, а в 1914 г. русских соколов и

соколов в США насчитывалось уже в десять раз больше — 110 обществ с общим числом 2625 членов.

В связи с этим было решено для соколов издавать отдельную газету — «Сокол Соединения», с 1918 г. начали издаваться и сокольский настольный календарь. Первый русский сокольский слет с участием нескольких тысяч соколов и соколов был устроен в США в 1920 г. в Трентоне (Нью–Джерси).

В 1921 г. при Соединении русских православных братств были созданы свои сокольские общества. Если Сокол Соединения греко–католических братств принимал в свои ряды только униатов, то членами сокола при Соединении русских православных братств могли стать только православные.

Среди карпатороссов–униатов сокольство пользовалось немалой популярностью и в 1935 г. насчитывало около 20000 членов; нельзя сказать того же о православных карпатороссах.

В 1932 г. в Нью–Йорке русские эмигранты, приехавшие в США уже после окончания Гражданской войны в России, создали свое сокольское общество. В кратком обзоре истории сокольского движения, составленном Б. Н. Сергеевским по материалам В. М. Т. (вероятно, В. М. Ткачева), о деятельности общества в Нью–Йорке было сказано: “Сначала общество развернуло свою работу широко. На первый слет, устроенный обществом, прибыло из штата Нью–Джерси около 200 карпаторусских соколов. Выступали и чешские сокола. Присутствовали и представители польского сокольства”. Но в последнем письме из Нью–Йорка, полученном в Белграде в 1940 г., читаем: “Нас здесь очень мало”.

После вступления США во Вторую мировую войну в стране начался массовый набор в армию, и сокольская деятельность замерла. Не исключено, впрочем, что малочисленное общество русских соколов–эмигрантов и не дожило до начала мобилизации молодежи призывного возраста. Возможно, из–за враждебности к сокольству большинства православных карпатороссов их сокольские общества тоже перестали существовать еще в конце 30–х годов, но почему к концу войны от 20–тысячного карпаторусского униатского сокольства ничего не осталось, понять трудно.

До 1952 г. «Американский русский вестник» выходил на более или менее литератур-

ном русском языке, равно как и «Сокол Соединения», и сокольский календарь. Все эти издания были не только антикоммунистическими, но и монархическими. Начиная с 1953 г., «Американский русский вестник» стал выходить по-английски под названием «Грик католик Юнион месенджер» с одной только страницей на русском или русинском языке. Несмотря на переход на английский язык, до 31 декабря 1980 г., пока редактором был Михаил Роман, это издание стояло твердо на общерусских позициях, однако сменивший Романа редактор Фредерик Петро переменял направление на так называемое русинофильство.

Нельзя сказать, что не было попыток возродить русское сокольство среди карпатороссов-униатов. В 1960 г. было решено переименовать название приложения к «Грик католик

юнион месенджер» — «Джимнастик секшн» на «Сокол секшн». В 1967 г. членом правления Соединения был Джордж Батыко, именовавшийся «сокольским президентом». Но от сокольства осталось только одно воспоминание — ежегодный «Сокольский день», превратившийся в пикник. Как мне писал в 1987 г. Ф.Петро, у молодежи «кегли и гольф заменили занятия гимнастикой».

Если бы не приезд в США в 1940-х и 1950-х гг. русских соколов из Европы, то последняя страница русского сокольства в США уже давно бы закрылась. Однако новоприехавшие создали сокольские общества в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско и неоднократно, хотя и безуспешно, пытались создать русское сокольское общество в Нью-Йорке.

38-й сводный отряд скаутов-разведчиков ОРЮР Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского и Национальное Объединение Дроздовцев С.-Петербурга сообщают, что от семьи Георгиевского кавалера, подполковника Дроздовской дивизии Русской армии Н.Н.Боровского (Аргентина) поступило 30 долларов США в фонд сбора средств на сооружение памятника обелиска ген. Дроздовскому и всем его воинам.
Приносим ей свою глубокую благодарность.

Национальное Объединение Дроздовцев сообщает, что в июле 1994 г., через полномочного представителя НОД в Нью-Йорке, В.Г.Бортневского, упорядочено производство и порядок ношения формы дроздовцев. Председатель НОД в Санкт-Петербурге полк. Ю.О.Звягин, является пока единственным, имеющим право на производство в чины 2-го Офицерского ген. М.Г.Дроздовского полка до капитана включительно.
Все иные "производства", равно как и "самопроизводства", считаются недействительными.

Северо-Западный отдел Организации Российских Юных Разведчиков сообщает, что заявки на участие взрослых и детей в весенних и летних лагерях ОРЮР следует подавать: в весенних — до 01.03.1995 г., в летних — до 01.05.1995 г. на адреса «Русского скаута» в «Новом часовом».

На лето 1995 г. намечены предполагаемые Курсы Начальников Единиц Северо-Западного Отдела (в Ленинградской области) и Курсы для Вожаков в Севастополе (2-я Санкт-Петербургская дружина «Крым»). Заявки на КНЕ и КДВ посылать в «Русский скаут» до 01.04.1995 г.

От Национального Объединения дроздовцев

1(14) января 1992 г. усилиями и тщанием скаутов-дроздовцев и чинов Национального Объединения Дроздовцев С.-Петербурга на Новодевичьем кладбище был установлен памятный знак в память Генерального штаба генерал-майора М.Г.Дроздовского и всех его воинов. Знак был освящен о.Сергием Перекрестовым, настоятелем храма Новомучеников и Исповедников Российских прихода Русской Православной Церкви (заграницей). Дроздовский крест являлся единственным и скромным напоминанием об участниках Белого движения в С.-Петербурге.

В конце марта 1994 г. он был сломан неизвестными и предан поприанию.
31 марта (13 апреля) 1994 г., после панихиды по Командующему Добровольческой Армией генералу Л.Г.Корнилову, дроздовцами при участии чинов Корниловского объединения был воздвигнут новый, более массивный, крест и освящен о.Сергием в сохранение памяти о генерале Дроздовском.

22 сентября (5 октября) 1994 г. памятный Дроздовский крест был спилен...
"дабы не потакать и не возводить раскола".

Мы скорбим и поражены кощунством деяний, свершенных в ослеплении и гневе людьми, называющими себя православными.

Редакция журнала «Новый Часовой» приносит свои глубокие извинения семье кап. В.В.Орехова за использование его имени в названии общественного фонда журнала без согласия семьи покойного и сообщает об изменении названия фонда. Отныне он именуется «Общественным фондом журнала «Новый Часовой»».

ВНИМАНИЕ!

В октябре 1994 г. в серии «Библиотека русского военно-исторического журнала «Новый Часовой»» вышла книга протоиерея Дмитрия Васильевича Константинова

«Записки военного священника»

(2-е издание, С.-Петербург, 1994 г.)

В «Записках» освещается один из малоизвестных сюжетов русской военной истории — духовное окормление и священство в частях Вооруженных Сил Комитета Освобождения Народов России ген.-л. А.А.Власова.

Книга снабжена предисловием и комментариями К.М.Александрова, многие из которых, в частности, подлинные и фактологически точные биографии высшего командного состава ВС КОНР, публикуются впервые.

Тираж издания невелик, поэтому книга поступит в продажу в ограниченном количестве.

Заказы высылать по адресу редакции, справки можно получить по указанным телефонам Независимой Гуманитарной Академии и Языкового Центра филологического факультета СПбГУ.

Оптовым покупателям — скидка 15% от общей стоимости партии.

Русский военно-исторический журнал «НОВЫЙ ЧАСОВОЙ» № 3

В редакционном портфеле журнала находятся и готовятся к печати:

- новые материалы о развитии русской военно-конструкторской мысли;
- исследования и сообщения о судьбах военнопленных в годы Второй мировой войны, международно-правовых аспектах военной истории, русском военном духовенстве, о разведывательной и контрразведывательной деятельности в Вооруженных Силах Юга России и др.;
- продолжение публикаций в рубрике «Персоналии»;
- документы к 50-летию окончания Великой Отечественной войны: штрафные батальоны в 1943 г., насильственные репатриации и выдачи в 1945—46 гг., Пражская операция 1945 г. и др.;
- воспоминания очевидцев выстрелов у пос. Майнила 26 ноября 1939 г.;
- писатель М.А.Булгаков в Добровольческой армии;
- традиционные рубрики: «Наши интервью», «Русский скаут»;
- забытые интересные материалы русской военной зарубежной печати и иные материалы, которые, как мы надеемся, представят интерес для нашего читателя.

В 1994 г. вышел из печати 5-й номер историко-документального альманаха «РУССКОЕ ПРОШЛОЕ», издаваемый Независимой Гуманитарной Академией Санкт-Петербурга. В нем опубликованы следующие материалы:

- Православная Российская Церковь в годы первой русской революции;
- А.В.Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И.Гучкова, А.Д.Протопопова, П.Б.Струве;
- Адмирал А.В.Колчак и гибель линейного корабля «Императрица Мария»;
- Кубань и Добровольческая Армия в 1918—1919 гг.;
- «Ставя Родину выше лиц...» (из архива генерала И.Г.Барбовича);
- Г.А.Князев. Из записной книжки русского интеллигента (1919—1922 гг.);
- Родина и эмиграция: стенограмма публичного доклада В.А.Мякотина в Париже (январь 1926 г.);
- В огне войны. Русская православная церковь в 1941—1945 гг. (по материалам Ленинградской епархии);
- «Будут немедленно преданы суду Военного Трибунала...» (Из истории интернирования гражданского населения Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии и Югославии в 1944—1945 гг.);
- «Германская» политика России и французская гегемония (дипломатическая записка 1804 г.);
- *Русский зарубежный Некрополь*: Российские военные моряки и военные летчики на кладбище Сен-Женевьев де Буа;
- Светлой памяти Н.А.Поссе.

Заявки на приобретение № 5 «РУССКОГО ПРОШЛОГО» просьба направлять главному редактору В.Г.Бортневскому (адрес в США — 3066 Emerson str., Palo Alto, CA, 94306, USA) и ответственному редактору А.В.Терещуку (телефон в С.-Петербурге: 296-13-87; либо в редакцию «НЧ»).

НОВЫЙ ЧАСОВОЙ
Русский военно-исторический журнал

Технический редактор Ю. Ю. Таурина

Художник Е. А. Соловьева

ЛР № 030078 от 20.08.91. Подписано в печать 21.12.94. Формат 60×84¹/₈. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,18
Тираж 1000 экз. Заказ № 1
Издательство «Logos». 190000, С.-Петербург, пер. Пирогова, 18

Оригинал-макет подготовлен в издательстве Языкового Центра филологического факультета СПбГУ.
Российская Федерация, 197198, С.-Петербург, Мытнинская наб., 5/2.
Отпечатано с оригинал-макета в ГППП-3. 191104, С.-Петербург, Литейный пр., 55.

Издательство «LOGOS»
(Санкт-Петербург)

К 300-летию РОССИЙСКОГО ФЛОТА

выпустило в 1993—1994 годах

многокрасочные альбомы:

1. «Знаки и жетоны Российского Императорского флота. 1696—1917»

авторы: В. Д. Доценко, А. Д. Бойнович, В. А. Купрюхин

2. Русский морской мундир. 1696—1917»

авт. В. Д. Доценко

Издательство «LOGOS»
(Санкт-Петербург)

К 300-летию РОССИЙСКОГО ФЛОТА

готовит к изданию:

1. «Русский морской биографический словарь»
авт. В. Д. Доценко
Выпуск планируется на 1995 год
2. «История Российского флота. 1696—1996»
авт. В. Д. Доценко
Выпуск планируется на 1996 год
3. «Русский морской костюм. 1917—1996»
авт. В. Д. Доценко
Выпуск планируется на 1996 год

«Новый Часовой» приносит глубокую благодарность всем своим друзьям и читателям за поддержку словом и делом в очень трудное для нас время.

Полное погашение долга за выпуск № 1 «Нового Часового» и выход № 2 стали возможны во многом благодаря жертвенной помощи друзей журнала.

На ноябрь 1994 г. в «Общественный фонд журнала «Новый Часовой»» поступили пожертвования:

от *Н.Л.Казанцева* (США), *Й.Хоффманна* (ФРГ), *М.М.Борель* (внука ген. М.В.Алексеева, Аргентина), *А.Р.* (Россия), а также все средства, вырученные от продажи книги прот. Д.В.Константинова «Записки военного священника», открывшей «Библиотеку «Нового Часового»»

Подчеркиваем, что наш журнал — безгонорарное издание, существующее исключительно на общественные средства.